

ТАЙНЫ

Век XX

Анатолий Полянский

ВЗРЫВ

СМЕРТНЫЙ
ПРИГОВОР

СЕЛО
МИЛОСЕРДИЯ



ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах



ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

Анатолий Полянский

ВЗРЫВ

**СМЕРТНЫЙ
ПРИГОВОР**

**СЕЛО
МИЛОСЕРДИЯ**

КТЕРРА

МОСКВА

ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ

1999

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
П54

Полянский А.
П54 Взрыв; Смертный приговор; Село милосердия: Повести. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. — 336 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-02652-2

Три повести Анатолия Полянского, посвященные героическим событиям прошлого, основываются на реальных фактах.

«Взрыв» — трагическая страница войны в Афганистане. «Смертный приговор» рассказывает о вооруженном противостоянии в Приднестровье. «Село милосердия» — повесть о судьбе подпольного госпиталя, созданного на оккупированной немцами территории.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02652-2

© А. Полянский, 1999
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

ВЗРЫВ

По поводу событий в Бадаберском лагере подготовки моджахедов ходят самые вздорные слухи. В действительности же там ничего особенного не произошло. По информации лидера партии «Исламское общество Афганистана» Бархануддина Раббани, в чьем подчинении находится вышеуказанный центр, в крепости Бадабера 25 апреля 1985 года имело место вооруженное столкновение двух враждующих группировок его организации. В результате среди борцов за веру имеются убитые и раненые. Подробности случившегося будут опубликованы дополнительно.

Из сообщения исламабадской газеты

Никакой информации в печать о событиях в лагере Бадабера 26—27 апреля 1985 года не давать. Данный район блокировать войсками и никого из посторонних туда не пускать. Полностью конфисковать выпуск пешаварского журнала «Сафар», опубликовавшего искаженное сообщение о событиях в крепости Бадабера.

Из приказа генерал-губернатора Северо-Западной пограничной провинции Пакистана Фазиль Хака

Комментировать события в районе Бадабера СЗПП Пакистана 26—27 апреля 1985 года не можем из-за отсутствия осведомленности по данному вопросу, входящему в компетенцию руководства партии «Исламское общество Афганистана».

Из ответа пресс-центра кабинета министров Исламской республики Пакистан на запрос советского посольства

Прапорщик Пушкин Николай Николаевич, старшина роты 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, беспартийный, русский, 1955 года рождения, призван Балашихинским РВК Московской обл., пропал без вести при выполнении боевого задания в провинции Парван 5 марта 1985 года.

Николай очнулся на рассвете...

Есть такой момент на границе тьмы и света — точка росы, когда ночь на исходе, а день еще не наступил. Уловить его глазом невозможно, разве что кожей ощутить.

Сознание возвращалось медленно. Николай глубоко вдохнул густой от влаги воздух, попробовал шевельнуться. Утратившее остроту восприятия тело отозвалось тупой болью. Неярко, нечетко память возвращала в происшедший кошмар.

...Узкое, разрезавшее горы ущелье, ошетинившееся створами зенитно-горных установок. Вырубленные в скалах ниши для ящиков с боеприпасами. Длинный язык красно-каменистого плаца... Николай не сразу догадался, куда попал. Видел похожее на аэрофотоснимках? Или читал в листовке?.. Вспомнил: это знаменитая Джавара. Крупнейшая база моджахедов на севере Пакистана.

Еще тогда мелькнула мысль: зачем так далеко? Если намеревались прикончить, не стоило тащить по горам несколько дней. Буквально — тащить... В какой-то момент у Николая отказали ноги. После контузии в Панджширской операции он месяц провалялся в госпитале. Сказали, от удара в позвоночник может наступить паралич. Ошиблись. Отлежался, очухался и вернулся в часть на радость товарищам. Побаливала спина, по утрам немели ноги, но воевать было можно. А тут,

когда схватили... Сначала шел — несколько часов — потом упал, и все, никакие побои не смогли поднять с земли.

Прикрутили гады ремнями к мулу и потащили дальше. Зачем?.. Он приготовился к допросам. Постарался приучить себя к мысли, что станут пытать. Знал точно: не унизится, не выдаст, не сообщит. Но то, что произошло... То, что произошло...

Картины — одна страшнее другой — вспыхивают перед глазами, обжигают веки.

С него срывают одежду. Голым волокут по земле. Камни режут кожу, оставляя кровавые полосы. Его прижимают к столбу, руки, с хрустом выворачивая плечевые суставы, прикручивают проволокой. Ноги — тоже. И он провисает кулем, пронзенный болью, как током.

Вокруг — беснующаяся толпа, ревущая, прыгающая, потрясающая кулаками. К теряющему сознание беспомощному человеку подскакивает то один, то другой, выплевывая, изрыгая проклятия на ненавистного кяфира¹.

Время остановилось. Когда же конец? Придет ли забытье?.. Но нет, Николай слышит. Слышит заунывный крик муэдзина, призывающего мусульман на молитву. Сквозь мутную пелену, застилающую глаза, видит: к ногам подтаскивают упирающегося барана. Взмах сверкающего лезвием ножа — из перерезанной глотки животного хлещет кровь. Черно-красная струя, пенясь, бьет в подставленный тощим оборванцем таз. По очереди степенно подходят «духи». Опустив руку в медную посудину, мажут себе кровью лицо. Невнятное, глухое, враждебное бормотание сотен людей плывет над лагерем...

К горлу Николая подступает тошнота. Намаз на крови... Об этом варварском обряде рассказывал знакомый офицер, побывавший у «духов» в плену и чудом оставшийся в живых. Намаз на крови совершается в отмщение за убитых.

Все двоится, расслаивается, тускнеет. Уплывают звуки, исчезают искаженные злобой лица. В спасительном беспмятстве размываются очертания гор. Уходит боль...

Это произошло вчера. Невероятно, но Николай все еще жив, и первое, что реально ощутил, когда очнулся, — страшное разочарование: зачем он жив?.. Тело, облепленное москитами, чужое. Душа — униженная, растоптанная — стонет.

Проснувшийся лагерь постепенно оживает. Смутными тенями, гудящей серой массой заполняется площадь. Уходит из расщелин темнота, обнажая пепельно-белесые склоны.

К подножию столба подбегает босоногий мальчишка в драгой рубашонке. В его руках медный, начищенный до золотого сияния таз. Тот самый — Николай узнал... Вчера в него спу-

¹Кяфир — неверный. (Здесь и далее — фарси.)

скали кровь жертвенного барана. Сегодня очередь кяфира. Для этого и доставили в Джавару. Моджахедам всего-то нужно — несколько литров его — ЕГО — крови.

Скорей бы! Все чувства перегорели. Ни ужаса, ни отчаяния, ни страха. Николай отвел взгляд от мальчишки, от толпы. Поднял глаза кверху. Помолиться бы, да не знает как, не умеет. Дед когда-то пытался к Библии приохотить. Сажал вну-чонка на колени и рассказывал жития святых. Бог, говорил, если даже в него не веришь, все едино в каждой живой душе находится...

Как мало все-таки прожито. Тридцать лет. Если вычесть из них школьные годы, что останется? Как говорится, ни дерева не посадил, ни сына не вырастил... Не станет больше прапорщика Николая Пушника. Потеря для вселенной, конечно, небольшая, но призвание свое, хоть и поздно, он таки нашел, став старшиной роты...

Опустеет теперь дом родной. То хоть в отпуск приезжал. Его всегда ждали. Теперь не пройти больше по желтым скрипучим половицам, не залезть на русскую печь. В красном углу с незапамятных времен иконы висят, дед строго следит, чтоб лампадка не гасла. Постоять бы сейчас подле иконописных ликов, глядящих хоть и сурово, но по-доброму. Постоять бы, подумать о сущем и вечном.

Печаль заполняет его. Печаль и скорбь. Жаль близких. Сам-то был — и не станет. Господи, а как же мать? Она сердечница, сляжет и не поднимется. Отец покрепче. Отечественную прошел. Но винить себя будет всю жизнь. Это ведь батя сказал: оставайся-ка, сынок, в армии, почетнее нет дела для мужика — Родину защищать. Николай тогда, после срочной, на распутьи стоял. Будущее представлялось зыбким, неопределенным. А на службе все надежно: ни упасть не дадут, ни пропасть; накормят, оденут, к делу приставят. Вот и пошел в школу прапорщиков. Вот и нашел свою тропу...

Колышется людское море. Все громче, ближе гортанный прибой голосов. Намаз до восхода — самый длинный, состоит из сорока стихов Корана, — об этом рассказывал лектор на политзанятиях. Длится он верных полчаса. Последние полчаса отмеренной ему жизни.

«Духи», подходившие к столбу, вели себя иначе, чем вчера. Они складывали на груди руки, почтительно кланялись и, вскидывая глаза, что-то шептали. Перед мусульманами висел теперь на столбе не просто кяфир, а жертва, угодная Аллаху. Догадка эта не вызвала у Пушника ярости. Происходящее его как бы не касалось. Последнее, о чем можно бы пожалеть: зачислят старшину роты без вести пропавшим. А это, как клеймо, — то ли жив человек, то ли нет; или погиб, как подобает солдату, или струсил, сдался, подонок, в плен добровольно...

Вдалеке послышался рокот двигателя. Николай вздрогнул. Показалось, идет «вертушка». А вдруг! Вспыхнула сумасшедшая надежда. Вдруг свои! За ним! Разгонят толпу огнем и...

«Джип» вывернул из-за скалы, не сбавляя скорости, промчался через плац, заставив толпу поспешно освободить дорогу.

Николая оставили последние силы. Мгновенный переход от надежды к отчаянию не прошел бесследно.

Тем временем «джип» остановился у столба. В кузове без тента, тесно прижавшись, сидели восемь человек в одинаковых грязно-серых балахонах. Рядом с водителем девятый в белоснежной чалме. Черная окладистая борода, пышные усы, большие глаза-маслины под широкими бровями — все было ярко, но и благообразно. Разве что взгляд, вскользь брошенный на распятого неверного, показался злобным, да ноздри, почуявшие запах крови, нервно подрагивали.

«Еще один приехал полюбоваться мучениями жертвы Аллаха», — подумал Пушник. С трудом разлепив набрякшие веки, он взглянул в холеное лицо чернобородого, который вышел из машины и широкими жестами благословлял толпу. Движения его были плавными, величественными, исполненными достоинства. Мягко огладив бороду ладонями, он простер руки к небу. Вокруг все расступились, склонившись в поклоне, выражая тем самым приехавшему особое почтение.

Чернобородый что-то сказал. Сидевшие в кузове «джи́па» выпрыгнули из машины, окружили хозяина. В руках автоматы, на поясах — гранаты, ножи, пистолеты... Чернобородый покосился на ритуальный помост, качнул массивной головой. Трое охранников бросились к столбу. Один вскарабкался наверх, несколькими взмахами кинжала перерубил проволоку. Пушник, как сноп, рухнул вниз. Но упасть на землю ему не дали. Подхватили на лету и понесли к машине.

Толпа взревела. У душманов отбирали угодную Аллаху ритуальную жертву — такого оскорбления они, похоже, не собирались простить даже столь высокопоставленному лицу.

Николай с ужасом наблюдал за происходящим. Он, когда его вдруг сняли со столба, будто с того света вернулся. Но теперь его неожиданный освободитель сам попал в сложное положение. Казалось, еще мгновение, и озверевшая толпа сомнет охрану, схватит свою жертву, расправившись заодно с теми, кто хотел ее отобрать.

Однако чернобородый не дрогнул. Презрительно оглядев толпу, он подал знак командиру охраны. Тот выступил вперед, крикнул: «Нис!»¹ Подняв автомат, дал поверх голов длинную очередь. Николая тем временем завернули в брезент, уложили

¹Нис — нет.

на дно кузова. Следом туда попрыгали охранники. «Джип» сорвался с места и помчался, набирая скорость.

Машину мотало из стороны в сторону. Голова пленного болталась меж сапогами и автоматами. Николай провалился в черную без дна яму...

Прикосновение чего-то мокрого и холодного, приятно щекощущего возвратило из небытия. Сквозь мокрые ресницы Николай увидел сухонького старичка с редкой бороденкой. Сосредоточился на его обнаженных до локтя руках — худых, пергаментно-желтых, с большими ладонями и длинными костлявыми пальцами. Старик смачивал большой ком ваты в стеклянной чаше с розовым раствором и тщательно обтирал расprostертого на кровати Николая. В воздухе стоял запах спирта, камфары и еще чего-то, похожего на мяту или тмин.

Увидев, что его подопечный открыл глаза, старик улыбнулся. Раскосое растрескавшееся, как высушенная зноем земля, лицо его было покрыто глубокими бороздами морщин. Старик что-то залопотал, показал знаками: нужно перевернуться на живот. Николай повиновался. Ощущение, будто с него счищают коросту и тело обновляется, наполняло счастьем.

Осмотревшись, прапорщик увидел, что лежит в комнате с зашторенными окнами. Постель, покрытая белоснежной простыней, вызвала блаженное состояние покоя и умиротворения.

Старик закончил обтирание спины, снова попросил повернуться. Схватившись за кисть левой руки, плетью свисавшей с кровати, он резко, с вывертом, дернул ее книзу. Николай вскрикнул. Боль была острой, но терпимой, — врачеватель, по-восточному табиб, видимо, знал свое дело прекрасно.

После ухода табиба Николай задремал. Стало легко и спокойно. Горечь плена, терзавшая его предшествующие дни, как-то притупилась. Даже злость на Сергеева, по чьей милости рота попала в засаду, и та потеряла остроту. Старлея подвела самонадеянность, на войне сравнимая разве что с глупостью. Мальчишка, рано ему надели офицерские погоны и доверили командовать людьми... Николай отчетливо вспомнил лицо старлея, когда прощался с ним на перевале. Обычно холодное, высокомерное, оно стало жалким, растерянным, в глазах — мука. Сергеев уходил из проклятого ущелья с оставшимися в живых. У него было будущее. А Пушкин оставался, чтобы прикрыть отход. И каждый прекрасно сознавал, что прапорщик обречен...

Дверь внезапно распахнулась. В комнату проскользнул человек. На впалых щеках его пучками проступала щетина, сгущавшаяся на подбородке и у верхней губы. Выпирающие скулы, приплюснутый нос и бегающие глазки делали лицо если не безобразным, то уж во всяком случае несимпатичным.

— Оклемался, друг? — спросил вошедший с заметным гор-
танным акцентом, и Николай поразился русской речи. — Счи-
тай, тот свет видал и опять вернулся... Ты лежи, табиб
вставать не велел. Спасибо господину Раббани говори. Он дал
приказ.

Речь, безусловно, шла о чернобородом. Значит, этот вос-
точный барин спас Пушкину жизнь?

— Зачем я ему? — спросил Николай, вглядываясь в стран-
ного посетителя, одетого, как «духи», в балахон.

— О-о, Бархануддин Раббани большой человек. Ученый,
книги умные пишет. Каждый мусульманин его знает... Рабба-
ни — глава партии.

— Какой партии?

— «Исламское общество Афганистана». Разве не слыхал?

Николай, конечно, слыхал, и не раз. Замполит рассказывал
о «пешаварской семерке», поклявшейся на Коране дать отпор
русскому империализму. Раббани — враг, причем непримири-
мый. А поскольку умен, то вдвойне опасен. Тем не менее
именно он избавил Николая от мучительной смерти. Пошел
даже на конфликт со своими. Опоздай Раббани на полчаса,
для прапорщика Пушкина на этом свете все было бы кончено.

— Ты сам кто будешь? — спросил Николай. В нем вдруг
проснулась подозрительность.

— Меня бояться не надо... — Посетитель прислонился к
стене, сдвинув на затылок колпачок, напоминающий тибетей-
ку. — Я такой же шурави, рядовой из сто восьмой дивизии.
Хватали меня провинция Фарах. Полтора года тому...

— Звать как?

— Абдулло.

— Кличка, что ли?

— Какое значение имеет.

— Узбек?

— Таджик. Хорог слыхал? Мать, братья там... Пушту
знаю. Здесь все пушту говорят. Пленные мы, Коля...

— Имя мое откуда узнал? — поразился Николай.

Абдулло тоненько захихикал:

— Ты теперь личность знаменитая, совсем народный ар-
тист... Николай Николаевич Пушкин — так? Про тебя мно-
го-много знают. Сюда смотри...

Он протянул вытащенную из-за пазухи свернутую в трубку
плотную бумагу. С листовки на Николая взирала его круглая
глупо улыбающаяся физиономия. Он был в парадной форме
гвардейца-десантника со всеми знаками воинской доблести: от-
личника, классного специалиста, мастера парашютного спорта
и с медалью «За боевые заслуги». Справа арабской вязью шел,
видимо, пояснительный текст, а ниже полностью воспроизво-
дилась первая страничка военного билета с биографическими

данными — фамилией, именем, отчеством, званием, должностью, годом рождения, местонахождением военкомата...

Превозмогая боль в спине, Николай приподнялся. Бог мой, откуда «духи» взяли его билет? Обычно, отправляясь на боевые, солдаты и офицеры оставляли документы в части. Старшина обязан был за этим следить. Он и следил, а сам...

Перед выходом в рейд старшина крепко схлестнулся с ротным. Сергеев всех торопил, ежеминутно дергал, а Николай привык сам собираться обстоятельно и каждого подчиненного персонально проверял. «Не мешай, — сказал он старлею, теряя терпение. — На тот свет лично я не спешу. Ты, старлей, в Афгане без году неделю, а я, считай, с первого денечка — еще президентский дворец штурмовал, поэтому штопаный-перештопаный...» Что тут началось! Сергеев орал до хрипоты, не стесняясь в выражениях, и пообещал, когда вернутся, под трибунал отдать. А в результате Николай забыл оставить военный билет. Надо же так влипнуть! Листовку теперь подбросят нашим. Что ребята подумают?... Переметнулся, скажут, гад Пушкин — и не отмоешься, не открестишься. Треклятый Раббани далеко просчитал — зря бы спасать не стал!

Николая охватило отчаяние. Случилось самое худшее: солдат попал в плен и во всеуслышание объявлен перебежчиком! Останется теперь прапорщик Пушкин навек в памяти людской с каиновым клеймом. Лучше бы сразу прикончили, подонки!..

— Переживать не надо, Коля, — посочувствовал Абдулло, заметив впечатление, произведенное листовкой. — Назад не пойдешь, свои уничтожат. Все про тебя известно. Скрывать зачем? Говори правду...

— Ты чему меня учишь, сволочь?

— Ругать пользы нет, Коля, — укорил Абдулло. — Они правду хотят. У тебя какой секрет? Никакой. Ты большой начальник? Совсем малый. Вот и говори.

— Пошел ты... — выругался Николай и отвернулся к стене.

В речах Абдулло был, конечно, резон. Терять действительно нечего. «Духи», несомненно, понимают, что старшина роты военными тайнами не владеет. Но зачем-то ведь его спасли?... Не станет Раббани просто так за здорово живешь выручать дохлого шурави из лап озверевших соплеменников. Значит, что-то от него нужно? Знать бы — что?..

Появился старичок-табип. Принес чашку бульона и тарелку с кашей. Аромат хорошо приготовленной пищи вдруг напомнил Пушкину, насколько он голоден. Набросившись на еду, он даже забыл о боли. Потом нестерпимо захотелось спать. Николай хотел сказать толмачу, чтобы тот ушел. Последнее, что увидел, — коричневое лицо, скривившееся в улыбку, и старые, давно потерявшие блеск галоши на босых ногах. Подумал: толмачу нельзя доверять ни на грош.

Несколько раз Николай просыпался и снова погружался в тяжелое, как могильная плита, забытие. Кто-то давил, душил, мешал дышать... Разбудил его скрип половиц. К кровати, оскалив острые зубки, приближался Абдулло. Как ни странно, улыбка его не показалась теперь Николаю хищной, тем более злобной. Подумал: напрасно катит бочку на парня, такого же, как он, бедолагу. Спасибо, есть с кем слово молвить, а то и одичать недолго.

— Сильно спать любишь, Коля? — хихикнул Абдулло. — День прошел, ночь прошел...

— Неужто? — удивился Николай. Боль в теле притупилась, он почувствовал себя бодрым, поздоровевшим.

— Совсем плохой был, правда? Теперь порядок... — И, понизив голос, Абдулло сообщил: — К тебе гость приходите будет. Сам господин Раббани, сын Мохаммада Юсуфа. Говорить станет — не надо сердить. На Востоке старших слушать — закон. Соглашайся, тебе лучше...

Абдулло не успел закончить наставления, как появился чернобородый. В темном костюме, белой рубашке с галстуком, он походил больше на учителя, чем на предводителя душманов. Во всяком случае, породистое лицо с высоким лбом, несомненно, принадлежало человеку интеллигентному и скорее доброму, чем злому. Смолистые с проседью волосы ниспадали до плеч.

«Так вот ты какой — Бархануддин Раббани?» — подумал Николай, разглядывая вошедшего и пытаясь припомнить, что рассказывал замполит об этом и других членах «пешаварской семерки». «Раббани — таджик из племени яфтали. Сын муллы. Получил религиозное образование. Организовал партию. Объявил, что партия его против СССР ничего не имеет, но ведет борьбу против русских оккупантов...»

Абдулло поспешно придвинул кресло, и гость расположился в нем по-хозяйски. Николай почувствовал на себе испытующий взгляд черных глаз, искрящихся усмешкой. Перебирая четки, Раббани, похоже, оценивал «добычу», а Пушкин проникался к своему спасителю неожиданной симпатией.

Раббани спросил, не знает ли унтер-офицер английский язык? Николай, уловивший суть вопроса, отрицательно покачал головой. Стоявший в почтительном отдалении Абдулло перевел следующую фразу: Раббани, оказывается, интересуется самочувствием господина Пушкина.

— Как трогательно, — усмехнулся Николай. — Скажи, я солдат и приучен к спартанским условиям.

— Благодарность говорить? — спросил Абдулло. — Человек тебя спасал, Коля.

— Не вздумай!

— Господин Раббани интересуется, хороша ли пища? И еще волнуется, как ухаживает табиб?

— Кончай балаган. Скажи своему хозяину, пусть к делу переходит. Что от меня требуется?

Выслушав переводчика, Раббани посмотрел на Пушкина с нескрываемым интересом и произнес несколько отрывистых фраз. Из торопливой скороговорки Абдулло стало понятно: от Пушкина ждут полной лояльности. Доказать ее не составит труда. Надо лишь выступить перед журналистами с заявлением.

— Всего-то и делов? — удивился Николай. — А я-то думал...

Он говорил ничего не значащие слова, пытаясь выиграть время и сообразить, как вести себя дальше с этой хитрящей бестией.

— Ты понял, Коля? Надо выступить...

— Скажи хозяину, толмач, я речи держать не умею, образования недостает и практики нет...

— Господин Раббани говорит, ты произвел впечатление умного шурави, а не... Тут он сказал нехорошее слово, сам понимаешь...

— Дерьмо твой господин, — отрезал Пушкин, — дешежка!

— Господин сказал: он хотел хорошо сделать.

— Пожалел волк кобылу...

— Подумай, Коля. Он сам речь напишет, ты скажешь. Жизнь будет, а так — конец.

— Заткнись, сволочь.

— Я заткнусь, кто тебе слово русское скажет, — обиделся Абдулло. — Раббани большой вождь. Он не хочет тебя считать оккупантом.

Чернобородый наблюдал за перепалкой, понимая покачивал головой. Он заметил, что Николай устал, вероятно, кончалось действие обезболивающего лекарства. И снова заговорил — спокойно, увещательно. Зря господин Пушкин упорствует. Мог бы иметь много денег, начать красивую жизнь. На деньги можно купить дом, жену... К своим пути нет. Там уже знают, что унтер-офицер Пушкин добровольно перешел на сторону борцов за веру.

Николая захлестнуло бешенство. Листовка с его благообразной сытой мордой лежала на полу возле кровати. Боль сдавила обручем голову. Ноги скрутила судорога. Господи, опять начинается. Проклятье!..

Раббани поднялся, огладил бархатную бороду и сказал, что искренне сожалеет о неприятностях, предстоящих унтер-офицеру. Он надеялся на гибкость ума, на сообразительность молодого человека...

— Пошли его на...! — бессильно выругался Николай.

Перевода не потребовалось. В глазах Раббани мелькнула ярость. Однако он сдержался и, прежде чем уйти, сказал:

пусть пленный подумает о своей дальнейшей судьбе. Но делать это ему придется в другом, менее комфортабельном месте.

Не успела за чернобородым закрыться дверь, как ворвались двое, стащили Николая с койки и поволокли по длинному коридору. Звякнул засов, со скрипом отверзлась металлическая решетка. Николая с размаху швырнули во тьму. Покатившись по лестнице, он рухнул на цементный пол и потерял сознание. А когда очнулся, обнаружил, что снова онемели начавшие было отходить ноги, бедра, таз. В полумраке подвала увидел несколько сидевших у стен человек. Никто на новичка не обращал внимания. Но вот один обернулся, и Николай ахнул. То был ротный, старший лейтенант.

2

Старший лейтенант Сергеев Алексей Игоревич, 1960 года рождения, призван из г. Львова, женат, имеет дочь, захвачен в плен при выполнении боевого задания в провинции Парван 17 марта 1985 года.

Ни лечь, ни сесть. Но и стоять нет сил...

Тело — сплошной нарыв. Ноги — распухшие колоды. Лицо, спина, грудь — в синяках, кровоподтеках. Кожа с подборodka сорвана, рана гноится. Правый глаз заплыл. Когда главарь банды ударил мослатым кулачищем в висок, жизнь повисла на ниточке, на паутинке...

Алексей отстреливался до последнего. Рядом, неподалеку, вокруг лежали в нелепых позах в лужах крови ребята — остатки его роты. Далеко позади, в нескольких часах стремительного бега — перевал. Там Пушкин. Он сам сказал: «Мотай отсюда, старлей. Сбереги хоть этих... А я не ходок. Да и кому-то надо вас прикрыть...»

Охотно согласившись, Алексей выделил Пушкину ручной пулемет — все равно тащить тяжело; отдал половину боезапаса, гранаты. Подумал: идти старшина не может, тащить его на горбу означает погибнуть всем. В конце концов Николай сам виноват в случившемся, должен был на своем настоять...

Поспешно отходя в долину, Алексей долго слышал за спиной дробные пулеметные очереди. Потом грохнуло несколько взрывов, и все стихло.

Ребята остановились, замерли, словно в почетном карауле. Алексей скомандовал: «За мной! Не отставать!..» И побежал. Жаль Пушкина. Жаль остальных. Но ведь война... Прапорщик, конечно, предупреждал: на перевале возможна засада.

Требовал изменить маршрут. Он вообще все время лез не в свое дело. То наставлял старшего лейтенанта, учил жить, то подменял приказ ротного своим. И совершенно не брал в расчет, что Сергеев — не салага, окончил высшее десантное училище. Сам факт принадлежности к элитарному роду войск подтверждает высокие морально-боевые качества офицера, который в Афганистан, между прочим, напросился сам. Смелости Алексею не занимать, на счету сто двадцать парашютных прыжков. А опыта маловато? Так ведь затем и война, чтобы его приобрести.

Теперь-то очевидно: следовало довериться Пушкину. Перехватить караван с оружием в провинции Парван все равно не удалось. Сколько сделано ошибок, сколько потеряно людей, и ничего не отмотаешь назад. Не полез бы, дурак, в трижды проклятое ущелье, не разрешил бы привал во время отступления, встал бы на часы сам...

Их настигли под вечер. Бойцы выбились из сил, рухнули на землю, моментально уснули. Часовые, уверенные, что группа от «духов» оторвалась, тоже заснули — стоя. Ну и...

Увидев Пушкина в подвале, Алексей не сразу пришел в себя. Долго вглядывался в привидение, явившееся с того света, и наконец, собравшись с силами, подполз.

— Что, не узнаешь? — спросил Пушкин. Он лежал посреди камеры, разбросав ноги, не в силах сдвинуться с места.

— Господи, живой, — протянул Алексей. — Как же это?

— Как видишь... Помоги до стены добраться. Спина проклятая...

— Не прошла? — спросил Алексей, тут же почувствовав нелепость вопроса. С неожиданной силой вспыхнуло прежде неведомое жгучее чувство вины — перед прапорщиком, перед погибшими солдатами. — Ты на меня... того, — глухо сказал Алексей, помогая прапорщику отползти от лестницы. — Прости, если можешь...

— Покаяние отменяется, — поморщился Пушкин. — Оба оказались в дерьме.

— Но ты ведь старше? Почему не согнул меня? Я бы в конце концов послушался. Я бы подчинился...

— Не бей себя в грудь, старлей. Поздно. Лучше расскажи, как влип.

— Как?!

За дни в плену — дни позора — Алексей заново переосмыслил оставшуюся за пределами тюрьмы жизнь. Он стрелял. Стрелял, пока мог, пока были патроны, — что еще оставалось делать? Потом «духи» выместили на нем одном за всех своих убитых — больше никого в живых не осталось. Его остервенело били, пинали ногами, пока не превратили в окровавленный куль. Окапывали водой, поднимали с земли и снова били. Он научился

закрывать голову руками, свертываться калачиком, чтобы удары не попадали в живот. Счет дням был потерян.

— Почему же тебя не убили? — жестко спросил Пушкин.

— Почему?... Не знаю. Нет, вру — знаю. Нашли в комбинезоне погоны. Я новые купил, собирался на китель пришить. Забыл перед выходом вытащить из кармана. За поимку офицера «духи», сам знаешь, большие деньги получают — вот и не убили. Но имени своего я не назвал.

— Не назвал? Герой, значит? Молодец, старлей, — усмехнулся Пушкин. — А вот я засветился. Со всем своим опытом и знанием обстановки. Я, брат, военный билет на операцию прихватил.

— Зачем?

— Вопрос на засыпку...

Загремел отпиремый на двери засов, и в камере появились охранники. Один ткнул пальцем в Алексея и шепеляво выговорил:

— Па-ш-шел...

Это слово знал здесь каждый. Оно произносилось на разные лады и могло означать вызов на допрос, вывод на работу, а то и на казнь.

— Ну, вот и опять по мою душу, — пробормотал Алексей, с невероятным трудом поднимаясь с пола. — Хотя бы смерть поскорей пришла.

— Не дрейфь, старлей. Будь мужиком, прорвемся, — услышал он в спину напутствие старшины.

Охранники вели Сергеева по знакомому коридору. Потом толкнули в комнату — узкую, с зарешеченным окошком. Посередине — стол с гнутыми ножками, стул с резной спинкой. На выбеленных известью стенах виднелись бурые подтеки, напомнившие, что пленных тут не только допрашивали, но и... У Алексея все сжалось в груди. Снова будут бить! Где взять силы?

В комнату проскользнул Абдулло, старый знакомый. По привычке он улыбался, но держался на всякий случай в отдалении. Нельзя было угадать, как бывшие «свои» могут повести себя с соотечественником в это и следующие мгновения.

— Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, — проговорил Абдулло шепотом.

— Не твоими ли молитвами пока жив? — съязвил Алексей. Переводчик был противен, вызывал брезгливость.

— Зачем смеешься, старший лейтенант? — укорил Абдулло. — Дома смеялись, называли чучмек. Тут тоже... Я помочь хотел.

— Мне бы сдохнуть поскорей...

— Зачем сдохнуть? На том свете ничего не подадут. А тут можно...

— Дрянь ты, Абдулло. Сам переметнулся и других склоняешь.

— Офицер... Учили тебя долго, а ума совсем нет. Зачем Афган пришел людей убивать? Кишлаки зачем жег?

— Вон как заговорил...

— Правильно говорю. Честно. Никакой интернациональный долг никто не просил. Тебя не звал. А ты? Ты почему воевал?

— Послали, я пошел. Потом понял и то не сразу: афганский народ не хочет чужой правды, не хочет чужого Бога...

Сергеев уперся взглядом в ржавое пятно на полу... Интернациональный долг, помощь дружескому народу, апрельская революция — на кой все это, если от него останется такое же пятно? Был Алешка и нету, размазали по стене.

— Вот я и говорю, соглашайся, — вкрадчиво сказал Абдулло.

— Умолкни, парень, — попросил Сергеев, — пустое говоришь.

Подтолкнув Абдулло в спину, распахнулась дверь. Вошел европеец в легком светлом костюме. Лицо слегка тронута загаром, голубые глаза, ослепительная улыбка — киногерой из американского боевика.

— Ты все объяснил? — спросил вошедший у Абдулло на достаточно чистом русском языке.

— Не успел еще, господин. Я говорил старшему лейтенанту...

— Отставить! — перебил «киногерой». Судя по манерам и тону, он был птицей высокого полета. — Тебе поручалось изложить обер-лейтенанту суть наших предложений.

— Зачем же через посредника? — вскинулся Алексей.

— Разумная мысль. Называй меня полковником, — сказал он с лучезарной улыбкой. — Итак, приступим...

Полковник подошел к столу, открыл ящик и вынул элегантный чемоданчик с металлическими застежками. Эффектным жестом откинул крышку, провел, поглаживая, ладонью по тугим пачкам зеленых банкнотов.

— Здесь двести пятьдесят тысяч долларов, — торжественно объявил он. — Они ваши, обер-лейтенант. По прибытии на место получите еще столько же.

— На какое место я прибуду и чем должен заслужить взятку? — вяло спросил Алексей, пытаясь выпрямиться.

— По-русски — взятка, по-моему — возмещение за перенесенные неудобства, — сохраняя невозмутимость, возразил полковник. — Мы профессионалы. Не все ли равно, где и кому служить, если к тому же вспомнить, что на горячо любимой родине вас ждет суд трибунала по законам военного времени. Неужели обеспеченной жизни вы предпочтете тюрь-

му? Глупо даже для коммуниста. Вы не генерал, дислокацию советских войск в Афганистане не знаете. Остальные секреты ценности не представляют.

— В таком случае, зачем я вам?

— Нам нужны специалисты, обладающие опытом обучения солдат. Ваших солдат. Вы будете исполнять те же обязанности, что и прежде, но в более солидной должности. Для начала предлагаю чин подполковника.

— Где, если не секрет?

— Никаких секретов. Направим в восемьдесят вторую парашютно-десантную дивизию.

— В ту, что стирала с лица земли Вьетнам?

— Вы здесь тоже огнем прошли. Но я не собираюсь вступать в дискуссию. Люди военные, в какой бы армии ни служили, призваны убивать себе подобных. К этому нас и готовят. Разве не так?

Полковник говорил напористо, убежденно. У Алексея подгибались ноги, несмотря на удушающую жару бил озноб... Что говорит этот холеный европеец? «Войну не ведут в белых перчатках...» Он прав. Старший лейтенант Сергеев обучен владению оружием. Убивал сам и учил солдат убивать себе подобных.

— Но... — сказал Алексей вслух.

— Никаких «но»! — «Киногерой» стер наконец улыбку с губ. — Оставим спор политикам. Мы — солдаты. Мы должны, не рассуждая, выполнять приказ. С этим ты, надеюсь, согласен?

Алексей молчал.

— Но жить ты хочешь? Жить, а не сгнить на помойке? — резко спросил полковник, начинавший терять терпение. — Ты молод, был, наверное, красив, пока не разукрасили афганские партизаны. У тебя будет женщина. Она родит тебе детей...

Дочь... У него есть маленькая дочка! Как он мог об этом забыть?.. Алексей смотрел в окно и ничего не видел. Но знал: там жизнь, деревья, трава, небо. Там свобода. И где-то очень далеко бегает по зеленой траве его маленькая девочка — кровь от крови, плоть от плоти.

— Почему молчишь? — удивился полковник. — Если мало денег, добавлю...

— Не старайся, гад, не возьму, плевал я на твои доллары! — Алексей покачнулся, но устоял.

— Ах ты, сволочь идейная! — лицо полковника стало жестким. Едва уловимым движением он ткнул Алексея в висок. Удар был мастерский. Старший лейтенант отлетел в угол. Стол, стены, пятна, Абдулло — все поплыло перед глазами.

— Может, так скорее сговоримся? — крикнул, оскалившись, полковник.

Не открывая глаз, Алексей прохрипел:

— Не надейся. Меня уже били...

— Плохо! Плохо били...

Алексей, свернувшись в дугу, обхватил голову руками и стиснул зубы. Удары сыпались один за другим. То, что он молчал, не молил о пощаде, вызывало у полковника еще большую ярость. Алексею пришлось бы совсем худо, не вмешайся переводчик. Молчавший в течение разговора, Абдулло тихо сказал:

— Не поможет, господин. Не надо.

Как ни странно, слова подействовали. Пнув лежащего еще раз, полковник пригладил растрепавшуюся прическу, заправил рубашку, одернул пиджак.

— Олл райт! — сказал. — Позови охранников. Пусть уберут эту падаль...

Очнувшись в знакомой камере, оглушенный, измордованный, Сергеев не сразу собрался с силами. Он подтянул колени, со стоном сел. К стене прислоняться не стал — спина обожженно горела.

Пушник ни о чем не спрашивал. Кто знает, как вел себя наверху старлей? Судя по виду, держался правильно. Но все же...

— От меня требовали сотрудничества, — сказал Алексей.

— Сколько предложили?

— Полмиллиона и чин подполковника американской армии.

— Взял?

— Как видишь...

Оба замолчали. Алексей опасливо покосился на сокамерников. Доверять никому нельзя. Они с Пушником однополчане, попали сюда известно как. А эти, может, сами?.. Попасть-то попали с надеждой вырваться, но это можно осуществить лишь ценой предательства. Впрочем, кто знает, как правильно? Стоит сказать — да, и кончатся мучения. Надолго ли?.. Предатели не нужны ни своим, ни врагу. Солгавший своему народу — веры ни у кого не заслужит... Этот американский контрразведчик использует его, а потом выбросит на ту же помойку.

— Оказывается, ты дорого стоишь. А я и не знал, — неопределенно сказал Пушник.

Алексей вспыхнул:

— Думаешь, продамся?

— Не обижайся, старлей, — примирительно шепнул прапорщик. — Жизнь нас сейчас проверяет на самый жестокий излом. В нашем положении с людьми может всякое произойти.

— Да-да, верить нельзя...

— Кому нельзя, кому — можно. Поодиночке передушат, как кур. А если думать и действовать сообща...

— Думаешь, можно на что-то надеяться?

— В фашистских лагерях смерти люди создавали подпольные организации. Мы-то чем хуже?..

Разговор был прерван приходом бочковых. Принесли обед. Из дальнего угла камеры вышел огромного роста мордатый мужик, густо заросший рыжей щетиной, взял свою миску и скрылся в темноте.

— Опять тухлятину приперли, — слышался его голос. — От такой жратвы я и без пыток скоро ноги протяну.

— А ты рассчитывал на венский шницель? — насмешливо спросил Пушник.

— Помолчал бы, прапор, — огрызнулся гигант, выскребая из глиняной миски маисовую кашу. — Сам ты шницель.

— Откуда звание мое знаешь?

— Два уха имею дюже музыкальные. Дома на балалайке наяривал, на гитаре тоже могу.

— Полезные таланты, — заметил Пушник. — Подойди поближе, познакомимся.

— Много чести. Сам хилая. Безногий, чи шо?

— Считаю, угадал. Контузия позвоночника.

— Извиняй в таком разе.

Гигант подошел, присел на корточки, протянул руку:

— Будем знакомы. Крещен Михайлом. Фамилия тут ни к чему, а прозвище имеется. Яном дома кликали, на иностранный манер.

— Почему? — удивился Алексей, разглядывая здоровяка. Судя по бицепсам, бугрившимся на предплечьях, тот обладал бычьей силой. Невольно напрашивался вопрос: как такого могли скрутить «духи»?

— Мишек на Украине, что собак нерезанных, в ридном селе — каждый второй, а Ян и звучит красиво, и редкость. Или не нравится?

— Ладно, не задирайся. Давно тут?

— Старожил. В Джаваре бывал, в Дарчи, в Малекане. Там лагеря моджахедов.

— Джавара — мощная база, — согласился Пушник. — Мне тоже довелось...

— А тебя, Ян, зачем туда возили? — поинтересовался Алексей.

— Спрашиваешь... Дивились на меня, на шурави двухметрового роста.

— Как же ты с силой такой могучей вляпался?

— Дурнем был... Две недели до дембеля оставалось. Сидеть бы тихо, не рыпаться, а я поперся, куда не треба.

— Все мы не туда свернули, — заметил молчавший до того человек, сидевший неподалеку. Худоба его была поразительной. Бледная кожа, которую не взяло даже пакистанское

солнце, обтягивала остро выпирающие скулы; колени, локти, ключицы — словно шипы. Никто не знал его имени. Было известно только, что он механик-водитель «Т-54». Об этом говорили «духи», захватившие его в подорвавшейся на mine машине.

— Ты за всех не расписывайся, — возразил Михаил. — Такие, что сами руки до горы подымали, тоже имеются.

— Я бы их шлепал, — пробормотал Танкист.

— Подряд, что ли?..

Ответить Танкист не успел. Послышался голос Абдулло:

— Всем выходить! Все с собой брать! Другое место едем.

Пленные задвигались, потянулись к выходу. Алексей, попытавшийся помочь Пушкину, сам едва не упал.

— Отхлынь, дохляк, — сказал Михаил, отстраняя Сергея плечом. — Ну, держись, прапор. Послужу тебе верой и правдой, пока дух из меня не вышибли. Приглянулся ты мне...

Он легко подхватил старшину на руки и пошел к выходу. Во дворе их ждал крытый грузовик.

Алексей придержал шаг, шепотом спросил у переводчика:

— Не знаешь, почему нас отсюда убирают?

— Под Джилабадом бой шел. Пленных брали. Понял?

— А нас куда?

— Крепость Бадабера слышал? Хорошее место. Лагерь подготовки борцов за веру. — И добавил совсем тихо: — Порядки там... Начальник сильно бешеный. Остерегаться надо.

— Далеко отсюда?

— Пешавар сбоку тридцать километров, может, больше.

Вскоре машина с пленными, пропетляв по узким окаянным арыками улочкам, выбралась на грунтовое шоссе. Алексей, прильнув глазом к щели в борту, увидел неровно нарезанные участки зеленых, желтых, серых полей, окруженных раскидистыми пальмами. Едкая белесая пыль, взвихренная колесами, пухло оседала на их широченных листьях.

3

Сержант Полуян Михаил Николаевич, украинец, водитель бронетранспортера, 1959 года рождения, призван Коропским РВК Черниговской обл., пропал без вести в провинции Лагман 21 июня 1984 года.

Людей в кузове встряхивало, как крупу в решете. Ударяясь о борта, падая друг на друга, ребята стонали, матерились, кляли судьбу и, конечно же, водителя, который был не ахти

каким асом. Михаил это понял, услышав, как тот всю дорогу газовал, со скрипом без нужды переключал скорости. Да и барбахатка¹ досталась этому неумехе старая.

Михаил до армии крутил баранку три года и был в шоферском деле дока. После училища механизации ребята на комбайн пошли, на трактор, а он, на зависть всем, к легковушке пристроился лично директора совхоза возить. Должность «карманного» водителя имела массу преимуществ, среди которых возможность бывать в райцентре Михаил ценил превыше всего. Пока директор бегал по кабинетам, вымаливая запчасти и горючее, он успевал забить багажник и заднее сиденье дефицитом из «запасников» продовольственного и промтоварного магазинов. Львиная доля предназначалась членам правления. Свою часть — всякие там тени, помады, кремы — он приносил в клуб и продавал девочкам — по номиналу, конечно. Проценты снимал, как сливки, поцелуями, обожанием, а иногда и... Очень любил Мишка Полуян, здоровенный верзила с пудовыми кулачищами, чтобы его любили...

Пленные выползали из машины, как из камеры пыток. Полуян вытащил Пушника, опустил на землю и, болезненно щуря слезящиеся, привыкшие к сумеркам подвала глаза, огляделся. Беспощадное солнце давно выжгло признаки растительности на хорошо утрамбованной территории двора, выело все краски. Справа виднелось приземистое здание с зарешеченными оконцами, у дверей — часовой с автоматом. Совсем близко стоял аккуратный домик с плоской крышей, возможно, канцелярия. Туда сразу направился Абдулло. Слева поодаль виднелись сараи, возле которых тоже стояли часовые, а на крыше одного — на треноге — крупнокалиберный пулемет. И все строения обнесены высоченной, метров шесть—восемь, глинобитной стеной с торчащими по углам сторожевыми вышками.

«Вот она какая — Бадабера, — подумал Полуян. — Отсюда, похоже, не драпанешь...»

Мысль о побеге то появлялась, то отбрасывалась напрочь. В плен, видит Бог, Мишка попал по идиотизму, но решил: так тому и быть, может, к лучшему. Вон сколько ребят сгинуло или калеками на всю жизнь осталось, а в плену есть шанс выжить и, конечно же, поиметь вдоволь «чарса».

Никогда прежде, до войны, Мишка не имел представления о наркотиках. Даже слова такого не знал. И курил-то так, для форсу. Выпить — другое дело... К табаку, а потом к «самокруткам с начинкой» пристрастился в Афгане. Сперва «деды» для смеху втравили, приобщили, так сказать, «чижа»

¹ Барбахатка — грузовая машина с высокими бортами.

к элите. Постепенно приохотился, втянулся. Появился способ разгонять тоску и страх. Но добывать «травку» больших возможностей не было. Разве что изредка, после шмона в кишлаке, удавалось добыть местную валюту или камешки, на которые потом в дуكانе, а то и у своих он покупал или выменивал щепотку черт знает какой дряни. Из-за этого однажды чуть не погорел. Прокуратура уже по следу шла. Спасибо, никто не раскололся, иначе Бог знает, сколько бы той жизни осталось: на войне любые потери списать — раз плюнуть...

Однако разжиться «чарсом» в плену оказалось непросто. Поначалу, пока выкладывал все, что знал, кое-что перепало. Пока возили из лагеря в лагерь и демонстрировали как редкого зверя, — тоже отламывалось. Когда же отказался с «духами» на дело идти, что означало стрелять в своих да и самому снова под пули подставляться, и вовсе кайфа лишили. Тогда-то и появилась мысль о побеге. Не назад, домой, — там по кудрям не погладят, а куда-нибудь за океан, хоть в те же Штаты. Что он станет там делать, Михаил представлял себе плохо, фантазии не хватало...

Пленные, сгрудившись, стояли на плацу, прикрываясь от солнца грязными тряпками. Только теперь Полуян хорошо рассмотрел товарищей по несчастью. В подвале не до гляделок было. То одного, то другого таскали на допрос, потом приволакивали в беспамятстве. Разговоров меж собой пленные не вели, друг о друге ничего не знали и предпочитали помалкивать. Сейчас же ребята стояли на виду. Прапора поддерживал старлей, единственный среди них офицер. Солдаты выглядели стариками. На изможденных лицах потухшие глаза, волосы всклокочены, давно нечесаны, кое у кого седина пробилась. Лишь один выглядел несколько бодрее. Это был Моряк, прозванный так за выколотый на руке якорек. Рослый, но в отличие от Михаила узкий в кости, с тонкой талией, парень стоял рядом и напоминал борзую, изготовившуюся к прыжку. Дымчатыми, неопределенного цвета глазами он живо оглядывал двор крепости, ухмыляясь потрескавшимися губами.

— Начальник идет, — громко, чтобы все услышали, сказал Абдулло, пристроившийся на левом фланге.

Пленные, наслышанные о свирепых порядках в Бадабере, замерли в неровной шеренге. Подошел мужчина неопределенного возраста. На одутловатом лице его, загоревшем до черноты, блуждала полуулыбка. Глаза, большие, навывкате, водянисто-желтые, смотрели поверх голов.

— Жаба, — шепнул Полуян Моряку.

Начальник лениво поманил Абдулло, что-то сказал. Абдулло торопливо перешел:

— Господин предупреждает: дисциплина, послушание. За одно нарушение режима — плетка. Потом зиндан сажать.

— Сразу грозит, падла, — процедил Моряк. — Тип, видать, из-под той мамы.

Слух у Жабы оказался острым. Он подозрительно поглядел в сторону Полуяна, потом неопределенно взмахнул рукой, и Абдулло крикнул:

— Всем в камеру. Быстро бежать!

Тюрьма, длинный сарай с высоким потолком, была выбелена изнутри известью. Глиняный пол, утрамбованный босыми ногами заключенных, коих прошло здесь наверняка великое множество, походил на асфальт. Две камеры в противоположных концах помещения были довольно просторными. Границей служила массивная, с мелкими ячейками металлическая решетка. Заключенные видели друг друга и могли бы даже переговариваться, но в противоположной стороне содержались пленные афганцы, солдаты, служившие в правительственных войсках ДРА.

Среди двенадцати афганцев Полуян заметил одного, чем-то неуловимым отличавшегося от остальных. Борода неопрятная, как у других, засаленный балахон, мешком опадающий с худых плеч, — как у всех. Но взгляд антрацитово-блестящих глаз, смотревших пронзительно, иронично, выдавал умного, немало повидавшего на своем веку человека. Афганец этот был постарше других и держался обособленно.

Однажды, когда черноглазый оказался возле сетки, Полуян развлечения ради спросил:

— Как настроение, дядя? Не позычишь ли табачку?

Афганец пристально посмотрел на могучего шурави, не произнес ни звука, но Михаил мог поклясться, что тот его понял.

— Не хочешь говорить, хрен с тобой! — разозлился Полуян. — Не больно надо...

Он обманывал себя, контакт с афганцами был совершенно необходим. Последнюю закрутку он выкурил вчера. Мышцы, суставы начали болеть. Нестерпимо ныло все его большое тело, а перспективы никакой. И никому не пожалуешься... Поэтому Полуян упрямо возвращался к попытке завязать знакомство. Эти местные наверняка связи имеют. Свой свояка бачит издалека...

— Звать-то тебя как? — спросил однажды Полуян. — Я — Мишка. А ты?..

Оглянувшись на внимательно следивших за ним сокамерников, афганец улыбнулся и повторил:

— Мишка? Мишка... Акар!

И сразу отошел от решетки, явно не желая продолжать общение.

Может, своим не доверяет, подумал Полуян. И прав, наверное. Даже они, советские, не могут друг на дружку положиться...

Тому же Абдулло разве можно верить? В Бадабере тот, правда, уже не пользуется привилегиями, как в Пешаваре. Его и поместили со всеми в камеру, и пищу давали такую же, как остальным. Сохранили единственное льготное право выходить во двор и вступать в контакт с охранниками. Абдулло заметно поскущел, осунулся. Как-то Полуян подсел к нему и не без злорадства спросил:

— Прищемили тебе хвост?

Абдулло согласно качнул головой.

— Говорят, ты к моджахедам сам сбежал?

— Неправда! — воскликнул Абдулло. — Я долго стрелял. Потом удар — сознание ёк...

— Все мы герои задним числом, — усмехнулся Полуян.

Сам-то он в той курильне довольно слабо сопротивлялся. Даже выстрелить не решился, потому как, пока свои прибегут на помощь, дукащик с бандой прирежут, и прощай, Мишка...

— Я не герой. Я зиндан сидел... Зиндан — большая яма, там всегда ночь. Есть не дают, немного воды дают. Язык пушту помог, переводчик понадобился.

— Страшно было?

— Страшно. Я начальника боюсь. Тебя тоже боюсь...

— Меня не опасайся, — понизил голос Михаил. — Я вот по ночам планы строю, как бы драпануть.

— Трудно.

— Это я и без тебя знаю. В Отечественную наши пленные из немецких концлагерей уходили. Мы чем хуже?

— Из Бадаберы никто не бежал. Никогда.

— Так то ж самый смак... — Полуян нагнулся к уху Абдулло. — Никто не пробовал, а мы... Препятствия, конечно, большие. Первое — окрас кожи другой, обличье иное. Инородцы, одним словом.

— На севере пуштуны живут, — возразил Абдулло. — Власть не любят. «Духов» тоже.

— Могут помочь?

— Очень могут.

— Ты бы нашел ходы...

— Не могу, сам видишь. За ворота крепости не пускают.

— А ты старайся, в доверие входи.

— Начальник совсем бешеный. Больной он, базетка душит. Скоро помрет. Хочет, чтоб все кяфир сдох...

— На всякую рыбу крючок есть. Думай, Абдулло. Только гляди у меня, — прошипел Полуян, в котором вдруг проснулась подозрительность. — Продашь — на том свете сышу!

— Что ты, Янка, — отпрянул Абдулло. — Я друг тебе. Закрутка одна есть, дам ночью.

— Сейчас давай, — смиростивился Полуян. — А Жабу ублажай. Понял?..

В тот же вечер состоялся у Полуяна еще один разговор. На сей раз с Пушником. Среди пленных он единственный вызывал доверие. Этот железный мужик прошел все круги душманского ада и остался человеком. На такое не каждый способен.

В камеру вползала душная южная ночь. За стенами тюрьмы — мертвая тишина. Пушник лежал в углу, неуклюже разбросав онемевшие ноги. Черные в струпьях ступни, вздутые, тоже черные, лодыжки были облеплены москитами. От соломы, служившей подстилкой, шел тяжелый дух.

После выкуренной «закрутки» Полуян почувствовал прилив сил. Его распирало желание пообщаться. Опустившись возле прапорщика, он спросил:

— Плохо тебе, Микола?

— Почему? Лежу, отдыхаю, как в санатории.

— От чего отдыхаешь?

— От стрельбы. Никого не убиваю, чужой крови не проливаю.

— Раньше небось об этом не думал?

— Раньше — нет. Теперь, когда с того света вернулся, размышлять начал. Тем бы, кто меня послал убивать, самим бы автомат в руки. И приказать: убей!..

— Вот и я говорю, — невпопад оживился Полуян, — драпануть бы из этого «санатория».

— Благими пожеланиями дорога в ад вымощена — так мой мудрый дед говорил.

— Академик твой дед, ума палата.

— Он меховщик, шубы ладил. Вся Балашиха к нему бегала: Пушник посоветуй, Пушник подкажи, а то и взаимы дай... без отдачи.

— Давал? — спросил Полуян.

— Само собой. На том свете, говорил, сочтемся. Бога чтит превыше всего. Библию знал от корки до корки.

— Завираешь, прапор. На кой ляд та Библия?

— Уроды мы все, ни черта не знаем... Ты моральный кодекс строителя коммунизма изучал?

— Да уж, в школе вместо молитвы долбить заставляли.

— Так вот кодекс тот и есть библейские заповеди.

— Ни в жисть не поверю.

— Представь себе, из Нового Завета наши пропагандисты все начисто содрали.

— Лихо! Во что верим, обалдуи!.. Ты семейный?

— Не обзавелся, не успел.

— И я не сподобился. Перед призывом нацелился свадьбу сыграть — отговорили. Может, и к лучшему. Сирот плодить — последнее дело. Вот кабы тягу дать...

— Ну убежишь, а дальше?

— Туточки, слышал, племена вольные проживают, против властей дюже настроенные.

— Пуштуны, что ли? Да как с ними связь установить?

— Через Абдулло. Я его прощупывал.

— Поостерегся бы. Где гарантия?..

— Да я его тогда собственными руками...

— Если тебе их прежде не укоротят. — Пушник помолчал, обдумывая услышанное. — Ладно, пусть так. Но не трепись по-пустому, Ян. С Абдулло общайся один на один, никого не посвящай.

— Бежать надо скопом.

— Не бери это в голову. Организовать людей — не твоя забота. Ты, если удастся, установи связь с одним из местных племен...

Давно смолкли доносившиеся со двора голоса охранников. Откричали муэдзины, сзывавшие воинов ислама на последнюю — пятую за день — молитву. Прекратилось бормотание молившихся в камере афганцев.

Понятно, что «духи», воюя против русских, ведут джихад — священную войну против нечестивых. Уничтожая их, они совершают богоугодное дело. Но почему произносящие одинаковые молитвы идут в бой друг против друга?.. Ведь Коран запрещает убивать единоверцев! Выходит, мусульмане нарушают заповеди, плюют на Аллаха? И не боятся его гнева?..

С этими мыслями Полуян начал засыпать. Где-то на грани сна и яви вдруг отчетливо увидел себя в той самой вонючей курильне. И опять — в который раз! — почувствовал острое сожаление. Мог бы послать за добычей кого-нибудь из «чижей». В роте кавалера Красной Звезды сержанта Полуяна не то чтобы уважали, но побаивались. Только бы свистнул, любой «сын» побежал бы хоть к черту на рога... Да куда там, жадность обуяла. Прежний канал доставки накрылся неожиданно. Прапор из роты матобеспечения додумался «товар» в снаряженных ящиках перевозить. И в Союз, между прочим, через летунов переправлял, за что большие бабки отхватывал. Вот уж воистину, кому война — кому мать родна.

Когда Полуян узнал, что прапора арестовали, ох и перетрухнул. Спасая шкуру, тот мог запросто всех заложить. И загремел бы Мишка за соучастие. Слава Богу — пронесло. В тот раз пронесло. Однако беды все равно не миновал... У своих-то, наверное, лучше сидеть. Хотя, конечно, тоже не мед. Однажды, до Афгана, возвращался с дискотеки, выпивши, ес-

тественно, был. Три хмыря за здорово живешь пристебались — клюнули на кожаную куртку. Ну, он и врзал каждому по очереди, одному ханыге три ребра сломал. За превышение пределов необходимой обороны его упекли в предварилку. Спасибо, через месяц разобрались... с помощью директора совхоза. Попадись ему та шушера в Афгане, по стене бы размазал...

Сон подкрался незаметно, спутал мысли. И погрузился Мишка Полуян в забытие, кошмарное, тяжелое — не сбросить, не оторвать. Грудь сдавило. Тиски сжимает тот, кто стоит у изголовья. Это Жаба. Смех у него булькающий, утробный. Жаба придумал «веревку». Так называется пытка, когда вокруг головы обматывают волосяную петлю и вращением лапки закручивают постепенно туже, туже... Жаба — садист. Сам, однако, собственные пухлые ручки не марает. Выпучит рачьи гляделки и наблюдает за подручными... Вчера эти мясники отделили старлея до потери пульса. Господи, в который уж раз!.. Приволокли мужика окровавленного, бросили — бревно бревном.

Грохот, скрежет, визг... Полуян проснулся. Во сне было страшно, а наяву... В камеру вошли несколько охранников. Пинками растолкав спавших, указали знаками на дверь. Поднялись все, кроме Пушника. Охранник злобно ткнул его кованым ботинком в живот.

— Что ж ты, гнида, делаешь? — рванулся от двери Полуян. — Человек обезножел, а ты!

Сзади кто-то цепко схватил Полуяна за локоть:

— Не пыли, паря. Полундра — как говорят у нас в Одессе, жизнь индейка, судьба — ихний поганый афгань.

— Отхлынь, — рывкнул Полуян, надвигаясь на ухмыляющегося Моряка. Но, встретившись с буравящим взглядом серых глаз, сразу обмяк.

— Вот так будет лучше, — сказал Моряк. — Не о себе забочусь. Один на рожон полезет — всем страдать.

Абдулло что-то торопливо объяснял охранникам. В результате Пушника оставили в камере, остальных выгнали во двор и построили перед Жабой. Поодаль, прижавшись друг к другу, сгрудились афганцы.

Уже рассвело. Ночная роса увлажнила землю, приятно охлаждала ступни. Нежно голубело небо. Господи, как хорошо!.. День впереди, завтра, может, судьба еще один подарит. Живой о жизни мечтает, мертвый — ни о чем...

Их привели колонной в дальний конец двора, где стоял вросший в землю сарай. Внутри него, словно в зеве, желтел огонек, от которого веером разлетались искорки. Они то гасли, то взметывались вновь, слабо освещая чрево преисподней.

Жаба приказал остановить пленных, что-то сказал.

— Начальник объяснил, кольцевать будут, как пташку, — перевел Абдулло.

И тут до Полуяна дошло: их привели в кузню. Рядом с сараем лежала горка цепей и скоб. Так вот что придумал этот гад!.. Не помня себя, Михаил в ярости кинулся на стоявшего рядом охранника. И тут же был схвачен другими. На гиганта навалились скопом, заломили за спину руки, толкнули в кузню. Человек, стоявший у горна, мгновенно набросил на ноги «браслеты», еще не успевшие остыть. Привычным движением протянул цепь к рукам. Запахло паленым мясом.

— Следующий! — выкрикнул Абдулло.

Кузнец хорошо знал свое дело и работал споро. Черная тень черного человека в ярком пламени раздуваемого мехами горна двигалась плавно. Пяти минут хватало на одного пленного. И снова:

— Следующий!

В кузню вошел Танкист. Он был похож на привидение. На высохшем лице каменно-сжатые потрескавшиеся полоски губ. Но взгляд... Танкист приблизился к наковальне, протянул руки — высохшие плети. И тут случилось непредвиденное. Жаба вскинул круглую, увеличенную белой чалмой голову и резко выкрикнул:

— Нис!

Кузнец застыл с поднятым молотом. Замерла его тень на прокопченной стене.

— Нис! — властно повторил Жаба и заколыхался, забулькал, довольный собой.

Пленные замерли. Занятые собой, одуревшие от боли, они не сразу поняли, что произошло. Понял Танкист.

— Не имеешь права, дерьмо, — сказал он глухо, едва разжав губы. — Я со всеми. Я, как все...

Жаба покачал головой, что-то сказал.

— Начальник имеет милость, — перевел Абдулло.

Ошарашенный происшедшим, Полуян пробормотал:

— Что ж это делается, Господи?

— Дурень, — отозвался Моряк. — За красивые очи от кандалов не освобождают.

— Неужели проданся? Не может быть!

— В душманской тюрьме, как в Греции, все есть — товар на любой вкус, — сказал Моряк.

— Ах ты, вошь ползучая... А каким настоящим мужиком казался!

По знаку Жабы охранники подхватили Танкиста под руки, поволокли в камеру. И пока его тащили через двор, до пленных, стоявших у кузни окольцованной стаей, доносились яростные вопли:

— Не верьте, ребята! Не продавался! Не изменял... За что, суки? За что?..

Ефрейтор Загоруйкин Антон Борисович, оператор БМП 177 мсп 108 мсд, 1960 года рождения, русский, призван Ильичевским РВК Одесской области, пропал без вести в провинции Парван 22 февраля 1984 года.

Ночи в неволе длинные, беспросветные. Особенно когда не спится. Вертишься на вонючем ложе, а в башку дурная мешанина лезет. И скачут мысли, как камбала, выброшенная из сети на палубу.

Какой иезуит — этот Жаба. И надо ж такое придумать — бросить тень на самого что ни на есть железного Танкиста. А как верно предвидел! Братва дружно клюнула на приманку. Отвернулись от своего, заодно друг на друга смотрят теперь с утроенным подозрением.

Ох не хотелось бы Антону оказаться в шкуре Танкиста. Тому отныне хоть лоб разбить, хоть в петлю — никому ничего не докажешь. Даже жаль мужика... А сон проклятый не идет, — тяжело.

За всю жизнь, за двадцать пять прожитых лет Загоруйкин столько не размышлял, как за последние ночи. Думы в голове, как сельди в трюме, ворочаются тесно, тяжело, бессмысленно.

Он всегда жил легко, беззаботно, не перенапрягая свой «чердак». День миновал — и лады. Была у него, правда, одна, но пламенная страсть. Началось это в восьмом классе... Школа до смерти обрыдла. Ремеслуха не привлекала — учебой сыт по горло. Но не сидеть же вечно на материнском горбу? Во-первых, скучно. Во-вторых, от ее заработков много ли башлей оторвешь?.. А тут прошел слухок, будто траловый флот вскоре в Атлантику переведут по причине истощения Черного моря. Чудеса, вычерпали целое море, словно поганую лужу...

Подумалось Антону: если наняться в подручные, можно поплавать по морям-океанам, там, глядишь, и в Рио-де-Жанейро завернешь. В загранке, рассказывали бывалые люди, ребята большие деньги гребут...

Выглядел Загоруйкин вполне взрослым парнем. Ростом Бог не обидел, а в документы кто заглядывает со вниманием, когда рабочих рук нехватка? И попал он матросом на морозильный траулер. Только надули его жестоко: в Атлантику не пустили, а вкалывать пришлось не дай тебе Бог. Простоишь денек на барабане, не то что в ресторан, до койки бы добраться. Молодчага, что вовремя сориентировался. На судне заболел кок, и Антон попросился на кухню. От матери, столовской поварихи, борщ да кашу готовить выучился.

Поначалу, конечно, и на камбузе доставалось. Но общепитовские котлеты лепить — не палубу драить. Пообвык, потерпелся — дело пошло, а мечта повидать белый свет отодвинулась в туманную даль. Оттого и с траулера ушел, хотя зарабатывать стал прилично. Решил в торговый флот податься, но и тут не повезло — не сумел вовремя кому надо в лапу сунуть. Пришлось два года на каботажных посудинах ходить вдоль берега, по мелководью, где коту по яйца. Лес в Новороссийск, цемент в Керчь, уголь в Ильичевск — и снова по кругу.

Лишь однажды выпало в Болгарию спецрейсом попасть. Варна показалась ему сказкой. Улицы в неоновых огнях, ослепительный блеск витрин. В глазах темнело от обилия барахла и жратвы. В этой маленькой стране люди жили вроде бы при социализме, но совсем по другому счету. Что же тогда в Штатах, в Японии?

Мечта о дальних странствиях оформилась окончательно и, вероятно, сбылась бы. Нашел Антон подходец к отделу кадров, презенты нужным людям подбросил: кому бутылку «Камю», кому французские духи. Приготовил полторы «косых» для заключительного аккорда. Еще недельки две — и прости-прощай, любимая Одесса. Ушел бы Антон Борисович на мощном контейнеровозе в Италию. А вернулся бы или нет — один Бог ведает. Но что такое невезуха?

Несколько раз присылали повестки из военкомата, но он смыкался в рейс — ищи-свищи... Потом бумагу взял на отсрочку — сам заместитель начальника пароходства подписал. Так и надеялся до двадцати семи прокантоваться. Только на сей раз не вышло. Забрили, мерзавцы, накануне заграничья! Врачебная комиссия вмиг определила: годен. И направили в Туркестанский округ, что само по себе означало прямую дорогу в Афганистан. В горном лагере под Ашхабадом, где готовили к отправке в Кабул, Антон попытался еще раз увильнуть от выполнения почетного интернационального долга. Тайком от ребят отправился к заму по тылу и предложил взять его поваром. Офицер выслушал его, раздраженно сказал, что нужны не классные кашевары, а классные операторы боевых машин, коим, он надеется, и станет рядовой Загоруйкин.

Прошлая жизнь отчетливо вставала в памяти, будоражила душу. Вернуться бы на пару годков назад, прожить заново, скольких ошибок бы он избежал! За год, проведенный у душманов, Антон всем нутром осознал, какую величайшую глупость совершил, сдавшись в плен. Он ведь на что рассчитывал? Раз добровольно явился, рассказал все, что знает, его, естественно, допросят с пристрастием, а потом интернируют. Куда?.. Да куда угодно. Дальше Америки не сошлют. Антон попросит политического убежища. Американцы — народ ци-

визированный, не в пример дикарям-моджахедам, найдут применение смышленому русскому парню.

Но действительность оказалась совсем не такой, как представлялась. Точнее, совершенно иной — грязной, вшивой, голодной и, похоже, бесперспективной. Антону предложили взять в руки свой, принесенный в качестве трофея автомат, стать воином ислама и делом доказать идейное расхождение с советским социализмом. Идиоты! На кой черт было соваться в плен, чтобы свои же ухлопали? Нет уж, дурных нема!.. Когда же отказался от сомнительной чести умереть во имя Аллаха, его крепко избили, надев лохмотья, увели в горы и поместили в пещеру, где Антон провел остаток зимы, весну, часть лета, проклиная Аллаха, Христа, иногда и собственную тупость. Обовшивел, покрылся коростой, оброс. Кормили объедками, заставляли выполнять самую мерзкую работу — от чистки нужников до разделки бараньей требухи.

Летом Антона слегка почистили, приодели, переправили в Пакистан и начали таскать по лагерям моджахедов, демонстрируя редкой породы обезьяну. Вот, мол, шурави, советский солдат, перешедший добровольно на нашу сторону! Слушайте, как он проклинает Советы, как клеймит русских вождей и русский народ за оккупацию Афганистана!

Антон устал от притворства, с трудом гасил ненависть к истязателям и, когда попал в контрразведку Раббани, вздохнул с облегчением. А оказался он тут после попытки удрать из Дарчи, где обитал последние два месяца. В лагере к белому человеку привыкли, перестали обращать внимание, Антон и выскользнул за ворота. Цель была добраться до Исламабада, где находилось американское посольство. По скудности школьных знаний он сумел сочинить по-английски речь, состоящую из трех фраз: «Я русский пленный! Я противник оккупации! Я хочу в Америку!...» Далеко, однако, уйти не удалось, схватили через пару часов. Сперва, естественно, избили, потом связали, бросили в машину, отвезли в Пешавар.

В подвале у Раббани братва приняла Загоруйкина как своего, и он наконец почувствовал себя человеком. Однако не забыл придумать сказочку о героическом участии в боях, а также об обстоятельствах пленения — не дай Бог ошибиться при повторении.

Больше всего боялся Антон столкнуться с теми, с кем прежде служил. Они-то про него все знали. На такой крайний случай он приберегал покаяние. Ежели что, в ноги не постесняется упасть. В конце концов они, хоть и неверующие, но христиане, значит, милосердны, чего не скажешь о славных воинах ислама. Нагляделся на них Антон досыта. С пленными, то бишь неверными, мусульмане вытворяют страшное. Ленты из кожи вырезают, вниз головой подвешивают.

вают, мужские «достоинства» из живых выдирают... Эти афганские фанатики веры способны на все. Не дай Бог оплошать и разгневаться Жабу...

Издалека доносились автоматные очереди. В повлажневшем к ночи воздухе они звучали глухо. У моджахедов в лагере небольшой полигон для тренировки в ведении огня на разные дистанции, там же, на крутом склоне, отрабатывались горные упражнения. Теперь это не те «духи», что начинали войну в восьмидесятом. В пакистанских лагерях они проходят солидную подготовку...

— Что не спишь, Моряк? — неожиданно спросил лежащий рядом Пушкин. — Думы тяжкие гложут?

Антон вздрогнул. По спине побежал холодок.

— А почему ты, как в засаде, тишину слушаешь? Может, чужие мысли читать умеешь?

— Могу и мысли... если плохие.

— А с чего им хорошими быть? Дело дрянь. Полный беспросвет.

— Надо держаться — это единственное, что у нас невозможно отнять. Погляди на Танкиста, пропадает мужик...

— Собаке собачья смерть.

— Ты уверен?

— Конечно! Жаба его с головой выдал.

— То-то и оно, что выдал, — протянул Пушкин. — А по идее, если Танкист его человек, должен бы законспирировать поглубже.

К горлу подступила тошнота. Антон знал уже это состояние, когда страх начинал вызревать изнутри. Чертов прапор, чтоб ему провалиться, чтоб ему никогда на ноги не встать. Догадлив, собака, глубоко копает.

— Значит, Танкисту веришь, а другим — нет? — пошел напролом Загоруйкин.

— Не нравится мне эта история, Моряк. Дешевкой пахнет. А насчет веры, если честно, так до конца здесь только на себя могу положиться.

— А я, выходит, мразь?

— Прешь, как танк, — заметил Пушкин с досадой.

Антон прикусил язык. Углубляться дальше не следовало. Разговор с выяснением отношений мог завести в такие дебри, из которых без потерь не выбраться.

— Ладно, время покажет, — примирительно сказал Антон, решив, что с прапором надо держать ухо востро. — Рассказал бы лучше, как тебя взяли?

— На перевале... Я там один остался, отход роты прикрывал.

— Что ж со всеми не ушел? Из-за ног?

— Из-за ног тоже.

— А меня на посту схватили, — сообщал Антон. — Подкрались сзади, по башке тюкнули — и хана.

— Небось задрых, — донеслось из дальнего темного угла.

— Ни в коем случае, старлей. Я ничего себе такого никогда не позволял.

— Что охранял-то?

— Оружейный склад.

— Вольно было ворон считать. За такие вещи в военное время под трибунал отдадут.

— Еще скажи — к стенке ставят, — вмешался Пушкин, в голос послышалась насмешка.

— И к стенке... А что? Каждый проступок требует наказания. Иначе армия развалится.

— Пока в ней такие офицеры, все может быть, — философски заметил Пушкин.

Эх, знали бы правду, не стали бы спорить по его поводу. Антон ведь не только с поста драпанул в канун праздника, надеясь, что в такой день контроль будет ослаблен, но и пару автоматов прихватил: не с пустыми же руками к «духам» являться.

— Добренькие мы слишком, — продолжал между тем старлей. — Из-за таких люди и гибнут.

— Кабы только из-за таких.

— На что намекаешь?

— Не будем уточнять...

Загоруйкин с нарастающим интересом прислушивался к перепалке сокамерников. «Безгрешных нет! — ликовал он. — За каждым что-то да числится!..»

А старший лейтенант все не мог успокоиться.

— Замахнулся, так бей, — угрожающе зашипел он.

— Успокойся, Алексей. Повторяю, у меня нет к тебе никаких претензий.

— Но я чувствую, ты черт знает в чем меня подозреваешь. Думаешь, я нарочно людей положил?

— Если на то пошло, — разозлился в свою очередь Пушкин, — то да, положил. Но не потому, что подлец, потому, что дурак был.

— Был?.. Полагаешь, я смогу еще... — голос старлея потускнел.

— Почему бы нет?

— Брось! Мы отсюда вряд ли когда-нибудь вырвемся.

— Пока жив — надейся.

— Святые слова говоришь, прапор, — раздался зычный голос Полуяна. — Даже меня, толстокожего, твоя речь доставила. Об чем спор?

— Мировые проблемы решаем, — усмехнулся Пушкин.

— Плевал я на мировые. Своими бы впору заняться. Ты знаешь, Микола, Абдулло по лагерю разгуливает и за ворота шастал. Теперь бы...

— Еще один полуночник объявился, — прервал его Пушкин. — Кончай разговорчики, братва. Будем спать.

Ян послушно умолк, но Загоруйкин все понял. Пушкин не позволил гиганту о чем-то проболтаться, значит, все-таки не доверяет. В чем же можно Антона заподозрить? Почему завел разговор о Танкисте?.. Вдруг припомнилось: несколько дней назад Ян, яростно жестикулируя, то и дело оглядываясь, шептался в уголке с переводчиком. Может, кланчил понюшку «чарса»?.. Но вот другой эпизод: Ян и Пушкин, как заговорщики в довоенных фильмах, стакнулись лбами, а стоило Антону подойти, как моментально заткнулись. Похоже, братва к чему-то готовится. Не к побегу ли? Удрать из охраняемой сотней головорезов крепости, обнесенной восьмиметровой стеной, — глупее трудно что-либо придумать. Но даже если предположить, что из крепости вырваться удастся, то... Рядом лагерь моджахедов. Там полторы тысячи людей. От погони не уйти, население настроено враждебно. Любой дехканин, обнаружив беглецов, выдаст их властям, чтобы получить за головы пленных бабки. Нет, ребяташки положительно сошли с ума... Сами пропадут и остальных погубят! Под остальными Антон подразумевал прежде всего себя. Он принял бы участие в деле при определенных гарантиях, но идти на верную смерть — дурных нема.

Весь день Загоруйкин ломал голову над тем, как отговорить братву от пагубного замысла. Он прекрасно понимал, что это не совсем безопасно. В компанию Антона не приглашали, и если поймут, что он обо всем догадался...

Так и не придя ни к какому решению, Антон промаялся еще пару часов. Куда ни кинь, всюду клин. С тем и стал укладываться на ночлег. Но тут пришел охранник, злобно пнул ногой и знаком приказал следовать за ним.

Пока шли через двор, Загоруйкин гадал, кому и зачем он понадобился на ночь глядя. Допрашивать вроде не о чем, в свое время он выложил без утайки все скудные познания о дислокации своего полка. Новых данных в плену не прибавилось. Вести душещипательные беседы здесь не принято. Тогда что?..

Добра ждать от неурочного вызова не приходилось. Да и место, куда привели, было не из приятных. В подвале канцелярии имелось несколько камер для допросов. Самой недоброй славой пользовалась угловая, прозванная пленными «пыточной». Жутковатый вид камеры с заблеванным полом, загаженными стенами подействовал на Антона угнетающе. Страх, многократно пережитый, сковал посильнее, чем кандалы.

Охранник ушел. Антон, съезжившись, замер, прислушиваясь к тишине. Что на сей раз придумал Жаба? Старый, безнадежно больной, о Боге пора думать, а он, дерьмо собачье, молодых ребят на тот свет отправляет. Господи, за что? За мечту красиво пожить наказываешь? Никакого просвета... Назад дорога заказана. Впереди ничего, ни-че-го...

Жалость к себе, к несостоявшейся судьбе повергла Загоруйкина в отчаяние, и он не заметил, как в камеру проскользнул переводчик. В галошах, подвязанных к щиколоткам веревкой, он ходил бесшумно, как кот.

— Привет, Антошка, — сказал Абдулло. — Бояться не надо. Спокойно надо.

От неожиданности Загоруйкин вздрогнул, загремел цепями. С какой стати эта черномазая шмакодявка решила его, лихого одессита, морально поддерживать? Оба они гады, оба сдались в плен по собственной инициативе, но этот Абдулло еще и служить согласился преданно, по-собачьи, а Антон отказался. В камеру вошел начальник тюрьмы, за ним тенью проследовали два бугая с ременными плетками у пояса. Тонкие ноздри Жабы нервно подрагивали, будто чуяли запах крови, — так по крайней мере Антону показалось.

Начальник тюрьмы в упор посмотрел на ставшего маленьким Загоруйкина, прикрыл выпирающие из орбит глаза толстыми воспаленными веками, что-то отрывисто произнес.

— Господин начальник тобой совсем недоволен, — перевел Абдулло.

— Почему? Я ничего не нарушал! — воскликнул Антон осипшим голосом.

— Тебе хорошо делали? Так начальник спрашивает. Протвой плен никто не знает? На другого тень положили, а ты долг забывал.

— Какой долг?

— Ухо открыто держать. Стукач у нас называется, а тут — долг платить. Начальник надеялся — ты молчишь.

— Да какие могут быть у заключенного секреты? — взмолился Антон. — Разве что втихую жратву раздобыть...

— Начальник предупредил: говори правду, — продолжал переводить Абдулло. — Начальник знает, заключенные тайну имеют. Ты докладывал? Нет?

Похоже, Абдулло вел двойной допрос: один для себя, другой — для Жабы. Значит, пронюхал начальник о подготовке к побегу? Кто же продал? Если собака-переводчик, надо, пока не поздно, спасать шкуру. Но точно ему ничего не известно, а за неверную информацию шевелюру на прямой пробор не расчешут.

Антон открыл было рот и вдруг в последний миг передумал. О чем шептались Абдулло с Яном? Почему Пушник оборвал

разговор о переводчике? А вдруг этот кривоногий азиат тоже в числе заговорщиков? Зря что ли сделал ему перед допросом туманное предостережение?.. Вот она — катастрофа, не знаешь, куда податься, влип меж своих и чужих. И там, и тут запросто сгореть можно.

И Антон решил от откровений воздержаться. Решил выждать, поглядеть, как развернутся события.

— Что вы, господин начальник, Бог с вами, какие тайны! — горячо заговорил он. — Никто из заключенных ничего дурного и в мыслях не держит. Я бы наверняка знал... Для пленных, слава Всевышнему, война кончилась, черт бы ее побрал. Да и о чем тут думать? Из вашей крепости и мышь не выскочит!

Жаба равнодушно скользнул взглядом по грязному лицу жалкого дрожащего шурави.

— Начальник благодарит за мышь, — невозмутимо перевел Абдулло. — Однако вранье не любит. Камень с души снять велит. Обещает тот камень на шею повесить...

— Хоть убей, ничего не слышал! — воскликнул Антон. — Так и скажи.

Мелькнула мысль, что Жаба сам, без подсказки, мог почуять неладное. Нюх у него, как у ищейки... Нет, лучше держаться нейтралитета.

Жаба, раздумывая об услышанном, качнулся с носков на пятки. Антон с трепетом ждал: поверит или нет? И поскольку начальник тюрьмы продолжал молчать, Загоруйкин в ужасе закричал:

— Я буду стараться! Буду доносить! Скажи ему, Абдулло, пусть не гневается...

Наконец Жаба заговорил. По интонации Антон понял, что на сей раз перетянул чашу весов. Пока. Но это досталось дорогой ценой — обещание придется выполнять.

— Господин начальник верит тебе, — сообщил Абдулло. — Ты должен хорошо служить. А сейчас немного терпеть придется.

В тот же момент телохранители Жабы по его знаку схватили Антона сзади, повалили на пол. Тяжелые удары плетей обрушились на спину, рассекая кожу. Боль затуманила сознание. Извиваясь всем телом, Загоруйкин выл, рычал, хрипел...

Резкая команда прервала истязание так же внезапно, как начала. Антона рывком поставили на ноги. Он плохо соображал. Слова начальника тюрьмы, бесстрастно переводимые все тем же Абдулло, воспринимались с трудом. Оказывается, прибегнуть к крайним мерам было необходимо, чтобы подтвердить его преданность Советам и стойкость. Теперь доверие к Загоруйкину со стороны товарищей возрастет, и он сможет проникнуть в их намерения. Если, конечно, постарается. Иначе,

очень жаль, но придется повторить встречу в... пыточной. Последнее слово Абдулло явно добавил от себя.

По знаку Жабы охранники подхватили Антона, потащили через двор. Бессильно болталась голова, перед глазами все плыло, но предстояло возвращение в камеру и надо было заставить себя собраться с мыслями. В глубине души Загоруйкин понимал, что начальник тюрьмы, в общем-то, прав: других на допросах избивают, с какой стати Антону делать исключение? Но было горько. Даже боль, разрывавшая тело, ни в какое сравнение не шла с чувством обиды и страшной безысходности. Загнали в угол, откуда нет возврата. Всякий там патриотизм, преданность Родине, чувство долга — пустое. Тешатся им «столбовые» крестьяне и пролетарии типа старлея и прапора. Но Антон ведь из другой породы, другой группы крови... Он сдался сам, он перешел на сторону «духов» с открытым сердцем, потому что не хотел воевать, не желал убивать, а что в награду?..

Едва добравшись до камеры, Загоруйкин со стоном рухнул на подстилку. И тотчас к нему подсел Ян.

— Здорово они тебя, — посочувствовал. — Вот нехристи! За что?

Вопрос показался подозрительным. Как то есть за что? Других почему зря лупят, а его за голубые глаза помилюют? На пуховиках устроят, марципанами кормить станут?

Он так и выкрикнул фразу за фразой хрипло, с надрывом.

— Тихо, — сказал ошарашенный Полуян. — Я ж не хотел обидеть. Давай лучше подмогну.

Подошел старлей, опустился на колени:

— Чего они от тебя добивались, Морячок? Поделится бы?

И этот туда же, подумал Загоруйкин, в душу лезет. Все сволочи. Подставят при первой возможности под петлю и не подавятся. Но отвечать что-то надо. Что?.. Выручил шум отодвигаемого на двери засова. Вошел Абдулло, весело крикнул:

— Принимаю пополнение, ребята!

Он отстранился, пропуская пятерых, одетых в такие же, как у остальных заключенных, дурацкие балахоны. Парни опасливо остановились у решетки. В тусклом свете запыленной лампочки вновь прибывшие смотрелись на одно лицо. Один, тонкошеий, стриженный наголо, выглядел и вовсе пацаном.

— Здоровеньки булы! — сказал Полуян, всматриваясь в мальчишку. И вдруг вскочил, сдавленно произнес: — Сашок... Выркович... Не может быть!

— Мамочка! Товарищ сержант! Вы живой?

Полуян прижал парнишку к широкой груди. Он поглаживал судорожно дергающиеся плечи и, похоже, сам готов был разрыдаться. Об Антоне забыли, внимание переключилось на новичков.

Рядовой Выркович Александр Павлович, стрелок 177 мср, 1967 года рождения, белорус, призван Витебским РВК, захвачен в плен в районе пункта Анава 8 марта 1985 года.

Наутро новичков повели в кузню. Ритуал с надеванием браслетов — так ласково именовал кандалы Абдулло — проходил спокойно. Присутствие начальника тюрьмы обеспечивало порядок, беспрекословное повиновение. Он стоял неподалеку от кузни, привычно покачиваясь с пятки на носок, но казалось, будто не Жаба, а земля под ним плавно пружинит, человек же неподвижен. Как неподвижно лицо и прозрачно-водянистые глаза-шары.

Кузнец с азартом делал свое дело. Двое прибывших с Вырковичем афганцев уже громыхали цепями, примеряясь к новым амплитудам движения ног.

Накануне Полуян о чем-то пошептался с Абдулло, и тот, поколебавшись, согласно кивнул. «Мерзкий тип, — подумал Выркович, — и рожа мерзкая». По ней будто проехал асфальтовый каток, сплюснув подбородок, нос, губы, надбровные дуги, отчего скулы, раздавшись вширь, остро выперли в стороны.

— Кто это, товарищ сержант? — спросил Выркович. — Почему он ведет себя иначе, чем остальные?

— Не суди по первому впечатлению, Сашок. Абдулло, конечно, дерьмо, но человек мне и тебе полезный.

Выркович вопросительно посмотрел на Полуяна, но расспрашивать побоялся. С момента появления в камере парнишка не отходил от сержанта ни на шаг. Вот ведь как повезло — встретить человека, которого знал в той, прекрасной прежней жизни. То была единственная родная душа. За полтора месяца скитаний в плену — единственная. И раз сержант сказал, что Абдулло — человек нужный, то Выркович не станет ершиться. Он с детства усек: старших лучше слушаться, перечить — себе дороже. Выркович и в армии сразу вышел в образцово-показательные, потому как не пререкался, лез из кожи вон, угодная и отделенному, и взводному...

Тем временем Абдулло, сновавший челноком меж кузней и Жабой, угодливо согнулся в поклоне перед начальником тюрьмы и, выпрямившись, указал на Вырковича. Жаба едва заметно кивнул головой и пошел к канцелярии.

Подбежав к Вырковичу, Абдулло схватил парнишку за руку, подвел к охраннику и только тогда объяснил:

— Начальник добрый сегодня. Повезло тебе. Сказал, сопляк ты для браслета. Нужник чистить будешь, пол мыть в канцелярии будешь...

Выркович от радости подпрыгнул. Черт с ним, с нужником! Не переломится от работы. Мыл же за «дедов» клозет и казарму от края до края не один раз проползал. Зато руки-ноги свободны. Он уже успел заметить у пленных сбитые в кровь лодыжки и запястья, — ужас! Но тут Выркович перехватил взгляды закованных товарищей, и его пронзила страшная мысль. Все в кандалах, а он, как тот Танкист, от которого шарахаются, как от прокаженного! Но ведь Танкист сам виноват. Танкист получил по заслугам. А рядовой Выркович ни в чем не провинился и поблажки для себя не просил...

Конвоир пребольно ткнул прикладом автомата в спину, и Саша поспешно побрел вслед за другими подалее от кузни, обуреваемый сомнениями. Чертов переводчик не зря, наверное, выхлопотал снисхождение. Вербует, что ли? Но зачем же делать это публично? Выставил перед товарищами белой вороной, кретин.

Из девятнадцатилетнего жизненного опыта Выркович извлек некоторые уроки, по которому один гласил — не высываться. Задашь учительнице вопрос сверх программы, она тебе потом это на экзамене припомнит. Внесешь дельное предложение на собрании, тебя же осуществлять заставят. В армии рядовой Выркович сразу оценил смысл фразы «Инициатива наказуема». И взял это на вооружение. Сиди, парнище, не рыпайся, пока жареный петух в зад не клонул. Эту фразочку любил повторять командир отделения в горном лагере, где Выркович проходил подготовку перед отправкой в Афган. Не потому ли тот отделенный всех провожал, а сам оставался на месте?..

Полуян, которому Александр, вернувшись в камеру, пожаловался на переводчика, улыбнулся и сказал неожиданное:

— Обалдуй ты, парубок. При чем тут ворона — белая али в крапинку? Абдулло тебя от браслетов избавил, а заодно и сам проверку на всхожесть прошел.

— А зачем ты его проверял? — неосторожно спросил Выркович.

— Заткнись. Тоже мне Мегрэ... Отдыхай, самое пекло сейчас. Потом побалакаем.

Гигант потянулся, широко зевнул. В камере было, как в парной. Ветер, дующий с юга, нес влажное дыхание океана. В полдень духота сгустилась, и ребята, истощенные, истерзанные побоями, лежали в прострации до наступления вечерней прохлады.

— Слушай, Сашок, — шепнул Полуян, понизив голос. — Ты ж теперь в неурочное время из тюрьмы выходить будешь.

Соображаешь? Я тебе буду давать задания. Табачок мне нужен. Особый табачок... — Последнюю фразу он протянул, задумчиво почесывая ржавую щетину, густо облепившую подбородок и шею.

— Я все сделаю, товарищ сержант. Только в табаке не разбираюсь. У кого искать научите и какой сорт спрашивать.

— Ну, Сашок, ну недотепа. Не успел я в части из тебя дурь выбить. А здесь недосуг воспитывать. Запомни для начала: не суй нос, куда не треба, бо прищемлют... Да не хмарься, не вздумай сырость разводить. Вода из тебя все едино потом выйдет. Отдыхай. Я тоже устал...

Сержант прислонился затылком к стене, закрыл глаза и впал в забытие. Спали, похоже, все, но тишины не было и быть не могло. Один стонал, другой кричал, перемежая во сне мат с отрывистыми командами. Полуян то всхрапывал, то затихал, и в груди у него булькало, словно кипела нерастраченная энергия.

Первая радость от встречи с сержантом у Вырковича схлынула, и Полуян начинал раздражать хамскими манерами, грубой силой. Чтобы выжить в плену, конечно, все средства хороши, но не в ущерб же ближнему? Не собирается ли горилла-сержант на его тонкой шее в рай въехать? Наркоман чёртот! Табачок ему доставай. А фигу не хочешь?..

Никто в жизни почему-то никогда не воспринимал Александра всерьез: ни родители, ни товарищи по школе. Из компании не прогоняли, но был он среди сверстников как бы не своим. И девчонки не замечали, разве что Олеся в последний предармейский год. Но и она, пухленькая, голубоглазая, очень взрослая, относилась к Саше, как к младшему братишке, малявке. Выркович так и не научился выпивать — душа не принимала. Пробовал курить — тошнило. Стыдно сознаться, но великовозрастный парень был страстным сластолюбом. Он любил буквально все сладкое — от карамели до бабулиных пирогов с яблоками. На этом и погорел...

Через две недели по прибытии в Афганистан роту, в которой служил Выркович, направили на боевые. До Анавы подбросили на броне, а дальше для захвата склада с оружием должен был состояться первый в жизни солдата марш-бросок в горы. После большого привала рота туда и ушла, только уже без него. Сгинул в зачуханном кишлаке рядовой Выркович. «Духи» скрутили его мгновенно... Не зря мать так голосила подле военкомата, точно провожала сыночка не в армию, а на кладбище. Что бы ни говорили, а материнское предчувствие вещее. Как в воду глядела, родненькая... И отлучился-то от своих ненадолго. Рассчитывал в лавку сгонять, восточных сластей закупить — и назад. Как раз накануне первую солдатскую получку инвалютой выдали. Мизер, конечно, но на рахат-лукум или нан хватало... Ротный, за-

нуда, правда, строго-настрого предупреждал, чтоб не отлучались. Но старшие всегда на запреты горазды — это Сашок давно усвоил, и надо делать вид, будто беспрекословно подчиняешься. Делать вид — самая удобная форма поведения. Она дает внутреннюю свободу.

В первой лавчонке продавались шикарные побрякушки. Сашок решил к дембелю поднакопить денег и купить Олеся и маме бусы и сережки. Олеся — добрая, ласковая. Когда провожала в армию, клятву дала, что ждать будет. А какие письма писала!

Долгих шесть месяцев, что их мурыжили в горном лагере, письма были единственным спасением. Очень трудно было привыкнуть к жесткому распорядку дня, к горным маршам, лазанью по крутизне. Гимнастерка от пота чуть не колом стояла. Ноги — в кровь... Дома-то лафа была: школа, киношка, дискотека. Уроками он особенно не утруждался, все равно аттестат дадут. За маминой спиной от отцовского гнева спасался...

На нужный дуكان Александр напал в конце улочки. Чего тут только не было: крученые кренделя, разноцветные сахарные палочки, пирожные под синей глазурью... Круглолицый с двойным подбородком дукащик, заметив, как загорелись при виде сластей глаза у солдата, растаял в улыбке и знаком пригласил в глубь дома, всем видом обещая еще нечто сладчайшее. Саша, как замороженный, последовал за дукащиком в устланную коврами комнату. И тут от стены отделились два бородатых типа с жуткими рожами. Сунули ему в рот кляп, связали руки и погнали сквозь грязные пустынные дворы, перебрасывая через дувалы. Свой были совсем рядом, и если бы только догадались... Лишь очутившись в «зеленке», Саша понял, что это конец, и заплакал...

Очнувшись, он провел рукой по щеке — она была мокрая. Заключенные перед выходом на прогулку собрались у решетки. Муэдзины уже прокричали призыв на молитву. Двор крепости опустел. Остались два вооруженных автоматами моджахеды: один кружил возле пленных, другой стоял на часах у приземистого строения с зарешеченными оконцами. На крыше возле пулеметной установки не было никого.

Громящая цепями, пленные брели по кругу, лениво перебрасываясь словами. Люди уже изрядно надоели друг другу рассказами, правдивыми или придуманными, об обстоятельствах, при которых попали в Пакистан. Сил на проклятия тем, кто послал на войну, кто лишил молодости, любви, семьи, счастья, оставалось все меньше. Воспоминания о прошлом будоражили, но делиться ими не очень-то хотелось. Недоверие к случайным, хоть и своим, ребятам было главным препятствием к откровенности.

Выркович пристроился к Моряку. Тот был, пожалуй, самым болтливым, с удовольствием вспоминал Одессу, рассказывал о плаваниях в заграничку, о портовых девчонках. У Моряка было бурное прошлое. У Вырковича, кроме школы и Олеси, — ничего.

— Расскажи что-нибудь, — попросил Саша.

Моряк язвительно хихикнул:

— Не тоскуй, малец. Сгуляешь разок в пыточную, вмиг скука пройдет.

— Злой ты, Моряк. Совсем одичал.

— Правильно заметил. Это я сейчас таким стал, здесь. А прежде лопухом был вроде тебя. В армию служить, правда, не рвался, об иной планиде мечтал, но про интернациональный долг и бедных афганцев думал так, как в газетах писали.

— Я и сейчас так думаю, — возразил Выркович.

— Не придурайся! Или уж так запудрили тебе мозги, что до сих пор ничего не понял? Ты ж стопроцентный оккупант. И убийца.

— Неправда. Я... я не убивал.

— Потому что не успел, руки окоротили. Да и какой из тебя стрелок...

— А присяга? Мы же солдаты.

Моряк поглядел на парнишку с сожалением, желчно усмехнулся:

— Блаженный или прикидываешься?.. Ну да черт с тобой. Лично я сыт всем по горло. И будь моя воля, я бы тех, кто эту кровавую баню затеял...

Подошел пленный из новичков, прибывших вместе с Вырковичем, — коренастый некрасивый парень с рябым лицом. По его рассказу, он служил в радиолокационной роте. Был на точке в горах. Там его «духи» и достали. Продали властям всего-то за триста афганей.

— Покурить не найдется? — спросил Связист. Глаза его слезились, веки то и дело помаргивали. Лицо опухло от москитных укусов и походило на плохо надутый футбольный мяч. Эти твари донимали всех, особенно новичков; привыкнуть европейцу к местным жалящим насекомым было невозможно.

— Попроси чего полегче, — ответил Моряк, обрадовавшись новому собеседнику. — О табаке придется забыть. Тут ничем не разживешься. Порядки хуже, чем у фашистов.

— Заметил уже, — сказал Связист. — В банде и то лучше кормили.

— Бадабера — исправительная тюрьма, а не рай с гуриями. Сюда отправляют самых отпетых, для перевоспитания. И охраняют нас, как гарем великого султана. Я бы над воротами написал: оставь надежду всяк сюда входящий.

— Этот вон, наверное, уже оставил, — кивнул Связист на одиноко бредущую вдоль тюремной стены фигуру.

— Бог шельму метит, — процедил сквозь зубы Моряк и сплюнул под ноги.

— Откуда известно, что он предатель? — спросил Выркович. Несчастный вид Танкиста, превратившегося буквально в тень, вызывал острую жалость.

— Жабa в доверительной беседе сообщил, — хихикнул Моряк. — Но если серьезно, то зря подачки не делают.

— На мне тоже кандалов нет, но это не значит...

— Не сравнивайся со всяким. Тебя по малолетству и хлипкости не заковали. Носом не вышел. А того, — кивнул он в сторону Танкиста, — обозначили, чтобы всех оповестить.

В этот момент Танкист надрывно закашлялся. Содрогаюсь, он попытался опереться о стену, но не удержался и медленно сполз на землю.

— Тебе плохо? — спросил, подбежав, Выркович.

— Ничего, пройдет, — прохрипел Танкист, пытаясь справиться с приступом кашля. Кожа на лице была мертвенно-бледной, высохшей. Из глаз-щелочек бил угасающий жар.

Подошли несколько пленных, окружили.

— Эко его, беднягу, — сказал кто-то жалостливо. — Может, помочь чем?

— Отхлынь, ребята, — раздался резкий окрик Моряка. — Он же нас всех, сука, заложил!

Танкист вздрогнул, затравленно оглянулся. Взгляд стал жестким. Губы дрогнули, но не произнесли ни слова.

Послышался голос охранника, приказывающий разойтись. Пугаясь в цепях, пленные поспешили вернуться на протоптанную по кругу дорожку: кому охота получить прикладом по голове.

Солнце ушло за высокую стену крепости, и даже отблески его не попадали в оконце тюрьмы. Камера постепенно наполнялась сумерками, не принеся ни малейшей прохлады. Весь день ветер дул с востока, принося обжигающее дыхание тропических джунглей. Зной настолько раскалил землю, что она еще долго после конца дня источала удушливый жар.

Полуян сидел возле старшины и время от времени смачивал ему лоб водой, зачерпывая ее из глиняной миски. Днем Пушника в очередной раз таскали на допрос и принесли отсюда в беспамятстве.

Выркович подсел к сержанту, тихо спросил:

— Ну как он?

— Плох, дальше некуда... Что там на воле? Добре сгулял?

— Танкист упал. Я помог ему встать.

— Загибается хлопец. Негоже оставлять его в одиночестве.

— Моряк его поносил, как последнюю дворнягу. А Связист усомнился...

— Правильно. Нам кучней держаться надо. Последнее дело в плену к своим пристебаться.

— Ты, Ян, большой, сильный. Ты все выдержишь, а если меня начнут пытаться...

— Авось пронесет. А Связист, похоже, парень крепкий и дорого бы дал за обратный ход. Такой может нам согдиться.

— Для чего?

— На всякий случай.

— А когда бежать будем, ночью?.. Ночью лучше!

— Фу ты, бисова душа, — возмутился Полуян. — Уже и кошелку собрал!

— Значит, я угадал?

— Логично мыслишь, парубок, но язык твой — без костей, большие опасения вызывает.

— Товарищ сержант, — взмолился Выркович. — Я за вас голову сложу, не дрогну.

— Пусть будет по-твоему, — сказал Полуян неохотно. — Завтра постарайся войти в контакт с афганцами, ну, с теми, что за решеткой.

— Зачем они нам?

— А кто с местным населением будет балакать?.. Одного человека покажу. Породистый такой, в летах. Его Акаром кличут.

— Если вы его знаете, может, он вам больше доверится? — опасливо спросил Выркович. Он уже пожалел, что втянулся в историю.

— Дюже габаритный я, внимание привлекаю. А ты еще пацан, подойдешь незаметно. Передашь Акару от Мишки привет и постарайся получить ответ. Сдается мне, афганец русский знает.

— Сделаю, как велишь. Ты, пожалуйста, доверяй мне, Ян. Пожалуйста...

Выркович преданно смотрел в мутные глаза сержанта, повторял, как заклинание, признания в любви, а сам думал: «Почему здесь никто никому не верит? Каждый сам по себе. Людьми руководит какой-то утробный страх». Сашок о себе правду знает, но за других поручиться не может. Даже за сержанта. И все же Полуян — единственная зацепка. Без него пропадешь. Не останется даже имени в памяти людей. До Вырковича ли, если об афганской войне в Союзе вообще ничего не пишут? Столько ребят сгинуло, покалечено, а все секреты. Что ж говорить о пленных?

С такими мыслями Александр, добравшись до подстилки, стал засыпать. И снова увидел Олесю. Почему она стоит посреди заросшего бурьяном поля? Почему прощально машет рукой? В глазах-васильках тоска. Губы, как у старухи, скорбно поджаты. О чем она плачет, не раскрывая рта — протяжно, приглушенно?.. Негромкий щемящий вой разрывал душу.

Александр привстал, прислушался, втайне надеясь, что плач ему приснился. Звуки шли из дальнего угла, где отдельно от всех лежал Танкист. Александр вскочил, подошел к нему. В блеклом свете лампочки увидел лицо, залитое слезами. Бесплотное тело Танкиста сотрясала мелкая дрожь.

— Ты что? — растерянно спросил Выркович, схватив Танкиста за плечо.

Тот испуганно отшатнулся:

— Уйди. Не тронь...

— Может, надо чего? Так я...

— Сон привиделся, — ответил Танкист. — Страшный...

— Бывает. Мне тоже приснилось, будто с Олесей прощался. Олесья — подружка моя. И еще мама...

— А я сына видел, — признался Танкист.

— У тебя есть сын? Взрослый?

— Два года было. Ходил уже. Смешной такой...

— Вернешься, в школу поведешь.

— Нет, — сказал Танкист и отвернулся.

— В школу теперь по новым правилам с шести лет принимают.

— Не увижу я его больше.

— Зря ты... — Выркович помолчал и, нарушив слово, данное Полуяну, шепнул: — Ребята побег готовы.

— Не выйдет, так и скажи прапорцу, — покачал головой Танкист. — Я трижды бежал. Последний раз пистолет добыл, почти до самой границы дошел...

— Ух ты, здорово! Как же снова влип?

— Так уж получилось. Мальчонку местного встретил. Черный, как головешка из потухшего костра. В драной одежонке. За спиной — вязанка хвороста тяжелая... Мне бы придушить гаденыша, да рука не поднялась.

— Отпустил?

— Отпустил... на свою голову. А он в деревню побежал и тревогу поднял. Нет, не судьба видно.

— Ну и дурак. Я бы убил... Но не отчаивайся, — с наигранной бодростью сказал Выркович. — Еще проживем.

— А зачем? — обронил Танкист и надолго умолк. Потом, очнувшись, шепнул: — Иди... Еще твои увидят.

— Ты тоже наш.

— Не надо, — отмахнулся Танкист. И еще раз повторил: — Не надо. Ты иди... Пожалуйста.

Вернувшись на свое место, Сашок долго наблюдал за неподвижной сторбленной фигурой с безжизненно поникшей головой. Потом все сдвоилось, расплылось: решетка, отделяющая камеру, почерневшие балки потолка, желтое пятно лампочки на обросшем паутиной шнуре...

И проспал-то он вроде недолго, как вдруг словно током ударило. Открыл глаза и обмер. На продернутой сквозь прутья решетки веревке висел Танкист. Босые ноги подогнуты, голова свалилась к плечу, синяя шея вытянулась, как у куклы-марионетки.

Не помня себя от ужаса, Сашок дико закричал. Камера мгновенно ожила. Кто-то громко охнул, и наступила тишина. Подняв трясущиеся руки, Моряк стоял на коленях с раскрытым ртом, застывшим в немом крике. Вдруг он вскочил, бросился к Танкисту, обнял его ноги и заорал:

— Ты что? Ты зачем, сволочь?.. Я же не хотел. Я не хотел!..

Оцепенение сковало обступивших повешенного пленных. Все много раз видели смерть. Их били, истязали тело и душу. Но в них стреляли враги. И они стреляли во врагов. А этот — сам...

Кто-то воскликнул: «Гляньте, братцы!» И все повернулись к стене, где углем, взятым, очевидно, возле кузни, было неровно выведено: «Не виноват, клянусь. Прощайте, ребя...»

6

Достопочтенному Бархануддину Раббани сыну Мохаммеда Юсуфа, да продлит Аллах его дни.

На ваш запрос сообщаем. На сей день в крепости содержится 13 русских военнопленных. Один (имя неизвестно, кличка Танкист) 6 саура 1364 года¹ добровольно предстал перед Аллахом. Причина не выяснена. Меры физического воздействия к нему не применялись. Остальные в удовлетворительном состоянии. Интересующий Вас Н. Н. Пушкин, несмотря на допросы III степени, согласия на сотрудничество не дал. В отношении офицера (кличка Старлей) выполнение Вашего задания ускоряем.

Из донесения коменданта крепости Бадабера

Обычно во время еды, получив порцию баланды, заключенные, рассевшись вдоль стен, громко переговаривались. Слышались забористые шутки, смех. Пушкин не удивлялся, так и должно быть. Несмотря на жуткие условия и полную без-

¹По исламскому календарю — 25 апреля 1985 года.

надегу, жизнь берет свое. Ребятам по двадцать, некоторым чуть поболее. В такие годы на студенческой скамье сидеть бы, за девками бегать, а не в тюрьге кандалами звенеть, пройдя через кровь, смерть друзей, через плен.

На сей раз завтрак, однако, проходил в полном молчании, сопровождаемый глухим стуком ложек да тихим звяканьем цепей. Смерть Танкиста вызвала тяжкие раздумья, внутренний протест, копившийся исподволь много дней и теперь готовый выплеснуться наружу. Атмосфера в камере сгустилась, наэлектризовалась — так бывает перед грозой...

Пушник грыз твердокаменную маисовую лепешку, раздвигавшую кровоточащие десны, и осторожно за всеми наблюдал. Он чувствовал себя в ответе за парней. И не только потому, что был старше, опытней. Заботиться о солдатах, отдаваемых ему в армии под начало, давно стало не просто обязанностью — скорее велением души. Чувства, что он испытывал к мальчишкам — добрым и злым, дерзким и послушным, — было сродни отцовским.

Всматриваясь в осунувшиеся почерневшие лица товарищей по несчастью, Пушник видел, как здорово они изменились — посуровели, повзрослели. Сегодня на рассвете каждый наверняка подумал, что и его ожидает судьба Танкиста. Уж на что Выркович совсем пацан, а и у него взгляд как-то сразу утратил наивность.

Глаза Пушника остановились на Моряке, потерянно сидевшем напротив. К лепешке, к наполненной баландой миске тот не прикоснулся. Вот как можно ошибиться в человеке... Казался толстокожим, легкомысленным ветрогоном, избалованным в доармейской жизни портовыми девочками и блатными компаниями. Иногда выплывала мыслишка: а тот ли это парень, за которого себя выдает? Но после того как Жаба на допросе разрисовал Моряка по «высшему» разряду, сомнения отпали... И все-таки еще недавно трудно было заподозрить в нем такую чувствительность. Ведь Моряк буквально забился в истерику, увидев Танкиста в петле. Конечно, он больше других над ним изгалялся, но и остальные не особенно отставали, плевали в парня как могли. Каждый внес свою постыдную лепту, вот и погубили человека. Не выдержал травли и смертью доказал, что чист. Далеко не каждый на такое способен. А им всем позор!

Пушник и себя винил в гибели Танкиста. Мог бы попридерживать ребят в их усердии. Слишком уж явно указывал Жабана предателя. На дураков рассчитывал? Сделал Танкиста козлом отпущения, прикрыв кого-то другого?.. Но Жаба не кретин, чтобы так грубо работать. Он — типичный провокатор и, надо признаться, в этом качестве преуспел...

Угрюмое молчание в камере продолжалось. Прошел час-другой, а никто не заговаривал. В гнетущей атмосфере стано-

вилось трудно дышать. Нервы, как перетянутые струны, вот-вот не выдержат, и ситуация в камере — от покорности судьбе до психического срыва — станет неуправляемой...

Николай отыскал глазами Полуяна, поманил к себе. Тот подошел, опустился рядом и глухо сказал:

— Вот как оно вышло, проглядели человека. Пусть земля ему пухом будет.

— Кончай панихиду! — прикрикнул прапорщик. — О живых думать надо! Как обстоят дела с подготовкой к побегу?

Полуян вздрогнул: с какой стати прапорщик, требовавший стражайшей конспирации, вдруг заговорил во всеуслышание?

— Харчами малость подзапаслись, — пробормотал растерянно. — Железяки из кузни изъяли и заточили. Ножи даже разбойные получились... Сашок с Акаром переговоры провел.

— Что Абдулло?

— Крутит толмач. Но расположение постов сообщил. Ночью возле тюрьмы один стоит, да двое «духов» — у ворот.

— Трех трудненько будет снять...

— Кто говорит, что легко...

— Главное, без шума.

— Расстаемся. Ты скажи срок. Может, сегодня? Братва даже за Танкиста переживает. Голыми руками «духов» готовы передавить.

— Отставить! — отмахнулся Николай. — На вторую попытку у нас ни сил, ни возможности не будет. Или — или... Но сегодня надо объявить готовность номер один. Чтобы в любой момент люди были на стреме. Обойди каждого, проведи индивидуальную работу.

Солнечный луч остро вонзился в окно, осветив обшарпанные стены с паучьими «гамаками», залепленными москитами, комарами... Лежа на боку — позвоночник невыносимо ныл, — Пушник видел, как переходит Ян от одного заключенного к другому. Подсядет невзначай, кого обнимет, кому кулаком пригрозит или хлопнет по плечу. Камера постепенно выходила из транса, из обморочного небытия. Светлели лица, распрямлялись спины. Нарушили застоявшуюся тишину восклицания. Превращение это вызвало смешанное чувство радости и горечи. Люди выходили из шока. Когда у человека, находящегося в безвыходном положении, появляется хоть какая-то надежда, она окрыляет. И в этом его, Пушника, заслуга.

Старшина никогда не переоценивал себя, но силу влияния все же знал. Говорили, был когда-то хорош. Когда-то... На днях нагнулся к ведру с водой и ужаснулся — краше в гроб кладут. Лицо — не лицо, карнавальная маска. Голова в струпьях, брови, усы, щетина на ввалившихся щеках — седые. Старик...

С самого начала, поддерживая и всячески развивая идею побега, Пушник отдавал себе отчет, что из крепости уйти

практически невозможно. Надо ведь не только без единого выстрела снять часовых, бесшумно проскользнуть мимо караулки, где отдыхают полтора десятка «духов», отпереть или взломать чугунные ворота, но еще и пробежать ярко освещенное прожекторами пространство между наружной стеной и ближайшими зарослями кустарника. Хорошо, если на вышках, где стоят пулеметы, не окажется дежурного расчета... Так что на удачу — один шанс из тысячи.

Николай знал, что побег не удастся. И тем не менее делал все для его подготовки, лишь бы не отбирать у людей последнюю надежду... И уж совсем отчетливо понимал, что для него лично, даже если выпадет тот самый единственный шанс и заключенные вырвутся из крепости, это все равно не означает спасения. Лишенный возможности передвигаться, он обречен. Напрасно Ян обещал унести старшину на руках. Николай не возражал, но для себя решил при любом раскладе остаться в крепости и повторить то, что не удалось на перевале: задержать «духов», лишь бы парни успели уйти подальше.

В полдень в камеру с ведром извести пришли два охранника. Заключенные в полном молчании наблюдали, как исчезало под взмахами кисти нацарапанное углем на стене прощальное письмо Танкиста. Пушник видел горящие глаза ребят, взволнованные, гневные лица. Стоит сказать сейчас слово, подать знак, и ребята ринутся на охранников. Но цена за сомнительное удовольствие отомстить была бы слишком дорогой. Поэтому Николай, опираясь на руку Яна, поднялся с пола и склонил голову. Теперь все без исключения стояли навтыжку, отдавая последний долг погибшему Танкисту, так и ушедшему из жизни безымянным...

В полдень на допрос увели Алексея. Ротный изменился до неузнаваемости. Прежде это был щеголеватый офицер с самоуверенной ухмылкой на капризно изогнутых губах, не считавшийся ни с чьим мнением. Куда девалась бывлая выправка? Плечи опущены, спина дугой, походка неровная, старческая. Мужуку двадцать пять, а смотрится на полста.

Жаба последние два дня как с цепи сорвался. Мало того что пленных избивали до полусмерти, вздергивали на дыбу, прижигали каленым железом, так еще и «капельницу» придумали. Первым ее испробовал Связист. Он рассказывал: посадили в кресло с высокой спинкой, над которой закреплен обруч для головы. Примотали ремнями, чтобы не шелохнулся. И сверху из бачка на выбитую макушку начинает капать вода. Ощущение поначалу даже бы приятное, но чем дольше капелъ стучит по темечку, тем переносимее становится боль. Голова буквально раскалывается на части. Впечатление, будто в мозг вбивают раскаленные гвозди... После «капельницы»

Связиста приволокли — идти не смог. И еще потом сутки был не в себе, как-то странно по-звериному подвывал и дергался.

Алексей вернулся с допроса довольно скоро. По всему видно, на сей раз его не били. Но Пушкина поразило поведение ротного.

Он зашел в камеру, спотыкаясь, будто слепой, опустился на подстилку: не согнулся — сломался. И тупо уставился в пространство.

Пушник подполз к Алексею и осторожно тронул за плечо. Старлей вздрогнул, словно его ужалили, испуганно вскинул голову.

— Это ты? — пробормотал. Когда-то карие глаза, живые, блестящие, дерзко смотревшие на окружающих, потухли.

— Что случилось, рассказывай! — потребовал Пушкин.

Опухшие, в кровотокающих трещинах губы Алексея дрогнули.

— Крышка мне, Колян! — прошептал он.

— Не пори чепухи, — возразил Пушкин. Никогда еще он не видел самолюбивого, гордого ротного таким подавленным. И с невольным страхом подумал: какой же силы должно оказаться воздействие на старлея, чтобы его сломать?

— Не раскисай, Алешка, — грубовато сказал Пушкин. — Прорвемся... Да и в чем, собственно, дело?

Алексей прижался щекой к колену и тихо сказал:

— Ты видел когда-нибудь собственную смерть, Колян?... Видел? Я сегодня ее, костлявую, узрел во всей красе.

— Что ты прешь ахиною? — воскликнул Николай.

Также замедленно, без интонаций и пауз, Алексей продолжал:

— Подвел меня Жаба к окну канцелярии и говорит: «Оставляю сутки на размышление. Если не согласишься, тут будет завтра твое место, господин офицер». И указал на кол во дворе. Помнишь афганца, наказанного за нападение на охранника?..

Еще бы не помнить: афганец, посаженный на кол, дико выл всю ночь. Только к утру затих. Его, уже мертвого, стащили с кола и вынесли за ворота...

— Мало ли нам грозили, — пробормотал потрясенный Николай. И подумал, что в этом забытом Богом месте все может стать. Вслух же с наигранной бодростью воскликнул: — Мы им живыми нужны!

Старший лейтенант приподнял голову, еле слышно обронил:

— Нет, Колян, это не пустая угроза. Жаба пообещал, что будет откровенен, и слово сдержал.

— Что же необыкновенного сообщил тебе Жаба?

— Раббани ждет большую группу иностранных корреспондентов и готовит представление, шоу по-ихнему. Приглашены

радио, телевидение. Мое выступление перед журналистами с определенными заявлениями должно прозвучать на весь мир, что поднимет пошатнувшийся престиж «духов», поможет им получить от американцев очередную партию оружия и деньги. Если не подоспееет помощь из-за океана, моджахедам нечем будет дальше воевать. Вот такая ситуация. Жаба сказал — ему нечего скрывать: либо я дам согласие, либо...

Слушая старлея, Николай все отчетливей понимал, что Жаба действительно выложил все как на духу. За разглашение таких сведений, если не будет результата, начальника тюрьмы к награде не представят. Но вдруг Алексея все-таки взяли на испуг? Казнить советского офицера таким варварским способом — может ведь дойти до тех корреспондентов... Возможно ли такое в двадцатом веке?

— Я тоже так подумал, — усмехнулся Алексей. — Даже сказал: «А вдруг просочится информация о расправе надо мной?..» На что Жаба преспокойно ответил: «Никто не узнает. Никто и никогда... Чтобы у обер-лейтенанта не осталось иллюзий, я поклянусь на Коране». И взял в руки лежащую на столе книгу.

Николай похолодел. Он знал, что означает для мусульманина клятва на Коране.

— погоди, не отчаивайся, — пробормотал, — что-нибудь придумаем. Надо взять себя в руки. Выход где-то есть, обязательно есть...

Он говорил, лишь бы не молчать. Молчание было бы сейчас особенно невыносимым. Алексей сразу бы понял, что его мудрый старшина, на которого в последнее время он привык во всем полагаться, тоже загнан в угол и не знает, как поступить.

— Думай, Колян. Это единственное, на что мы тут имеем право, пока не отшибли мозги, — отозвался Алексей и снова уткнулся лицом в колени.

Продолжать разговор было бессмысленно. Ротный сейчас в отключке. Надо оставить мужика в покое, пусть пройдет первый приступ отчаяния. Ситуация и в самом деле тупиковая. Куда ни кинь — кругом чернуха... Не может Алешка скурвиться. Не может, и все тут. Что бы ни думали солдаты об афганской мясорубке, как бы ни кляли тех, кто распорядился их судьбой и жизнью, но сказать об этом падким на жареное иностранцам характер не позволит. Не человек тот, кто отречется от своего народа, от солдатской присяги, от Родины, наконец...

Но, с другой стороны, страшная смерть, недостойная человека, в полной неизвестности... И если не упираться по-ослиному, если произнести, кол им в глотку, несколько слов, согласно кивнуть в кинокамеру, то можно еще пожить, а там, глядишь...

Николай встал. Держась за стенку, машинально сделал шаг, другой. Колени дрожали, в икрах кололо, поясница отозвалась прострелом. Но ни боль, ни дрожание, ни колотье не имели значения. Николай шел. ШЕЛ. Он переступал через лежащих на полу. Шел, боясь оторваться от стены. И в душе ликовал. И чем дольше двигался, тем яснее понимал: случилось чудо. Так уже было однажды. Госпитальный врач тогда предсказал: «Отлежишься, старшина, подлечишься и в один прекрасный день поскачешь на своих двоих!» Похоже, «санаторий» в Бадабере оказался отличным местом для излечения.

— Товарищу прапорщику ура!

Пронзительно-звонкий тенорок принадлежал, конечно же, Саме Вырковичу. Потрясенный увиденным, он описывал вокруг Пушника круги, хлопал в такт каждому шагу ладонями и сиял от счастья, отчего заострившееся, в волдырях от москитных укусов, лицо парнишки выглядело еще более жалким.

Теперь вся камера наблюдала за героическими усилиями старшины. Даже афганцы во главе с Акаром прильнули к решетке. И Пушник продолжал идти, хотя уже ощущал, как потяжелели ноги и навалилась усталость.

— Совсем отпустило или чуток? — спросил Полуян, когда старшина остановился рядом.

— Боюсь загадывать... Ты ребят успел предупредить?

— Нашептал всем, кому надо.

— Моряка ввел в курс?

— Намекнул. Раскрываться до исподнего не стал. Нет ему моей полной веры.

— Может, ты прав, — рассеянно ответил Николай. Он все еще прислушивался к себе, к ушедшей боли, с трудом привывая к мысли, что снова на ногах. Взгляд упал на Алешку, скрючившегося в изголовье подстилки лицом к стене. Сердце сжалось. Как погасить это отчаяние? Чем помочь человеку, у которого нет иного выхода, как умереть?

Мелькнувшая мысль показалась спасительной. Раз все, или почти все, готовы к действиям, почему не попытаться бежать нынешней ночью? Какая разница — когда? А так хоть старлей избежит казни и, коли суждено отдать концы, погибнет как воин.

Однако, поразмыслив, Пушник дал отбой. Ничего не подготовлено, Абдулло только начал нащупывать связи с пуштунами. Нет и оружия. Афганцы обещали по своим каналам добыть хоть один ствол — не идти же против автоматчиков с голыми руками? Железные полосы, украденные в кузне, хороши только при рукопашной...

И Пушник засомневался, имеет ли право послать на смерть всех ради одного старлей? Мера ответственности была у старшины велика. Не мог он взять на свою совесть гибель двух с половиной десятков людей.

— Не расстраивайся, Микола, — сказал Полуян, поняв состояние старшины по-своему. — Разве ж я не понимаю, что Моряк — наш брат, десантура. Пойду сейчас к нему, раз-объясню, чтоб был готов... Нема мочи терпеть более, Микола! Может, рванем сегодня, а?

Гигант Полуян смотрел на Пушника с мольбой, и тот вдруг подумал: зря что ли ему сегодня был подан знак свыше? Дер-зость всегда спутница победы. Только бы удалось бесшумно снять часовых, чтоб не успели поднять тревогу...

— Ну что ж, уговорил, Ян, — сказал Пушник. — Давай обсудим детали. Начнем ночью, часа в три, когда вокруг тишь да гладь. «Духов» берем теплыми. Сперва надо придушить того, что в коридоре, а как до него добраться, — соображай.

— Глянь сюда, старшина... — Полуян вытащил из-за па-зухи заточку. — С помощью этой штуковины помаленьку сдвину засов и...

— Годится, — одобрил Пушник. — Кто займется часо-вым?

— Окромя меня некому. Я уж и браслеты «сбрил» до по-следнего миллиметра. Сашок расстарался, спер из кузни на-пильник.

— Отлично, Ян. Напильник передай по цепочке... А теперь слушай сюда: командовать всеми действиями будет Сергеев.

— Отстраняешься от ответственности, прапор? — возму-тился Полуян. — На кой нам ляд Сергеев? Он дохлак, тряпка, а у тебя голова, что Дом Советов.

— Не забывайся, Сергеев старший по званию. Мы — не банда, мы — солдаты...

— Много на себя берешь, прапор. Плевал я на звания, на армию, на Афган вместе с интернациональным долгом. Я ни-кому ничего не должен!

— Прекрати истерику. Проплюешься... Если компания не подходит, давай деру сам: вот Бог, вот порог. А остальные, чтоб я так свою маму увидел, будут действовать как армейское подразделение.

— Не жми на меня, Микола. — Полуян «скисал» на гла-зах. — Не жми, будь человеком. Я сделаю, как велишь.

— Тогда иди к нему, к старшему лейтенанту. Доложи об-становку, посвяти в план. Наверняка командир что-нибудь дельное подскажет.

Полуян все еще колебался. Он как-то не очень верил в право Сергеева командовать собой. Пушник в качестве руко-водителя был бы привычней, надежней. Да и другие прапора слушались. Он бы справился, несмотря на инвалидность. Но раз так решил...

— Дело твое, — пожал плечами Ян и нехотя направился к старлею.

Пушник издали наблюдал, как гигант подошел к Алешке, плюхнулся рядом и, нагнувшись, что-то шепнул в ухо. Тот отшатнулся, как от удара, обалдело посмотрел на Полуяна, перевел взгляд на Пушника, поднявшего в знак приветствия руку к воображаемому козырьку. Потом выпрямился, что-то быстро сказал.

Вот что значит подать надежду, вдохнуть веру... Пушник искренне порадовался за ротного. Теперь тот походил на прежнего старшего лейтенанта, к нему даже вернулась выправка.

Явился явно встревоженный Абдулло. Покружив по камере, сказал: господин начальник интересовался, все ли довольны пищей и нет ли каких просьб? Это было что-то новое, и так как исходило это новое от начальства, то не сулило ничего хорошего.

Тем временем Абдулло как бы невзначай подошел к Яну, о чем-то пошептался, передав тревогу гиганту. От Яна направился к Моряку и громко сообщил:

— Тебя начальник на допрос звал. Велел приводить. Однако гость приехал из Пешавара — встречать пошел. После вечернего намаза приказал теперь...

Моряк поднял голову. Лицо исказилось, зрачки расширились. Он со страхом, как на гремучую змею, взглянул на переводчика и закричал:

— Я больше не могу! Не надо, не хочу! Я ничего не знаю...

Странно так закричал, оглянулся на товарищей — никто не отреагировал.

К Пушнику подошел Ян. Сообщил, что начальник тюрьмы с сегодняшнего дня удвоил ночной караул и выставил дозоры вокруг крепости... Новость была не из приятных. Рушился здорово задуманный план. Снять одного часового можно, но если их пара да еще дозор? Успех побега, и без того проблематичный, становился нереальным.

Мелькнула мысль, а не провокатор ли Абдулло? Переводчик знал о предстоящем побеге, сам, можно сказать, принимал участие в его подготовке. Почувствовав, что срок приближается, вполне мог испугаться и дать задний ход. Вот и решился на обман, придумав версию об усилении охраны. Однако проверить это не представлялось возможным.

Николай почувствовал себя загнанным в угол. Надежды разом рухнули, и Алексею теперь не избежать страшного конца.

— Ты иди... иди, — глухо сказал он Полуяну. — Я подумаю.

Закрыв глаза, Пушник прислонился к стене, затылком ощутив ее скользкую бугристую поверхность. Стены, выложенные из ребристого камня, скрепленного глиняным раство-

ром по неведомому европейцам рецепту, строились на века, и не было выхода из этого каменного мешка.

Кто-то тронул за локоть. Открыв глаза, Пушник увидел Моряка. Выражение его лица поразило: ни страха на нем, ни подавленности, только бешеная решимость.

— Послушай, прапор, — сказал Моряк. — Я знаю, братва готовит побег. Удрать не светит ни за какие коврижки, если не воспользоваться...

— Чем? — перебил Пушник.

— Нужно захватить склад. Там оружие, там боеприпасы... Если подфартит, сможем диктовать условия сами.

— Откуда знаешь, что в складе оружие?

— Не имеет значения.

— Вообще-то имеет. Но в нашем положении не до чистоты эксперимента. Значит, уверен?

— Век свободы не видать.

— Брось эти блатные прибаутки, — усмехнулся Пушник. — Пойми, если ты ошибся и в складе не оружие, а, к примеру, продовольствие, мы окажемся в мышеловке.

— Я сказал — твое дело не верить!..

— Извини, брат, не психуй. Идея мне даже очень по нраву. Я-то за, но с остальными следует потолковать. На кон люди голову кладут, поэтому участие должно быть добровольным...

Вскоре согласие было получено от каждого. Заартачился лишь Полуян.

— Такого уговора не было, — заявил он. — Бежать — одно, а идти на смертоубийство нет охоты. На волю я желаю, прапор, да, видно, не судьба...

Пушник напомнил об усилении охраны и решил не обращаться на Полуяна внимания. Надо было пересмотреть весь план.

— Начнем, когда стемнеет, — высказал предположение Николай. — Как считаешь?

— Ни в коем случае! — вмешался Моряк. — Начинать надо во время вечернего намаза. Поверьте моему опыту, это самый подходящий момент. Все уйдут на молитву, а нас, как обычно, выведут на прогулку.

— Согласен, — кивнул Алексей.

После недолгого обсуждения решили создать две группы захвата. Одна нападает на часового возле тюрьмы, другая снимает того, что у склада. В первую вошли Полуян, который мог моментально освободиться от цепей, и Выркович, не имевший их вовсе. Другую группу, после некоторого препирательства, составили из Алексея и Николая. Алексей вынесет товарища на руках и остановится возле часового. Калека и поддерживающий его заключенный, у которого заняты обе руки, не насторожит душмана, и его легче будет скрутить.

Прогулка, как обычно, началась перед закатом солнца. Свободные от службы «духи» покинули караулку и устремились в лагерь. Гнусавый голос муэдзина, призывавший мусульман к молитве, прозвучал для заключенных призывом к действию. Двор крепости опустел. Только Абдулло замешкался. Почуял, похоже, что события вышли из-под его контроля...

Абдулло долго тешил себя иллюзией соучастия в организации побега. Лучше других понимал он гибельность этого предприятия и все же искал связи с пуштунами, добывал для Полуяна «курево», для сопливого Сашки — лишнюю лепешку. Зачем он это делал, Абдулло и сам не знал. Впрочем, знал... За решеткой ведь были свои ребята, которым знакомо чувство локтя, понятия дружбы, взаимовыручки. И Абдулло был одним из них. Он учился в школе, был октябреньком, пионером. Как все. Потом в армии, принимая присягу, повторял в общем хоре: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик... торжественно клянусь!..» Как же это было давно! Теперь он никому не товарищ. Теперь он ничей гражданин.

Раздался резкий свист. То был сигнал. Сигнал для нападения. Согнувшийся калачиком Пушник, которого с трудом тащил немощный старлей, внезапно встал на ноги, выпрямился и пошел на охранника. Тот попытался вскинуть автомат, но Пушник с размаху ударил его кулаком в переносицу. Подскочивший сзади Алексей накинуд на шею цепь... Почти одновременно Полуян расправился со своей жертвой. Тот лишь коротко вскрикнул.

— Что делал? Зачем? — дико заорал Абдулло. — Смерть подписал всем. Кто соглашался умирать? Я — нет...

Пушник, совершенно обессиленный после перенесенного напряжения, негромко позвал:

— Иди к нам, Абдулло. Кто старое помянет...

Абдулло бросился к воротам.

— Куда? Назад, сука!.. — крикнул Полуян. Схватил автомат, выпавший из рук охранника, прицелился. Но выстрелить не дал Связист.

— С ума сошел, паря, — схватил он Полуяна за плечо. — Ты ж сейчас всех спугнешь. Быстрее к складу!

Опомнившись, Полуян помчался в кузню, схватил молот и с остервенением обрушил его на дверь. Замок на кованых петлях не шелохнулся, зато не выдержали петли. Обе створки с грохотом рухнули внутрь, взметнув столб пыли. Маленькие оконца под потолком пропускали мало света. Но даже при таком скудном освещении хорошо просматривались стеллажи с разложенным на них оружием, ящики с гранатами, снарядами, цинки, набитые патронами.

— Ну вот, а ты сомневался, Коля! — сказал Моряк хрипло, передразнивая Абдулло.

Ребята вокруг захохотали. Напряжение было столь велико, что разрядка оказалась спасительной.

За крепостной стеной послышались крики, нарастающий топот множества ног. «Значит, все-таки Абдулло! Предал, сволочь, в последний момент!» — подумал Пушкин. Он первым вошел в арсенал, с трудом добрался до стены. Стиснув зубы, едва сдержал стон. Боль в пояснице пронзала насквозь — сейчас это было особенно обидно.

В воротах крепости показались «духи». И тут опомнился Алексей.

— Разобрать автоматы! — крикнул он. — К бою!

— Командуй, старлей! — рявкнул могучим басом Полуян. — Нету мочи терпеть. Давить хочу гадов!

— Настреляешься, Ян, обещаю. К бою! Огонь!..

Очереди застучали почти одновременно. Два десятка ствол — могучая сила. «Духи» словно споткнулись о невидимую преграду, остановились и, устилая двор трупами, буквально через минуту с воплями ринулись обратно за ворота.

7

26 апреля 1985 года в 18.00 по местному времени группа советских и афганских военнопленных в количестве до 24 человек, содержащихся в районе центра подготовки афганской контрреволюции Бадабера (24 км южнее Пешавара, СЗПП, Пакистан), совершила вооруженное выступление. Напав на охрану, военнопленные завладели ее оружием, заняли оборону...

*Из докладной начальника Главного
разведывательного управления ГШ ВС СССР
министру обороны СССР*

Двор крепости давно опустел, а ребята все еще не могли остановиться и продолжали остервенело поливать свинцом плац, вспучивая землю вокруг нескольких продырявленных тел. Опьяненные внезапной свободой, дорвавшиеся до оружия, они вкладывали в дрожащие от выстрелов автоматы всю накопившуюся за время плена ненависть. Алексей понимал ребят и сам готов был бить, душить истязателей до тех пор, пока не захлебнутся собственной кровью. Но он был сейчас уже не одним из пленных. Он был командиром. Парни сами сделали

выбор, вручив ему свои судьбы. И теперь Алексей остро, как никогда прежде, почувствовал ответственность за товарищей по несчастью, волею обстоятельств ставших отныне и, возможно, до смерти его подчиненными.

— Отставить огонь! Сержанту Полуяну остаться у двери и вести наблюдение за противником! Остальные — ко мне! — крикнул Алексей и с удовлетворением отметил, как четко и быстро было исполнено приказание.

С того момента, когда Ян сказал, что пленные решили выбрать товарища старшего лейтенанта своим командиром, в душе Алексея все перевернулось. Тяжелое, беспросветное отчаяние, владевшее им последние часы, внезапно отступило, и он ощутил огромное, ни с чем не сравнимое облегчение. Мысленно после разговора с Жабой Алексей распрощался с жизнью и молил лишь о том, чтобы не подвела воля, чтоб смог достойно, как подобает русскому офицеру-десантнику, встретить мучительную смерть... Теперь же он словно родился заново, но уже совсем другим... Прежнее, пацанячье бахвальство слетело шелухой. Теперь Алексей ощущал себя много повидавшим, еще больше испытывавшим в жизни человеком, умудренным горчайшим опытом и потому ставшим трезвым и расчетливым...

Ребята обступили старшего лейтенанта со всех сторон, и Алексей благодарно подумал: какие близкие, родные лица... Но было не до объяснений в любви. Обстоятельства поставили их на грань жизни и смерти — назад пути нет. Теперь они не просто пленные, сведенные волею судьбы под одну крышу, а подразделение Советской Армии, сражающееся в окружении противника. Только железная дисциплина и беспрекословное повиновение могут обеспечить успех в бою. А бой предстоит тяжелый, и кто знает, когда он окончится и чем!

Алексей вскинул руку, скомандовал:

— В две шеренги становись!

Люди бросились выполнять команду. Афганцы пристроились на левом фланге. Алексей спросил:

— Кто понимает по-русски?

— Я немного умею, — отозвался пожилой человек с выправкой, выдающей в нем военного.

— Имя, звание?

— Туран¹ Барат Акар, рафик², — отчеканил афганец.

— Будешь переводить мои распоряжения, товарищ Барат. Понятно?

¹Туран — звание в афганской армии, соответствующее капитану.

²Рафик — товарищ.

— Совсем понятно, рафик-старший лейтенант. Разрешите занять оборону на крыше. Мои люди умеют миномет, пушка знают.

Предложение афганца взять плац под перекрестный огонь было дельным, тактически грамотным и, главное, своевременным. «Духи», очухавшись, могли в любую минуту полезть снова. Жаба наверняка рвет и мечет, прекрасно понимая, что за такое ЧП в его владениях можно поплатиться головой. Глава «Исламского общества Афганистана» Раббани, внешне обходительный, на расправу был крут.

Едва Алексей успел расставить людей по местам, как «духи» с криками «Аллах акбар!» ринулись скопом в ворота крепости. На первый взгляд могло показаться, что действовали они хаотично, неорганизованно. Но только на первый взгляд. Просочившись в узкий проход, моджахеды рассыпались в цепь и, петляя, стреляя на ходу, ринулись через плац. Две группы, прижимаясь к стенам, устремились в атаку с флангов.

Вариант рассыпного строя с двухсторонним охватом Алексей предвидел — в спецлагере перед отправкой в Афганистан он изучал методы действия противника. Многослойная система огня, перекрывающая обозримое пространство, сработала, благо оружия в избытке. Винтовок, пулеметов, пистолетов, автоматов, ракетных установок, гранатометов хватило бы, наверное, на целую дивизию. Помимо патронов, снарядов, гранат и ракет, лежавших в упаковках штабелями, они обнаружили в подвалах склада сотни мин и ящиков со взрывчаткой.

— Командир, пора! — нетерпеливо крикнул Полуян, сжимая гашетку станкача, установленного в проеме сорванной с петель двери.

Алексей, лежавший рядом, промолчал. «Духам» нужно было сразу преподать хороший урок. И хотя нервы у командира после допросов с избиениями были напряжены до предела, он выжидал. После пережитого образовался как бы двойной запас прочности. Сжав кровоточащие беззубые десны, старший лейтенант хладнокровно смотрел на приближающихся моджахедов. Сейчас его выдержке позавидовал бы даже батя, всегда считавший сына капризным, избалованным матерью ребенком. Отец был кадровым военным, мужчиной суровым, замкнутым, прошедшим Отечественную. Он вечно пропадал на службе, сыном занимался мало. Каково же было его удивление, когда Алексей, окончивший математическую школу с отличием, пошел вдруг не в университет, а в военное училище, да еще десантное...

«Духи» между тем, не встречая сопротивления, осмелели. Теперь они бежали, не пригибаясь, в полный рост. Возмущен-

ный молчанием старлея, Полуян повернулся к нему с перекошенным от страха лицом и заорал:

— Ты что, мать твою, ждешь?!

— Огонь! — крикнул Алексей. Голос его потонул в оглушительном треске станкача.

По передней шеренге «духов» словно коса прошла. Цепь дрогнула, остановилась и, разрезаемая пулеметным огнем, отхлынула. Пронзительно завывли мины. Разрывы один за другим брызнули у крепостных стен, накрывая бегущих. Кверху взметнулись камни, лохмотья одежды, слышались вопли раненых.

Молодец туран, мысленно отметил Алексей. Среди афганцев оказалось четыре минометчика, а в арсенале обнаружился минометы западногерманского производства. Барат приказал установить их за складом, куда не доставали пули моджахедов. Таким образом, можно было вести навесной огонь через крышу.

Пулеметы смолкли, едва «духи» скрылись за воротами. Еще две запоздалые мины разорвались на плацу, и все стихло. Дымилась покореженная взрывами земля, медленно опадали вздыбленные тучи пыли, мешавшиеся с пороховой гарью. В наступившей тишине слышались жуткие стоны.

— Пусть теперь они поскулят, — мрачно произнес Связист, устроившийся с ручником на ящике у оконца под крышей. — Нашей-то кровушки напились...

— А я заметил: стрелять-то они побаиваются, — вставил слово Выркович дрожащим тенорком. — По крыше палили, а гранаты не бросили ни одной...

— Охота им на воздух взлететь, — засмеялся Полуян от избытка чувств, рукавом вытирая со лба пот и оставляя на нем грязные полосы.

— Тут если рванет, от крепости бо-оль-шая ямища останется. И от лагеря тоже...

— Да ты, Сашок, никак бандитов пожалел, — подначил Полуян.

— Еще чего! Я подумал, такое количество взрывчатки надежно защищает...

— Умнющий парубок — наш Сашок! Правильно, товарищ старший лейтенант? — с веселостью, показавшейся наигранной, воскликнул Полуян.

Храбятся ребята, подумал Алексей. В душе-то наверняка страх. Но истина в их словах есть. «Духи», конечно же, боятся взрыва арсенала, во-первых, потому что он разнесет всю округу и, во-вторых, потому что лишатся крупных запасов оружия с боеприпасами.

— Смотрите, товарищ старший лейтенант, — закричал Выркович, — смотрите! Они белый флаг выкинули!

Все, кто находился поблизости, бросились к дверному проему. В воротах крепости, действительно, размахивая палкой с прикрепленной к ней грязно-белой тряпкой, стоял здоровенный бородач.

— Небось пакость готовят, — процедил сквозь зубы Полуян. — Этой сволочи, душманам, нельзя доверять ни на грош.

— Похоже, переговоров требуют, — предположил Связист.

— Очень может быть, — согласился Алексей. — Поговорим по душам, но на равных... — Он встал, тщательно отряхнул с одежды пыль, будто на нем были не лохмотья, а офицерский мундир.

— Не пойдет, командир, — раздался решительный голос Пушника. — Много чести...

— Вот и я так разумею, — подхватил Полуян. — Гарантии, что они тебя не пристрелят, нема. А тут тогда нам кранты.

За последние часы старлей значительно вырос в глазах Полуяна. Если совсем недавно он воспринимал Сергеева как одного из пленных, то когда началось восстание, увидел в нем настоящего командира. За два года в Афгане встречались всякие: и те, что за солдатские спины прячутся, и те, что по дурости людей кладут. Не так часто попадались умеющие воевать и труса не праздновать. А этот, битый-перебитый, сумел толково расставить парней, организовал огонь, сам лег за пулемет. А выдержка! А характер!..

— Коли требуется идти, так представительнее меня некому, — заявил Полуян, выбираясь из-за пулемета.

— Ну что, давай, сержант, только поаккуратней. Мы, конечно, прикроем, но и сам ворон не лови. Помни: ты наш полномочный представитель. Слушай, но ничего не обещаю. У тебя задача узнать, что им надо.

Моджахед, продолжая размахивать тряпкой, вошел во двор. За ним проскользнул Абдулло и закричал:

— Не стрелять! Не стрелять! Переговоры!..

«Ах ты, вражина бисова», — подумал Полуян и решительно вышел навстречу парламентарам. Он был с великим удовольствием всадил пулю в этого предателя с пятнистой мордой. Обещал, гад, связаться с пуштунами, а сам, подлюга, доносил...

Полуян шел по открытому пространству спокойно, горделиво вскинув голову. Страх жил в нем, притаившись глубоко внутри, но сержант знал: никто не должен этого заметить, иначе хана. За ним ведь наблюдали десятки людей — и своих, и чужих. И Полуян, впечатывая шаг босыми ногами, расправив плечи, шел, как на параде. Остановившись посреди плаца, он громко крикнул:

— Чего надо?

— Господин начальник сказал... — начал Абдулло.

— Плевал я на твоего начальника. Никакой он для нас не господин... — Полуян почувствовал себя значительной персоной, призванной решать важные вопросы.

— Прости, Мишка, — смутился Абдулло.

— Я тебе не Мишка, а полноправный представитель червонных бойцов, — отбрил Полуян. — Говори шустрей, что требуется?

— Обычай, понимаешь? Погиб мусульманин — земле предай. Аллах не примет иначе.

— Чихали мы на твоего Аллаха!.. Но мертвяков и взайма пусть уберут — вони меньше будет.

— Начальник просил пауза делать. Не стрелять пока.

Полуян поднял руку, выразительно постучал по месту, где когда-то носил часы, и важно проговорил:

— Лады. Даю сроку тридцать минут. Разрешаю работать похоронной команде в десять голов. Ни одного больше. Так и передай...

Не дожидаясь ответа, Михаил вразвалочку направился к арсеналу, демонстрируя неторопливостью пренебрежение к опасности. Он был не очень уверен, правильно ли выполнил поручение. Но старлей, выслушав доклад, одобрил и поведение сержанта, и его мудрое решение.

— Слухай сюда, командир, у меня придумка вызрела, — сказал в ответ обрадованный похвалой Полуян. — Ночью «духи» могут вырубить свет, и во мраке, сам понимаешь... Короче, выдели мне ребятешек. За тридцать минут перемирия мы смотаемся в канцелярию, грабанем бумаги, мебель, снаряжные ящики подкинем и заложим на плацу костерок.

— Отлично, Ян, действуй. В темноте, ты прав, мы потеряем все преимущества.

Вскоре Полуян с четырьмя бойцами уже мчался через двор к канцелярии. Пока Связист с ребятами сгребал газеты, листовки, книги, Полуян проник в кабинет Жабы. Внимание его привлек большой сейф, в котором наверняка хранились документы на всех заключенных.

Полуян прикрепил к ручке сейфа гранату, рванул со стены электропроводку — чем не шнур. Привязал один конец за кольцо чеки, второй выбросил в окно. Дал знак ребятам возвращаться в арсенал, а сам дернул за болтающийся конец провода и упал на землю. Взрыв потряс здание.

Михаил взглянул в окно кабинета и пришел в восторг от собственной выдумки: в сейфе зияла дыра, бумаги внутри горели.

— Что за самодеятельность? — набросился на Полуяна Алексей. — Кто разрешил фейерверк устраивать?

— Не серчай... Глянь, темнотища какая надвигается, старлей. А у нас иллюминация, как в великий праздник — День Победы!

— Праздник так праздник, — покрутил головой ротный. — Отдыхай!

— Думаешь, дадут храпануть?

— Не знаю. Лови момент, Ян. Завтра жарко будет...

Спать разместились кто где. Антон Загоруйкин пристроился на снарядных ящиках. Настроение было взвинченное, хотелось двигаться, громко говорить, безостановочно стрелять. Но братва разбрелась по углам — никто не расположен к трепу. Поблизости на цинках с патронами свернулся калачиком Сашок. Связисти растянулся на полу. Все настолько привыкли к тюремному «комфорту», что и не замечали истинного его отсутствия. Вскоре установилась тишина, нарушаемая лишь похрапыванием заснувших после тяжелой работы усталых людей.

Загоруйкин постепенно успокаивался. Наконец-то он вернул себе чувство равенства среди своих, ощутил общую судьбу. И пришел сон — умиротворенный, глубокий. Он увидел родную Одессу, приморский бульвар, маленького Дюка, вечно залпанного голубиным пометом... Он шел по знаменитой на весь мир лестнице, вольно вдыхая морской воздух... Антон был спасен. Спасен от допросов, от страшного зверя с выпученными, вылезшими из орбит глазами... Жаба — живодер. На этот раз он вытянул бы из Антона все сведения о подготовке к побегу.

Жаба знает, как слаб, как уязвим человек. Он и так сделал из Антона последнего подонка. Почти сделал. Его выхватил из петли в самый последний миг старлей. И Пушник. Оба смогли даже в таких условиях привести себя в готовность к сопротивлению... Разбудил Загоруйкина громкий вскрик, расколотивший рассветную тишину.

— Командир, ко мне! — орал часовой не своим голосом. — Не пойму, что хочет Абдулло.

— Глянь, ребята, толмачу нашему не позавидуешь! — сказал Полуян. — Сзади два амбала поджимают, спереди — мы. Меж двух огней, как меж двух стульев... Так ему и надо, подлюге!..

Тем временем Абдулло, то и дело оглядываясь, дошел до середины плаца и издал крикнул:

— Комендант крепости переговоры вести хочет!

Загоруйкин похолодел. А что если Жаба просто так, за здорово живешь, во время переговоров ляпнет о нем? Расскажет о добровольной сдаче в плен, об охотно взятой на себя роли стукача?.. Надо было что-то предпринимать.

— Товарищ старший лейтенант, Жабе верить нельзя, — воскликнул Загоруйкин. — Наврет с три короба и дорого не возьмет.

— Верно, командир, — поддержал Полуян. — Эта тварь болотная любит мозги затирать...

— Мелкая он сошка, — подхватил Загоруйкин. — Пусть вызывает самого Раббани.

— Согласен, ребята, — сказал Сергеев. — Разговаривать с Жабой, который нас истязал, ниже нашего достоинства. Дашь Раббани!.. — И, повернувшись к Абдулло, крикнул: — Передай своему начальнику, что любые переговоры мы будем вести только с самим Раббани. Все! Пошел!..

Абдулло, теперь уже не оглядываясь, уныло поплелся к воротам. Проводив его взглядом, Загоруйкин нервно хохотнул. Он был доволен, сумел-таки отвести беду. Но напряжение не прошло даром. Навалилась страшная усталость, будто бы и не спал всю ночь. Конечно же, Антон перетрухнул. Заныли растертые до крови лодыжки, будто на них еще висели тяжеленные кандалы.

Подошел Выркович, примостился рядом.

— Может, зря отказались вступить в контакт с Жабой? — высказал сомнение парень. — Намерения противника лучше знать, чем не знать...

«И этот туда же, — подумал Антон, — великий знаток тактики и стратегии... Сует паршивый острый нос куда не просят». Вслух сказал:

— Не обламывал тебе рога этот самый противник, паря. Так и останешься с незаконченным средним по уровню тюремного образования.

— Не моя в том вина, — обиделся Выркович. — Я ничего не делал такого, за что Жаба мог бы меня пожалеть.

— А я? Я делал? Ах ты, мозгляк!..

— Ты что, Антон... Я ничего такого не думаю. И другие не думают. Я рассуждал так: когда намерения вражины понятны, с ним легче расправиться.

— Может, и так, — согласился Загоруйкин, давя в себе раздражение и подозрительность. — Устал я. Все мы тут дошли до ручки. Иди, Санька, займись оружием или еще чем, а я полежу, пока «духи» не тревожат.

Выркович передернул плечами и отошел. С чего бы это Моряк на него ополчился? Спор носил совершенно безобидный характер, и если кому-то что-то показалось...

С некоторых пор Александр вдруг обнаружил в себе интересную способность — очень остро ощущать настроение собеседника. Временами казалось, что он даже способен угадать самые потаенные мысли, которые чаще всего не совпадают с произносимыми словами. Оказалось, люди, как правило, го-

ворят одно, думают другое, а поступают вразрез и с тем, и с другим. Моряк относится именно к такому типу — тем и опасен. Не вообще опасен, а именно для него — Саши Вырковича. Поэтому отношения с Моряком портить не следовало.

После трагической смерти Танкиста, доказавшей его полную невиновность, Александр как-то сразу повзрослел и, может, впервые задумался о жизни, о будущем, которого не было, о товарищах, не воспринимавших пацана-солдатика всерьез. Поставить в строй у командиров ума хватило, всучить оружие убийства рука не дрогнула, а уважать его личность никому и в голову не пришло. Никому, никогда. Ни в части, где начинал военную службу, ни в плену...

— Ах сволочи, воду отключили! — слышались проклятия Моряка. — А мы-то, лопухи, и не подумали о такой вероятности. Что делать будем, ребятишки? При такой жаре впору сдохнуть.

— Неподалеку от ворот есть колодец, — робко сообщил Сашок.

— И без тебя знаю. Только путь до того колодца через пули лежит.

— Ну и что? Не всякая пуля — дура.

— Заткнись, сопляк! И откуда ты такой вылутился...

Это и подстегнуло. Выркович понял: воду должен добыть именно он. Схватив ведро, парнишка выскочил во двор. Кто-то запоздало крикнул вслед:

— Куда пошёл? Вернись, дурья башка!..

Но Александр был уже далеко. Он бежал, петляя, высоко вскидывая ноги, размахивая, как щитом, старым ржавым ведром. Бежал, втянув голову в плечи, один посреди гигантского плаца, под необъятным голубым куполом неба, открытый взглядам и врагов, и друзей, открытый пулям врагов. Поднимая с трудом толстую круглую крышку колодца, Александр представил, что в него, в его затылок прицелились разом все «духи» на свете. Диким усилием воли он заставил себя не оборачиваться, но, пока доставал воду, ждал... Ждал выстрела.

На обратном пути Александр не побежал. Не смог. С трудом передвигая ноги, он старался не расплескать драгоценную влагу, сознавая, что на повторный рывок его уже не хватит. Переступив порог арсенала, Александр протянул ведро с водой и шепотом сказал:

— Вот... Принес... До вечера продержимся.

К парнишке подошел Пушник, разжал его пальцы, вцепившиеся в дужку, обнял за плечи.

— Спасибо, солдат, — сказал мягко, — ты сделал для всех совершенно необходимое дело...

В связи с имевшими место беспорядками в лагере Бадабера, приведшими к захвату арсенала крепости враждебными элементами, и недопущением туда пуштунских племен — шанвари и африди, сочувствующих врагам ислама, надлежит блокировать данный район вверенными вам войсками пехоты и артиллерии. С воздуха прикрыть его боевыми вертолетами...

*Из директивы президента Пакистана Зия-уль-Хака
генерал-губернатору СЗПП Фазилу Хаку
от 27 апреля 1985 года*

Длинные тени, падавшие на глиняную землю двора неровными полосами, постепенно укорачивались, пока не исчезли вовсе. Выщербленный плац побелел. Даже у высоких крепостных стен, где дольше всего сохранялось хоть немного затененного пространства, солнце безжалостно изгнало остатки темных пятен.

Пушник сидел на перевернутом ящике из-под снарядов, наблюдая через дверной проем, как «духи» убирают со двора очередные трупы. Жара набирала силу. Воздух раскалился чуть не до температуры кипения — дышать во всяком случае было тяжело.

Получив отказ вести переговоры, разъяренный начальник тюрьмы в очередной раз бросил послушных охранников в атаку на арсенал, наверняка понимая бессмысленность этого предприятия. Не мог же он не видеть, что на крыше склада стояло четыре станка и две крупнокалиберные зенитные установки, прикрывшие двор крепости таким плотным многослойным огнем, что проскочить сквозь него не мог бы даже невидимка? Но злость ослепляла, и начальник тюрьмы посылал людей на убой, ни о чем не заботясь.

Впрочем, поведение Жабы легко понять. Никто никогда не наносил ему такого смертельного оскорбления. Мало того, что карьеру сломали, что начальнику тюрьмы, безусловно, грозило суровое наказание, так над ним же еще отныне будет смеяться весь исламский мир. Допустить, чтобы скованные цепями безоружные пленники захватили лучшую крепость моджахедов — такое простится ли?..

Из подвала в сопровождении двух афганцев вышел Барат Акар, подошел к Пушнику. Сутулился он больше обычного. На смуглом с ввалившимися щеками лице живыми были только глаза — черные и печальные.

— Большую яму в подвале сделали. Лучше места нет, — сообщил Барат. — Шурави и сарбаз¹ одна могила молитву читали.

— Перед смертью все равны, — отозвался Пушник. — Наше-го и твоего парня хоть похоронили, а нас закопать будет некому...

Барат помолчал, горестно качнул головой. Мысли его были далеко.

— Садись, друг, — предложил Пушник, — облегчи душу, расскажи о себе. Может, другого времени не будет...

— Правильно, не будет. Я старый, ты — тоже. Молодой надеется, старик понимает...

— Ты откуда русский знаешь?

— Москва учился. Лубянка бывал.

— В КГБ служил, что ли?

— ХАД, по-нашему. Душманы ХАД ненавидят, русских тоже, — усмехнулся Барат. — Я молчал, не хотел пытка. Ахмед Шах, мой товарищ, плен брали, звезда на спине резали, когда узнали про ХАД.

— Не церемонятся «духи» с вашим братом, убивают, как диких зверей, не боятся Аллаха прогневить. Ты верующий, Барат?

— Коран в Афганистане первая книга — так отец учил. Он был азиз-нови — уличный писарь. Народ грамоту не знает, азиз-нови — большое уважение.

— Получается, ты из богатой семьи?

— Смешно говоришь. Богатый нет. Отец афгань собирал. Детей много, я один учился в лицее. Потом университет поступил...

— При чем же тут ХАД?

— Политика. Студенческая организация «Мусульманская молодежь» боролась против монархии, против Дауда. Потом студентов разогнали. Пришлось скрываться, пока Амина не убили и в Кабул вошли советские войска.

— Ты рад был нашей военной помощи?

— Очень рад. Тогда бедный народ ждал шурави. Вино, лепешки угощал, как у русских хлеб-соль. Потом обида стала: народ убивать, муллу убивать, женщин чадру рвать...

— Товарищ прапорщик, — закричал внезапно Вyrкович. — У ворот непонятное происходит.

Пушник с усилием встал, подошел к загородившей дверной проем баррикаде и увидал: под аркой крепостных ворот двое душманов устанавливают на ящике динамик с широким раструбом. Подошел Полуян, отстранил Александра.

— Для чего это? — спросил недоуменно. — Музыкой решили позабавить али байку какую поведают?..

Динамик захрипел, забулькал, разразился маршем. Потом из громкоговорителя донесся знакомый всем гнусавый голос Абдулло:

¹ Сарбаз — солдат правительственных войск ДРА.

— Слушай тихо! Вы хотели встреча с господином Бархануддин Раббани. Он будет говорить вам.

— А як же ответствовать будем? — растерялся Полуян, но никто на вопрос не отозвался.

Ребята, собравшись из всех углов огромного сарая, сгруппировались вокруг Пушкика. Любая неожиданность пугала. Тем временем в динамике послышался гортанный голос, от звука которого по спине побежали мурашки. Это, конечно же, был Раббани. Пушкик хорошо запомнил встречу с ним, связанную в его памяти навсегда со спасением, помощью тюремного табига и, наконец, со зверским избиением.

— Господин Раббани предлагает сложить оружие, — переводил между тем Абдулло. — Он обещает хорошую еду, раненый есть — медицинскую помощь. И всем — жить.

— Хорошо поет, — прокомментировал ротный, спустившись по лестнице с крыши. — Всем отойти от дверей! Ненадолго очередь срежут...

— Думать один час, — вещал Абдулло, — потом на площадь ходи без оружия...

Динамик умолк, и время начало отсчет. Шестьдесят минут обещанной тишины наэлектризовали людей, измученных голодом и жаждой.

— Что будем делать, мужики? — спросил Алексей. — Может, примем лестное предложение?

— Не шути, командир, — отозвался молчавший до этого Загоруйкин. — От этого матюгальника смердит. Прикажи, я быстро заткну ему глотку.

— Отставить, — нахмурился ротный.

Минут через десять снова послышался разносившийся далеко окрест голос толмача, то умоляющий, то угрожающий. Он повторил предложение Раббани, добавив новые льготы... В третий раз главарь моджахедов договорился и вовсе до абсурда. В числе обещаний фигурировал роскошный пешаварский отель, предлагалась относительная свобода перемещения и денежное вознаграждение.

— Господин Раббани слово давал, все выполнит, — разливался соловьем Абдулло. — Тридцать минут ёк. Самый умный у вас Коля. Пусть хороший совет дает.

Переводчик очень старался. Дорожка предательства скользкая. Раз ступив на нее, надо уметь балансировать. Надо уметь... Но где было бедному Абдулло научиться такому высокому искусству? Он искренне старался вначале содействовать побегу, раздобыл схему постов, узнал время и порядок смены часовых. Он честно пытался связаться с пуштунами. И если бы об этом догадался Жаба...

Не догадался, слава Аллаху! Старые товарищи догадались. Теперь его никогда не простят: предавшему однажды веры нет.

Отец попал в плен в Отечественную, бежал из гитлеровского лагеря, геройский поступок совершил. А попал — в сталинский! Братья, сестры без кормильца один за другим помирали...

Николай, знавший эту историю, не испытывал сейчас к Абдулло неприязни. Влип тот, как кур в ошип. У «духов» тошно, свои не примут, да и дома родительского давно нет... Во всяком случае именно переводчик предупредил об усилении ночного караула, тем самым предотвратив побег. Лежали бы они теперь штабелем — все двенадцать — предоставленные шакалам, стервятникам и не менее кровожадному солнцу. Вот и получилось, что благодаря Абдулло они, пусть на время, почувствовали себя людьми. В окружении врага владение оружием дает прекрасное чувство независимости, защищенности...

До обозначенного Раббани срока оставалось четверть часа, и Абдулло напомнил: пора выходить сдаваться. Кому дорогá жизнь, пусть не теряет возможности...

— Надо бы ответить, — сказал Николай ротному.

— Валяй!

Пушник осмотрелся, увидел подходящий кусок фанеры и углем, поданным догадливым Вырковичем, лихо, не отрывая руки, изобразил гигантский кукиш.

— Поймет, как думаешь? — спросил, любуясь своей работой.

— Символ из языка международного общения! — захохотал Моряк.

— Можно выставлять на обозрение? — спросил Выркович.

— Давай, — ухмыльнулся Николай, довольный признанием художнических способностей. — Только попроворней, а то у «духов» могут нервишки сдаться...

Александр подхватил фанеру, полез на крышу. Вскоре «художественное полотно» с выразительным ответом уже красовалось на фронтоне арсенала. Прошла минута-другая. Затем простучала отрывистая автоматная очередь, прошив фанеру наискось.

— Дошло! — констатировал Николай.

— Теперь полезут. По местам, ребята! — распорядился ротный. — Без команды огня не открывать!

Из крепостных ворот, как черти из преисподней, выскочили душманы. Среди них замелькали фигуры в черных рубашках с погончиками, в брюках, заправленных в высокие ботинки армейского образца. Действовали они четко, организованно, подчинялись неслышным командам. Военная выучка их была очевидной. «Чернорубашечники», как окрестил их Связист, вытянулись в цепь, соблюдая интервалы. Сзади для прикрытия появились станковые пулеметы.

Барат Акар, сжавший рукоятку ручника, перехватил взгляд Пушника и пояснил:

— Малиши.

— Что за звери?

— Ополчение, отряды из разных племен. Границу Пакистана охраняют. Малиши войну понимают, ученые. Порядок у них, форма...

Пушник присвистнул. Факт появления малишей был сам по себе примечательным. Раббани привлек пакистанцев, значит, не надеется на своих, да и события в Бадабере получили, по-видимому, широкую огласку. А чем сильнее будет резонанс, тем больше вероятности, что о них узнают иностранные корреспонденты или вдруг свои...

Внезапный огонь с короткой дистанции, открытый по команде старлея, не вызвал среди малишей паники. Они не побежали назад, как «духи», а залегли и начали отстреливаться. Неся потери, продолжали медленно ползти вперед по-пластунски. Это были хорошо обученные, смелые бойцы. И огонь они вели меткий. Два афганца и тихий незаметный белобрысый солдатик, о котором было известно, что до войны он «воевал» на колхозном тракторе, стали жертвами прицельной стрельбы.

Малишам, чтоб достичь арсенала, оставался последний бросок.

— Гранаты — к бою! — крикнул старший лейтенант. Барат продублировал команду по-афгански.

Николай мысленно похвалил ротного. Научился-таки действовать хладнокровно: момент для применения карманной артиллерии выбран удачно.

Взрывы густо накрыли плац, разбрасывая, кромсая тела врагов. Оставшиеся в живых поспешно отползли, потом вскочили и ринулись к воротам. Оружия никто не бросил. Когда нападавшие уже скрылись за воротами, вдруг раздался одиночный выстрел. Полуян вскрикнул, схватился за плечо. Сквозь пальцы побежали алые струйки.

— Товарищ сержант, — вскочил Вyrкович. — Я сейчас... Я перевяжу. Господи, мама, что же делается на свете!..

Подошел Барат, держа в руках охапку ветоши. Отодвинул плечом трясущегося парнишку и мастерски сделал перевязку.

— Давай ложись, — сказал. — Твоя работа конец, наша продолжается. Слушай концерт, Абдулло опять песню начинает...

Действительно, голос Абдулло, многократно усиленный динамиком, выпрашивал у арсенальцев разрешение забрать погибших. Магометане были неутомимы: шли на смерть, борясь с неверными, но, покидая мир, были убеждены во встрече с Аллахом.

Пушник уже не вслушивался. Напряженный бой вымотал его до предела. Не было сил двигаться, не хотелось говорить. Посмотрев издали на Алексея, распоряжающегося набивкой

патронных лент, Николай даже позавидовал: ротного просто обурежала энергия. Лицо в струпьях, глаза воспалены, сквозь дыры в балахоне виднелось грязное в кровоподтеках тело. И все же это был настоящий командир, слову которого внимали.

— Крикни, Барат, пусть убирают, — сказал Алексей. — Пока «духи» займутся трупами, нам обеспечена передышка.

— Верно говоришь, — заметил Барат, не отходя от Полуяна. — Передышка — хорошо. Но мертвых нет.

— Не понял. Я о тех, у кого дыра в голове.

— Дырка ничего... Погиб за Аллаха — твое место рай.

— По-твоему выходит, «духам» и помирать не страшно?

— Настоящий мусульманин радуется, когда в бою с неверными погибает, — подтвердил Барат. — Коран, сура три, аят сто шестьдесят три: «...не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел».

Афганец бормотал эти странные слова, наблюдая за «духами», занятыми вытаскиванием трупов. Горько пахла пронизанная порохом жара, от чего першило в горле. Предстоял вечерний намаз...

Динамик голосом Абдулло на сей раз попросил выслать парламентариев. Торжественно объявил: переговоры будет вести сам господин Раббани.

— Какая честь, — усмехнулся Алексей.

— Если бы малишам не дали как следует прикурить, — заметил Пушкин, — вряд ли этот барин снизошел бы до переговоров.

В памяти Николая всплыло холеное лицо Раббани, роскошная черная борода, атласные широкие брови, пронизательный взгляд, лоб восточного мудреца... Надо отдать должное: он не чета своей своре. Николай был обязан владыке моджахедов не только жизнью, но и несмываемым позором. Надо ж так ловко использовать его военный билет! Листовка, воспроизводящая документ прапорщика Пушкина, наверняка давно попала в Союз!..

— Разреши мне, командир, пойти на встречу? Очень хочется посмотреть своему благодетелю в лицо. Интересно, как он воспримет выходца с того света?

— Ну что ж, иди.

— Доверять Раббани — нет! — сказал Барат взволнованно. — Говорит так, делает совсем другое.

— Ты его лично знаешь?

— Вместе «Братья мусульмане» были. Раббани потом главный стал. Плохой человек. Доверия нет!

— Спасибо, Барат, учту. Я ведь тоже не лыком шит.

С Пушкинком командировали Вырковича. Другого посылать не имело смысла. Все хорошо владеющие оружием должны были оставаться на местах.

Встреча состоялась посреди плаца. В отношениях между осажденными и осаждаемыми начал, похоже, отрабатываться своеобразный ритуал. Раббани, конечно же, Пушкина узнал, но вид сохранил бесстрастный. Глава моджахедов ничуть не изменился. В голубом халате с широким поясом он выглядел несколько более полным, чем в гражданском костюме. На голове в знак принадлежности к священнослужителям, высилась белоснежная чалма. Сын муллы, бакалавр мусульманского права, автор нескольких книг по исламу, Раббани знал себе цену и не мог унизиться до личных контактов.

На фоне шикарного Раббани сопровождавший его Абдулло выглядел оборванцем, и Пушкину стало жаль бедолагу. В приключениях жить — не мед.

Заговорил Раббани негромко, увещевательно. Так же, как при первом знакомстве. Применение оружия в мирной стране, пролитие крови достойно сожаления. Зачем множить беды и страдания людей? Не лучше ли решить противостояние договором?

— Не тарахти, — с досадой прервал переводчика Пушкин. — Скажи ему, я с детства проповедей не терплю. Пусть переходит к делу.

Раббани согласно кивнул — понял без перевода. Если поставшие сложат оружие, сказал, им будет гарантирована жизнь, свобода, а также денежное содержание. Дал слово главы партии «Исламское общество Афганистана».

— Нет! — решительно ответил Николай.

— Нет, — повторил Выркович пронзительно.

— Господин Раббани может поклясться на Коране! — воскликнул Абдулло.

— Лично я клятве на Коране доверяю, — заметил Пушкин. — Но один Раббани погоду не делает. Пешаварская семерка может его клятву запросто похерить.

— Тогда говори сам, что хочешь, — предложил Абдулло.

Пушкин ждал этого вопроса. Впервые за время плена он получил право ставить условия. Ощущение морального превосходства над всемогущим мусульманином помогло произнести последующие слова спокойно, даже с улыбкой:

— Мы требуем встречи с представителями советского или афганского посольств в Пакистане.

Ни один мускул не дрогнул в лице Раббани, хотя ответ Пушкина явно не доставил ему удовольствия. И голос продолжал звучать ровно, словно хозяин его произносил молитву.

— Господин Раббани не хочет крови, — перевел Абдулло. — Утро вечера мудренее. Ответ даст, когда солнца восход.

На том и разошлись. Пушкин рассказал ребятам о переговорах. Все пришли к единому мнению: «духам» верить нель-

зя. Слово, данное кяфиру, мусульманин нарушит, не дрогнув. Не для того они добыли оружие, чтобы снова очутиться в кандалах. Не простят им никогда моджахеды ни своего страха, ни гибели единоверцев.

— Насколько я понял, нас до утра оставили в покое? — спросил Алексей. — Тогда выставляю часовых, и отдыхаем.

— Требуется вторую иллюминацию устроить, — подал голос Полуян. — Кабы мог, тюрягу нашу запалил бы...

— Я за тебя сделаю, — подхватил Выркович, обрадованный тем, что его покровитель ожил. — В подвале бидон с керосином имеется. Разрешите смотреться, товарищ старший лейтенант?..

Решение было принято, и, как только темнота опустилась на крепость, Выркович с Загоруйкиным, прихватив довольно тяжелый бидон, отправились к тюрьме, соблюдая все правила предосторожности. Отсутствовали оба минут двадцать. Прибежали запыхавшиеся, возбужденные.

— Есть, товарищ старший лейтенант! Сделано, — сообщил Выркович. И словно в подтверждение из окон тюрьмы вырвались языки пламени. Полыхнули, исчезли, чтобы через несколько секунд вырваться из заточения и заплесать — весело и ярко.

— Порядок! — одобрил Алексей. — Всем спать!..

Ночь — вторая ночь свободы — прошла относительно спокойно. А с восходом солнца снова загрохотал, залаял динамик, призывая восставших к благоразумию.

— Отвечать будем, командир? — спросил Пушник.

— А зачем? Нас ведь скоро опять на переговоры пригласят. Ох не завидую я Раббани и его команде...

Несмотря на драматизм ситуации, в которой находились они все, Николай искренне залюбовался ротным. Куда девались мальчишество, безответственность?.. Старший лейтенант Алексей Сергеев никогда бы теперь не подставил людей за здорово живешь под душманские пули. Дорогой ценой ему досталось прозрение, командирская мудрость...

Старлей как в воду глядел: в воротах крепости замаячил белый флаг.

— Ну вот и пожаловали! — воскликнул Алексей. — Всю ночь, наверное, с Зия-уль-Хаком совещались, втык получили за свой провал. Как думаешь, удастся разжечь международный скандал? Пакистан же с нами не воюет, и в ООН может возникнуть законный вопрос, с какой стати на его территории оказались русские военнопленные?

— Мне идти или сам отправишься? — спросил Пушник.

— Пожалуй, схожу. Очень хочется побыть в роли высокой договаривающейся стороны. Возьму с собой Вырковича, а ты принимай команду...

Ротный приосанился, вскинул голову и, печатая шаг, отмерил точно половину плаца. Раббани замешкался в воротах, и Алексей терпеливо ждал.

Издали было видно, как вначале спокойно, а потом разгораясь, говорил Раббани, подкрепляя слова энергичными жестами. Старший лейтенант, бросив руки по швам, отвечал скупое. Лицо не дрогнуло и тогда, когда Раббани развел под конец руками, как бы говоря, что доводы его исчерпаны и он очень сожалеет.

Вернувшись, Алексей собрал ребят — теперь их оставалось девять — и сообщил: Раббани посулил в случае добровольной сдачи не только сохранить жизнь, но и отправить в любую страну по выбору за исключением Советского Союза.

— Может, желающие найдутся? — сказал он громко и почувствовал, что реакция на вопрос далеко не однозначна. Полюян как-то резко подался вперед. У Моряка сквозь коричнево-красную кожу проступила бледность. Он облизал сухие губы, слотнул слюну, но ничего не сказал.

— Погоди, командир, — остановил Алексея Пушник. — Вопрос серьезный. Любой из нас имеет право решить его самостоятельно. Сколько дано времени на размышление?

— Два часа.

— Мне не надо время, — отозвался Барат Акар. — Мусульманин слово неверному давал. Взять назад Аллах простит.

— Я потребовал у Раббани гарантий. Согласился на встречу с представителем Организации Объединенных Наций. И тоже дал два часа на разворот.

— Дипломаты, мать вашу, — пробурчал Моряк. — Встречи, переговоры... На кой нам представительства? Откуда они тут возьмутся?.. Неужели не поймете, что нас нет? Нас давно нет на свете — ни Пушкина, ни старлея, ни Саньки. Испарились, вознеслись к Богу в рай.

— Истеричка, баба, заткнись! — заорал Алексей. — Хочешь уходить — мотай к ядерной фене!

Наступило тягостное молчание. Николай ощутил, как наэлектризовалась атмосфера. Только сейчас, пожалуй, ребята осознали, что наступил решающий момент. Если отступить, сдаться на милость победителя, может, удастся сохранить жизнь. Какую жизнь — вопрос...

Разошлись по местам, буруемые сомнениями. Не так-то просто решиться покинуть товарищей. И все же это честнее, чем скурвиться в последнем бою. Драка предстоит насмерть... Время будто остановилось. И хоть в помещении арсенала стояла удушающая жара, Николаю от этих мыслей стало зябко.

Послышался отдаленный гул моторов. Нарастая, сливаясь в протяжный вой, он быстро приближался. К двери поспешил ротный. Пушник последовал за ним. Оба одновременно уви-

дели два тупорылых боевых вертолета. На фюзеляжах отчетливо виднелись знаки различия: зеленый с желтым круг и такой же четырехугольник с лунным серпом и белой звездочкой.

— Пакистанские ВВС, — прошептал ротный и повернул к Николаю посеревшее лицо. — Ты понял?

— Они подбрасывают сюда войска...

«Вертушки» пошли на повторный разворот, заполнив колодец крепостного двора грозным, рвущимся с высоты рокотом, поглотившим все остальные звуки. Николай увидел, как из боковых ракетных кассет полыхнуло пламя. Оставляя за собой дымный след, огненные стрелы пошли книзу, окруженные дрожащим маревом. За арсеналом они вонзились в землю... «Вертушки» знали, куда целить: взрывами ракет были разом уничтожены афганцы-минометчики.

Одновременно из ворот крепости посыпались солдаты в мундирах цвета хаки с погонами на плечах, в зеленых беретах. Сомнений не оставалось — это была регулярная армия.

Плотный пулеметный огонь восставших заставил солдат залечь, но не остановил. Хорошо обученных бойцов, как муравьев, было много, — сколько ни дави, остановить невозможно.

Ткнулся лицом в раскаленный казенник пулемета афганец. Другой, ужаленный пулей, взвыл, закрутился на месте, упал. Вскрикнув, завалился на бок Выркович. Автомат его загремел на цементном полу. Алексей, подхватив безжизненное тело, бережно положил солдата на стеллаж. Сашок дернулся и за-
тих.

Пушник подошел на негнущихся ногах. Осторожно, точно боялся разбудить, закрыл парнишке глаза. Сердце сжалось от невыразимой боли. Как обидно, как бессмысленно погибать в девятнадцать лет. И есть ли вообще в смерти какой-нибудь смысл?!

Предаться печали было, однако, некогда. Лишь пустив в ход гранаты, удалось ненадолго остановить солдат. Но вскоре последовала еще одна атака. Отбили ее лишь потому, что успели заменить на крыше расчеты у крупнокалиберных пулеметов.

Наступившая тишина оглушила. Люди обалдело смотрели друг на друга, с трудом осознавая, что пока еще живы. Как мало их осталось в строю!

— Ты ранен? — спросил Пушник, увидев на лице старшего лейтенанта кровь.

— Царапнуло, — отмахнулся Алексей. — А Яну снова досталось. В грудь — навывлет... Моряк его перевязывает.

Снаряд разорвался на гребне стены, другой — чуть ниже. Полетели камни, глина, тучи песка.

— Да это никак артиллерия! — удивился Алексей. — Сто-
двадцатидвухмиллиметровые гаубицы... Дорого же нас ценят!

— На что рассчитывает Раббани, не пойму. Один неточ-
ный выстрел и все дружно полетят к ихнему Аллаху, — воз-
разил Николай.

— Думаю, они знают, что делают. Огонь ведется прицель-
но...

Измазанное кровью лицо Алексея было страшным. Кано-
нада напоминала артподготовку, проводимую на крупных уче-
ниях. Но одно дело наблюдать ее со стороны, находясь в
безопасном укрытии, и совсем другое — сидеть под ураганным
обстрелом.

На крепость обрушивались десятки снарядов. Старинные,
возведенные в прошлом веке, так много повидавшие стены
оказались настолько прочными, что даже современной артил-
лерии трудно было пробить проходы. И все же постепенно
дыры расширялись. Канонада смолкла так же внезапно, как
началась.

— Сейчас полезут... с четырех сторон, — прохрипел Алек-
сей.

Почему с четырех, подумал Пушник, но тут же сообразил:
три пролома плюс ворота. Заострившееся лицо ротного пока-
залось бесконечно родным, словно всю жизнь они прожили
рядом и не было меж ними никаких конфликтов. Теперь бы
они сработались, да времени на будущее не осталось.

В белосое небо взлетела красная ракета. Прочертив дугу,
лопнула, рассыпалась блеклыми искрами. И сразу раздался
повторяемый сотнями глоток вопль: «Аллах акбар!» В проломы
крепостных стен хлынул людской поток. Зеленые солдатские
мундиры смешались с черным одеянием малишей и грязно-се-
рыми халатами «духов». Орущая лавина вливалась во двор,
затопляя все пространство.

С крыши арсенала гулко застрекотали крупнокалиберные
пулеметы. Из чрева арсенала заговорили станкачи, сыпанула
дробь нескольких автоматов. Расстреливаемая огнем в упор,
первая цепь атакующих сломалась. Бегущие сзади подмяли ее
и попали под разрывы гранат. Николай яростно жал на га-
шетку пулемета, выпуская очередь за очередью.

— Да остановись наконец! — крикнул Алексей. — Пауза!
Надо запастись патронами...

Пушник с трудом оторвал пальцы от спуска. Слепая ярость
душила его — так бы и стрелял без остановки. Так бы и
стрелял...

Подожел Барат. Лицо его было черным, мокрым от пота
и слез. Дышал он тяжело, с присвистом.

— Два мои товарищ смерть принял, — сказал и закаш-
лялся. — Скоро конец.

— Не каркай! — заорал Алексей. — Патроны тащи! Где Связист? Где Моряк? Жив?

— Дышу, едрена вошь, — донеслось из-под крыши.

— Перебирайся вниз! — приказал Алексей.

— Мне и тут не пыльно.

— Посмотри, что эти психи катят. Это ж горные пушки!

— Неужто решатся палить по пороховой бочке? — воскликнул Загоруйкин, поспешно скатываясь вниз.

— Из пушки по воробьям — поговорка будто специально про нас. Раббани наши пулеметы на крыше — кость в горле...

— Мама родная, что сволочи делают, — завопил Загоруйкин и присел на корточки, зажав уши.

Хлопнул выстрел, снаряд угодил в левый верхний угол склада, разворотив огневые точки. И тут же залегшая было цепь поднялась вновь. Солдаты находились теперь совсем близко, метрах в семидесяти. Им оставался до цели последний бросок. Сзади подползало подкрепление, скапливаясь на передней линии. И Николай остро ощутил: сил сдержать вражескую лавину не осталось. Жизнь отсчитывает последние минуты. Край виден — вот он.

Ойкнул ротный, прильнул к земле. На виске чернело, взбухало маленькое отверстие, от которого по глубокой морщине потекла струя.

Пушника охватило холодное бешенство. Он нащупал связку гранат. Рядом люк, ведущий в подвал. Там штабелями взрывчатка... Острая, как удар тока, боль пронзила позвоночник. Пол, потолок, стены закружились, заплесали перед глазами. Лишь ударившись головой, Николай понял: отказали ноги. На этот раз — навсегда!

— Не смей, прапор! — раздалось за спиной. — Отдай мне!

Пушник увидел склонившегося над ним обезумевшего от страха Моряка. Он вырывал связку гранат и одновременно оттаскивал Пушника от разваливающейся баррикады.

— Значит, все-таки ты, а не Танкист? — спросил Николай, с ненавистью глядя на солдата.

— Я, прапор, я! Ты правильно вычислил. Но Антон Загоруйкин жил гадом, а умереть хочет человеком. На том свете сочтемся...

Тяжело затопали солдатские ботинки. Яростные крики, эхом оттолкнувшись от высоченных сводов, заполонили арсенал. Моряк скользнул в подвал, последним усилием сдернул вниз Пушника.

Страшной силы взрыв потряс округу. Задрожала земля, закачались вековые стены. Над Бадаберой взметнулся огненный сполох. Небо окрасилось в цвет крови.

На одной из баз афганских моджахедов в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана в результате взрыва погибло 12 советских и 12 афганских военнопленных.

*Из передачи радиостанции «Голос Америки»
4 мая 1985 г.*

Согласно данным аэрокосмической службы, в СЗПП Пакистана взрывом большой силы разрушен лагерь подготовки моджахедов Бадабера. Размер воронки на снимке, полученном со спутника связи, достигает 80 метров.

*Из донесения Центра аэрокосмической службы
начальнику Главного разведывательного управления
Советской Армии от 28 апреля 1985 г.*

В результате инцидента, происшедшего в лагере подготовки борцов за веру в СЗПП Пакистана, погибло 97 наших братьев, что недопустимо. Усилить охрану захваченных пленных. Впредь русских военнослужащих в плен не брать и в Пакистан не направлять, уничтожать на месте.

*Из директивы командирам партизанских отрядов,
действующих на территории ДРА, подписанной
главой «Исламской партии Афганистана» Гульбедини-
ном Хекматшаром от 29 апреля 1985 г.*

ПРИМЕЧАНИЕ:

Директива Хекматиара действовала среди бандформирований в течение года.

*1990 г.
Москва*

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

— Именем Республики Молдова приговорить...

Михаилу почудилось, что ослышался. До последнего мгновения он не верил, что это может произойти. Не верил — и все!

И адвокат предупреждал, и соседи по камере. И прокурор требовал самой суровой кары, а он надеялся... Был не виновен — другое дело, но Михаил выполнял долг. Не преступник же он, не душегуб! В тюрьме, правда, ему показали листок Народного фронта, где на первой полосе был напечатан портрет лейтенанта, а под ним подпись: «Убийца в погонах». Но это наглое вранье, подлый обман. Лейтенант Обут получил приказ, действовал строго по уставу. По всем армейским законам офицер не имел права его не исполнить...

Монотонный голос судьи, зачитывающего приговор, звучал в притихшем зале неестественно громко. Каждое слово отдавалось в голове ударом молотка, забивающего гвозди в крышку гроба:

— Именем Республики Молдова приговорить Михаила Константиновича Обута к высшей мере...

К расстрелу? Не может быть!.. Крикнул: «За что?» Из горла вырвался придушенный хрип, потонувший в возгласах, взорвавших зал заседаний.

Михаилу послышался голос матери. Просил же ее, умолял уехать! Нечего маме делать в этом городе. Ей вообще не следовало приезжать, он бы справился как-нибудь сам... Мама — самое дорогое существо на свете. Есть еще Илона, но она — совсем другое. Хорошо, хоть ее нет в зале. Из Бендер до Кишинева не так просто теперь добраться.

Когда Михаила под конвоем выводили из зала суда, он на миг увидел мать. Она стояла в проходе между рядами с белым окаменевшим лицом. Народ, тянувшийся к выходу, обтекал ее, не задевая. Так река обтекает одиноко торчащий на фарватере камень, оставляя позади глубокую воронку. Люди, ко-

нечно, догадывались, кем приходится осужденный этой строгой седой женщине. Одни смотрели на нее с сочувствием, другие — злобно. На суде присутствовали родственники погибших, представители Народного фронта Молдовы. Уж они-то точно считали лейтенанта Обута преступником.

Мать и сын обменялись полными отчаяния взглядами. В следующий миг конвоир толкнул Михаила в спину, и он, споткнувшись, потерял мать из виду.

Конвоиры — оба уже немолодые — следовали за приговоренным вплотную. Они отвечали за него головой и, отягощенные страхом, вели себя агрессивно. Тот, что шел справа, в дополнение к тычкам еще и громко приговаривал: «Большевик — гад, коммунист — гад...»

Хамство и враждебность конвоиров вызвали неожиданную реакцию. На смену растерянности и смятению, охвативших Михаила после зачитания приговора, к горлу подступила злость. Кто дал судьям право так несправедливо с ним поступить?.. Лейтенант Обут был начальником караула. Он не нарушал закона. Преступно было бы дать толпе возможность захватить оружие!

Но с суда взятки гладки. Учреждение это республиканское, защищает интересы жителей Молдовы. А свои?.. Его же предали свои! Бросили на произвол судьбы и пальцем не шевельнули, чтобы спасти. Разве можно было отдать офицера российской армии в руки местного правосудия? Если он действительно виноват и подлежит привлечению к уголовной ответственности, для этого есть военный трибунал. Майор Нарышкин на суде юлил, изворачивался, нес ахинею. Хорош свидетель... А ведь именно Нарышкин, будучи дежурным по караулам, приказал не допустить захвата оружия любой ценой.

За три недели отсидки в следственном изоляторе Михаил сотню раз прокрутил в голове события рокового майского дня. Шаг за шагом придирчиво проанализировал свои действия и ни в чем, даже в самой малости, не смог себя упрекнуть.

То утро выдалось тихим, теплым. На рассвете, проверяя службу часовых, Обут обошел посты и порадовался царившему в округе спокойствию. Обстановка в республике вообще-то была напряженной. Участились нападения на воинские части с целью захвата оружия. Майор Нарышкин, инструктируя лейтенанта перед заступлением в наряд, сказал: «Смотри, карнач, в оба, особенно в темное время суток. Под твоей охраной склады с вооружением и боеприпасами. Местные боевики на эти «игрушки» давно зуб точат».

Успокоенный мирной обстановкой, Михаил вернулся в помещение. Только собрался прилечь на кушетку, как услышал истошный крик:

— Товарищ лейтенант, люди! Много людей!..

Михаил выскочил из караульного помещения и увидел толпу — не менее ста человек. Откуда они взялись? Только что никого не было.

Шум стоял невообразимый. Громче всех орали женщины. Их, кстати, было подавляющее большинство:

— Оружие принадлежит нам! Мы вас кормим! Мы платим налоги! Мы...

Михаил попробовал перекричать их. Не тут-то было: толпа от слов начала переходить к делу, вплотную подступив к опоясывающему склады заграждению из колючей проволоки. Нескольким человеком, обмотав руки тряпками, пытались сломать забор.

— Что делать, товарищ лейтенант? — крикнул часовой и, не дожидаясь ответа, дал очередь из автомата поверх голов.

Народ отхлынул. Только тут Михаил заметил группу парней в полевой форме с автоматами. Боевики! Эти стрельбы в воздух не испугаются. Эти поведут безоружных за собой, и тогда...

На миг Михаил растерялся. Не может караул отдать то, что ему доверено охранять. Семь лет он носит форму — сначала солдатскую, потом курсантскую и наконец офицерскую. Давая присягу, Обут клялся в верности воинскому долгу. К тому же понимал, к каким последствиям приведет захват оружия. На складах сотни единиц вооружения, десятки тысяч боеприпасов. Если все это пустят в ход, маленькая Молдова потонет в крови. Но, с другой стороны, толпу ничем, кроме силы оружия, не сдержать. Значит, стрелять? Стрелять в своих?..

Мысли метались в поисках выхода. Как разорваться между долгом и совестью? И тогда он бросился к телефону, чтобы доложить, попросить указаний. В глубине души понимал, что хочет уйти от ответственности, переложить ее на других, но действовал так в силу привычки.

— Не паникуй! — оборвал его на другом конце провода Нарышкин. — Ты что, карнач, забыл свои обязанности?

— Тут, товарищ майор, люди, много женщин. Я не знаю...

— Отставить лирику! Ты, лейтенант, устав изучал? Вот им и руководствуйся, — жестко проговорил Нарышкин.

— Но товарищ майор...

Нарышкин перебил:

— Все, карнач. Не распускай слюни. Действуй, как положено!

Ну, вот и расставил вышестоящий начальник все на места. Оттого, что бездеятельность кончилась, Михаилу стало легче. Он отшвырнул телефонную трубку, крикнул: «Караул, в ружье!» Сам схватил автомат и первым выскочил из по-

мещения... А люди уже облепили ограждения, выдирали колья, рвали колючую проволоку. Лейтенант сделал последнюю попытку.

— Остановитесь! — прокричал он. — Я на посту! Я не имею права допустить...

Из толпы ударил выстрел. Пуля прошла у виска. «Вот сволочи!» — выругался Обут и, больше не раздумывая, нажал на спусковой крючок. Автомат запрыгал в его руках. Очередь была длинной. Потом наступила тишина...

...Сопровождаемый конвоирами, Михаил шел по длинному обшарпанному коридору здания суда. Его пошатывало, все плыло перед глазами. Наверное, за содеянное им действительно положено наказание. Но вышка? За честно исполненный долг?...

А может, неправильно вел себя на суде? Говорил неубедительно, мямлил. Нужно было как следует тряхнуть майора, вывести его на чистую воду. Нужно было заставить Нарышкина — труса и предателя — сказать правду...

Михаил ухватился за эту мысль: подать апелляцию, потребовать самым тщательным образом проверить обстоятельства происшедшего. Он виноват — люди погибли, но пускать его в расход как убийцу — неправильно.

Однако приговор произнесен. Ему и пикнуть не дадут, тем более обжаловать судебное решение в высшей инстанции. Одиночка и полная изоляция — вот его удел отныне и до самого конца. Через тюремные стены ни до кого не докричишься.

Отчаяние овладело с такой силой, что Обут чуть не завыл в голос. Все кончено, поздно! Раньше надо было думать. Дурак, считал во время следствия недостойным для себя доказывать очевидное. Идеалист, верил в честность судей, в законность разбирательства. Ан нет, не разобрались, не захотели...

Михаил намертво сцепил за спиной кисти рук. Эх, если бы теперь представилась возможность подраться за себя...

Спускаясь по лестнице, он невзначай прижал одного конвоира к стене и тут же схлопотал тычок под ребро. Побои в следственном изоляторе были обычным явлением, особенно издевались над русскими. Но сейчас полицаи явно сдерживались, слишком много было вокруг людей. На обоих этажах шли заседания, суд работал на полную мощь, и конвоиры вели себя относительно пристойно, а спустившись вниз, даже перебросились несколькими фразами по-румынски. Все националисты, среди obsługi изолятора их было большинство, говорили только на этом языке, признанном с некоторых пор в республике государственным.

Впереди показался выход. Народу тут толпилось еще больше, и говорили люди громко, пытаясь перекричать уличный

шум, врывавшийся в распахнутые окна. Михаила охватила невыразимая тоска. Еще минута, и они выйдут из здания. Его сунут в тюремную машину, захлопнут дверцу... Мысль о конце была невыносима, сводила с ума. И на смену ей неожиданно пришла другая. Пока не запихнули в каменный мешок, пока, слава Богу, свободны от наручников руки...

Справа шел усатый конвоир с толстым носом и красной рожей. На него первым и обрушился Обут. Сделав подвеску ногой, он ударил его ребром ладони по кадыку. Полицай только вскрикнул и свалился, как куль, под ноги напарнику, которого Михаил, сделав ложный выпад, свалил также ударом под дых. Вот когда пригодилось мастерство каратиста!

Вспрыгнув на подоконник, приговоренный к «вышке» увидел под собой залитую солнцем улицу, зеленые деревья, голубей, прыгающих на асфальте... Окно бельэтажа находилось в трех метрах от земли. Разве это высота для десантника, привыкшего прыгать с парашютом?!

В следующую секунду он был уже внизу. Послышались возбужденные голоса. В окна высунулись любопытные.

— Держи его! — крикнул кто-то. — Хватай! Сбежит!..

«Накося выкуси, попробуй теперь схватить!» Михаил знал, что в беге ему нет равных, разве что пуля догонит. Но тут ничего не поделаешь — судьба. Такой исход все равно будет лучше, чем небо в решетку.

В несколько прыжков Обут пересек дорогу и метнулся вдоль домов. Вдогонку ударила запоздалая автоматная очередь.

2

Черт бы побрал тот рейс!

Яношу так не хотелось отправляться в Румынию, ну просто нож острый в сердце. Он было направился к начальству с просьбой найти ему замену, но в последний момент передумал. Что он скажет? Не хочу?.. Глупо. У пограничников, приученных к дисциплине, да еще прошедших Афган, не существовало в лексиконе слова «нет»... Сослаться на плохое самочувствие — только людей насмешить. Коломенскую версту с пудовыми кулачищами, перворазрядника по самбо хворь одолела? Вот потешаться-то будут. Да он, кого хочешь, в бараний рог свернет. Здоровье, дай Бог каждому: за два с лишним года после дембеля ни разу не чихнул.

Дома тоже порядок: отец, как всегда, вкалывает в совхозе, мама и сестренка при своем деле на приусадебном участке. Май — страдная пора. Время упустить — урожай не возьмешь. Агнешка?.. Ну, это отдельный разговор. Скучать стал по ней пуще прежнего. В рейсах только о девке и думает.

Ходит злой, как черт, ребята от него шарахаются. Так-то Янош — мужик мирный, мухи не обидит, а в тоскливую минуту, если кто незначай насчет Агнешки пройдет, а о ней все в автопарке знают, — может и схлопотать. Потому, когда Янош Чепрага в рейсе, ребята его стороной обходят.

Никогда прежде не думал, что можно так присохнуть к девчонке. Мало ли их было? Встречался накоротке, обнимал, целовал, оглаживал, но дальше заходить опасался, хотя и такое случалось. Но ни одна по-настоящему не зацепила. А Агнешка, как магнит, к себе потянула. Однако работа есть работа. Любовь — не причина, чтоб от рейса отлынивать. Задание ответственное: за бугор не каждого посылают. Вот и поехал, и правильно сделал. Командировка оказалась не из легких, ежели не сказать больше. Откажись тогда Чепрага от рейса, ребята могли подумать, что он их подставил... Никто никогда не мог упрекнуть Яноша в трусости. В Афгане приходилось в разные передраги попадать. Он никогда не уклонялся от драки, Красную Звезду и «За отвагу» заработал честно.

Машина была загружена знаменитым молдавским коньяком. До такого товара многие охочи. Но откуда узнали про их груз? Не завелся ли в гараже осведомитель?.. Уже было несколько случаев, когда «дальнобойщиков» принудительно останавливали, скручивали водителей, а товар тью-тью. Вот и на сей раз...

При подходе к перевалу на самом трудном участке маршрута, когда мотор работает с перетягом, Янош вдруг увидел двух типов в камуфляжных костюмах. Один с опухшей рожей поднял жезл, требуя остановки. Что-то тут было нечисто. Никакому гаишнику не придет в голову останавливать тяжело груженный КамАЗ на подъеме. «Дальнобойщиков» автоинспекция вообще редко трогает, потому как знает, что они свято блюдут дорожные законы и машины содержат в идеальном порядке. Слишком долг путь, чтобы, рискуя, отправляться в него с поломкой. А потом — чего ради забираться «службе» в горы? Тратить дорогой нынче бензин, время, силы? Молдова — не Афган, и эти в камуфляжах — не душманы. Любую тачку могут проверить запросто у подножья...

Янош толкнул в бок спавшего напарника.

— Глянь, какие хмыри у дороги, — сказал. — Голову даю на отсечение, под балахонами у них стволы!

— Господи, беда-то какая, — испуганно вскрикнул напарник. — Такие зарежут — недорого возьмут.

— Возьмут, если дадим, — усмехнулся Янош, большие голубые глаза его потемнели. — Приготовь на всякий случай монтировку, хотя вряд ли ею придется воспользоваться...

Подъезжая к «гаишникам», он слегка сбросил обороты двигателя, дав понять, что намерен остановиться. Мужики, явно расслабившись, вышли на дорогу. Мордovorот даже жезл в чехол засунул. В следующее мгновение Янош жиманул газ на полную катушку. Мотор взревел, и тяжеленная машина, набирая скорость, рванулась вперед, зацепив одного хмыря крылом. Второй едва успел отпрыгнуть. В боковом зеркале было видно, как он рвет из-под куртки «узи». Ствол автомата зацепился за край штанов и никак не поддавался. Янош подумал: ох и растяпа! И пожалел, что не имеет оружия. Бандюги явно себя разоблачили, посчитаться с ними было бы в самый раз.

Подъем кончился. В этот момент сзади сыпанула автоматная очередь. Пуля ударила в боковое зеркало, осыпав Яноша осколками стекла. Но машина уже шла под уклон и была вне поля зрения нападавших.

В Бухарест прибыли вовремя, без задержки сдали груз. Можно было расслабиться, отдохнуть, но тревога, глодавшая Яноша с момента отъезда, все нарастала. В бар, куда их по традиции пригласила братва из родственного бухарестского автохозяйства, пошел без обычного удовольствия. И весь вечер был хмур.

Из Бухареста автоколонну с новым грузом направили в Софию, оттуда в Варну. Автохозяйство перешло на аренду и теперь международными перевозками зарабатывало себе валюту. Вернулись «дальбойщики» в Кишинев ровно через три недели. Стояла середина июня, когда Янош Чепрага с напарником появились наконец на родном предприятии. Едва машина зашла во двор гаража, как диспетчер объявила по радио:

— Чепрага, зайди ко мне, быстро!

Екнуло сердце: с чего бы это?.. Остановив машину, Чепрага передал руль напарнику и поспешил в диспетчерскую.

— Привет, подружка! Зачем звала? — спросил как можно беспечнее.

— Не серчай, Янош, весть не очень хорошая. Тебе сестра каждый день названивает, — сказала дежурная с виноватой улыбкой. — У вас какое-то лихо стряслось.

— С кем, знаешь?

— Нет. Ты беги домой. Я сама документы оформлю и начальству о твоём прибытии доложу.

Всю дорогу до винсовхоза Янош гадал, что могло случиться и, главное, с кем. Больше всего опасался за мать. Но не там ждала беда.

— Ой братик, ой родимый, — запричитала сестра, бросившись навстречу. — Так долго тебя не было. Мы все ждали. И мама, и Агния...

— Что Агния? — он отодвинул сестру, заглянул ей в глаза и со страхом повторил: — Что с ней, говори?

— В больнице любимая твоя. Сперва вроде на поправку пошла, а вчера доктор сказал...

— Она заболела?

— Нет же, нет, — заголосила сестра. — Ранили ее...

— Что-о?

— Ранили, говорю. Ты в больницу поспеешь. Худо девушке, худо!..

Остановив первую попавшуюся машину, Чепрага уговорил водителя подбросить их к больнице. По дороге сестра рассказывала о волнениях в городе. Народный фронт потребовал убрать из Молдовы русские оккупационные войска. Ежедневно идут митинги. Десантный полк в Кишиневе блокировали, на воинские гарнизоны в Приднестровье постоянно нападают. В одну из таких катавасий и попала Агнешка. Она как раз гостила у тетки под Дубоссарами и любопытства ради пошла поглазеть, как толпа будет курочить армейский склад. Когда начали ломать ограждение, караул открыл огонь. Агнешке досталась пуля в живот...

Янош слушал сестру вполуха. Сердце разрывалось от боли. Эх, Агнешка, зачем ее под пули понесло? Вечно больше всех надо. Но сейчас — только бы выжила. Он отдаст ей свою кровь до последней капли.

— Из автомата, говорят, какой-то лейтенант палил, — продолжала сестра скороговоркой. — Его арестовали, сюда привезли. Судить будут...

Этого Янош уже не расслышал. Расплатившись с водителем, бегом бросился к зданию больницы. В приемной дорожку преградил вахтер, но тут из боковой двери вышел мужчина в белом халате.

— Доктор, — метнулся к нему Янош. — Пустите меня к Агнешке.

— Он, собственно, кто? — спросил врач у сестры.

— Жених он ейный, доктор. Свадьба у них намечена.

— Свадьба?.. Ну тогда пройдите в палату.

— А свидание девушке не повредит? — спросила сестра.

— Ей уже ничто не повредит, — ответил доктор глухо. — Идите, молодой человек. И будьте мужчиной!

— Так плохо, да? — спросил Янош сдавленно. — И ничего нельзя сделать?

— Нет. Нельзя, — отрывисто сказал врач и пошел прочь.

Все дальнейшее происходило как во сне и помнилось потом нечетко, расплывчато, сквозь кисею. Он стоял возле кровати, на которой лежала его Агнешка. Он смотрел на родное болезненно заострившееся лицо. Какой-то бред, наваждение. Стоит сбросить его, и Агнешка встанет, лукаво улыбнется и по обык-

новению скажет: «Сokol мой прилетел...» Тугой ком стоял в горле. Мысль о том, что он видит Агнешку живой в последний раз, казалась противоестественной. Вот она была — молодая, красивая, нежная — любимая. И вдруг исчезнет?..

На минуту девушка пришла в себя. Дрогнули длинные слипшиеся ресницы. Проглянула в щелочки подернутая мутной пленкой синева.

— Ты? — шепнула. — Я знала. Знала, что придешь...

Янош с трудом разжал спекшиеся губы:

— Кохана моя! Люба единственная!

— Тебя долго не было. Ждала, ждала...

— Я больше не уеду. Я всегда буду с тобой. Мы будем хорошей парой...

Агнешка отозвалась:

— Не будем. Времени не осталось...

Потом, словно устала от борьбы с собой, смежила ресницы, конвульсивно вздрогнула. Руки завалились, голова — набок. Янош не сразу осознал, что это конец.

Он видел десятки смертей. Он сам стрелял и видел гибель сраженных его пулей людей. Но он стрелял во врага. Чьим врагом была эта девочка, едва начавшая жить?

Нестерпимо захотелось лечь рядом с Агнешкой и заснуть вместе навек. Прижаться к милому, столько раз целованному лицу и пойти вслед за ней... Куда?

«Какой гад погубил тебя, детка? Нет и не будет мне прощения, если негодяй не получит за тебя сполна. Он должен заплатить за твою жизнь своей. И я... Я клянусь!..»

Не в силах больше смотреть не бездыханную Агнешку, Янош отвернулся. За окном бушевал июнь. Краски южного летнего дня показались ему неправдоподобно яркими. Небо плавилось в солнечных лучах. Деревья — зеленое колышущееся море — уходили за сверкающий горизонт. В глазах потемнело. И не было в душе Яноша Чепраги ни единого просвета.

3

День тащился, как запряженная волами арба, медленно и тягуче. Казалось, ему не будет конца. По всем расчетам должен давно наступить вечер, а солнце словно позабыло, что пора уходить за горизонт.

Михаил Обут поглядывал на оранжевый диск с ненавистью, поджидая спасительную темноту, когда опасность быть узником, следовательно, схваченным, значительно уменьшится. Ведь по радио уже наверняка объявили приметы бежавшего из-под стражи преступника. Его мог задержать

любой прохожий, не говоря о заполнивших улицы волонтерах. Разгуливают, гады, с автоматами через плечо, не дают никому прохода. Цепляют девчат, придираются к мужчинам, задавая один и тот же вопрос: «Ты почему такой здоровый, а не с нами?..»

В городе у Обути знакомых, которые согласились бы приютить опасного гостя, не было. Выбраться из Кишинева днем невозможно: на дорогах стоят волонтерские заставы, по окрестным селам бродят патрули. Уж они-то непременно задержат подозрительную личность, не имеющую к тому же документов.

Ничего другого не оставалось, как бродить по городу, выбирая наиболее тихие, безлюдные улочки. Единственным местом, где можно укрыться, был стоящий в Кишиневе десантный полк. Свои в помощи не откажут. Но идти туда днем не стоит. За военными в Кишиневе следят во все глаза, каждый шаг контролируют. Молдова, черт возьми, объявила их оккупантами и требует вывода войск. Появление на КПП десантников грязной, небритой личности в измызганном костюме не останется незамеченным. А как были отутюжены брюки, когда мама принесла их ему в тюрьму: не сидеть же сыну на скамье подсудимых в военной форме!

Стало наконец смеркаться, и Михаил вздохнул с облегчением. Теперь можно, не дергаясь, не оглядываясь поминутно, потихоньку двигаться в сторону полка. И тут он чуть не допустил ошибку. Остановив пожилую женщину, спросил, как пройти на улицу генерала Панфилова.

— Такой улицы у нас нет, — ответила женщина.

— Есть, я знаю. Там десантники стоят! — воскликнул Михаил и прикусил язык: упоминать о десанниках вряд ли стоило.

— Понятно, — усмехнулась женщина. — Вам, молодой человек, нужно попасть на улицу Василя Лупу. Отстали от жизни, Панфилов, герой войны, в Молдове теперь никому не нужен, а Лупу печально знаменит тем, что в шестнадцатом веке ввел крепостное право...

Разговор затягивался. Женщина, видимо, никуда не спешила. Торопился Михаил, которому не было дела до молдавского господаря, сочинившего кодекс феодального права.

— А эта улица, она приведет к Комсомольскому озеру? — неучтиво прервал он собеседницу.

— Значит, вам обязательно на Лупу надо? — ответила та вопросом на вопрос.

— Очень надо!

— Жаль! Не ходили бы туда, молодой человек, по-доброму советую. Десантникам ультиматум предъявили, чтобы в сорок восемь часов убрались из Кишинева.

— Приняли? Ультиматум приняли?..

— Нет, конечно, теперь их, как зверей, со всех сторон обложили. Народ вокруг стоит. Входы завалили бетонными плитами, пикетируют...

Новость ошеломила, теперь и в полк не попасть? Но если не к своим, то куда?

— Вы ведь тоже военный, — неожиданно сказала женщина.

Михаил машинально кивнул, тут же спохватился, что окончательно выдал себя, но отступать было поздно, а отрицать бессмысленно. Все равно выдавала выправка, которую никакими гражданскими одедами не прикроешь.

— Ну и что? — спросил он с вызовом.

— Ничего. Просто вам тогда и вовсе не следует идти на Лупу. Люди здорово против военных настроены, фашистами обзывают, русскими свиньями.

— Вам-то что за дело? — спросил Михаил, подозрительно вглядываясь в женщину.

Та усмехнулась. Без злобы, но с горечью сказала:

— А в том дело, парень, что я и есть та русская, которую обзывают. И у меня вовсе нет желания петь новый молдавский гимн, который, знаешь, как начинается? «Вставай, поднимайся, румын!» И чтоб внуки мои учились в школе на румынском языке — тоже не хочу. Ну да ладно... Идти тебе прямо. Через три квартала, свернешь налево, потом через два — еще раз. Там и будет то, что ищешь. Больше ни у кого не расспрашивай, будь осторожен, сынок.

— Спасибо на добром слове, — торопливо поблагодарил Михаил и быстро пошел прочь. На углу оглянулся. Пожилая женщина стояла на том же месте и смотрела ему вслед, как бы благословляя. Михаил взмахнул на прощание рукой и свернул за угол.

Предстояло решить задачу со многими неизвестными. Даже если удастся проскочить кольцо пикетчиков и перебраться через стену, опоясывающую городок, его запросто могут пристрелить свои. По периметру внутри ограды наверняка ходят патрули. Они не станут разбираться с каждым, кто ночью полезет в полк... Такой вариант слишком рискованный, на него можно решиться лишь в самом крайнем случае.

Но что придумать? И та, и другая сторона на стреме. Человек с ружьем сперва действует, потом осмысливает совершенное. Не для того бежал Михаил из-под расстрела, чтобы схлопотать случайную пулю. Доказать свою невиновность возможно, если удастся, как минимум, сохранить жизнь.

Синева, постепенно окутывающая улицы, все больше сгущалась. Свежевыбеленные мазанки тонули в густой россыпи садов, сквозь плотный строй деревьев едва просматривались

тускло светящиеся окна, придавая переулкам особую таинственность, усугубляемую глубокой тишиной. Шаги редких прохожих, ступающих по мостовой, казались осторожными, будто человек не идет, а крадется, слегка касаясь земли ногами.

К центральному КПП десантников Михаил Обут вышел внезапно. Из-за угла увидел знакомый домик с пологой крышей и широкой дверью, в проеме которой стоял часовой. Здесь сходились три улицы, образующие небольшую площадь, помимо уличных фонарей ее освещал установленный на КПП прожектор. Пронзительно-фиолетовый луч его был настолько сильным, что буквально подталкивал в спину прохожих, поторапливая поскорее миновать освещенное пространство.

У ворот лежащие крест-накрест громоздились бетонные плиты с торчащими по бокам металлическими прутьями арматуры. Ни въехать в полк, ни выехать из него было нельзя. Завал охраняли вооруженные патрули. Михаил насчитал курсирующие вдоль КПП четыре пары волонтеров.

Как же ребята тут живут? Как поддерживают связь с внешним миром, завозят продукты, почту?.. Сквозь такой кордон не проберешься. Десанникам не позавидуешь, но Михаил отдал бы сейчас все на свете, лишь бы очутиться в их рядах.

Он пересек площадь, чуть свернул влево. Улица пошла на уклон, уводя в сторону. Идти вдоль заграждения Михаил не решился, не следовало привлекать к себе внимание. Обойдя пару кварталов, он снова, прячась в тени, приблизился к ограде. Неожиданно повезло. Он услышал, как несколько волонтеров, собравшихся в кружок, о чем-то заспорили. Один, с бородой, вытащил из кармана бутылку, тотчас пошедшую по рукам.

Перебегая от дерева к дереву, Михаил приблизился к стене. Теперь до нее оставалось не более четырех метров. Их можно преодолеть в несколько прыжков...

Волонтеры засекли его поздно. Кто-то закричал, когда Михаил уже перемахнул через стену: что для него какой-то двухметровый забор, пусть даже с колючкой наверху. На спешечениях десанникам приходилось преодолевать и не такие препятствия.

Оказавшись внутри ограды, Михаил попал в то самое полмя, которого опасался. Часовой, конечно же, заметил неожиданного гостя. Клацнул затвор автомата, и окрик: «Стой! Кто идет?» заставил Михаила похолодеть. Не хватает, чтобы свои подстрелили. Он застыл на месте и заорал:

— Стою! Стою, мать твою!..

Позднее, уже в штабе, куда Обути под конвоем привел все тот же задержавший его патруль, солдат, когда его спросили,

что он ворон-то ловил и «летающего» через стену не подстрелил, смущенно оправдывался:

— Так он таким трехэтажным загнул... Сразу видать — свой.

Все вокруг дружно расхохотались, а вошедший в дежурку командир полка, которому успели доложить о задержании, с усмешкой заметил:

— Счастлив твой Бог, лейтенант. Я ведь приказал солдатам не церемониться с любителями по стенам лазать. Считаю, второй раз от пули ушел.

— Почему второй? — спросил Михаил.

— Так ведь ты нынче знаменитость, — ответил полковник. — Твою физиономию растиражировали все газеты.

Кабинет командира полка полковника Голубева, где продолжался разговор, был небольшим, с необходимой мебелью. Ни одного лишнего предмета, кроме разве что двух цветных репродукций — шишкинского леса и левитановской осени. Хозяин был высок, широк в плечах, гибок, мускулист. Лицо загорелое, продубленное ветрами, слегка скуластое, с глубоко посаженными серыми глазами могло бы принадлежать аскету, кабы не мягкий взгляд и улыбка, затаившаяся в уголках губ. Определенно российские пейзажи Шишкина и Левитана украшали кабинет не случайно.

— Что будем делать, лейтенант? — задумчиво спросил командир полка. — Тебя давно ищут и непременно придут сюда. Они не полные дураки и рассудят здраво: где мог скрыться спецназовец, как не у друзей-десантников?

Михаил почувствовал, как почва, которую он только что обрел, закачалась. Он так стремился к своим, а те собираются его сдать. Открестятся, как недавно майор Нарышкин или командарм Ткачев, не пожелавшие пальцем пошевелить во имя спасения своего офицера.

— Я же невиновен, — сдавленно пробормотал Обут. — Я выполнял свой долг.

Голубев покосился на лейтенанта неодобрительно, с укором сказал:

— Плохо ты о нас думаешь. И с выводами спешишь...

В дверь кабинета постучали. Вошел дежурный по полку. Доложил, что из Болграда прибыла машина с хлебом, но попасть в распоряжение части не может.

— Вы что, первый раз службу несете? — спросил командир полка. — Не знаете, как действовать?

— Так точно. Не приходилось оказываться в такой ситуации.

— Понятно, — усмехнулся Голубев. — Поднимите по тревоге дежурный взвод, подгоните хлебовозку к ограде с той стороны, и пусть ее содержимое люди перенесут в столовую. Все.

— Через стену? — спросил обалдевший дежурный.

— Именно. Вы полагаете, десантники разучились преодолевать препятствия с грузом? — в голосе командира полка прозвучала насмешка. — Идите, капитан, выполняйте.

Когда за дежурным закрылась дверь, Голубев повернулся к Обуту и устало сказал:

— Так и живем, лейтенант. Город отказал нам в хлебе. Возим продукты черт знает откуда, с дивизионных складов. И даже их спокойно выгрузить не дают. Мы сейчас под таким колпаком... А ты говоришь, надежное укрытие.

— Я считал, здесь суверенная российская территория.

— Пока, — согласился Голубев. — Пока нас не выгнали. Если эту территорию попытаются захватить, я обязан и буду защищать ее с оружием в руках. Но не пустить сюда представителей власти и правоохранительные органы, — он развел руками, — извини, не могу.

— Разве нельзя меня спрятать в какой-нибудь каптерке? — воскликнул Михаил.

— Можно. Но нет гарантии, что тебя не видели, когда ты пробрался в полк. Кто-то из работающих у нас гражданских мог заметить подозрительного человека и донести. Тогда скандал. Не можем мы вовсе не считаться с законами. Как ни крути, а тут, черт бы их побрал, другое государство... Нет! — решительно тряхнул головой Голубев. — Прятаться здесь безумие, и для тебя, лейтенант, вдвойне опасно. Надо, пока можно, уходить.

— Куда? — спросил Обут. Мысль, что ему нет места у десантников, повергла в отчаяние.

— Возвращайся в Тирасполь, в свою армию.

— Чтоб меня оттуда снова отправили в Кишинев? — с горечью пробормотал Обут. — Командарм Ткачев, спасая свою шкуру, сам же и прикажет.

— Успокойся, лейтенант, — Голубев широко улыбнулся. — Я все знаю. То, что сотворил с тобой бывший командарм...

— Бывший?

— Вот именно, — продолжал Голубев. — Ткачев снят с должности. Офицерское собрание Российской Армии требует предания его суду чести. Вчера назначен новый командующий.

— Полагаете, это что-нибудь изменит?

— Да уж, не сомневайся. Он наведет порядок в Приднестровье.

— Вы так уверены?

— Слишком хорошо его знаю. Генерал Голубев — мой старший брат. Он как раз из тех, кто...

В дверь снова постучали. Дежурный доложил:

— Вас спрашивают, товарищ полковник. Очень торопят. Представились, будто из республиканской прокуратуры.

Голубев стремительно встал, поглядел на Обути:

— Боюсь, народец этот по твою душу явился. Заговорились мы, а надо уходить.

— Куда? Как?

— Есть один тайный коридор вдоль озера. Ребята мои зря хлеб не едят... — Командир полка повернулся к дежурному и выразительно подмигнул: — Задержи гостей, капитан, повесь им лапшу на уши. Скажи, сейчас буду. Тебе, лейтенант, даю двух сопровождающих. Разведчики, сам понимаешь, хлопцы надежные. Они выведут тебя за город.

— Мне бы пистолет, — попросил Михаил.

— Нет, — отрезал Голубев. — Тебе же хуже, если схватят с оружием. Надеюсь, десантными приемами владеешь? Держись подальше от волонтерских постов и постарайся поскорее добраться к генералу Голубеву. Передашь привет, скажешь, брат благословил...

— Передам, если доберусь.

— Куда денешься. Не в тюрьму же возвращаться на милость победителей... — Командир полка рывком распахнул створки окна. — Прошу сюда, лейтенант. Вон там, вдали, видишь, силуэт казармы? Держи курс на нее. Я разведчикам сейчас позвоню. Ну, удачи тебе, Михаил Обут! Удачи!..

4

После смерти Агнешки Янош Чепрага несколько дней просидел безвылазно дома. Ни мыслей, ни желаний не было. Из него словно вынули душу. Голова налилась чугушной тяжестью, будущее представлялось беспросветным, дальнейшее существование — бессмысленным.

На похороны Янош не пошел. Пусть не посетуют друзья и родители: он не хотел видеть Агнешку в гробу. Она должна остаться в памяти живой — веселой, озорной. Огня у этой девочки хватало на двоих. Сам-то Янош с детства был молчуном. Человеч дела, он привык совершать поступки, а не говорить о них. Открытостью души тоже никогда не отличался. А тут еще война наложила отпечаток. Когда повидаешь столько крови, грязи, когда вплотную столкнешься с подлостью человеческой натуры, поневоле станешь угрюмым. Наверное, потому и нашли с Агнешкой друг друга, что были совершенно разными. Она — ясный, ласковый день, он — глухая ночь...

Ничто не могло ни утешить, ни успокоить Яноша в его горе. Так он думал. И был крайне удивлен, почувствовав об-

легчение, когда услышал о приговоре убийце. Новость сообщила вернувшаяся из города сестра:

— Ну, вот и получил твой вражина по заслугам!

— Что ты сказала? — Янош не сразу понял, о ком идет речь.

— Я в суде была, — пояснила сестра. — Как только приговор тому лейтенанту, что в Агнию стрелял, объявили, я сразу к тебе помчалась обрадовать...

— Постой, не тарахти, — остановил Янош сестру. — Рассказывай по порядку.

— А что рассказывать? К высшей мере его!.. Шлепнут и все, чтоб по народу не пулял, — мстительно сказала сестра.

Вот так финт... Случившееся не укладывалось в голове. В Афгане тоже бывало всякое. На поле боя люди гибли. Помнится, труса однажды судили, но чтоб к «вышке»? К «вышке» никого не приговаривали. А дела там бывали похлеще. Братишки, чего греха таить, грабежом баловались, насильничали. Но чтоб за это расстреливать...

— Что ни говори, братик, есть все-таки правда на свете! — воскликнула сестра.

Мысленно Янош согласился. Решение было суровым, но справедливым. И раз его вынес суд — законным. Агнешка отомщена.

— Покорми меня, что ли, — попросил Янош, — голова почему-то кружится.

— Ну, похоже, оживаешь, братик, — обрадовалась сестра и бросилась на кухню.

Через несколько минут на столе уже стояла большая сковорода с яичницей, зажаренной с салом и помидорами. Уплетая за обе щеки, Янош подумал, что, хочет он того или нет, пора возвращаться в жизнь, идти на работу, отправляться в очередной рейс.

Впервые за много дней вспомнилась граница. Не та, чужая, где он учил местных джигитов отбивать нападение душманов, а еще прежняя, мирная. Она проходила совсем рядом с заставой. Скалы почти вплотную подступали к неширокой пенистой реке, отделявшей Таджикистан от Афгана.

Однажды, будучи с напарником в дозоре, Янош обнаружил на песчаном берегу след. Отпечатки, совсем свежие, принадлежали вроде бы одному человеку, но Чепрага наметанным глазом заметил: контуры подошв на песке растоптаны. Нарушителей, старавшихся идти след в след, было несколько. Время для перехода границы негодяи выбрали самое для себя удобное — на исходе дня: еще не ночь, а в горах уже сумерки. Чуть поодаль от Пянджа след пропал. Кругом ни кустика, ни деревца, даже травы нет. Разве что в расщелинах торчат кое-где пучки сухого бересклета...

Группа по тревоге, возглавляемая начальником заставы, прибыла быстро. Розыскной пес по кличке Эмир с ходу взял след. Минут через двадцать они не то что увидели, а скорее почувствовали, что начали наступать нарушителей. Где-то впереди человек зацепил камень, с шумом покотившийся вниз. Начальник заставы включил фонарик и выхватил лучом движущееся темное пятно. Тотчас оттуда брызнула автоматная очередь, следом — вторая, третья... Пограничники залегли.

— Крутые ребята пожаловали, — сказал начальник заставы и дал ответную очередь.

— А вы заметили: стреляет один ствол, а нарушителей было несколько, — сказал Янош.

— Верно, у тебя отменный слух, сержант, — одобрительно кивнул начальник заставы. — Этот с автоматом наверняка прикрывает главного, следующего к нам в тыл... Бери трех человек, пойдешь через горы напрямик к перевалу. Сумей опередить и взять их там...

...Погруженный в воспоминания, Янош вздрогнул, когда сестра тронула его за плечо:

— Очнись, братик! Послушай, что-то по радио сейчас важное скажут!

Из висевшего на стене репродуктора послышалось:

«Внимание! Внимание! Передаем чрезвычайное сообщение МВД Молдовы!»

Пронзительный голос диктора заполнил комнату:

«Приговоренный к высшей мере наказания преступник бежал из зала суда! Его приметы: рост сто семьдесят восемь, телосложение плотное, волосы темно-русые, глаза карие. Черты лица правильные. На запястье правой руки шрам...»

Янош слушал и его охватывало бешенство. Упустили убийцу, растяпы. Поставили в конвой идиотов! Доведись ему, сержанту Чепраге, охранять, разве проворонил бы...

Негодование нарастало. А диктор продолжал:

«Всякий, кто обнаружит и укажет местонахождение преступника, сообщит о нем какие-либо сведения, получит большое вознаграждение!»

Ищи ветра в поле... Янош злорадно усмехнулся. Черта с два вы его поймаете. Он же десантник! Ребята из десантуры в Афгане ни в чем не уступали погранцам...

Но тут мысли приняли другое направление. Преступник ушел от ответственности, от законного возмездия, и Агнешка, его потерянная любовь, осталась неотомщенной. А как же клятва? Янош Чепрага поклялся у смертного одра невесты найти и покарать убийцу. Да будет он проклят, если не сдержит слова!

Янош отодвинул сковороду. Аппетит пропал. Он почувствовал отвращение к пище. Стремительно встал и начал соби-

раться. Надел тельник, привезенный из Афгана, пятнистый комбинезон, заломил на голове берет.

— Ты куда? — испуганно спросила сестра, догадываясь о его намерении.

Янош не отозвался. Поколебавшись, выдвинул из-под кровати дембельский чемодан и отыскал на самом дне завернутый в тряпицу «Вальтер». Это тоже был трофей оттуда.

— Ты что задумал, — заголосила сестра. — Полиция и прокуратура без тебя обойдутся.

— Молчи, — сказал Янош тихо, но в голосе прозвучало такое, отчего сестра сомлела. — Молчи, — повторил яростно. — Полиция и прокуратура — они ж ни черта не смогут сделать. Лейтенант — десантник. Никто, доходит до тебя это, никто, кроме меня, не поймает!

— Бог тебе судья, — прошептала сестра.

Янош подошел к ней, взял за руки, мягко сказал:

— Не горюй, сестренка. Меня какое-то время не будет. Сходи в гараж, попроси оформить мне отпуск, а родителям скажи, что уехал в рейс. Обо всем остальном молчи, словно онемела. Ну будь!

С этого момента мысли Яноша Чепраги сосредоточились на одной цели. Трясаясь на заднем сиденье автобуса, направляющегося в город, он попытался представить логику поведения сбежавшего из-под стражи лейтенанта. Конечно, у него в Кишиневе могли оказаться знакомые, и в таком случае парень сейчас отсиживается у них. Но это должны быть смелые люди. Не каждый решится спрятать преступника, зная, что того ищут, а за поимку назначена большая награда. В городе могли также оказаться родственники, что менее вероятно. Да и не тот человек лейтенант, чтобы подвергать опасности знакомых или родню... Бывший пограничник судил по себе, потому как свято верил в благородство десантника, не способного на подлость.

Был еще вариант спасения у подружки, но Янош отверг и это. Лейтенант служил в Тирасполе и амурсы, скорее всего, крутил там. Оставалось единственное: укрыться в десантном полку. Во всяком случае сержант Чепрага сделал бы только такой ход...

Приняв решение, Янош успокоился. Теперь он знал, куда идти и как действовать. В свое время приходилось бывать в кишиневском полку. В части служили старые товарищи. Некоторые из бывших погранцов после Афгана поступили в школу прапорщиков ВДВ. Под предлогом встречи с ними он и проникнет в полк, а там видно будет. Обстановка сама подскажет...

На троллейбусе он доехал до КПП. Но тут его задержал здоровенный пикетчик с автоматом через плечо.

— Куда прешь, шустряк? — спросил, дыша перегаром.

Янош охотнее врезал бы этому наглецу парочку горячих, но ссориться с пикетчиком не входило в его планы. Лейтенант и так имел несколько часов форы.

— Я прежде тут служил, — сказал примирительно. — Земляков повидать приспичило.

— Нашел время для гостевания, — рявкнул детина. — А ты случаем не москаль?

— А ты случаем не фашист? Может, кровь у меня на проверку возьмешь?

— Кровь нам твоя не нужна, — вмешался второй пикетчик. — Документы предъяви.

Янош заставил себя успокоиться, вынул удостоверение.

— С этого бы начинал, — сказал верзила и повернулся к нетвердо стоявшему на ногах напарнику. — Наш он, дальнотбойщик из автохозяйства. Не знаю, зачем понадобилось за забор, ну да черт с тобой...

— Спасибо земляк, век помнить буду.

— Чего уж, — махнул рукой пикетчик. — Я ведь служил в погранвойсках. Свой свояка видит издалека...

Следующая задержка произошла на КПП. Напрасно убеждал Чепрага дневального, тыча в нос военным билетом, что он свой и пришел повидаться с сослуживцами. Помощь пришла с неожиданной стороны.

— Чепрага, черт, дьявол... Ты ли это? Или я плохо вижу? — воскликнул неизвестно откуда появившийся на КПП старший прапорщик. — А говорили, будто тебя в Афгане пришили.

— Врали, сволочи. Как видишь, жив, — отозвался Чепрага, обрадованный так кстати подоспевшей поддержкой.

— Да ты, похоже, меня не узнал, — расхохотался прапорщик от избытка чувств. Был он толст, с выпирающим, как арбуз, брюхом. — Ну, конечно, куда уж прославленному самбисту снисходить до мелкой сошки — каптерщика...

— Рохля? Ты? — Чепрага с трудом вспомнил Илью Рохлякова. Был когда-то на заставе самым тощим доходягой, которому вечно не хватало пайки.

— Эй ты, с кличками поаккуратней! — толстяк опасно поглядел на дневального. — Сам ушел на вольные хлеба, а я при исполнении...

— Так точно, товарищ Рохляков, — козырнул Янош и широко улыбнулся. Встреча, похоже, сулила удачу.

— Пошли ко мне, отметим свиданьице. Товарищ со мной, — сказал Рохляков дневальному и обнял Яноша за талию.

— В каком качестве нынче служишь? — спросил Янош, проявляя максимум заинтересованности.

— Начальником продсклада.

— То-то вижу — раздобрел, — добродушно заметил Янош, мысленно возблагодарив судьбу, подкинувшую ему старого знакомого, к тому же чрезвычайно болтливого.

— Сейчас я за начальника службы. Уже четвертый месяц пошел, как замечаю, — продолжал с воодушевлением Рохляков, обрадовавшись неожиданному слушателю. — Офицеров в полку не хватает, солдат и того пуще. Знаешь, какой у нас недокомплект? Тысяча человек!..

Заперев за собой дверь на ключ, толстяк вытащил из сейфа бутылку коньяка, две стопки, пакет яблок. Жирные щеки его лоснились, глаза сияли от неподдельной радости.

— Выпьем за удачу, Чепрага! — воскликнул Рохляков. — Как хорошо, что ты живой. Очень рад и счастлив. Когда общили, что тебя того, я очень переживал.

Они выпили, заели яблоками прекрасный ароматный коньяк. Еще выпили, вспомнили бывших сослуживцев. Когда в комнате, служившей кабинетом, стемнело, Рохляков зажег настольную лампу и наконец спросил:

— Ты действительно просто так пришел? Время сейчас такое, сам понимаешь — спросить обязан.

— Понимаю и скажу откровенно как старому другу. Ищу я одного лейтенанта.

— Должок за Афган? — усмехнулся толстяк.

— Угадал. Пришел час, — подтвердил Янош. Рохле вовсе не обязательно было знать истинную причину. — Ты бы вышел, порасспрашивал, не появлялась ли тут подозрительная личность.

— Почему ж не поспрашивать? Сей момент пробежусь по следовой полосе.

Толстяк с готовностью встал и скрылся за дверью. Вернулся минут через двадцать и радостно сообщил:

— Тут твой лейтенант, у полковника сидит. Беседуют... Давай выпьем за разведку и разведчика, за меня, значит.

Сердце Яноша забилося. Выходит, он не ошибся и сейчас встретится с гадом лицом к лицу!

За дверью послышались шаги, потом затопало множество солдат. Толстяк снова выскользнул наружу, а когда вернулся, возбужденно сообщил:

— Там пришли из прокуратуры. И полицаи с ними. Тоже явились по душу твоего лейтенанта. Что он такое натворил?

Вместо ответа Янош придвинул стопку:

— Наливай, Рохля, выпьем!

Стало горько, но объяснить свои ощущения Янош не мог. С детства он недолюбливал органы правопорядка. Еще пацаном, лазая по чужим садам, имел с ними дело. И подростком попадал в кутузку за драки и разборки между «командами»

совхоза и соседнего колхоза. Неприязнь к милиции осталась на всю жизнь и сейчас крепла с каждой минутой, потому что полициям удастся исполнить долг, а Яношу — нет. Была цель, а теперь ее враз не стало, и жизнь потеряла смысл.

— Пойди узнай, как там полицаи управились, — попросил Чепрага.

Рохляков не очень твердо встал из-за стола и с готовностью отправился добывать информацию. Вернулся почти сразу и с порога выпалил:

— Они его не нашли!

— Как ты сказал?

— Нету лейтенанта, понимаешь? В кабинете командира его не обнаружили.

— Испарился?.. Так не бывает.

— У нашего полковника все может быть, — понизил голос толстяк. — Он такой... Разве допустит, чтобы десантника схватили в полку полицаи?

— А те, из прокуратуры, законченные идиоты, что ли?

— Говорят, они здорово ругались, грозили полковнику судом. А он в ответ улыбался и предлагал осмотреть все помещения.

— Раз предлагал, значит, был уверен в чистоте территории.

— Так точно!

Ушел-таки... Ушел, негодяй! Яношу бы негодовать, возмущаться, а он злорадствовал. Кость вам в глотку, менты проклятые, десантуру возмечтали на мушку посадить!

То, что полиции натянули нос, — нормально. Но от Яноша Чепраги лейтенант не уйдет. Он его из-под земли достанет. Ответит служивый за Агнешку. Ответит!..

5

Степь дышала зноем, пахла спелостью колосьев. Густые, вымахавшие в пояс ростом, они стояли, приспустив гривастые головы. Вдалеке виднелось поле подсолнухов. Черные «тарелки» с перезревшими семечками едва держались на подсыхающих стеблях. Воздух недвижно стоял над землей, позолоченный солнцем. Обжигающее марево застилало горизонт, отчего виноградники на взгорках качались, как паутина, а изумрудно-фиолетовые гроздья воспринимались чем-то не-реальным.

Однако именно виноград спасал от голода. Добывать пищу в селах Обут остерегался, а виноград ел до отвала. Помешать было некому, люди на полях не встречались. Желających во имя спасения урожая получить пулю в живот не было.

Обут держал путь на юго-восток. Там находились Бендеры, и туда он стремился всей душой. Только под крышей Илоны окончатся мытарства. Он почувствует себя в безопасности, отдохнет и сможет обдумать дальнейшую судьбу.

На машине от Кишинева до Бендер езды тридцать-сорок минут. Пешком же, когда на пути кордон за кордоном и каждый нужно обойти, километры растягиваются до бесконечности.

Вначале Обут решил идти ночью. Первый день он так и сделал. Когда разведчики — спасибо полковнику Голубеву — вывели его за город, уже рассветало. Измученный испытаниями, лейтенант отыскал копну сена, вырыл в ней нору и, забравшись поглубже, заснул. Проснувшись, когда солнце посылало на землю последние лучи. Почувствовал зверский голод, заполз в виноградник и с жадностью набросился на янтарные ягоды. Дождавшись темноты, отправился в путь и часа через два вышел к селу. На указателе, подсветив спичкой, прочел: «Костешты». Получалось, что забрал он резко вправо и далеко ушел от основной магистрали.

Чертыхнувшись, Михаил повернул влево, обнаружил грунтовую дорогу и прибавил шаг. Росшие вдоль кювета кусты помогли бы в любой момент спрятаться от случайных прохожих, но эти же кусты закрывали перспективу на поворотах. Вот почему Михаил не заметил горевшего неподалеку костра. Буквально в пятидесяти метрах увидел пляшущие языки пламени и сидевших вокруг вооруженных людей. Это была, конечно же, волонтерская застава, ибо в отблесках огня Михаил увидел перегородившие шоссе бетонные плиты.

— Кто идет? — крикнули от костра. — Стоять!

Выполнять команду Михаил не собирался. Одним махом перепрыгнул обочину, скатился в кювет и рванул в обратную сторону. Вдогонку ударила автоматная очередь. Преследования слышно не было. Искать беглеца во тьме волонтеры посчитали бессмысленным. Но урок получен: ночь — не лучшая пора для путешествия. Передвигаться нужно днем, когда окрестности далеко просматриваются.

На следующий день, с рассвета до полудня, он добрался до Новых Анен, стоявших на полпути между Кишиневом и Тирасполем. Отсюда до Бендер с учетом зигзагов, которые придется совершать при обходе застав, Михаил имел шанс добраться к месту вечером и встретиться наконец с любимой...

Образ девушки, вставший перед глазами, притупил бдительность. Солнце обволакивало теплом, сады источали пьянящие ароматы. После бессонной ночи клонило в дрему, дорога порой теряла реальные очертания. Увидев неподалеку озеро, Михаил свернул на тропинку. Мучила жажда. Но едва

он склонился к воде, как за спиной кто-то передернул затвор. Михаил стремительно выпрямился, резко обернулся. В нескольких шагах от него стояли два волонтера.

— Эй ты, откуда явился? Отвечай, — спросил тот, что постарше, худющий мужик с недобрыми косящими глазами.

Михаил молчал, обдумывая дурацкую ситуацию. Второй патрульный был совсем молод и смотрел на Михаила скорее заинтересованно, чем враждебно.

— Ты просто скажи, парень, куда путь держишь, — сказал он. — У нас задание такое — проверять. Понимаешь?

Что ж тут не понять?.. Патрульные, несомненно, принадлежали к одному из подразделений армии Молдовы. Если бы они его узнали, обошлись бы без вопросов. Значит, не узнали. Да и мудрено: на фотографии из личного дела, которую навверняка показали по телевидению, он выбрит и юн, а сейчас лицо покрыто жесткой щетиной, одежда гражданская. Спасение зависело от того, как и что он сумеет соврать, притом соврать вдохновенно.

— Ты долго молчать будешь? — рявкнул косоглазый.

— А ты не ори на меня, понял? Не ори, — ощерился Михаил. — Я тебе не солдат, ты мне не командир.

Он инстинктивно угадал в тощем волонтере труса и хама. На таких надо нападать, а не обороняться.

— Не лезь в пузырь, парень, — стусевался косоглазый. — Тут зона боевых действий. Мы поставлены проверять, а ты должен подчиниться.

— Военное положение не объявлено, — отрезал Михаил. — Свободным гражданам Молдовы ход всюду беспрепятственный. Я вот доложу твоему командиру, что патрули не блюдают законы суверенной республики...

— Вам бы представиться, гражданин, — вмешался юный патрульный, — и тогда никаких претензий...

— Вот и я говорю, — обрадовался косоглазый. — Покажи бумагу.

И тут то ли фантазии не хватило, то ли выдержка изменила, только в голосе ослабли повелительные нотки.

— Что ты, дядя, какие бумаги? Я с собой лишнее не таю, — сказал Михаил и понял: не то и не так...

— Беспачпортный, значит? Бродяга или беглый каторжник? — ухмыльнулся косоглазый, не зная, насколько он близок к истине. — Нынче человека без бумажки нет. Есть подозрительная личность.

Момент был упущен. Михаил это понял, когда косоглазый положил палец на спусковой крючок.

— Я ж к дивчине иду, братцы, — взмолился он. — Дивчина моя в Бендерах живет. Илона Нечай, на почте работает. Может, знаете?

Теперь он говорил правду, но последняя зацепка не сработала. Патрули девушку не знали. Да и вряд ли теперь косоглазого можно было уболтать.

— Кончай треп, — оборвал волонтер. — Пошли до командира, он разберется, что ты за гусь. — И мстительно подтолкнул в спину дулом автомата.

Михаил обреченно побрел по дороге. Сразу навалилась усталость. Сколько усилий затрачено, и все зря. Надо ж было так глупо влипнуть... В штабе его наверняка узнают и отправят в тюрьму, в камеру смертника.

Впереди у дороги стоял бронетранспортер, вокруг которого толпилось несколько человек. Машина была облезлая, колесная, с допотопной подвеской. Чуть правее из круглого окопа выглядывало рыльце миномета. На стволе его лишь кое-где сохранилась зеленая окраска. Еще дальше в кустах притаилась небольшая противотанковая пушечка. Черт знает что, не иначе музей ограбили...

Водитель БТРа, открыв крышки моторных люков, ковырялся в двигателе. Остальные шумно переговаривались, давали советы. При виде патрульных все усталились на незнакомца. И тут из минометного окопа выпрыгнул не первой молодости военный в новеньком комбинезоне с пистолетом на боку.

— Так что задержали, господин лейтенант! Очень подозрительная личность, — отпартовал косоглазый.

Тот, кого называли господином лейтенантом, ощупал Михаила пристальным взглядом и резко спросил:

— Дезертир?

Михаил вспыхнул, чуть было не сорвался, но косоглазый, спасибо, опередил:

— Очень похоже, господин лейтенант. А то зачем бы он от нас пытался тикать.

Второй патрульный дернул его за рукав. Врать по молодости он явно не выучился. Командир правильно оценил несогласие патрульных и повернулся к Михаилу:

— Значит, бежать не пытался?

— А зачем мне это? — ответил Михаил как можно беспечнее. Спаси его могла только выдержка. — Я никого не задевал, шел по своим делам, а эти, — кивнул он в сторону патрульных, — привязались.

— Какие, интересно, у тебя дела и где? — усмехнулся лейтенант.

— У меня сегодня выходной. Иду к подружке. Она живет в Бендерах, работает на почте. Кто родом из Бендер, возможно, ее знает. Имя могу сообщить, — Илона Нечай.

— И взаправду такая девка на почте работает, господин лейтенант, — отозвался какой-то солдат. — Красивая очень, чернявая, курносенькая...

Лицо командира заметно смягчилось. Он поглядел на задержанного не так строго и заинтересованно спросил:

— Сам-то где изволишь трудиться?

— Связист я. Специальность в армии получил.

— Работаете в Кишиневе?

— Так точно, господин лейтенант, на центральном телеграфе.

Дело явно ладилось, гроза шла на убыль. Но тут из-за БТРа вышел худющий, черный, как жук, человек, от которого повеяло угрозой. Колкий взгляд отливающих стальным блеском глаз пронзил Михаила насквозь. Такое же впечатление, похоже, он произвел и на остальных, потому как сразу воцарилась тишина. Михаил подумал: типичный особист, нигде от них не скроешься.

— Что происходит? — спросил он властно. — Связист, говоришь? На центральном телеграфе? А господина Петрашку знаешь?

Михаил, разумеется, не знал, но вопрос мог быть провокационным. Есть на телеграфе Петрашку или нет — молчать нельзя. И главное, не волноваться.

— Я на работу недавно устроился. Со многими еще не знаком, — сказал беспечно. И хотя все внутри дрожало, внешне это не проявилось.

— Ну а директор телеграфа тебе известен? — спросил особист.

— Не имел чести быть представленным, господин... не знаю, как вас величать, — сказал Обут. — Вы случайно не подскажете имени первого заместителя министра связи Молдовы?

— А ты хам! — особист наклонил голову, точно собрался боднуть непокорного пленника лбом, и скомандовал: — Покажи руки! — И, поскольку Обут не поторопился выполнить распоряжение, знаком приказал сделать это патрульному.

Косоглазый схватил Обута за запястья, вывернул ладони вверх. Особист усмехнулся и едко сказал:

— Вот и ответ на все вопросы. Ручки-то у тебя интеллигентские, пайкой проводов и перетаскиванием аппаратуры не нагруженные. А ведь на телеграфе, насколько мне известно, идет сейчас установка прибывшего из Румынии нового оборудования. Трудовых мозолей не нтер, а заусенцы от пистолетного затвора имеются. Ну, что скажешь?

Обут молчал. Ничего путного в ответ на ум не приходило. Особист выпрямился и громко, так, чтобы слышали все, сказал:

— Провокатор это! Шпион, посланный к нам из Приднестровья. Расстрелять!

— Вы ошибаетесь, господин хороший! — разозлился Михаил. — Я, может быть, не тот, за кого себя выдаю, но и не враг!

— Собаки, когда им хвост прижмут, тоже воют, — захикивал косоглазый. — Разрешите, я этому типу быстро на тот свет дорогу покажу. — И, не дожидаясь команды, ткнул Обута в лопатку стволом автомата.

Наверное, можно было попробовать броситься на колени, умолять сохранить жизнь, обещая что угодно. Но все в Михаиле восстало против унижения, слиянском никогда не был и не будет. На него смотрели десятки глаз, дать втоптать себя в грязь на виду у этой публики российскому десантнику было немыслимо. Михаил повернулся и медленно пошел — значит, так тому и быть. Косоглазый последовал за ним.

Они обошли БТР. Солдаты молча провожали молодого мужика глазами. На лицах многих было написано сочувствие. Водитель, высунувшийся из люка по пояс, смотрел на пленника с жалостью. Перехватив его взгляд, Обут сказал:

— Контакты в зажигании зачисть и зазор проверить. И еще аккумулятор... Он наверняка подсел.

— Стой! — послышался за спиной голос лейтенанта. Командир подошел к Михаилу и, кивнув на БТР, спросил: — В моторах разбираешься?

— Приходилось.

— А ну, попробуй исправить...

Особист попытался вмешаться, но командир на сей раз отмахнулся:

— Не жми на меня. Расстрелять, что плюнуть... У меня нет ни одного толкового механика-водителя.

Появился шанс, другого такого просто не будет. Легко опершись о броню, Обут привычно вспрыгнул на машину и, скользя в люк, уселся на место водителя. Прodelал он это так быстро, что косоглазый конвоир глазом не успел моргнуть. А Обут уже распоряжался:

— Ключи давай! Инструменты!..

Теперь все зависело от него: сумеет найти и исправить повреждение — будет жить... Думал ли когда-нибудь Михаил, что навыки инженера по эксплуатации автотракторной техники, полученные в десантном училище, пригодятся при таких обстоятельствах?

Через полчаса двигатель БТР чихнул и завелся. Михаил вылез из машины. Вытирая паклей замасленные руки, постоял на борту, глядя в улыбающиеся лица. Он уже знал, что победил в схватке со смертью. Посмотрел на лейтенанта. Сейчас тот не показался пожилым. Лицо было живое, даже красивое. Особиста уже не было, исчез так же внезапно, как появился.

— Ну, ладно, — сказал лейтенант примирительно, когда Михаил прыгнул на землю, — я все понял. Сознайся, что ты дезертир?

— Это что-нибудь меняет?

— Да, собственно, ничего, — согласился лейтенант. — Значит, танкист?

— Если хотите, десантник.

— Еще лучше, такие люди нам нужны. Считай, что сменил одно место службы на другое. Денег будешь получать столько, что в русской армии тебе и не снилось. Беру в свою роту. Согласен?

— Мне ничего другого не остается. Я ж не самоубийца, — ответил Михаил. — Деньги — дело десятое. Зачисляйте на довольствие, проголодался.

— Прикажу накормить, напоить. Как звать?

— Михаилом крестили, по батюшке Константинович, фамилия Степанчик. — Фамилию он назвал мамину.

— Добро, Степанчик, — сказал лейтенант, — на твоём попечении будет имеющаяся в наличии батальонная техника — три машины не первой молодости. Подшаманишь, проверишь их боеготовность — и вперед.

— Куда направимся?

— К твоей невесте, если не врал о существовании таковой, — улыбнулся командир. — Получен приказ министра обороны генерала Косташа идти на Бендеры.

6

Проверок на дороге было множество. Любая группа вооруженных молдаван, именовавшая себя заставой, крикливо требовала предъявить документы для опознания личности. Янош брезгливо смотрел на грязных, небритых людей, напяливших камуфляжную форму. Вряд ли эти вояки имели представление о воинской дисциплине, да и заставы настоящей никогда не видели.

Первые четыре подобных препятствия Янош миновал без проблем. Документы, конечно, проверяли, но отпускали с миром, поверив, будто идет мужик в Бендеры к единокровной бабке, которая слегла и вряд ли оклемается. Особенно выручало удостоверение дальнобойщика. Придумал эти корочки завгар. В наше смутное время, сказал, нужна охранный грамота. Умельцы в местной типографии тиснули на обложке размером с блокнот золотом «Транспорт Молдовы», а внутри на листках шоферы после доставки груза требовали с тех пор проставлять штампель. Вид листков впечатлял. На печатях читалось: Прага, София, Тирана, Будапешт...

Благополучно миновав Новые Анены, Чепрага намеревался добраться до Бендер — конечной цели путешествия — через сутки. Именно там надеялся он отыскать своего вражину. Янош был уверен: ни прокуратуре, ни полиции поймать десантника не под силу. Если в здании суда из-под самого носа охраны ушел, то на свободе и вовсе неуловим.

В каком направлении двигаться, подсказали разведчики десантного полка, конечно же, с помощью Рохли. Прапорщику доверяли, поверили и Яношу Чепраге, другу Обута, когда тот объяснил, что разыскивает Мишку по поручению командования, решившего в конце концов вступить за молодого, попавшего не по своей вине в беду офицера. Так они с Рохляковым заранее условились говорить, и это сработало.

— Он должен держать путь на Бендеры, — сказали разведчики, выведившие Обута ночью из города тайными, одним им известными тропами. — В Бендерах у него девчонка живет. По всему видать, к ней подался. А ты про его подружку разве не знаешь?

Чтобы погасить недоверие, Янош насмешливо сказал:

— Мало ли девчат через Мишкины руки прошло? Может, и в Бендерах какая завелась. Он по бабской части не промах, как, впрочем, и вся десантура.

Разведчики, польщенные обобщением, отбросили положенную по штату сдержанность и на вопрос, может ли он вместо Бендер в Болград податься к дивизионному начальству, наперебой заверили:

— В Болграде делать нечего. Штаб дивизии оттуда недавно слинял.

— Не может быть!

— Очень даже может. Дивизию на клочки разодрали и поделили между Украиной и Молдовой. Один трехсотый полк российским остался, да и его собираются турнуть из Кишинева в Хакассию...

Разведчики еще раз подтвердили, чтобы не сомневался насчет маршрута своего дружка. От Рышкановки, куда они Обута вывели ночью, — прямой путь на Бендеры...

Однако беспрепятственно достигнуть цели все же не удалось. На пятой заставе Яноша застопорили. Службу тут несли волонтеры — компания буйная и разношерстная, никаким законам не подчиняющаяся. Удостоверение с иностранными штемпелями не произвело на них никакого впечатления. Начальник поста, коротконогий мужичок с испитым лицом повертел «корочки» и хрипло рявкнул:

— Что ты суешь филькину грамоту? Али паспортину утерял?

— Тут обозначено, где я работаю, — с неприязнью ответил Янош. От волонтера за версту несло перегаром, а алкашей Янош не терпел.

— Ну и что? — набылчился начальник поста. — Мы тоже где-то работали, бездельников не держим. А нужда пришла — взялись за оружие. И ты тоже воевать должен.

— Навоевался уже, — отрубил Янош.

— Как тебя прикажешь понимать?

— Очень просто. Полтора года в Афгане — это твоя башка в состоянии переварить?

— Нашел чем хвалиться, — ощерился коротконогий. — В Афгане ты за иностранное государство воевал.

— Что-о? — взвился Янош, сжимая пудовые кулаки.

Трудно сказать, чем бы кончился инцидент, но за спиной Чепраги кто-то сказал:

— Дискуссия окончена. Всем разойтись!

— Я думаю, господин советник, этого типа надо...

— Думать буду я, Миклош. Займись своими делами.

Коротконожка Миклош нехотя отошел, а Янош, развернувшись, оказался лицом к лицу с человеком, совершенно не похожим на волонтеров.

— Я правильно понял: ты афганец? — поглаживая холечую бородку, спросил тот, кого Миклош назвал господином советником. — Такие парни нам нужны. Дела вскоре предстоит горячие.

— Ваши дела меня не касаются, — возразил Янош.

— Проблемы наши, молодой человек, касаются конституционного порядка в республике. Каждый молдаванин обязан...

— Я никому не обязан, — не очень вежливо оборвал Янош господина советника.

— Вы осведомлены о событиях в Приднестровье? — спросил советник, намеренно не замечая возмущения собеседника.

— Так точно, осведомлен. Они хотят отделиться? И пусть. Любой человек волен выбирать себе хату. На то и свобода...

— Распад государства — катастрофа, — назидательно сказал советник. — Гагаузия требует самостоятельности, Приднестровье тянется к России...

— Кому от этого жарко или холодно? — возразил Янош. — Вон большой Союз развалился...

— Туда ему и дорога, — перебил советник. — Но ты, молдаванин, должен соображать: уйдет Приднестровье, а с ним вся крупная промышленность. Не велик ли подарок России?

Последние слова он произнес с нажимом, явно рассчитывая на согласие. И хоть Янош нашел бы, что возразить, но спорить не имело смысла. Перед ним стояла иная задача, и отвлекаться на борьбу за дурацкие идеи времени не оставалось.

— Кажется, до тебя дошло, парень, — с удовлетворением констатировал советник, принявший молчание за согласие с собственной точкой зрения. — Ты где до Афгана служил?

— На границе. Сержантом, старшиной заставы, — неохотно ответил Янош.

— Отлично! На первых порах дам тебе взвод, а там посмотрим.

— Это еще зачем? — воскликнул Янош. Происходящее показалось нелепым сном.

— Я сказал: назначаешься командиром взвода. Полагаю, справишься.

— А я не хочу лезть ни в какие драки, — закричал Янош. — Мне на работу нужно.

Советник нахмурился, зажал бородку в кулак и жестко сказал:

— Прекрати болтовню и забудь слово хочу. В республике началась мобилизация. Создается национальная армия Молдовы. Считай себя призванным в нее. А на автобазу мы сообщим.

— Да кто вы такой? Какое имеете право? — возмутился Янош.

— Прав у меня хватает, милейший, на то, чтобы казнить или миловать. Как там тебя, Чепрага?.. Я советник министерства обороны Молдовы. Занимаюсь формированием волонтерских подразделений. Этот сброд нужно привести в порядок. Вопросы есть?

— Есть. А если я откажусь?

— Не рекомендую. Ты хорошо знаешь, что бывает за отказ при мобилизации в военное время.

— Разве идет война?

— Власть в Приднестровье захватили сепаратисты. В этой оголтелой компании коммунаки, номенклатурщики, привыкшие сидеть на шее народа. В кресла свои зубами вцепились. Мы же, как ты, надеюсь, догадался, мириться с таким положением вещей не собираемся.

— Понял...

— Вот и хорошо. Принимай взвод, готовь его к маршу. С людьми и обстановкой будешь знакомиться на ходу. Идем на Бендеры.

— Там ведь наши люди, такие же молдаване, — вырвалось у Яноша.

Бородач посмотрел на него насмешливо, однако в голосе прозвучала озабоченность:

— Надеюсь, до драки не дойдет. Очень надеюсь. Мы понимаем, что это наша земля и наши люди. Если бы только в Приднестровье, как бельмо в глазу, не стояла четырнадцатая российская армия...

В словах советника был, по большому счету, свой резон. Россия тоже не хочет отпустить Татарстан, Башкирию или Чечню. Чем же маленькая Молдова хуже, если желает сохранить в целостности свою республику?

Эти мысли будоражили душу, пока Чепрага по указанию советника собирал разношерстное воинство. Некоторым не очень-то по сердцу пришелся командир-чужак. Особенно возмущался волонтер, приведший Яноша на заставу. Но советник выслушал его и, не повышая голоса, сказал:

— Будет так, Миклош, как я распорядился. Становись в строй!

Миклош нехотя повиновался, а Янош подумал, что хлебнет еще горя с этим типом, и решил глаз с него не спускать.

— Представляю вам нового командира, — сказал советник, прохаживаясь перед строем. — Сержант Янош Чепрага — герой афганской войны, кавалер ордена Красной Звезды и медали «За отвагу». Прошу любить и жаловать господина сержанта. Требую беспрекословного подчинения!..

Советник сел в машину и укатил в неизвестном направлении, а Янош остался с так называемым взводом. Выглядел строй весьма колоритно. Безусые юнцы и пожилые мужики, вооруженные кто новыми «калашниковыми» и «гузи», кто допотопными берданками, одеты были в комбинезоны, армяки, пиджачные пары, а чаще просто в рубахи всех цветов и оттенков. Ну и ну, душманы такую «труху» пощелкали бы за пять минут. Единственная надежда на мирный исход.

Приказав разойтись и заняться чисткой оружия, Чепрага задумался. Волонтеры ничему не обучены. Неизвестно, все ли умеют стрелять, а проверить невозможно: боеприпасов кот наплакал. Если на автоматы приходится по три-четыре рожка, то к дробовикам, сказали, наберется по полтора десятка патронов. Какая уж тут боеготовность!..

До Кицканских высот, где взводу предстояло занять позицию, добрались к вечеру. Встретивший их угрюмый майор, назвавшийся начальником штаба укрепрайона, приказал расположиться на крутом склоне фронтом к Бендерам.

— Нельзя ли поконкретнее? — спросил Чепрага, которого не устроила абстрактная постановка задачи. Что за начальник штаба, который командует «пол-лаптя влево, пол-лаптя вправо».

Майор вскинул заросший седой щетиной подбородок, сказал сердито:

— Можно иначе. Коли в армии служил, поймешь. Ваша позиция справа — полуразрушенный сарай включительно и слева — отдельное дерево на склоне исключительно. Полоса огня...

Он назвал точные ориентиры, и Янош подумал: слава Богу, хоть один профессионал нашелся. Похоже, начальник штаба смыслит в военном деле.

На склоне кое-где были вырыты окопы; Янош разместил в них бойцов, а тем, кому не хватило готовых стрелковых ячеек, приказал рыть, вызвав недовольство волонтеров.

— На кой хрен упираться до потери пульса? — услышал он голос Миклоша. Отвечать не стал, посчитав унижительным вступать в перебранку. Только прикрикнул:

— Копать быстро! Никакого отдыха до конца работы. Сосед поможет соседу!

Обойдя позицию, Янош присел на камень возле сарая. Тем временем стемнело. В городе зажглись огни. Их цепочки гирлянд обозначили улицы. Бегущие по дорогам машины угадывались по пляшущим лучикам фар. Бендеры спокойно жили, Бендеры мирно ужинали. Город готовился ко сну. И ничто, казалось, не могло нарушить его покоя.

— Покурить не желаешь, командир?

Янош от неожиданности вздрогнул. Во тьме узнал Миклоша по голосу и сухо ответил:

— Не курю.

— Зря, табачок очень способствует контактам, — Миклош явно искал примирения. Он опустился на землю, удобно устроился и только потом спросил: — Не возражаешь, начальник, посижу рядом?

— Уже сидишь, — отозвался Янош. — Есть вопросы или бессонница одолела?

— Спросить хочу: ты, правда, в Афгане воевал или советник трепал насчет твоих боевых наград?

— Был Афган. Есть награды. Тебе-то какое дело?

— Интересно... Рассказал бы о своих подвигах, для хлопцев политинформацию провел.

— Не о чем говорить, — отмахнулся Янош. — Воевать с народом, хоть и чужим, не велика доблесть. Горы там везде. Выбить «духов» из какого-нибудь паршивого ущелья — целая история. Сколько ребят погибло...

— Так ведь не зряшно потели, а? Кое-что перепало? Там, говорят, ценных камешков навалом, золотишка в достатке, ковров не считано...

— Вот что тебя интересует, Миклош? Дурень ты. Тому, кто воевал, о золоте думать было недосуг. Башку бы сберечь да ноги унести.

— Так-таки пустой вернулся? — вкрадчиво настаивал Миклош.

— Нет, парень, не пустой. Полную душу счастья привез. Живой я, и воевать больше не хочу. Войну ненавижу...

В этот момент откуда-то издалека ударил выстрел, другой. Била тяжелая артиллерия. Янош вскочил, заметался:

— Кто стреляет? Откуда?

— Что ты разволновался? — В голосе Миклоша слышалась ухмылка. — Наши это, на Суворовской горе стоят. Оттуда лучше всего по городу шмалять.

— Как шмалять? Боевыми?

— А то какими, — хохотнул Миклош. — Во, гляди! Здорово-то как! Точно работают...

Между домов рванул снаряд, еще один, два подряд. Вспыхнула окраинная хата. Загорелась крыша многоэтажного дома. Из окон вырвались языки пламени.

— Бьют по жилым кварталам! — воскликнул потрясенный Янош. — Там ведь люди!

— Не люди, а сопротивленцы, — злобно сказал Миклош. — Президент Снегур по радио вчера предупредил: не подчинится добром Приднестровье, силой восстановим конституционный порядок.

— В городе гибнут безвинные женщины, дети! Какой еще порядок?

— На войне без потерь не бывает, сам только что говорил. В Афгане ты по хатам не пулял?

— Там другое! Там было совсем другое! — орал Янош, сясь перекричать гул канонады. — За дувалами кишлаков прятались «духи». Не ты их, так они тебя... А здесь кого убивать? Может, в огне окажется твоя мать или сестра...

— Мои супротив власти не пойдут, — возразил Миклош. — На рельсы не лягут и бастовать не станут против законного правительства.

Янош уже не слушал. Обстрел Бендер продолжался с нарастающей силой. В дело вступили тяжелые минометы. Ухающие разрывы сопровождался противным визгом, резавшим уши. Каждый взрыв отдавался в сердце. Как можно стрелять по своим? По своему городу? По своему народу?

Он видел: стреляют. Видел, но понимать отказывался.

7

Дороги, ведущие к Приднестровью, были забиты войсками. Рота, куда не по своей воле попал Михаил Обут, или Степанчик, шла на Бендеры. Колонна двигалась рывками: то остановится на час, то стремительно рванет вперед. Рота постоянно упиралась в хвост тяжелой артбатареи. Бесконечное топтание на месте действовало на нервы. Только по этому признаку можно было догадаться, что управление частями осуществляется из рук вон плохо. Если марш не проводится бы-

стро, организованно и скрытно, какой от него прок... Не существовал, по-видимому, и график движения. Командиры выбирали маршрут по собственному разумению и вкусу, предпочитая асфальт грунтовому шоссе. О движении по рокадам и речи не шло. За полдня Обут увидел единственного регулировщика. Да и того без соответствующей экипировки, без табельного имущества поставил, очевидно, кто-то из командиров для пропуска своих подразделений.

Обут вообще постеснялся бы назвать войском эту толпу, громко именуемую национальной армией Молдовы, к которой его, не спросив согласия, лихо причислили. О боеготовности армии легче всего судить хотя бы по их роте. Состояла она из необученных новобранцев, крестьянских парней, в разгар лета оторванных от страды. Им вручили боевое оружие, поставили в строй. За три-четыре дня кое-как научили заряжать автомат, спускать курок — и послали на ратное дело. Это было в полном смысле слова пушечное мясо...

Однако поначалу не очень верилось, что дойдет до кровопролития. Кутерьма с выдвижением армии на позиции затеяна, похоже, ради устрашения. У непокорных приднестровцев акция в виде надвигающейся грозной армады обязательно вызовет шок, и они сдадутся на милость Кишинева, согласившись с его требованиями.

Свежо предание, Михаил знал строптивый характер жителей левобережья, ибо прожил с ними бок о бок полтора года. Тем более справедливость, так, по крайней мере, он считал, была на их стороне. Офицеры четырнадцатой армии внимательно следили за событиями в Приднестровье. После победы народного фронта Молдову захлестнула волна национализма. А началась — с принятия закона о языке. Изволь говорить по-румынски. Кланяйся румынскому триколору, памятным людям с Отечественной, когда десятки тысяч молдаван погибли под этим «священным» стягом в румынских лагерях смерти. И самое мерзкое: пой — громко и вдохновенно — принятый отныне в республике гимн, выпевай четко противостественные для молдаван слова: «Вставай, пробуждайся, румын...»

Многие местные жители, конечно же, не восприняли это как новшество. Что ж говорить о русских, украинцах, гагаузах и прочем национальном многоцветье. Приднестровье первым воспротивилось румынизации страны и потребовало автономии, а затем и отделения от Молдовы. Противостояние переросло в открытую конфронтацию, обострявшуюся с каждым днем. И Михаил Обут, офицер российской армии, оказался на противной его убеждениям стороне...

Чем дальше вместе с ротой он двигался в сторону Днестра, тем паршивее себя чувствовал. Слишком велика сила, на-

двигавшаяся на маленькое Приднестровье. Уже не верилось, что дело ограничится демонстрацией силы. Незаряженная винтовка и та раз в году стреляет, а собранная воедино боевая техника и такая масса вооруженных людей способны сдетонировать от любой искры...

Три БТРа, порученные заботам Михаила, находились в ужасном состоянии. Ходовые части грязные, заржавевшие, агрегаты не смазаны, двигатели разрегулированы, запасных частей нет, и никого это не беспокоило, потому что за рычагами сидели случайные люди. Машины коптили, останавливались в самых неподходящих местах. У лейтенанта Обути во взводе в таком состоянии техника просто не могла быть. Механики-водители драили машины до изнеможения. Здесь же он сам, что называется, рядовой в обмотках и ни с кого, кроме как с себя, спросить не может. Первый же водитель, которому он сделал замечание, послал его куда подальше. Да и знал этот, с позволения сказать, механик, как переключать скорости да жать на газ. Никто большего с него не требовал.

Пришлось самому заниматься ремонтом двигателей, регулировкой механизмов на ходу, во время коротких привалов. Как только колонна останавливалась, он нырял в моторное отделение какой-нибудь машины и не вылезал до тех пор, пока не поступала команда «Вперед!» Стояли они подолгу, и Михаил сумел привести машины в порядок, разумеется, в первом приближении. Господин лейтенант был в полном восторге. Еще бы, такого специалиста приобрел! Приданные ему БТРы уже не задерживали следующих за ними, и господин лейтенант избавился от множества неприятностей.

— Спасибо тебе, Степанчик! — с чувством сказал он.

Выраженная таким образом благодарность свидетельствовала о том, что ротный командир — человек с гражданки. Новоявленный господин лейтенант походил на школьного учителя с хорошо поставленным голосом и «правильной» речью.

— Нам случайно не изменили маршрут на марше? — поинтересовался Обут, воспользовавшись благосклонностью командира.

— Маршрут прежний: на Бендеры. Для республики этот город имеет первостепенное значение. В нем сосредоточено множество промышленных объектов.

— Лакомый, выходит, кусочек, — заметил Михаил.

Вопрос о присоединении Молдовы к Румынии обсуждали в правительстве, широко освещали в газетах. Ну, Молдова — понятно. Она, как та Дунька, в Европу желает. А на кой Румынии нищая Молдова без промышленного района Приднестровья? Тем более без Бендер, действительно принадлежавших в давние времена Румынии?..

Мысли свои Обут вслух не высказал, но ротный, похоже, догадался. Окинув Михаила цепким взглядом, он нахмурился и сердито сказал:

— Не нравятся мне твои рассуждения, Степанчик, дурно пахнут. Бендеры никогда не были приднестровскими. По Бухарестскому договору восемьсот двенадцатого года они вошли в состав Бессарабии. А с восемнадцатого принадлежали уже Королевству Румыния. Уяснил, Степанчик?

Теперь Обут окончательно уверился: ротный на гражданке был учителем истории, потому и знает на зубок даты. Надо бы промолчать, но в Михаила словно бес вселился.

— Зато с сорокового Бендеры в составе Молдавии, — заметил весело. — А сама Молдавия, как автономная республика, существует с двадцать четвертого года со столицей в Балте, а затем в Тирасполе. А Бессарабия присоединена к ней перед войной. Так что нынешняя лапа, протянутая Кишиневом к Тирасполю, не очень-то правомочна...

Ротный испуганно поглядел на механика-водителя и тихо, очень тихо, перейдя на «вы», произнес:

— Слишком много знаете, Степанчик. Слишком своеобразно трактуете факты!

Это была почти угроза. И Михаил примирительно ответил:

— Вы, господин лейтенант, предмет знаете изнутри, а я пользуюсь информацией из газет. В них больше слухов и сплетен, чем истины. Я могу ошибаться...

Искренности Обуту все же не хватило. Ротный это сразу почувствовал.

— Смотрите, Степанчик, как бы вам вновь не пришлось столкнуться с представителем спецорганов, — предупредил он. — Мне бы не хотелось терять такого отличного специалиста.

— Спасибо за предупреждение, господин лейтенант, и за доверие, — сказал Обут. Он действительно почувствовал признательность. Ротный прав: еще одна встреча с «особняком» добром не кончится.

— Не стоит благодарности, — возразил командир. — Я не только о вас забочусь. Без специалистов как прикажете воевать?

— Вы думаете, придется? — осторожно спросил Обут.

— Непременно, — твердо ответил ротный и поглядел на часы. — Теперь уже не имеет смысла скрывать. Через час сорок минут начнется артподготовка. Этой ночью приказано атаковать и взять Бендеры.

— Как — взять! У кого?.. — Михаил прирос к месту.

Ответить на вопрос было уже некому. Господин лейтенант, развернувшись, пошел по-учительски пожурить подчиненных,

разлегшихся отдыхать на горячем асфальте, а Михаил никак не мог прийти в себя.

Война! Нужно заставить себя смотреть правде в глаза. Хочет того лейтенант Михаил Обут или нет — ему придется воевать. Значит, надо определить свою роль в последующих событиях, чтобы не плыть по течению. Волею судьбы он оказался солдатом вражеской армии, а там, за линией фронта, близкие ему люди. Четырнадцатая армия остается пока нейтральной. Но многие ребята из ее состава, демобилизовавшись, а то и просто драпанув, влились в ряды гвардейцев Приднестровья. Бывшие сослуживцы сидят сейчас в траншеях на той стороне, а лейтенант Обут поведет в атаку на них боевую машину?.. Этому не бывать. Но если отказаться сесть за рычаги, его просто расстреляют перед строем как труса. Для того ли бежал из-под стражи и перенес столько мучений?..

Ни один из пришедших на ум вариантов выхода из положения не выдерживал критики. Удрать из роты невозможно, с него не спускают глаз. Особенно бдит косоглазый, готовый при малейшем подозрении пустить пулю в спину.

— По маши-и-нам! — раздалась протяжная команда.

Михаила словно током ударило. Надо бежать к БТРу, а он так ничего не решил.

— Степанчик, не стой столбом! — крикнул кто-то.

Он очнулся. Будь что будет. В старом анекдоте сказано: из всякой ситуации всегда есть два выхода...

Рота в полном составе втиснулась в три машины. Теперь, когда началось рассредоточение войск для занятия исходного положения, подразделению предстояло действовать по определенному комбатом направлению.

На броне, прижавшись друг к другу, сидели солдаты. Внутри тоже набилось битком. Шоссе катило навстречу ровной серо-стальной полосой. Теперь оно было не так загружено, и чем дальше, тем больше пустело. Подразделения располагались в разные стороны, чтобы занять свое место в боевом порядке батальонов и полков. Свет мощных фар высвечивал асфальт до последней выбоины. Михаил, высунувшись из люка, пристально наблюдал за дорогой. Он решил, как только появится мост, «случайно» свалить с него машину. Такой вариант никому ничем не грозил. Люки открыты — ребята выплывут. Вода сейчас теплая, купание не повредит, зато удрать под шумок проще простого.

Однако речек на пути не попадалось. Мелькнула пара мостиков, но под одним было сухо, а под другим — узкая ленточка воды. В ней не то что утопить, застрять БТРу негде. И Михаил продолжал вести головную машину на прежней скорости, особенно не газуя, но и не медля. В роте уже по-

няли, что он классный водитель, и если будет тащиться, как сонная муха, чего доброго, в саботаже обвинят. А ему позарез нужно доверие окружающих, чтобы пользоваться хотя бы относительной свободой.

Впереди мелькнули и пропали за взгорком огоньки. Вскоре во всей полноте обозначился большой город с освещенными окнами многоэтажек, линиями перекрещивающихся улиц, пунктирно обозначенных фонарями.

Бендеры — вожделенный конец многотрудного пути. Здесь живет Илона. Через час с небольшим начнется схватка своих со своими, и Михаил окажется в эпицентре событий.

Бронетранспортер бойко катил по асфальту. Дорога шла под уклон, поэтому машина, даже перегруженная, бежала легко. Ровно гудел двигатель, ни рывков, ни выхлопов. От убаюкивающего покачивания клонило в сон. Так можно, не встретив препятствий, домчать не только до Бендер, но и до Тирасполя. Где же эти чертовы заставы гвардейцев Приднестровья? Беспечные дураки! Не организовали даже элементарной охраны ближних подступов в городу!

Откуда было знать лейтенанту Обуту, давно не читавшему газет, что как раз накануне Кишинев с Приднестровьем достигли договоренности о мирном разрешении конфликта. Поверив политикам, гвардейцы сняли с подъездных путей к Бендерам посты и отвели их в тыл. Дорога на город поэтому оказалась открытой, а Михаил терялся в догадках.

Вдали в свете фар на дороге мелькнули разбросанные в беспорядке бетонные плиты. Наконец-то!.. Наконец хоть какая-то преграда. Михаил подвел машину поближе и, остановив, заглушил двигатель. В уши хлынула тишина.

Шоссе было перегорожено огромными бетонными брусками. Между ними в прогалах можно проехать зигзагом: так, как правило, делали завалы на дорогах для проверки и контролируемого пропуска машин. Преодолеть узкий коридор можно было только на очень малой скорости.

— Ты почему остановился? — раздался в шлемофоне глуховатый голос ротного.

— Надо осмотреться, — ответил Михаил.

— Не надо. Давай вперед.

— Вы гарантируете, господин лейтенант, что из-за баррикады нас не раскурочат из гранатомета? — ехидно спросил Михаил.

— Пожалуй, есть смысл разведать, — озабоченно буркнул ротный.

— Вот именно, — подхватил Михаил. — Кто смелый — вылазь!

Никто не шевельнулся. Покидать надежное прикрытие и подвергаться неведомой опасности желающих не обнаружилось, а ротный почему-то медлил.

— Похоже, в разведку придется пойти мне. Разрешите, господин лейтенант? — Михаил произнес фразу с явной неохотой, но надежда затеплилась. На что, он еще не понимал.

— Отлично, Степанчик, дерзайте, — обрадовался ротный. — Будьте предельно осторожны.

— Постараюсь, голова мне еще пригодится...

Михаил схватил автомат и выскочил из люка. Баррикада враждебно молчала, и он, скользнув в кювет, пригнулся и побежал вперед. Броском преодолел расстояние, отделявшее от завала. Замер и огляделся. На баррикаде — ни звука. Подполз к крайней бетонной плите вплотную, осторожно выглянул. Никого. Решительно никого. В непроглядной чернильной тьме вообще не раздавалось ни малейшего шороха. Бог ты мой, неужто и тут пусто? Это же, можно сказать, последняя преграда перед городом! Уму непостижимо, как можно было отсюда уйти...

Бесшумно передвигаясь от одной плиты к другой, Обут прошел весь завал — баррикада была пуста. Баррикада не охранялась, но, может быть, заминирована? Вдруг подложили фугасы и где-нибудь неподалеку ждут не дождутся, пока на них подорвутся машины национал-армейцев?

Достав из кармана предусмотрительно захваченный с собой фонарик, Михаил, просвечивая, медленно пошел обратно по проходу, тщательно осматривая каждый метр асфальта. Никаких признаков минирования не обнаружил, а уж он знал толк в подобных делах: сам не раз в Афгане ставил минные поля... Итак, путь безопасен, но об этом никто не знает! Вот она — возможность. Единственная реальная возможность...

Вернувшись к БТРу, Обут доложил ротному, что завал не охраняется и это вызывает подозрение: дорога, похоже, заминирована. Господин лейтенант, нервно переминаясь с ноги на ногу, попыхивал сигареткой. Позади него тем же занимались несколько солдат. Чертовы разгильдяи, вояки долбаные — что командир, что подчиненные. По демаскирующим огонькам любой, имеющий оружие, не промахнется.

— Что будем делать, как думаешь? — неуверенно спросил ротный.

— Не знаю, как вы решите... Завал лучше всего обойти, меньше риска, — сказал Михаил. — Справа имеется ложбинка. По ней бы двинуться, а?

— Решение принято, — согласился ротный. — Сейчас скоман্ডую — по машинам.

— Повремените, — возразил Михаил. — Всем нарываться нелогично, в ложбинке тоже могут быть фугасы. Личному со-

ставу надо, наоборот, покинуть БТР. Я, черт меня побери, поведу его сам, а вы, выдержав дистанцию, двинетесь следом точно по колее.

— Грамотно придумал, Степанчик, — радостно одобрил ротный.

Михаил забрался в машину. Руки привычно легли на рычаги. «Ну, броник, не подведи!» — мысленно сказал он.

Осторожно преодолев кювет наискосок, Обут медленно повел машину по ложбине. В одном месте остановился, будто что-то рассматривал, и хоть всем существом рвался вперед, заставил себя сдержаться. На карту была поставлена жизнь.

Объехав баррикаду, он так же неторопливо пересек кювет в обратном направлении, и, выбравшись на асфальт, жима-нул газ. Машина рванулась, как выпущенный из пращи камень, и, облегченная, на полной скорости помчалась к городу.

Свободен! Наконец-то свободен!..

8

Вспарывая зыбкую тишину улиц ревом двигателя, бронетранспортер стремительно мчался к центру Бендер. И не было силы, способной сейчас его остановить. Всякого, кто попытался бы это сделать, Михаил, не задумываясь, подмял бы гусеницами. Его родная четырнадцатая соблюдала строгий нейтралитет, ее солдаты сидели по военным городкам. Военские формирования Приднестровья были давно выведены из города. Следовательно, заслоном на пути могли стать только молдавские волонтеры или нацармейцы, находящиеся на подходе к Бендерам или уже занявшие его. А Михаил не собирался больше иметь с ними дела. Он вырвался, и назад даже ценой собственной жизни его не заманишь. Более того, Михаил был готов сражаться на этой стороне. В час страшных испытаний, наступивший в Приднестровье, он сделал свой выбор.

Михаил вел БТР на предельной скорости. Высококласный водитель, он к тому же очень спешил. Гнала мысль: успеть! Успеть предупредить приднестровцев о надвигающейся опасности!

Вначале Обут направил машину к горсовету, благо дорога была знакомой: Илона жила неподалеку, и они частенько тут прогуливались. Лучше всего, подумалось, доложить о готовящейся агрессии руководству города. Но по мере приближения к центральной площади решение это перестало казаться логичным. Гул мотора слышен за версту, вот уже полчаса он сотрясает улицы, БТР давно должны были засесть те, кому

поручено охранять горсовет, а никакой реакции не последовало. Кто засел в горсовете? Кто и как его там встретит?.. Запустят противотанковую ракету в лоб, и от машины, в том числе от водителя, останутся одни воспоминания.

Такое предположение несколько охладило пыл. И чего прет на рожон? Рисковать надо с умом. Со всех дел не завернуть ли к Илонке?.. От этой мысли Михаила бросило в жар. Как же он соскучился по своей любимой, даже медовый вкус девичьих губ ощутил...

Скрежет коробки передач, переключаемой на повороте, вернул к действительности. Рехнулся, мужик? Чем башка занята? Страшная беда надвигается, а он о бабе... Но тут же нашел оправдание: Илонка может делу помочь. Она тесно связана с женским движением Приднестровья, среди девчат — главная закоперщица. Когда арестовали приднестровских депутатов, Илона Нечай с подружками присоединилась к женщинам, остановившим железнодорожное движение к Кишиневу. Уселись бабоньки на рельсы и вынудили-таки правительство республики выпустить приднестровского президента со товарищи из тюрьмы.

Она же с подружками ездила в воинские части выпрашивать оружие для гвардейцев. Под командованием Нины Матвеевой, разумеется. Удивительная женщина — Матвеева, всему женскому движению голова. Недаром ее прозвали «генералом в юбке». Илонка ей во всем подражает. Самостоятельная стала — сладу нет, и со всеми в дружбе. Вот и пусть воспользуется связями, чтобы предупредить!..

Не раздумывая больше, Михаил свернул в переулок. Илонка жила неподалеку от центра в мазанке, сложенной до войны дедом. Домишко был старый, без удобств. Местные власти, планировавшие соорудить здесь квартал многоэтажных зданий, давно грозили снести ветхие строения, но частники упорно сопротивлялись. У каждого при доме был сад, дававший за лето изрядный доход. Южный климат немало тому способствовал. Сад же вокруг Илонкиной мазанки особенно славился на всю округу грушами со странными названиями вроде «Бере Мигеля» или «Сен-Жермен». Сочные, сладкие, тающие во рту плоды сада тетки Нечай шли на базаре по самой высокой цене.

Заглушив мотор у знакомой калитки, Михаил выпрыгнул из машины и сразу увидел бежавшую навстречу Илону.

— Михась, ты ли это? — ахнула девушка, поспешно опавшая на себе платье.

Он обнял ее, прижал к груди. На мгновение оба затихли. Окруженные ночью и тишиной, молодые люди забыли обо всем на свете, кроме счастья встречи и жгучей радости от объятий. Первой очнулась Илона. Упершись ку-

лачками в могучую грудь Михаила, она откинула голову и спросила:

— Ты как ко мне попал? Да еще на танке?

— Это не танк, пора разбираться, — рассмеялся Михаил. — Но броник не хуже, тем более персональный.

— Где взял?

— Не взял — захватил у врага. — Михаила распирало от избытка чувств. Он вглядывался в родное лицо и не мог насмотреться. До чего ж хороша!..

— Какой ты колючий, — сказала Илона, целуя его. — Бородину зачем отрастил? Совсем на себя не похож.

Щетина неопределенного цвета и усы, выросшие в неволе, действительно изменили внешность лейтенанта Обути. Что и требовалось доказать.

— Не обращай внимания, родная, — успокоил подружку Михаил. — Закончится война — сбрую.

— Подожду... С той минуты, как ты сбежал из здания суда, я только и делаю, что жду. По радио и телеку каждый день сообщают твои приметы. И пока повторяют да награду за поимку обещают, я знаю, что ты на свободе.

— Во сколько меня оценили?

— В десять тысяч.

— Не густо, — заметил Михаил с иронией.

— Я так не считаю. Нам с мамкой, чтоб такие гроши заработать, надо все лето в саду горбить.

— И то верно... А теперь о деле. Я, как мальчишка, обрадовался встрече и чуть не позабыл о главном. Слушай меня, девочка: на Бендеры движутся войска. Готовится нападение...

— На кого?

— Я сказал: на Бендеры! Национальная армия Молдовы готова начать обстрел.

— Ты что-то путаешь, Михась. Мы заключили соглашение и на этом основании разблокировали дороги, сняли кордоны.

— Знаю, что сняли. Клял ваших идиотов на чем свет стоит.

— Не надо шутить, Михасик.

— Какие шутки? Перед тобой мобилизованный нацармеец.

— Ты? Лейтенант, приговоренный к высшей мере?..

— Не лейтенант. Обут, конечно. Я представился рядовым Степанчиком.

— И что?

— А то, что артиллерия с Суворовской горы вот-вот шандархнет по Бендерам. К городу подтягиваются войска, бронетехника.

— Но это... Это же вероломство! Настоящий фашизм! А ты не ошибаешься?

— Я человек военный, девочка, и за свои слова отвечаю.

Только теперь до Илоны дошло, насколько близка и реальна опасность.

— Что же делать? — спросила растерянно.

— Поскорее сообщить своим полученную от меня информацию.

— Кому сообщать? В Бендерах наших сил почти нет, разве только батальон Носенко. Штаб гвардии в Тирасполе, там начальство, там президент. По телефону дозвониться невозможно. Говорят, повреждена линия...

— Все завязано в одну цепочку. Повреждение связи — дело рук диверсантов.

— Думаешь, уже и до этого дошло?

— Война, Илонка, — сказал Обут тихо. В голосе звучала горечь.

— Как же добраться до Тирасполя?

— Нет проблем, БТР у порога. Прокачу с ветерком.

Он открыл бронированные дверцы, помог Илоне забраться в машину. Сам сел за рычаги и рванул с места в карьер, благо переулки были пустынные, и соблюдать правила уличного движения никто не требовал.

До моста через Днестр домчались в считанные минуты, однако на повороте к нему уперлись в заставу. Из окопа красным фонариком просигналили приказ остановиться.

— Приехали, — зло сказал Михаил, глуша двигатель.

— Не волнуйся, — успокоила Илона. — Это наши. Сейчас я им все объясню.

Она выбралась из БТРа и побежала к завалу, Михаил помчался следом. Черт знает, кто там за бетонными блоками и знают ли они Илону Нечай.

На посту стояли гвардейцы. Про девичьего жожака они были наслышаны, но пропустить через мост отказались.

— Не таракти, дивчина, — сказал начальник поста, пожилой мужик с сержантскими лычками. — Понимаю, что тебе срочно, только военную машину не гоже туда-сюда гонять. В Тирасполь наша санитарка идет. На ней и езжай, а броник, будь ласка, нам оставь. И хлопца, что при тебе состоит, тоже конфискуем. Водителей у нас недочет. Пусть послужит народу.

Илона вспыхнула, бурно запротестовала, но Михаил ее остановил.

— Они правы, родная, — сказал мягко. — На санитарке доберешься быстро, а БТР тут действительно нужнее.

— А как же ты?

— Выпутаясь, не впервой, — улыбнулся Михаил. — Я механик-водитель боевой машины и не намерен отсиживаться в стороне от... Сама знаешь, от чего.

— По-моему, тебе уже хватит лиха, — всхлипнула Илона.

Растроганный, Михаил взял девушку под руку, отвел в сторону. Хотел сказать что-то теплое, ободряющее — не получилось. Не умел он быть утешителем. Попросил только зря не рисковать, на рожон не лезть и о нем не волноваться. Военному человеку негоже прятаться за чужие спины, тем более за девичьи.

Подошел сержант.

— Пора, дивчина, — сказал, — санитарка готова, прощайся с хлопцем.

Они обнялись, на секунду замерли, прижавшись друг к другу. Какой же короткой оказалась их встреча! Даже поговорить не сумели, некогда было. Теперь вот снова разлука. Кто знает, свидятся ли вновь?

— Будь здоров, Михась. Не исчезай надолго!

Илона оторвалась от любимого и зашагала прочь, не оборачиваясь. Девка она была с характером, решений своих никогда не переиначивала. Прямота и бескомпромиссность многих парней отталкивала. Михаилу же в ней нравилась именно цельность натуры.

— Послушай, хлопец, — обратился сержант к Михаилу, — ты на какое имя отзываешься?

— Рядовой Степанчик, — отрекомендовался Михаил, решив сохранить инкогнито. Неизвестно, как крутанет судьба. Нельзя исключать, что найдутся людишки, готовые маму родную за тридцать сребреников продать. — Рядовой Михаил Степанчик, — повторил он, — был мобилизован в национальную армию Молдовы, оттуда драпанул к вам, прихватив «лимузин».

— Добре, Степанчик, гарна машина, — похвалил сержант. — А теперь давай до комбата сгуляем. Носенко самостоятельно людун в батальон принимает.

Мягкий, певучий говор в сочетании с характерными словечками выдавал в пожилом седоусом сержанте украинца. Интернациональное Левобережье чуть не на треть состояло из его соплеменников. Что касается подполковника Носенко, то он был известнейшей личностью. О нем еще в Афгане легенды ходили.

Смелый человек был Валериан Ярославич Носенко, но истинно продувная бестия. Ордена и медали, бесспорно, заслужил, потому как удалые военные операции проворачивал. Зато и хапал мужик по-крупному. Камешки драгоценные любил. Чтобы их раздобыть, незаконные расстрелы проводил с конфискацией. А не попался потому, что умен, сукин сын. Не жаден. На подарки большому начальству никогда не скупился — вот и вышел сухим из воды.

О «славных» деяниях Носенко в четырнадцатой армии, куда после Афгана они попали в один гарнизон, Михаил мог

судить лично. Ни для кого не было секретом, что отдых для прилетавшего из Москвы генералитета организовывал комбат Носенко. Из уст в уста передавались подробности о браконьерских охотах в Бендерском заповеднике, о баньках с девочками, шумных застольях. Верный подручный по деликатным поручениям, подполковник считал, что ему все позволено. Он мог в минуту гнева ударить солдата, путал свой карман с государственным, садился пьяным за руль машины. Однажды в сильном подпитии вывернул на полосу встречного движения. В результате столкновения четырех машин двое погибли на месте, остальные пассажиры получили серьезные травмы, а с хулигана, как с гуся вода. Против Носенко было возбуждено уголовное дело, благополучно прикрытое стараниями высоких покровителей. Героя Афгана всего лишь уволили из армии за использование служебного положения в корыстных целях и систематическое пьянство — так было записано в приказе, зачитанном офицерскому составу.

Казалось, карьере комбата пришел конец. Ан нет, вскоре началось формирование приднестровской гвардии. Командных кадров в Тирасполе, естественно, не хватало. Носенко предложил свои услуги, и в условиях все более возрастающей военной угрозы офицер-десантник, имеющий боевой опыт, пришелся ко двору.

Оказавшись снова на гребне волны, подполковник должен был изменить стиль поведения. Но не прошло и двух месяцев, как по Тирасполю поползли слухи о самоуправстве комбата, о расправах с неудобными, о продаже оружия. Конечно, на каждый роток не накинешь платок. Можно при желании борьбу за наведение порядка и дисциплины в подразделении принять за перегибы. Жесткая командирская рука никому не любя, однако, как говорится, дыма без огня не бывает...

Все это припомнилось Михаилу, пока он в сопровождении сержанта шагал к штабу батальона. Попасть под начало такого типа было неприятно, но командира не выбирают. К тому же Михаил очень надеялся, что слухи о комбате, прозванном в народе «кровавым», сильно преувеличены.

Штаб располагался в добротном, наверняка конфискованном, кирпичном особняке. В огромном зале стояли диваны и кресла, обитые светлым гобеленом. На полу — пушистый ковер. Под потолком хрустальная люстра. Обстановка поражала роскошью, совершенно не прифронтовой.

За столом, на котором стояли початая бутылка коньяка, тарелки с кусками колбасы, сала и соленьями огурцами, восседал Сам. Михаил сразу узнал Носенко. Круглая, правильной формы голова с короткой «под бобрик» стрижкой сидела на туловище почти без шеи. Лицо можно было бы назвать кра-

сивым: высокий лоб, широкие черные брови, большие карие глаза. Только нос, длинный, хищно загнутый книзу, портит впечатление.

Мгновенно охватив взглядом мебель, сервировку стола и барина, Михаил мысленно выругался, но тут же себя осадил: незачем заранее настраиваться против комбата. Им отныне, по всей видимости, придется вместе служить. Лишь бы Носенко его не узнал. Тюрьма человека не красит: щеки ввалились, глаза запали, смотрят настороженно. К тому же усы, борода...

— Привел перебежчика, командир, рядового Степанчика, — доложил сержант, вытянувшись у двери. — Махнул до нас прямо на бэтэре. Прибыток получили в живой силе и технике.

По губам Носенко скользнула усмешка.

— Так-так, — протянул он, — Степанчик, говоришь?.. Как же тебя, Степанчик, из нацармии отпустили? Да еще с боевой машиной?

— Я разрешения не спрашивал, — ответил Михаил.

— Писарчук, ты слышал? — повысил голос комбат.

Из соседней комнаты вышел старший лейтенант в пятнистом комбинезоне. Был он до неприличия тощ, одежда болталась на нем, как на вешалке.

Писарчук ткнул в Михаила длинным пальцем и с ходу заявил:

— Этот тип собирается подсунуть дезу, поэтому для убедительности прибыл на броне.

— Значит, кто перед нами, Писарчук? — с издевкой спросил комбат.

— Провокатор, никакого сомнения, — выпалил старший лейтенант.

— А как мы с такими тварями поступаем?

— Понял. Разреши, командир, я сам его шлепну.

— Да как вы смеее? — взорвался Обут. — Не расспросив! Не узнав!.. Дерьмо вы все. Никакого чутья на людей!

— Ишь, как заговорил, — рассыпался мелким смешком Писарчук.

А Михаил вдруг вспомнил: старлей, ведущий себя, как особа, приближенная к императору, был подобран комбатом в Афгане, когда Писарчука за крайнюю жестокость на допросах изгнали из органов; чем и заслужил его собачью преданность.

— Жить хочет, — констатировал Носенко. — А может, он нам что-то дельное расскажет? Как полагаешь, Писарчук?

— Врать будет. В заблуждение введет.

— Ну, тогда ты его и пощекочешь. Начальнику особого отдела карты в руки.

Выходит, Михаил не ошибся. Это и есть тот самый особист, о котором с ужасом говорят случайно оставшиеся в живых неугодные «кровавому комбату» люди.

— Да выслушайте меня! — заорал он. — Время уходит на пустой треп.

— Ну, хорошо, слушаю. — С лица Носенко сползла ухмылка.

— На Бендеры движутся части национальной армии Молдовы, — по-военному четко выпалил Обут. — Сейчас они занимают позиции для наступления. На Суворовской горе и Кицканских высотах установлена артиллерия, которой дана команда открыть огонь по городу. У вас осталось очень мало времени.

— Слышали байки, в детстве, правда, — хихикнул старлей. — У нас с Кишиневом заключено любовное соглашение.

— Погоди, — остановил комбат и знаком подозвал Михаила к столу. Сдвинув в сторону объедки, он расстелил карту: — Показывай все, что имеешь сообщить.

— Наша рота шла здесь, — ткнул Михаил пальцем в основную магистраль. — Это я знаю точно. Видел еще колонны вот тут. Общий состав сил мне неизвестен, но не меньше полка с приданными подразделениями.

— Ох заливаешь. И ты ему веришь, командир? — с досадой воскликнул Писарчук.

Носенко остановил старлея властным взглядом.

— Ты до сих пор не понял, на кого глаза пялишь? Не сообразил, не ведаешь, не догадался?.. А тебе положено знать, — жестко сказал Носенко и повернулся к Михаилу: — Думаешь, я не узнал тебя, Обут? Морду беглого лейтенанта, как народного артиста, распечатали все газеты...

Где-то далеко бухнул выстрел. Еще один. И началось: канонада загудела, набирая силу.

— Ну, вот и подтверждение слов «provокатора», Писарчук! — воскликнул комбат. — Плохо работаешь, разжирел на дармовых хлебах... Иди, распорядись, чтобы батальон занимал позицию. Как нас ни мало, а принимать бой придется. Город отдать не можем. А о нем, — кивнул он в сторону Михаила, — язык за зубами попридержи. Не каждый день в батальоне появляется человек, приговоренный к вышке.

Дождавшись, пока за Писарчуком закроется дверь, Носенко негромко сказал:

— Вот что, Обут, командных должностей у меня нет. Послужишь механиком-водителем. За броней не так паскудно воевать...

— Я готов, — заверил Михаил.

Носенко не отреагировал на его слова и продолжал:

— Будет лучше тебя не афишировать. Народец у меня разношерстный, родную маму продадут, а на рядового скорее всего не позарятся... — Он пододвинул бутылку, наполнил два фужера коньяком: — Бери, — сказал отрывисто. — Давай за жизнь выпьем, Обут, чтобы нам в этой проклятой мясорубке уцелеть. Ну, будь! — Опрокинув коньяк в глотку, комбат взял с дивана автомат и буркнул: — Пошли, занимай место за рычагами, рядовой Степанчик...

В разных концах города горели жилые дома и заводские корпуса. В далеких отблесках пламени тьма как бы рассеялась, и в мерцающей синеве проступили деревья, тротуары, дороги, по которым входили в Бендеры волонтеры.

Город, конечно, не спал. Оглушительная канонада, почти час сотрясавшая землю, разбудила бы мертвого. Люди, затихшие в жилищах, со страхом ожидали развития событий.

Первое потрясение, которое Янош испытал в начале обстрела, прошло. На его место пришла апатия. Осталась ноющая боль в груди, будто он снова сегодня потерял Агнешку. Пропали все пропадом. Даже главная цель — место за гибель любимой девушки, ставшая смыслом существования, как-то потускнела и отошла на задний план перед лицом происшедшей у него на глазах трагедии.

Ударил короткая автоматная очередь. Послышался дребезжащий звон рассыпавшегося по асфальту стекла. Янош выглянул из-за угла: так и есть, раскроили огромную витрину гастронома — в дыру хоть на танке въезжай. В магазине было полно волонтеров. Кто-то сбрасывал с полок батоны колбасы, пачки с печеньем, коробки конфет. Другие кувалдой долбили кассовый аппарат в надежде грабануть дневную выручку. Третьи, не отходя от прилавка, откупоривали бутылки со спиртным и утоляли жажду прямо из горлышка.

Яноша охватила ярость. Что ж это творится? На своей они земле или в каком-нибудь вонючем афганском кишлаке?

— Отставить! — скомандовал он.

Голос потонул в восторженных воплях новоявленных мародеров. Никто не обратил на команду ни малейшего внимания. Волонтеры, переругиваясь, тянули с прилавков все, что попадалось под руку, рассыпая, разбивая, втапывая в грязь сахар, муку, крупу.

— Ах сволочи! — взревел Чепрага и, вскинув автомат, дал поверх голов длинную очередь. Это подействовало. Солдаты замерли, прижав бутылки и коробки к груди. — Прекратить грабеж! Положить все на место. Я сказал — все!

Глухой рокот прокатился по торговому залу. Янош перехватил свирепые взгляды, подумал: сейчас его запросто снимут очередью из автомата.

— Оставить помещение! — приказал он. — Иначе расстреляю на месте.

Под высокими сводами голос Чепраги прогремел как трубный глас. На сей раз никто не посмел возразить. Злобно поглядывая на командира, волонтеры покинули помещение. Остановив молодого парня, Янош велел ему заступить на пост возле гастронома и никого не впускать.

— Головой отвечаешь за сохранность народного имущества! — предупредил он и побежал догонять взвод.

— Неправда твоя, командир, — тихо, не без опаски сказал Миклош, шагавший во взводе замыкающим.

— Это почему же? — отозвался Янош. — Нам приказано занять позицию близ моста через Днестр. О грабежах в том приказе ничего не сказано.

— Господин капрал, можно вопрос? — послышался голос солдата из задней шеренги.

— Говори, — разрешил Янош.

— Я в книжке читал, что город, ежели он захвачен, на день отдают тем, кто его... ну вроде как взял.

— Историей интересовался? Это хорошо, — ответил Янош. — Но тогда должен знать, что касалось такое варварство городов чужих, а не своих. Здесь кругом наши живут. Как их грабить? Как у матери или невесты кусок из горла рвать?

— Сладко поешь, командир, — послышался голос спереди. — Магазины государственные. Ни мне, ни моим родителям там ничего не принадлежит...

— Бо-оль-шой политик в каждом из вас сидит, — Чепрага возвысил голос. — Власть наша дурацкая приучила народ к тому, будто вокруг все ничейное, колхозное. Но завтра тем не менее люди придут в государственный магазин за хлебом — больше некуда. А там шиш...

Вопросов больше не задавали. В темноте слышался не очень стройный топот сапог, да Миклош все еще бурчал под нос про попа, который проповедями мозги сушит. Янош сделал вид, будто не слышит. Обострять отношения с кривоногим мерзавцем не хотелось. Словно предчувствовал, что еще схлестнутся они не на жизнь, а на смерть.

Чем дальше шли по городу, тем чаще встречались следы грабежей и насилия. То и дело попадались магазины с выбитыми витринами и опустошенными прилавками. На улице валялись испорченные мешки, выпотрошенные ящики. Даже мебельный салон не избежал разгрома. Точно смерч прошел...

Возле фабричных корпусов сновали машины. По изрядно подсевшим рессорам было видно, насколько перегружены грузовики. Янош удивился: почему товар нужно вывозить ночью? Он спросил у водителя:

— Послушай, друг, куда торопишься? Разве груз такой важности, что голову не жаль под случайную пулю подставлять?

— Ты, похоже, с луны свалился, — возразил шофер. — Станки приказано демонтировать. И готовую продукцию, и сырье, и оборудование — все увозим...

— Кто приказал? — изумился Янош. — Куда увозите?

— А вот это не твоего и не моего ума дело, — нахмурился водитель. — Не мешай, браток. Твоя задача воевать, наша — выполнять распоряжения оттуда, — показал он пальцем вверх и нажал на газ.

Янош на ходу соскочил с подножки кабины. Он был сбит с толку. Можно еще как-то объяснить разграбление неохраняемых лавок, бесхозных складов, брошенных домов. Национальная армия Молдовы, особенно волонтерские формирования, комплектовались черт знает из кого. В число волонтеров могли попасть и нечистые на руку люди или просто уголовники, почитавшие за честь тащить все, что плохо лежит. В Афгане не то бывало, особенно к концу войны. Но были и законы, по которым карали за подобные преступления. Сами ребята тоже разбирались с теми, кого заставляли за шмоном кишлаков... Тут же происходило нечто, не укладывающееся ни в какие рамки. Одно дело уворовать мешок с мукой или бочку бензина и совсем другое — демонтировать и вывозить фабрики не с вражеской территории, а со своей собственной, в родном единоутробном суверенном государстве...

Посыльный из штаба догнал взвод возле автобусной станции, когда до места дислокации оставалось полтора-два километра.

— Слышь, командир, планы переменились, — сказал он. — К мосту выдвинута артиллерия и бронетехника. Разведка донесла, на рассвете со стороны Тирасполя ожидается танковый удар. Вас велено перенацелить на исполком. Приказано сосредоточиться во дворе школы.

— Ну, веда, коли так, — пожал плечами Янош, которому теперь стало решительно всё равно.

Окна школы были ярко освещены. Со второго этажа доносились музыка, дружный топот ног, взрывы смеха. Неуместное с точки зрения Яноша веселье контрастировало с обстановкой, царившей в городе.

— Что там происходит? — спросил он посыльного. — Не ко времени вроде бы шабаш устраивать.

— Выпускной бал сегодня, — пояснил солдат.

— Пир во время чумы...

— При чем тут чума, — возразил посыльный. — Ребята закончили десять классов. Такое событие раз в жизни бывает. Я хорошо помню, как сам в такой день отплясывал с будущей жинкой.

— Могли бы учесть обстановку, — сухо заметил Янош.

— Кто ж знал, что Молдова именно сегодня двинет войска? Все сделано тихой сапой...

Последние слова посыльный произнес невнятно, испугавшись излишней откровенности с незнакомым человеком. Но Янош расслышал.

— И то верно, — отозвался он. — Усыпили народ. Обещали нейтралитет, божились, а поступили, как последние подонки...

— Велено дожидаться команды на территории школьного двора, — сказал посыльный. — Красная ракета — сигнал. Означает — идти к исполкому.

— Все понял, — кивнул Янош и командовал взводу: — Привал! Дозарядить оружие, проверить гранаты, амуницию. Потом отдыхать!

Он опустился на траву, густо росшую между яблонями, и сразу ощутил неимоверную усталость. Как тогда, в Бартангском ущелье...

...Пограничники шли на перехват нарушителя. Вначале с Яношем было трое солдат, потом осталось двое и наконец один — собаковод с Эмиром. Этот не отставал от сержанта ни на шаг. А скалы поднимались все круче, голый камень, как наждак, сдирал подошвы ботинок. Но гнала мысль: предупредить нарушителя, оказаться раньше на перевале у излучины Бартанга. Над горами низко висели яркие крупные звезды. В их мерцающем свете Памир казался угрюмым и совсем безжизненным.

Они успели. Когда выскочили на тропу возле бурлящей в узкой теснине реки, Янош сразу увидел чужака. Человек шел быстро, но спокойно, уверенный, что ушел от погони. Грозный окрик пограничника оказался для него полной неожиданностью. Бросок Эмира довершил дело...

Пьянящий аромат сада слегка кружил голову. «Божья благодать», — так говорила матушка. Была она искренне верующей, а Янош не верил ни в Бога, ни в черта. Он видел гибель новобранцев, не успевших согрешить даже в мыслях, — не подонков и гадов, которым гореть в геенне огненной, а невинных мальчишек, не успевших пожить. Сколько крови, сколько смертей!.. Будь трижды проклята любая война! Не было и нет справедливости на свете. Нет, значит, и Бога...

Подожел Миклош, присел рядом.

— А что, командир, может, на веселье заглянем? — спросил весело. — Там такие кошечки выпясывают — пальчики оближешь.

— Я тебе покажу кошечек! Я на тебя всех собак спущу! Скоро в бой...

Закинув руки за голову, он растянулся на траве во весь могучий рост и прикрыл веки. Позволив себе расслабиться, Янош сразу же погрузился в недавнее. Агнешка!.. Горечь утраты, подернутая легкой дымкой, слегка притупилась. Пройдет год-другой, и милая подружка Агнешка останется в памяти самым дорогим воспоминанием. Но только в том случае, если рассчитается за ее смерть. Иначе никогда не будет покоя...

Внезапно Янош обнаружил, что Миклоша рядом нет. Только что сидел под яблоней и вдруг исчез, растворился в ночи. Яноша словно что-то кольнуло. Он вскочил, огляделся. Несколько солдат мирно дремали неподалеку. Где же остальные?..

На втором этаже звякнуло разбитое стекло, осколки посыпались на землю. Раздался приглушенный вскрик, тут же смолкнувший, словно человеку заткнули рот.

Яноша захлестнула ярость. Он вскочил, вбежал в здание и, задышав от бешенства, помчался по длинному школьному коридору, по обе стороны которого находились одинаковой белизны двери с порядковыми номерами. Массивные дверные ручки походили на гашетки станкового пулемета.

Из приоткрытой створки слышались странные звуки. Янош рывком распахнул дверь. На полу на распластанной девочке, воющей от боли и ужаса, елозил солдат. Равномерно колышущаяся жирная задница, хриплое дыхание не оставляли никаких сомнений в том, что он творит.

— Ах ты, мразь! — взревел Чепрага и ударил сапогом по его заду.

Ошарашенный солдат свалился набок. Был он немолод, с двойным подбородком, заросшим давно небритой щетиной. Мужик посмотрел на Чепрагу немигающим оловянным взглядом и прошамкал:

— Ты чо? Ты за чо?..

Третью фразу Янош кулаком вбил ему в глотку. Таким ударом на спортивных занятиях в погранотряде он запросто перебивал пять кирпичей. Что-то хрустнуло под костяшками пальцев. Солдат безвольно, как куль, растянулся на полу.

— Мотай отсюда! — крикнул Чепрага девочке, тщетно пытавшейся натянуть на нагое тело разодранное шелковое платье. Была она тощенькой, совсем юной, но личико, обрамленное кудряшками, выглядело старушечьим.

Выбежав в коридор, Янош кинулся к актовому залу. В легких не хватало воздуха, нутро горело, кровавая пелена застилала глаза. Из-за поворота навстречу ему два солдата выволокли упиравшихся девчонок.

— Отпустить! — заорал Чепрага и загнул такое, что очумевшие солдаты вмиг повиновались, а девчушки, получившие неожиданную подмогу, пустились наутек.

— И чего ты суетишься, командир, — начал было один боец дрожащим голосом.

Продолжить он не успел. Резким оттягивающим ударом в солнечное сплетение Янош размазал обоих солдат по стене.

Задерживаться было нельзя. Совершенно очевидно: выпускникам школы от этих головорезов не поздоровится. Только его вмешательство может хоть частично предотвратить насилие и надругательство.

В конце коридора из распахнутых дверей доносились взрывы дикого хохота. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить происходящее. На полу позади учительского стола неподвижно лежала девчонка. Клочки бального платья из голубого шелка валялись рядом. На обнаженном теле остались крестик на металлической цепочке да белые носочки. Солдаты — их было пятеро — выстроились в очередь. Двое с припущенными штанами уже сделали черное дело. Увидев Чепрагу, они шарахнулись в разные стороны, но через мгновение, сообразив, что их большинство, решили за себя постоять.

— Не мешай, командир, — примирительно сказал высокий чернявый молдаванин. — Мы управимся скоро.

— Подонки, гниды, — прошипел Чепрага. — У вас самих дочери, сестры...

— Ты потише, ты на нас не дави, — заорал молдаванин и потянулся за автоматом, лежавшим на парте.

Лучше бы он этого не делал. Янош сорвал с плеча «калашников» и, нажав на спуск, повел ствол веером. Пятеро были срезаны одной очередью.

Едва затихло эхо, как со второго этажа донесся истошный вой, похожий на крик смертельно раненного зверя. Янош бросился вверх по лестнице. То, что он увидел в учительской, заставило его, видавшего виды солдата, остолбенеть. На полу бился в конвульсиях белобрысый парнишка. Был он без брюк и весь в крови. Рядом валялся бесформенный шмат мяса. Даже в Афгане, где зверства были у душманов в почете, такое кошунство не допускалось. Кто?.. Кто кастрировал ни в чем не повинного подростка?..

И тут Чепрага встретился со злобным взглядом Миклоша. Руки у него были в крови, а возле сапог валялся окровавленный нож.

— За что ты его? — прохрипел Янош.

— Москаль проклятуший... Не будет теперь наших девок портить, — хихикнул Миклош и тут же понял, что подписал себе смертный приговор. Передернув затвор автомата, он зарал:

— Не имеешь права! Убью!..

— Это я тебя убью!

Янош прыгнул, локтем выбил у Миклоша оружие, обрушил страшной силы удар на его голову, приподнял за шиворот и выкинул в распахнутое окно.

Кастрированный парнишка умирал. Зрачки его закатились, белки подернулись желтой пленкой. Янош прикрыл ему веки, произнес: «Пусть земля тебе, малец, будем пухом».

«Ну, вот и все, — подумал устало. — Нету у тебя теперь взвода, сержант Чепрага. Сам его наполовину уничтожил, хотя вершить суд, даже правый, нельзя одному человеку».

И еще подумал, что навсегда вычеркнул себя из рядов доблестной молдавской армии.

10

Санитарная машина развернулась у здания Верховного Совета. Был поздний час, но Илона не сомневалась, что кого-нибудь из начальства застанет на месте, возможно, саму Матвееву. Нина Ивановна после гибели мужа, несшего службу по охране Дубоссарской ГЭС и застреленного полицией возле плотины, нередко спала в своем кабинете на раскладушке. Тут же в канцелярском шкафу висел скромный гардероб: пара платьев и знаменитый камуфляжный комбинезон, в котором Нина Ивановна выезжала на боевые операции и в окопы к бойцам.

Скромность млажавой, очень симпатичной женщины удивляла. Когда девчата начинали жаловаться на скудность нарядов, Нина Ивановна утешала: «Начнем наряжаться, девоньки, после победы, а пока надо потерпеть...» Последнее было труднее всего, потому что этому «пока» не виделось конца.

В здании на первый взгляд было пустынно, но охранник, стоявший при входе с автоматом, сообщил:

— Наверху заседают. Жми туда.

Взбежав по лестнице, Илона услышала доносившийся из конференц-зала шум. Очередные словопрения совета трудового коллектива по защите прав рабочего класса проходили бурно. Почти все курили, отчего в зале нечем было дышать. Увидев в президиуме Матвееву, Илона успокоилась. Нина Ивановна здесь, значит, все будет в порядке. В своего кумира девушка верила безоглядно.

Привлеченная ее отчаянными жестами, Матвеева вышла из зала.

— У тебя такой вид, — сказала, — будто ты принесла весть о конце света.

— Хуже! — вырвалось у Илоны. — Гораздо хуже!

— Давай без эмоций. Рассказывай по существу, — настоярилась Матвеева, чутко уловившая приближение беды.

— Армия Молдовы напала на Бендеры! — выпалила Илона.

— Как понимать — напала? — переспросила Матвеева. — У нас с Кишиневом договоренность...

— Перемирие лопнуло! — воскликнула Илона. — Да вы прислушайтесь...

Девушка подбежала к окну, распахнула створки. Вместе с ночной прохладой в коридор хлынул гул отдаленной канонады. Его нельзя было спутать ни с чем другим. Наступление молдавской национальной армии на Бендеры, как и предупреждал Михась, началось ровно в полночь.

— Вот сволочи! — зло выругалась Матвеева.

Быстро вернувшись в зал, она стремительно подошла к столу президиума и повелительным жестом остановила очередного оратора, рассуждавшего о социальных гарантиях трудящихся.

Из зала донеслось:

— Опять Матвеева!

— Адмирал в юбке, черт побери всех баб!

— Нечего командовать, слазь с трибуны!..

— Тихо! — прикрикнула Матвеева, и обращенное к залу скуластое лицо ее побелело. Сверкающие гневом ярко-голубые глаза, казалось, смотрели на каждого в упор: — Говорильные конец! Сейчас каждый делом, а то и жизнью пусть докажет преданность идеям Приднестровья!

— Что произошло?

— По какому праву прерываете заседание?..

Реплики сыпались со всех сторон.

— Имею все права! — крикнула Матвеева. — Произошло самое страшное: на нас напала Молдова. В Бендерах идет бой: прислушайтесь!

В зале воцарилась звенящая тишина, и сразу стали слышны далекие разрывы снарядов. Народ в зале сидел разный, но за последние месяцы все они побывали под обстрелом. Ползучая необъявленная война шла давно. А Нина Ивановна уже распорядилась, будто всю жизнь воевала и знала, что делать, какие меры принимать. Одних направила в штаб гвардии, других — в комендатуру, третьих — на заводы. И всем говорила:

— Поднимайте людей, Бендерам нужна помощь. Кто чем может!.. И готовьтесь к обороне Тирасполя!

— Неужели посмеют? — спросил пожилой мужчина.
— Еще как!
— Может, это провокация?
— Нет! — отрезала Матвеева. — Это агрессия против Приднестровской республики. И нам не жить, если не дадим отпор!..

Когда зал опустел, Нина Ивановна повернулась к Илоне:
— Пошли и мы.
— Куда?
— Едем в Бендеры. Посмотрим сами, что происходит в городе, и на месте примем меры. Для начала мобилизуем женсовет.
— Там, наверное, страшно...
— Нам не привыкать, девонька. Или боишься?
— Немного. Но это не имеет значения, — тихо отозвалась Илона.

На самом-то деле ей бывало жутко, когда солдаты перед носом размахивали кулаками, угрожая расправой за то, что они вывозят из части оружие. И когда офицеры осыпали женщин отборным матом по той же причине. И особенно, когда стреляли. Звук выстрела вызывал у Илоны ужас, но ни за что на свете она бы в этом не призналась.

По пути Матвеева зашла в свой кабинет, на котором значилось: «Заведующий отделом соцобеспечения». По телефону проинформировала о случившемся председателя Верховного Совета. Потом ловко натянула на мощный торс десантный комбинезон и опоясалась широким ремнем с кобурой на боку.

— Может, лучше не брать оружия, — сказала Илона. — В случае чего сойдем за тамошних жителей.

— Теоретически ты права, девонька, — отозвалась Нина Ивановна, доставая из кобуры пистолет и проверяя, заряжен ли. — Но так спокойнее. Уверенно себя чувствую, когда есть чем защититься. Да и вряд ли меня отпустят с миром, ежели схватят. Думаешь, там, — кивнула в сторону реки, — не знают Матвеевой? Я у них вот где сижу, — резанула она ребром ладони по горлу.

До Днестра доехали на дежурной машине комендатуры. Охраняющие мост гвардейцы сказали: где-то совсем неподалеку находятся молдавские волонтеры. Они уже пытались взять мост, были отбиты и откатились назад. Лучше бы, конечно, на ту сторону не соваться, но коли припекло, пробираться следует где бегом, а где по-пластунски.

— Зря идете, тем более без охраны, — сказал старший машины, молодой капитан, привезший женщин. — Надо парочку гвардейцев прихватить.

— Целый взвод был бы лучше, — усмехнулась Матвеева.

Капитан иронично усек, но не обиделся, прекрасно понимая, на какой риск идут женщины.

— Держитесь правее, — посоветовал. — Там наши ракетчики стоят. А чуть дальше военный городок химвата. Волонтеры вряд ли туда сунутся, от военных ведь можно схлопотать...

— Трусоваты они в четырнадцатой, капитан, — презрительно сказала Матвеева. — Вместо того чтобы население защитить, по гарнизонам отсиживаются.

— Приказ получен — не вмешиваться, — смутился капитан.

Он чувствовал себя неуютно. Илона парню посочувствовала, Михась оказался в таком же положении, когда подчинился приказу защищать оружейный склад и открыл стрельбу. Но беспощадная Матвеева была под дых.

— Нейтралитет держите? Правильно! Негодяи, бандиты стреляют в стариков, убивают женщин, а вы, капитан, вместе с другими brave офицерами прикрываетесь приказом как фиговым листком. Наша, мол, хата с краю...

Женщины распрощались с капитаном, но его советом решили воспользоваться. Перейдя мост, повернули к старой крепости, где стояла ракетная бригада, и пошли вдоль каменного забора, опоясывающего территорию химвата. Обстрел города заставил военных усилить охрану подведомственных территорий, о чем свидетельствовали дополнительные посты. Несколько раз Матвееву и Илону Нечай окликали часовые, но, услышав в ответ женские голоса, пропускали беспрепятственно.

Дальше двигались переулками, минуя освещенные места. Стрельба мало-помалу стихала. Лишь изредка вдалеке разрывался снаряд или взывала одиночная мина. Ночь шла на убыль.

— Пройдем через школьный двор напрямик, — предложила Илона. — Я лаз знаю, через него от мальчишек убегала, когда приставали.

— Так я и поверила. Ты же кокетка, — подзадорила Матвеева.

— Глупая была, трусиха, потому и убегала.

— Заметно. Когда во главе девчат на серьезное дело идешь, не очень-то похожа на тихоню.

— И то верно, — согласилась Илона. — Сейчас сама себя не узнаю. Даже мама заметила, что я стала резкая, нетерпимая. Очень, говорит, на вас похожа.

— Ничего в этом плохого не вижу, — отозвалась Матвеева. — Время наступило суровое. Нужны воля, смелость, хотя... Женщины от этого многое теряют. Мужики не очень-то жалуют баб с твердым характером...

Дырка в школьном заборе заросла колючим кустарником, и женщины здорово исцарапались, особенно Илона в легком платье.

— Не хнычь, сама выбрала дорогу, — утешила Матвеева.

— Зато прошли безопасно...

Илона не успела договорить фразу, как в кустах послышался характерный металлический щелчок — звук взводимого затвора.

— Кто здесь? — раздался приглушенный окрик.

Матвеева толкнула Илону к земле и выхватила пистолет.

— Стоять! — снова послышался голос. — Стоять! Стрелять буду!

— Не надо, — закричала Илона. — Мы свои!

— Кому свои, кому — чужие... — Голос незнакомца по-добрел: — А ну, выходи, бабы, не бойтесь!

— Мы и не боимся, — ответила Матвеева, сместив на звук голоса дуло пистолета.

— Не надо, миленькая, не стреляй! — взмолилась Илона. — Я чувствую, он ничего нам плохого не сделает. Правда, товарищ?

— Будь по-твоему, девка, — сказала Матвеева и, решительно раздвинув кусты, шагнула вперед.

В предрассветном полумраке женщины увидели высокого плечистого мужика в армейском комбинезоне с тремя лычками на погонах.

— Откуда явился, сержант? — спросила Матвеева, опустив пистолет. — Из какой будешь армии?

— Не из какой... — Сержант не проявлял враждебных намерений и соглашался вроде бы на контакт. — Из одной армии ушел, к другой не прибился.

— Дезертир, значит? — уточнила Матвеева.

— Пусть так. Мне все равно, под какой кличкой ходить.

— Трус? Или прикидываешься?

— Послушай, хоть ты и баба, могу не посчитаться и по морде съездить. Кто такая, чтоб с молдаванина допрос снимать?

— Я Матвеева. Может, слышал?

— Не доводилось.

— Ты с неба свалился, сержант? — вмешалась Илона. — Матвееву Нину Ивановну все знают. О женском движении Приднестровья много раз в газетах писали.

— Дезертиры политикой не интересуются, — заметила, усмехнувшись, Матвеева, обиженная самим фактом, что кто-то о ней слухом не слыхивал.

— Извиняйте, Нина Ивановна, — сказал сержант с плохо скрытой иронией. — Я, понимаете, шофер, мое дело — баранку крутить. А стрелять я не любитель, тем более в безоружных.

— Это нам подходит. Как звать?

— Янош Чепрага, из-под Кишинева.

— Вот что, Чепрага, — распорядилась Матвеева, — отдай автомат и пошли с нами.

— С вами я, пожалуй, пойду, — улыбнулся Чепрага, — а насчет автомата не горячись.

— Черт с тобой, — махнула рукой Матвеева. — Только не балуй, поставь на предохранитель...

Они пересекли школьный двор, пробежали несколько переулков и вышли к центральной площади, на которой стояло здание горисполкома. Прежде ухоженное, свежеекрашенное, сейчас оно выглядело ужасно. На всех пяти этажах в окнах не было стекол. Проем входных дверей прикрывали полурасщепленные доски. Стены сверху донизу были испещрены пулевыми отметинами.

— Мама родная, — ахнула Илона, разглядывая горисполком расширенными от ужаса глазами. — Что здесь произошло?

— Штурм был, — пояснил Чепрага. — Атаковали несколько раз, но без особого результата. Над крышей пока что флаг Приднестровской республики.

— Нам нужно туда, — решительно сказала Матвеева.

— Зачем жизнью рисковать? — спросил Чепрага, разглядывая стоявшие напротив дома.

— Прежде всего, чтобы быть среди своих. Во-вторых, там штаб, куда стекается вся информация.

— Лично я ни за какую информацию платить головой не желаю, — ответил Чепрага. — Площадь насквозь простреливается.

Матвеева смерила его уничтожающим взглядом и холодно отчеканила:

— От мужиков никакого проку, они только обуза. Я пойду сама!

— И я, — подхватила Илона.

Вот же бабы проклятушие. Сами лезут под пули и его подталкивают.

— Стоять! — зашипел Чепрага, схватив Илону за руку. — Надо ж было мне с вами, дурищами, связаться!

— Не смей обзывать, — возмутилась девушка.

— Заткнись! Меня слушать! Командовать буду я, — заявил Чепрага. — Бегу первым. Вон до той елки, третьей от края. Залегаю. Пока не махну рукой, вы — ни с места, а как сигнал дам — пулей вперед. И зигзагом, зигзагом...

— Понятно, — кивнула Матвеева. — Ты в Афгане воевал?

— Не имеет значения, — отмахнулся Чепрага. — Я пошел.

Сержант напряжился, подобрался и ринулся вперед. Он мчался стремительно, пригибаясь и петляя, — так научила его война. Пули вспороли асфальт позади, когда старшина всей тяжестью могучего тела рухнул под ель. Толстенный ствол и густая хвоя защищали надежно, но Чепрага не дал себе расслабиться. Выбрав позицию поудобней, вскинул автомат. Успел засечь окна в здании напротив, блеснувшие вспышками выстрела, и дал по ним несколько очередей. Тут же взмахнул рукой, подавая женщинам сигнал.

Надо отдать им должное, бежали бабоньки споро, выделяя кренделя, подпрыгивая, виляя из стороны в сторону, а Чепрага стрелял по окнам короткими очередями, прикрывая, спасая, защищая. Кого, он и сам не знал. Может, Агнешку?..

— Спасибо тебе, парень, — тяжело отдуваясь, сказала Матвеева, когда все трое оказались в пустом вестибюле горсовета. — Кабы не ты, могли бы не добраться. Что делать будешь теперь?

— Ну и хитрая ты баба, Нина Ивановна, — невесело улыбнулся Янош. — Назад у меня пути нет, боеприпасы на исходе. Но есть одно неперемное условие...

— Говори прямо, — потребовала Матвеева.

— Прямее некуда. Пусть меня ваши дезертиром не обзывают и в диверсанты не записывают, а то я за себя поручиться не смогу.

— Гордец, однако, — сказала Матвеева. — Все мужики много о себе понимают. Но ты мое расположение делом заслужил. Идем, поручусь за сержанта Чепрагу перед председателем горсовета. Лично поручусь!

11

Город горел. Полыхали многоэтажки, массивные заводские корпуса, магазины, больницы, школы. Сидя в машине, стоящей в укрытии, Михаил с содроганием наблюдал за ужасающей картиной. Такое варварство невозможно было осмыслить. Настоящий фашизм!..

Вдоль тротуаров валялись трупы. Их некому было убирать. Выход из дома грозил пулей. К пулеметным очередям, прошивающим улицы, прибавился огонь снайперов, засевших на верхних этажах зданий. Ими был застрелен пацаненок, перебегавший улицу с булкой хлеба в руках. Парнишка упал у дверей дома, попытался встать и был добит вторым выстрелом...

Второй день воевал Михаил Обут в составе батальона Носенко. Бои шли с переменным успехом. Вначале противник,

применив массированный огонь артиллерии и бросив до десяти единиц бронетехники, потеснил их на самую окраину. Ночью подполковник Носенко поднял гвардейцев в контратаку и вернул утраченные позиции. Утром подразделения армии Молдовы снова попытались продвинуться вперед, чтобы прижать батальон к Днестру, но все атаки в течение дня были отбиты с большими для них потерями. К вечеру наступило затишье. Женщины из Тирасполя, собрав по домам продукты, привезли гвардейцам еду. Михаилу достался кусок пирога с капустой. Он ушел его за минуту и воскликнул:

— Вкуснотища невероятная!

Чернобровый молдаванин, улыбнувшись, заметил:

— Еще сутки попостишься, мамалыгу слотнешь как торт.

Михаил смеялся вместе со всеми, хотя впору было рыдать. За два дня они потеряли десять бойцов. Убитых хоронили во дворах домов в неглубоких ямах, завернув в плащ-палатку. К наскоро сбитому кресту приколачивали дощечку с именем — вот и все почести. Но понимал Михаил и другое: плоские шуточки, вызывающие хохот у солдат, — есть не что иное, как потребность в разрядке после того дикого напряжения, которое человек испытывает в бою.

Обут был профессиональным военным. В его короткую биографию кровавой строкой вошел Афган. Но эта война гораздо страшнее, особенно для людей необстрелянных. Страх поднимается откуда-то изнутри, из самой потаенной глубины человеческого существа. Начинается озноб, возникает дикое желание спрятаться, затаиться в щели, замереть там и не двигаться, пока не прекратятся свист пуль, разрывы снарядов, пока не смолкнет грохот осколков по броне, от которого мороз по коже. Трудно с этим страхом совладать. Невероятно трудно взять себя в руки...

На войне надо работать, заниматься делом, все помыслы направить на выполнение поставленной задачи, чтобы некогда было думать об опасности, о том, что тебя вот-вот убьют.

Кто-то крикнул:

— Степанчик, до командира!

Михаил не сразу понял, что кличут его, — так и не призыв к новой фамилии. Лишь когда посыльный позвал во второй раз, встрепенулся.

Штаб размещался в том же кирпичном особняке, только сад вокруг изрядно поредел. Поваленные, вырванные с корнем яблони, посеченные осколками ветви свидетельствовали об интенсивном обстреле, и вряд ли Носенко стоило сюда возвращаться. Бравирует комбат...

На крыльцо вышел Писарчук. Следом за ним в сопровождении конвоира плелся, едва передвигая ноги, седоголовый человек в гимнастерке, без ремня, с сорванными погонами. Лицо

в кровоподтеках и заплывший глаз не оставляли сомнений в том, что его жестоко избили.

— Кто такой? — спросил Михаил, пораженный видом арестованного.

Писарчук пропустил седоголового с конвоиром мимо и, остановившись перед Михаилом, процедил сквозь зубы:

— Не суйся, мужик, понял? Заткнись наглухо, пока самого не повели.

— Дерьмо поганое! Как ты смеешь! — вскипел Михаил и, схватив Писарчука за грудки, рванул на себя.

— Отпусти! — не своим голосом заверещал Писарчук, пытаясь правой рукой дотянуться до кобуры.

— Ты, гад, еще за оружие хватаешься? — рывком Михаил и рывком приподнял тощего Писарчука над землей. Одного десантного приема было бы достаточно, чтобы сломать негодяю руку, ногу, шею.

— Что происходит? — послышался повелительный голос. В дверях стоял подполковник Носенко. По лицу его блуждала усмешка, уж больно забавно смотрелся начальник особого отдела, червем извивающийся в могучих руках десантника. — Отпусти его, Обут!

Михаил с сожалением оттолкнул от себя Писарчука. А тот, едва отдышавшись, прошипел:

— Он... Он напал. Он убить хотел!

— Не балагань, — остановил Писарчука подполковник. — Кабы хотел, убил бы без разрешения. Сам виноват, не задавай спецназовца; Обут, сам знаешь, где побывал. Ты, Писарчук, после камеры смертников в психушку попал бы. Иди!.. А ты, Обут, тоже кончай с дурацкими замашками. Замечу что-нибудь этакое — пеняй на себя. Заходи в дом, разговор есть. За бутылкой обсудим.

— По какому случаю пьем? — спросил Михаил.

— За одержанный нами боевой успех.

— Сил у противника еще много, а на подмогу никто не спешит.

— Ошибаешься. Группа казаков во главе с бендеровским атаманом прорвалась в горсовет.

— Казаки нынче пешие. Где техника?

— С этим хуже, — нахмурился Носенко. — Бросили, идиоты, из Тирасполя бронегруппу утром, а их на мосту прямой наводкой в металлолом превратили.

— Не могли темноты дожждаться?

— Вот и я про то: командовать должны спецы, а их катастрофически не хватает. Батальон в ночном бою понес потери. Ротный один, сволочь поганая, задурил...

Лицо подполковника приняло хищное выражение. А Михаил вспомнил того, седоголового, с сорванными погонами.

— Ты приказал его расстрелять?

Носенко повернулся всем корпусом, словно круглая голова плохо вращалась на толстой короткой шее.

— Для меня дисциплина — святое, — медленно сказал он. — И хватит об этом. Поговорим о тебе. Водителя я где-нибудь найду, а командира...

— Вы хотите...

— Вот именно — хочу, — перебил Носенко. — Примешь первую роту. Твой предшественник оказался болтуном и предателем, слишком многое стал замечать, а сегодня дошло до прямого неповиновения.

— И ты его решил в расход? — спросил Михаил, глядя на комбата в упор. Тот выдержал взгляд, только сжал губы.

— Подчиненный не выполнил приказ. Мы на фронте, а не в пансионе для благородных девиц. Запомни, Обут, неповиновения не потерплю!

— Я пока не дал согласия. Не знаю, имею ли право. Четырнадцатая армия соблюдает нейтралитет.

— Ты себя все еще в ней числишь? — расхохотался комбат. — Они ж тебя продали. Ты выполнял приказ, а тебя под суд? За исполнение долга — небо в клеточку и пуля в затылок?..

— Все равно из армии меня никто не увольнял, — упрямо повторил Михаил, оттягивая время. Принимать из рук Носенко офицерскую должность, становиться его, пусть невольным, соучастником немного чести.

— Но ты уже воевал против мамалыжников! — воскликнул Носенко нетерпеливо.

— Что дозволено рядовому Степанчику, не положено лейтенанту Обуту.

Ноздри у комбата заходили ходуном.

— Я рассчитывал по-хорошему договориться, — отрывисто бросил он и стремительно вскочил, опрокинув кресло. — Рядовой Степанчик, данной мне властью произвожу вас вержанты и назначаю командиром первой роты.

Отказываться дальше было чревато крупными неприятностями и вполне предсказуемыми последствиями, Михаил ответил:

— Слушаюсь, товарищ подполковник!

— Давно бы так, — буркнул Носенко. — Распустил слюни, словно гражданский шпак... А теперь слушай, — комбат придвинул крупномасштабную карту, на которой синим карандашом были отмечены позиции противника: — Обстановка, сам видишь, аховая. Три четверти города кошке под хвост сдано. Остались отдельные очаги сопротивления — здание милиции, исполком, где сосредоточен штаб обороны, ну и мы, конечно. Тяжелее всех защитникам горисполкома. Их беспре-

рывно атакуют. Короче, грузи боеприпасы, бери роту, пробейся любой ценой. Понял? Повторяю: любой ценой!

— Для этого не нужна рота. Возьму небольшую группу.

— Ты командир, тебе и решать. Операцию начнешь через час...

В роту Михаил отправился в сопровождении личного ординарца Носенко. Боец был немолод, угрюм, за всю дорогу не проронил ни слова. А жаль, ординарец наверняка мог бы многое порассказать о нравах в батальоне новоиспеченному ротному. И все же молчание солдата оказалось кстати, потому что давало возможность обдумать случившееся. Уж больно круто распорядилась Михаилом судьба. Арест. Суд. Приговор. Побег. Рядовой в одном войске, сержант — в противоборствующем. Такое даже в кошмарном сне не привидится. А ведь он был и останется офицером четырнадцатой российской армии, которая в местном конфликте участия не принимает. Черт знает что...

Встретили Михаила в роте довольно спокойно. Сержант Степанчик? Новый командир? Ну и хорошо, какая разница... Никому в голову не пришло поинтересоваться, куда подевался его предшественник. Люди были явно приучены держать язык за зубами.

Время, однако, поджимало. Час, отпущенный на подготовку, заканчивался. Отобрав десяток показавшихся ему наиболее толковыми бойцов, Михаил поспешил к бронетранспортеру. Решил, не мудрствуя лукаво, максимально загрузить боевую машину боеприпасами и прорваться на ней к горсовету. Противник, конечно, не дурак, если блокировал здание, то предусмотрел также возможность прорыва к нему. Мины вряд ли поставили, на асфальте они слишком заметны, а гранатометы и пушки в засаде наверняка припрятали и площадь перед горсоветом прошивают сплошным огнем, через который в светлое время суток не прорваться.

Внезапность — на этом Михаил и построил свой расчет. Бойцам, которых он взял с собой, предстояло имитировать прорыв.

— Главное — побольше шума! — сказал он солдатам, разъясняя план. — Вы атакуете площадь с юга. Особенно не высовываться, себя не подставлять. А я — в обход.

Имитация прорыва удалась. По наступающим, которые, памятуя наставления ротного, старались быть не очень-то на виду, противник открыл ураганный огонь. Михаил же, обогнув здание горсовета, на полной скорости выскочил на площадь и задом подал машину к двери.

— Налетай, братва! Принимай горячие пирожки! — крикнул он, распахивая двери.

Обороняющиеся не сразу поняли, что прибыл свой, а გადავხსი, бросились гурьбой, и работа по разгрузке закипела. Опомнился наконец и противник. На бронетранспортер обрушился шквал огня из пушек и крупнокалиберных пулеметов.

— Шевелись, братцы, — подгонял Михаил таскавших патронные «цинки» солдат. И сам, взвалив ящик на спину, побежал к двери. Над головой с мерзким свистом разорвалась мина. Земля ушла из-под ног. Уронив ящик, Михаил упал.

«Как глупо — в последний момент», — подумал с отчаянием. Попытался встать, качнулся. И потерял сознание.

12

Янош наблюдал из окна за тем, как дерзко пробивался одинокий броник к горсовету, и оценил смелость и находчивость водителя. Прорыв, явно демонстрационный, тоже был организован по-военному грамотно. Операцией руководил толковый командир. Когда же выяснилось, что броник напичкан боеприпасами, тут же бросился помогать в разгрузке. У защитников горсовета оставалось всего по паре рожков на автомат, поэтому приходилось экономить каждый патрон. Противник давно почувствовал, что огонь из здания заметно ослабел, и начал готовиться к штурму. Теперь ситуация резко изменится.

Из машины выскочил военный. Лица Янош на разглядел, мешала всклокоченная борода. С ящиком на спине бородач устремился под крышу, но, сбитый взрывной волной, упал. Янош, не задумываясь, метнулся к лежащему товарищу. Подхватив на руки безвольное и оттого невероятно тяжелое тело, он со всех ног бросился к двери. Вдогонку протарахтела пулеметная очередь. Пули выбили ажурную цепочку отметин на фронтоне здания, но Янош со своей ношей был уже внутри. Бережно положив гвардейца на пол, ощупал его в поисках раны. Крови нигде не было... Янош снова подхватил находящегося в беспамятстве мужика и заторопился в подвал, приспособленный под лазарет. Раненные лежали вповалку на полу. Для подстилок использовали скатерти из столовой и кумачовые полотнища, изъятые из чиновничьих кабинетов.

«Ну и обстановка, не хочешь да окочуришься», — подумал Янош, пытаясь найти для раненого свободное местечко. Чтобы вывести человека из шока, необходим укол — это бывший афганец знал точно.

Оглядевшись, Янош увидел дивчину, с которой пробивался в горсовет. Имя ее позабыл, но это не имело значения, — девушка была в белом халате.

— Привет, спаситель, — узнала она Яноша. — Кого ищешь?

— Тебя. Гвардейцу, который нам боеприпасы доставил, необходимо срочно помочь. Лихой парень, под таким огнем riskнул пробиться.

— Ранен? Куда?

— Думаю, контужен. В шоке он.

— Где лежит?

— У входа. Ты его сразу узнаешь по бородище и усам.

— Найду. А ты мчись на третий этаж. Главный врач сейчас у Матвеевой. Попроси прийти, скажи, просила Илона Нечай.

Теперь и он вспомнил имя девушки. Именно так называла ее Нина Ивановна.

— Если врач будет медлить, скажи Матвеевой, — крикнула Илона вдогонку.

Найти Матвееву оказалось непросто. Он прошел третий этаж, спустился на второй и обнаружил Нину Ивановну в кабинете председателя горисполкома. Окна здесь, как и во всем здании, были задраены фанерой и пропускали с улицы каждый звук. А поскольку там стреляли, разговаривать в кабинете можно было только на повышенных тонах.

Председатель горсовета, бегая по кабинету из угла в угол, почти кричал:

— Посуди сама, Нина, — разве это не геноцид? Что они с городом сделали!.. Консервный завод разграбили и сожгли, а биохимический еще и заминировали. Обувную фабрику уничтожили, хлебобулочный и молочный комбинаты вывели из строя. А люди!.. Люди гибнут не считано!..

Зазвенел телефон. Председатель в гневе сорвал трубку. Некоторое время стоял молча, взъерошив гладко зачесанные русые волосы. По лицу багровые пятна.

— Да пошел ты! — крикнул он и длинно выругался.

— Допекли, — констатировала Матвеева, обращаясь к стоявшему в дверях Яношу. — Матом, что ли, обложили?

— Еще каким, — ответил председатель, — жидамасоном обозвали.

— В сепаратистах ты ходил, в националистах тоже, в пособниках коммунистов — само собой... Плюнь, давай выслушаем моего защитника. Проходи, парень, знакомься. — И, обернувшись к председателю, пояснила: — Это тот афганец, что нас с Нечай в горсовет провел. С каким вопросом пожаловал, друг?

Узнав, в чем дело, Матвеева забеспокоилась:

— Парню, что доставил боеприпасы, грех не помочь. Сейчас разыщу главврача, а ты подожди-ка меня в приемной, друг. Дело к тебе серьезное есть.

Вернулась Матвеева через час.

— Не обижайся, что заставила долго ждать. Могу порадовать: оклемался твой сержант, только уши заложило, но доктор сказал, скоро пройдет. Около него Илонка крутится. Представь себе, контуженный парень — ее жених.

— Чей?

— Илоны, дивчины, что с нами сюда пробиралась.

— Кто бы мог подумать, — улыбнулся Янош. Воодушевление Матвеевой передалось ему: — Я же сам ее к сержанту направил... Неисповедимы пути Господни. А откуда этот сержант вообще взялся?

— Из четырнадцатой армии. Служил прежде там. Сейчас в силу обстоятельств прибился к батальону Носенко.

— Я о таком подразделении не слыхал.

— Объясню. — Матвеева посерьезнела. — Носенко командует одним из батальонов гвардии Приднестровья. Поступила информация, что там не все ладно.

— Снимите комбата — и дело с концом, — посоветовал Янош.

— Просто сказка сказывается... Вовремя не приструнили, наоборот — нахвалили за лихость, за азарт, а комбат принял доброе отношение за разрешение на вседозволенность, казнит и милует подчиненных по настроению и личной воле. Вообще-то Носенко — мужик боевой, грудь в орденах, в Афганистане воевал.

— Я тоже там был, — хмуро заметил Янош. — Опыт имею, награды. Ну и что?

— А то, что не случайно я все это тебе рассказываю. Меры будем принимать. Понял?

— Нет, не понял, — сказал Янош. — Я перебежчик, малознакомый вам человек, личность во всех отношениях подозрительная.

— Ну, служивый, уважил, — улыбнулась Матвеева. — Откровенность за откровенность. Во-первых, то, что ты на границе служил, о многом говорит, во-вторых, лицо твоё — открытая книга, врать не умеешь. Видела я тебя в деле и сделала вывод: труса не празднуешь.

— Спасибо на добром слове, — смутился Янош. — Перейдем к делу. Чем могу помочь?

— Попрошу проводить меня в батальон Носенко. Идти одной, сам понимаешь, не с руки. Брать кого-нибудь из защитников горсовета не имею права, здесь каждый на счету. Да и с тобой идти в логово Носенко сподручнее. Комбат вашего брата, афганца, привечает.

Янош встал, закинул за плечо автомат:

— Я готов. Когда идем?

— Это не моя забота. Обдумай, составь план. Ты телохранитель, вот и командуй.

— Илона тоже с нами?..

— Не возьму, пусть выхаживает суженого. Парень сообщил: Носенко назначил его командиром роты. А прежний где? Толковый был, преданный нашему делу. Понять бы, почему Носенко его сменил. Ну что, идем?

— Куда сейчас на рожон-то? Как кур, снайперá перестреляют. Темноты будем ждать.

— Как прикажешь, командир, тебе виднее!

Фраза прозвучала хоть и шутливо, но искренне. Черт берет этих баб с их интуицией. В сущности, Матвеева права. Янош никогда никого не подводил. Он — человек слова. Но Матвеевой откуда это известно?..

За полночь, когда над городом установилась ломкая тишина, Янош разыскал Матвееву в казачьем штабе, расположенном на втором этаже. Она беседовала с атаманом бендерских казаков, худощавым человеком в очках, похожим на учителя средней школы. Но внешность чаще всего обманчива. Рассказывали, под командованием именно этого атамана группа черноморцев — так они себя называли — пробилась вчера через днестровский мост и прорвалась к горсовету, пополнив ряды защитников. Голос у атамана был пронзительный, в выражениях он не стеснялся и на чем свет стоит клял Кишинев, Москву и всех, кто лезет в Приднестровье с намерением пожить.

— Носенко тоже их ставленник, — услышал Янош. — Он барыга, торгует оружием, наживается на людской беде. Поганый вор твой комбат, Нина Ивановна...

Атамана было бы интересно дослушать, но пора уходить.

— Кто такой? — подозрительно уставился на молдаванина атаман.

— Мой телохранитель, — ответила Матвеева. — Мы сейчас отправляемся к Носенко.

— Смотри в оба, — посоветовал атаман, сердито блеснув стеклами очков. — За телохранителем приглядывай, а уж с Носенко... Попомни, следователь Павлюк — крупная была в прокуратуре личность, но стоило ему заинтересоваться «коммерческой» деятельностью комбата и возбудить против него уголовное дело, как шлепнули мужика, а перед тем, говорят, пытали.

— Ну, мы с Носенко друзья-приятели. Вместе добывали оружие в четырнадцатой армии.

— Дружба дружбой, а табачок врозь, — усмехнулся атаман. — Поберегись, Ивановна, дело говорю...

— Ливень, как по заказу, пошел, — шепнул Янош спутнице, когда они выбрались на улицу и зашагали вдоль здания. — Капéль с крыш и деревьев шаги глушит.

— Глушит — верно: и наши, и вражеских патрулей, — возразила Матвеева.

Янош промолчал, взял женщину за руку и тоном, не терпящим возражения, приказал идти рядом, ступая мягко, на всю ступню. Привыкший что на границе, что в Афгане к ночным вылазкам, он прекрасно ориентировался в темноте, различая, как кошка, в густом мраке деревьев, кюветы, дома.

Встреча с патрулем произошла неожиданно. Они отошли от горсовета достаточно далеко, почувствовали себя в некоторой безопасности. Тут-то перед ними и выросли три здоровенных мужика. По глазам ударил ослепительный луч фонарика. Яношу ничего не стоило уложить всех троих молниеносными десантными приемами, но реакция Матвеевой оказалась более быстрой. Она вскинула автомат и выпустила длинную очередь. Один, самый высокий, вскрикнул и осел, а двое других, упав на землю, открыли ответный огонь. Стрелять на территории, занятой противником, было чистым безумием, на помощь патрулям непременно придет подмога... Янош подхватил спутницу и вместе с ней свалился в кювет. Она было рванулась в противоположную сторону, но Янош зашипел:

— Молчать! Не двигаться!

Война научила его действовать по принципу «до точности наоборот». Это означало поступать не так, как может предположить противник. Патрульные наверняка подумают, что напоровшиеся на них люди постараются как можно быстрее удрать. Отсюда вывод: идти только вперед!

— Лежи, — шепнул Янош, — я мигом. — И ящерицей скользнул по кювету. Метров через десять осторожно выглянул и прислушался.

— Как думаешь, кого лихоманка сюды принесла? — приглушенно проговорил хриплый голос.

— Не бойсь, их туточки вже нема, — отозвался другой. — Пятки салом смазали, а далеко не уйдут. Наши хлопцы перехватят, я по рации передал...

Янош подивился своей догадливости. Словно в воду глядел, предвосхитив развитие событий.

— Может, пойдём? Кажись, тихо.

— А Микола? Забрать бы...

— Нету Миколы, вже не дышит. Ему полчерепушки снесло.

Янош усмехнулся. Неплохо стреляет руководитель женского движения Приднестровья.

Оба патрульных склонились над тем, кто «уже не дышал». Янош бережно положил автомат на землю и прыгнул вперед. Все произошло в считанные мгновения. Прыжок. Выпад в одну

сторону. Ударил ребром ладони по кадыку. Подвеска в другую сторону. И снова разящий удар под дых — в солнечное сплетение. Оба патрульных осели на асфальтовую дорожку и затихли.

После такого напряжения у Яноша затряслись руки. Сделав над собой усилие, он вернулся к кювету, нашел автомат и окликнул Матвееву:

— Путь свободен. Пошли...

— Неужели двоих без единого выстрела? — спросила она и, не дождавшись ответа, заметила: — Не хотела бы с тобой встретиться на узкой дорожке.

И тут Яноша прорвало:

— Я бы тоже никому этого не пожелал! Но почему, почему я, мирный человек, все время влипаю в обстоятельства, когда приходится творить зло? Ненавижу убийство! Ненавижу драки! Будь проклята та война. И эта — тоже...

— Охолонь, телохранитель. Что ж делать? Нас вынудили спасать не столько свою жизнь, сколько других, ни в чем не повинных людей.

— Пустой разговор, я все понимаю, — вздохнул Янош, — пошли отсюда, пока сотоварищи этих патрульных не появились...

Увидев входящую в штаб Матвееву, комбат пошел навстречу.

— Нина? Вот сюрприз. Каким ветром занесло? — спросил он весело, метнув острый взгляд на сопровождающего гостью джужего мужика.

— Разве меня ветром сдуешь? — отозвалась Матвеева. — Должен знать: я всегда там, где горит.

— И то верно. Ты крепка и могуча, — согласился Носенко. — Эй, солдат, — крикнул он ординарцу, — мечи на стол. Гостья у нас дорогая.

Боец послушно вскочил и занялся сервировкой стола, предварительно смахнув на пол огрызки. В мгновение ока на белой скатерти появились копченая колбаса, лососина, килограммовая банка с черной икрой и неперемный коньяк. Янош, давно не видевший таких деликатесов, подумал: кому война, а кому мать родна.

— Этот ординарец у тебя для бытовых или интеллектуальных нужд? — спросила Матвеева, наблюдая за снующим взад-вперед солдатом.

— Уже разнюхала, — буркнул Носенко и помрачнел. — Ну и пронырливая ты баба, Нина.

— Мне такой по штату быть положено, — улыбнулась она, и строгое лицо женщины похоронилось. — А кто из нас пронырливей, еще потягемся.

— Лично я дам тебе фору. Что за амбал с тобой?

— Мой телохранитель.

— Подходящая фигура, — хмыкнул Носенко. — Ты его как используешь: для интеллектуальных нужд или...

— Ты грязные намеки брось, — оборвала Матвеева. — Я баба нормальная и мужика, коли потребуется, всегда найду. А амбал, как ты изволил выразиться, только что жизнь мне спас. Двоих патрульных, как котят, придушил.

На этот раз Носенко посмотрел на Яноша с неподдельным интересом.

— Представься по форме, телохранитель. Афганец? — спросил строго.

— Так точно, товарищ подполковник. Сержант Чепрага.

— Где служил?

— В особом пограничном отряде.

— А воевал?

— Везде пришлось. На Саланге, под Гератом был. Кандагара, Джелалабада тоже не миновал. Границу с Пакистаном помогал ставить.

— Похоже, мы с тобой одни тропинки топтали. Награды есть?

— Красная Звезда и «За отвагу».

— Недурственно. Еще одну рюмаху на стол, ординарец. Валий к столу, боевой товарищ Чепрага. Гостем будешь.

Широким жестом Носенко разлил коньяк, но выпить не удалось. В комнату ворвался запыхавшийся Писарчук.

— Приказ, комбат! — воскликнул он. — Приказ из штаба немедленно взять здание бендеровской полиции.

— Вечно спешат, — раздраженно буркнул Носенко. — Ни выпить со старым товарищем, ни поговорить с красивой женщиной не дадут. Где приказ?.. Эх Сеня, какую ты обедню испортил. Ну да черт с ней, с обедней, возьмем к завтрашнему зданию полиции вкуче с полицией. Выпьем, гости дорогие, на посошок...

— На посошок не пойдет. Я с тобой, — поднялась Матвеева. — Не затем долгий путь одолела, чтоб без серьезного разговора с тобой, Валериан Ярославич, восвояси отбыть.

— Тебе-то что в бою делать? — недовольно спросил Носенко. — Надоела голова на плечах?

— Думала, Валериан, ты меня лучше знаешь, — возразила Матвеева. — Сказала: иду с тобой. Не в моем характере от пули прятаться. Башку проломить может и кирпич, случайно упавший с крыши.

— Ну ладно, — согласился комбат и забросил на плечо автомат. — Ты с нами, афганец?

— Я с ней, с Ниной Ивановной, — усмехнулся Янош.

После укола беспокойно метавшийся до того Михаил притих, задышал ровнее.

— Теперь оклемается, — сказал Илоне врач, хлопотавший над Обутом. — В молодом организме защитные силы велики. Я свое дело сделал. Присмотр за контуженым — ваша забота, барышня.

Врач ушел, оставив Илону одну с любимым. Да она бы все равно ни за что его не покинула. Михаил лежал на том месте, куда его притащил Чепрага... Как красив ее Михась!

Русые волосы потемнели. На лбу — капельки пота. Губы пуңцовые, воспаленные... Илону переполняла нежность к суженому, такому большому и совершенно сейчас беспомощному. Только бы выжил, лишь бы встал на ноги! Не было на свете для Илоны роднее человека, чем этот, совсем еще недавно чужой...

...Михась появился на телеграфе четыре месяца назад. Зашел отправить поздравление маме с днем рождения. Тогда и познакомились. Илона сразу почувствовала: он!.. А прежде не верила в любовь с первого взгляда. Через неделю, в четвертое их свидание, Михась взял ее руки в свои и сказал:

— Я думаю, нам не следует больше разлучаться.

Илону бросило в жар. Смутившись, она тихо спросила:

— Ты сделал мне предложение?

— Да, именно это я и сказал. Ты согласна?

Такой напор не то чтобы ошеломил, но вызвал инстинктивный протест. Решать жизненно важные вопросы с маху — к этому она не была готова.

— Я подумаю, — ответила сдержанно.

— Хорошо, — согласился Михаил без тени улыбки. — Сколько тебе понадобится времени — день, два, неделю?

— Для чего? — не поняла Илона.

— Чтоб решиться...

Она посмотрела на Михася исподлобья. К числу наглецов его не причислишь, рукам воли не дает, но идет напролом, обращается с девушкой, как с солдатом, которому приказал — изволь исполнять.

— А если я, чтобы определиться, потребую год? — спросила.

Взгляд Михася был красноречивее слов, но он все же ответил:

— Пусть год. Я подожду, терпения мне не занимать. Но очень надеюсь, что просто так, из девичьего упрямства ты не станешь тянуть.

И как в воду глядел. Двух месяцев не прошло, как крепость сдалась. Кабы не арест и последовавшие за ним события,

они бы уже поженились. А сегодня... Сегодня, не успев стать официальной супругой, Илона чуть не оказалась вдовой.

Михаил приоткрыл веки. Взгляд, блуждающий по сторонам, остановился на девушке. По лицу пробежала судорога. Молодой человек явно пытался что-то понять, кого-то вспомнить.

— Это я, Михась, я... Любимый, погляди на свою Илону, — зашептала девушка, не сдерживая слезы. — Ты живой, слышишь? Ты слышишь меня?

Он услышал. Он узнал ее. В глазах плеснулась радость, губы беззвучно произнесли — Илонка. Она поняла и, прижавшись к его груди, разрыдалась.

— Что со мной? — спросил Михаил, с трудом разлепив спекшиеся губы. — Я ранен? Куда?..

— Слава Богу, целехонький, — успокоила Илона, приглаживая его волосы. — Тебя контузило. Врач сказал — ты у меня везунчик и скоро поправишься.

— Правильно сказал... Башка гудит, уши ватой заложено... Помоги встать.

— Ни в коем случае. Тебе велено лежать.

— Мне пора в батальон. Там отлежусь...

— Как же пойдешь? — растерялась Илона. — У тебя совсем сил нет.

— Я здоров как бык. Видишь, стою и идти смогу.

— Мы не выберемся из здания!

— Кто это мы?

— Одного не отпущу, хоть убей на месте. Жена я тебе и еще медсестра.

Михаил возражать не решился. Оба были под стать друг другу, обоим упрямства не занимать.

— Где машина? — спросил Михаил, натягивая на голову лежавший на полу танкошлем. — Цела?

— Не знаю. Возле входа так и стоит. По ней не стреляли, незачем решили технику портить — пригодится. Думаешь, удастся завести?

— Попробую. Который час?

— Четвертый.

— Самое золотое времечко...

Добраться до БТР оказалось несложно. Если у противника и были наблюдатели, то в предрассветный час они наверняка потеряли бдительность. Молодые люди беспрепятственно пробрались к выходу. Михаила бросало из стороны в сторону. От слабости дрожали ноги, и он с трудом забрался внутрь машины. «Выручай, родной», — взмолился Михаил, обращаясь к мотору, как к живому существу. Двигатель чихнул раз, другой, вздрогнул, заурчал. От радости Михаил газанул так, что рев разбудил всю округу. Но теперь незачем было таяться.

Проскочив площадь, бронетранспортер влетел в боковую улицу, и Михаил испытал сладостное ощущение свободы и безопасности. Вскоре они примчались в батальон. Поставив БТР у реки под прикрытием крутого берега, Михаил с помощью Илоны выбрался наружу.

В расположении роты их окружили солдаты, приветствуя радостными возгласами:

— Думали, тебе каюк, сержант!

— Машину, говорят, подбили?

— Вид у тебя неважнецкий, командир. Поспать бы, да комбат несколько раз посыльного гонял. Велел доложить, как только обьешься, — сказал старшина роты.

— Спасибо за добрую встречу, мужики, — поблагодарил Михаил. Конечно, это не солдаты его бывшего взвода. Но все же люди неплохие. — Девушку обогрейте и накормите, а я в штаб...

Ординарец, вызвавшийся проводить ротного, провел его сперва по извилистому ходу недавно вырытой траншеи, потом по прибрежным улочкам. По пути успел рассказать, как взвод под личным руководством комбата утром пошел на штурм здания полиции.

— С командиром якая баба была, — сообщил ординарец, — ядреная такая, в камуфляже, при пистолете. Лезла, дура, в самое пекло.

— Так уж и дура? — переспросил Михаил, уловив в голосе солдата оттенок уважительности.

— Не придирайся к словам, ротный. Комбат за нее испереживался. Мы — тоже. Лихая женщина, с понятием. Многим мужикам сто очков вперед даст, потому как характер могучий.

— Матвеева, что ли? Нина Ивановна?

— Она... Однако поспешим, командир, светать начинает. Раньше наступлению дня каждая божья тварь радовалась, а нынче заря кровь предвещает...

Комбат, несмотря на ранний час, бодрствовал и занимался чем-то таким, что требовало уединения.

— Велено никого не впускать, подполковник занят. — С этими словами дежурный по батальону преградил Михаилу дорогу в кабинет.

— Я по вызову. У подполковника на приеме баба? — заинтересовался Михаил. Другой аргумент ему в голову не пришел.

— Еще чего, — фыркнул дежурный. — Баба для него — тьфу. Он пленного допрашивает.

— Сам?

— Начальник контрразведки присутствует.

В этот момент за дверью раздался дикий вопль, прорезавший сонную тишину дома.

— Что бы это значило? — спросил Михаил.

— Командиры развлекаются, — осклабился дежурный.

Новый протяжный вопль огласил утреннее безмолвие. И было в нем столько безысходности, что Михаил, отшвырнул дежурного, ринулся к двери. Влетев в зал, он увидел прикрученного веревками к спинке стула толстяка в изодранной армейской форме. Погон болтался, лицо в сплошных кровоподтеках. Что-то в облике этого прапорщика почудилось знакомое.

Писарчук, развалившись на диване с плеткой в руке, отдышал от несправедливых трудов. Поодаль, угрюмо нахохлившись, стоял Носенко со скрещенными на груди руками.

— Что вы делаете? — крикнул Михаил. — Живодееры, кто позволил измываться над человеком?..

— Молчать, — заорал Носенко. — Дежурный, почему пропустил постороннего. Я приказал — ни-ко-го!

Дежурный невнятно пролепетал:

— Он силой... Он не подчинился...

— Ты что позволяешь себе, Обут? — Носенко с перекосенным лицом шагнул вперед, страшный в своем гневе.

— Лейтенант Обут?.. — это произнес пленный. — Это ты? Боже милостивый, какое счастье, какая удача! Ты меня узнаешь, лейтенант? Погляди, я Рохляков, старший прапорщик их трехсотого полка...

Теперь Михаил вспомнил прапорщика, заведовавшего у кишиневских десантников продскладом. А толстяк, опасаясь, что его прервут, торопливо продолжал:

— Я сам... Я уволился. Наш полк из Кишинева переводят, а у меня тут домик, жена, детишки. Я сам уволился, а меня в тот же день насильно мобилизовали в молдавскую армию. Расстрелом грозили...

— Врет, жирная свинья, диверсант он. Ну, признавайся, сука, — закричал Писарчук и замахнулся плеткой.

Этого Михаил вынести не мог. Подскочив к старлею, он перехватил занесенную для удара руку.

— Не смей! — выдавил гневно. — Не смей бить человека!

— Он не человек. Он враг, — завопил Писарчук. — И ты с ним заодно... — Не помня себя от ярости, начальник контрразведки замахнулся плеткой на Михаила. И зря. Резким ударом ребра ладони по шее лейтенант Обут послал истязателя в нокаут.

— Ты что натворил? — завопил Носенко, хватаясь за кобуру. — Да я тебя сейчас в пыль!..

Михаил похолодел. Он не позволит убить себя. Да и кто такой Носенко, чтобы распоряжаться жизнями людей?.. Едва

уловимым движением лейтенант сдернул с плеча автомат и направил его на комбата.

— Не дрыгайся, — сказал тихо, но с такой яростью, что Носенко поверил: это не пустая угроза.

— И ты посмеешь? — спросил.

— Посмею, ты не оставил мне выбора, — ответил Михаил и взвел затвор. — Оружие на стол!

Носенко подчинился. Пистолет, брошенный им, тяжело плюхнулся в тарелку с квашеной капустой.

— Я долго не верил в то, что про тебя рассказывали, кровавый комбат, — усмехнулся Обут. — А теперь вижу, люди говорили правду. Пристрелить тебя, гада, к сожалению, прав не имею. Дождусь, пока осудят принародно.

— Ты за все ответишь, Обут, — сдавленно прошептал Носенко. — Из расположения батальона тебе не выбраться. Берись!

— Кого пугаешь, комбат? Я давно перестал бояться...

Не сводя глаз с Носенко, Михаил взял со стола кортик, разрезал веревки, спутавшие руки прапорщика.

— Свяжи подполковника, — распорядился он. — Работай в темпе.

Рохляков охотно выполнил приказание, методично связав руки, ноги и в заключение засунув в рот Носенко кляп.

— А с этим что делать? — показал прапорщик на Писарчука.

— Не трать силы, дохлак не скоро оклемается. Займись дежурным, пока я обстановку разведую.

Спеленав перепуганного насмерть дежурного, прапорщик выскочил вслед за Обутом на крыльцо. Над городом во всю разгоралась заря. Начинался новый день. В любую минуту мог прозвучать сигнал тревоги, и тогда не уйти. Нужно было спешить!..

14

Ночной бой батальона запомнился дурацкой суетой. Было непонятно, кто куда стрелял, когда и кого атаковал. Лезли напролом без разведки, без огневого прикрытия. Перли, как Бог на душу положит, — в окна, двери, через подвал. И было удивительно, каким образом удалось захватить здание полиции, выбив оттуда довольно многочисленный гарнизон, укрывавшийся за надежными каменными стенами.

Должно быть, именно безрассудство, помноженное на лихость, обеспечило гвардейцам успех. Уж на что Яноша, привыкшего в любых ситуациях сохранять трезвую голову, и того

охватил азарт. Носенко дал ему под начало штурмовую группу из пятнадцати бойцов и поставил задачу первым ворваться в здание.

— Понял? — спросил настырно. — Первым! Остальное меня не интересует.

«Остальное» означало: всех положи, но выполни. Так действовать Янош не привык. Он обнаружил позади здания пожарную лестницу. По ней бойцы втихую взобрались на второй этаж. Проникнув в здание через окно, ребята оказались в выгодном положении — атаковать сверху всегда сподручнее...

— Ты меня здорово выручил, — сказал после боя Носенко. — Сказано — афганец. Представляю к награде!

— Какой? — насмешливо спросила Матвеева.

— К боевой, конечно. Держи, афганец! — Комбат отстегнул от пояса кобуру с пистолетом и протянул: — Дарю! Эта игрушка мне в бою досталась, бьет без промаха.

Так Янош стал обладателем бельгийского браунинга, оказавшегося действительно стоящим оружием, — в этом он разбирался. Но что делать дальше?

Вопрос, вставший перед Яношем после ночного сражения, требовал быстрого ответа. Носенко предложил ему остаться в батальоне с правом выбора должности. Но война давно осточертела, по ноздри хватило прошлого. На фоне кровавых событий последних дней личная трагедия как-то потускнела. Отодвинулась на второй план, но подспудно жила, время от времени напоминая, во имя чего отправился Янош в тяжкий и опасный путь. Рана, нанесенная смертью Агнешки в самое сердце, продолжала кровоточить. Образ девушки, хоть и несколько затуманенный под напором новых впечатлений, оставался тем не менее самым дорогим. Отомстить за ее смерть, кроме Яноша, теперь и вовсе некому. Война все смешала, перепутала. Властям не до розыска бежавшего преступника. Ну кого сейчас, когда гибнут сотни людей, мог интересовать лейтенант Обут?..

— Воля твоя, — разочарованно протянул Носенко, услышав отказ остаться в батальоне. — Я мог бы, конечно, тебя мобилизовать, но... насильно мил не будешь, а принуждать не хочу. Прекрасно понимаю, как допекла война афганцев. Наверное, в Кишинев подашься?

— Домой не спешу. Намерен кое-кого отыскать, должок есть за мной, — сказал Янош, не представлявший, однако, какие действия в такой каше могут помочь в поиске проклятушего Обута.

— Прощай, афганец, — протянул руку Носенко. — Спасибо за помощь. Последнее задание тебе — проводить даму до места.

— Не беспокойтесь, товарищ подполковник, — заверил Янош. — Доставлю Нину Ивановну в полной сохранности.

Он вдруг сообразил, что, сопровождая Матвееву, приблизится к цели. Танцевать надо от печки. Именно в Тирасполе, куда они сейчас отправятся, имеет смысл продолжить поиск. Там штаб четырнадцатой... Если лейтенант искал убежище в трехсотом десантном полку, почему теперь ему не прибиться к родной части? Товарищи и друзья не откажут в помощи и уж во всяком случае что-то знают о его судьбе.

Матвеева и Чепрага покинули Бендеры рано утром. Закончившийся на рассвете артобстрел города больше не возобновлялся. Снайперы тоже утомились. Двое — мужчина и женщина — шли, прижимаясь к стенам домов, стараясь производить как можно меньше шума. Оба высокие, хорошо вооруженные, неробкого десятка, они все же чувствовали себя неуютно. Тишина действовала на нервы. Угрюмое безмолвие безлюдных улиц вызывало неприятное ощущение подвоха, ожидание удара из-за угла и держало в постоянном напряжении.

Издаലെка слышался басовитый гул самолетов. Он быстро нарастал, словно торопился догнать идущих. Янош, вскинув голову, увидел низко плывущие двадцать девятые МиГи.

— Эти машины с военного аэродрома под Бельцами, — сказал Янош. — Как думаете, куда они направляются?

— Полк передан национальной армии. А летят они на черное дело, — мрачно ответила Матвеева.

— Не может быть, — воскликнул Янош, догадавшись, о чем умолчала Нина Ивановна, но все еще отказываясь верить.

— Посмотри, — вскрикнула Матвеева, — самолеты заходят на бомбежку!

В подтверждение ее слов от МиГов отделились две черные капли, отчетливо видные в ясном солнечном небе, и с нарастающим воем пошли к земле. Самолеты круто взмыли вверх, оставив за собой белый, похожий на лыжню, инверсионный след.

Бомбы разорвались неподалеку, километрах в полутора. К небесной синеве взметнулось два столба пламени, отороченных черным дымом, фонтаны камней, досок, комьев земли. Вздрыгнул и осел белый домишко, запылала крыша другого, вздыбились деревья.

— Сбросили на Порканы, — прошептала Матвеева. — Это пригород Бендер. Там проживают болгары, гагаузы, украинцы.

— Какая разница, кто проживает! — воскликнул Янош. — Они наши, а эти, — ткнул он в небо рукой, — эти хуже Гитлера!..

Дальнейший путь до Тирасполя они прошли без осложнений, если не считать случайной мины, догнавшей их на

левом берегу Днестра. Она разорвалась метрах в сорока, и осколки с визгом пронеслись над головами. Янош успел толкнуть Матвееву в кювет, прыгнул следом, прикрыв женщину собой.

— Спасибо, афганец, — улыбнулась Матвеева, — который раз жива твоими молитвами. Ты куда теперь отправишься?

— Хочу попасть в штаб армии.

— Что ты там забыл?

— Товарища ищу, он в четырнадцатой служит, — неохотно ответил Янош.

— Пустые хлопоты. Тебя даже к КПП не подпустят. Они входы и выходы мешками с песком завалили, пулеметы поставили, будто на армию кто-то собирается нападать.

В ее словах был резон: штаб армии всегда усиленно охранялся, а в такое смутное время тем более.

— Мой совет, Чепрага: отправляйся в комендатуру, — продолжала Матвеева. — Найдешь полковника Вермана. Скажешь, что явился по моей рекомендации. Надеюсь, по старой памяти полковник не откажет в помощи. Мы с ним были добрыми друзьями, а не так давно отношения подпортились.

— По какой причине?

— Слишком много стал брать на себя приднестровский комендант. Особенно с тех пор как определил его на эту должность новый командарм четырнадцатой, не имевший на то никакого права. С той поры и разбежались у нас с Верманом дорожки. Но, справедливости ради, скажу: мужик он приличный, не трус, думаю, поспособствует...

Комендатура располагалась неподалеку от штаба армии. Приземистое угрюмо-серое здание от старости давно осело. Проходящая мимо дорога шла на уровне окон нижнего этажа. В узких коридорах едва могли разойтись два человека. Шаги гулко звучали под низкими каменными сводами.

Заглянув в первую комнату, Янош обнаружил оружейный склад. Пистолеты, пулеметы, автоматы, гранатометы вплоть до трехлинейек образца тридцатых годов лежали навалом. Находящийся при арсенале прапорщик выставил Яноша за дверь и подсказал, где найти коменданта.

В маленькой комнатке, именовавшейся кабинетом, за столом сидел полковник. Встретил он Яноша не очень приветливо. Сухо спросил, кто он и зачем пожаловал. Стало ясно, комендант сейчас во всем откажет. Не полагаясь больше на собственные силы, Янош прибегнул к имени Матвеевой.

— Почему сразу не сказал! — воскликнул комендант. — Рекомендация славной командирши бабьего царства неоспорима.

Красивое лицо полковника с темными глазами и большим с горбинкой носом оживилось. Полные сочные губы расплылись в иронической улыбке. Вероятно, конфликт между ним и Матвеевой не забылся.

— А то, что ты афганец, приятно вдвойне, — продолжал Верман. — Преклоняюсь перед вашим братом... Значит, лейтенант Обут — твой приятель?

— Так точно, товарищ полковник. И он мне очень нужен.

— Обут — личность известная, — усмехнулся комендант. — Но, насколько мне известно, после побега из здания суда он нигде не объявлялся.

— Не совсем так. Лейтенант был в трехсотом полку, — возразил Янош. — А за полчаса до моего прихода ушел.

— Правильно сделал. В Кишиневе оставаться было опасно.

— Думаю, не вернулся ли он в свою часть, — сказал Янош. — Там-то его наверняка укроют.

— Теперь бы вообще под суд не отдали. Новый командарм — человек железный, горой стоит за своих офицеров, а к руководителям Молдовы относится, мягко говоря, без всякого пиетета. Читал в газетах его заявление?

— Не читал, негде было...

— В заявлении сказано: Снегур и вся его клика организовали фашистское государство, а министр обороны Косташ — людоед: вечером мобилизует людей, а утром бросает их в бой. Только с приднестровской стороны убито шестьсот пятьдесят человек и около четырех тысяч ранено. В общем, командарм сейчас ни за что не отдал бы твоего Обути властям Молдовы, потому что лейтенант исполнял свой долг.

Янош мог бы возразить, Обут стрелял в безоружных, среди которых была его Агнешка, но военный комендант его бы все равно не понял. И потому Янош только вновь напомнил о просьбе узнать, не вернулся ли в свою часть лейтенант.

— Вряд ли, — сказал Верман, однако снял телефонную трубку и попросил соединить с ротой спецназа. Разговаривая, он бросал односложные фразы, из которых ничего нельзя было понять. Потом дал отбой и сказал:

— Я оказался прав: в части беглеца нет. Нет — и не появлялся с момента ареста.

В дверь постучали. Вошел посыльный с пакетом. Верман расписался в получении, отпустил солдата. Вскрыв пакет перочинным ножом, вытащил оттуда листок и быстро пробежал глазами текст.

— Вот так новость! — присвистнул он. Удивление было настолько сильным, что он не сумел скрыть его от Яноша: — Ну и финт! Не ожидал. Добрались-таки до гада...

— До кого? — не понял Янош.

Комендант помолчал. Еще раз прочитал документ и, откинувшись на спинку кресла, спросил:

— Послушай, Чепрага, если я правильно уловил, ты прибыл сюда из батальона Носенко.

— Точно. Мы были там с Матвеевой.

— Расположение штаба помнишь? Сможешь туда провести?

— Да в чем, собственно, дело, товарищ полковник? — воскликнул Янош.

Комендант пристально посмотрел на сидящего перед ним здорового мужика, как бы оценивая его надежность, и повернул документ лицевой стороной:

— Читай! Видишь?

— Вижу — ордер на арест Носенко, — сказал Янош.

— Вот именно, ордер на арест. По этому бандиту давно тюрьма плачет. Еще в апреле его хотели арестовать, прокурор санкцию не дал, а начальник управления обороны Приднестровья генерал Кицак ограничился приказом об отстранении от должности.

— В этих играх я ничего не понимаю, — возразил Янош. — Ежели отстранили, то как же Носенко остался комбатом?

— Покровители — великая сила. Особенно те, что куплены с потрохами и здесь, и в Москве. Вот почему Носенко так нагло себя ведет. Генерала Кицака с его приказом о снятии вообще послал по телефону очень далеко.

— Что ж такого натворил подполковник Носенко?

— Много кровавых следов за этим подонком тянется. Он лично участвовал в пытках людей. Я знал двоих — командира роты Козлова и его зама Смирнова. Отличные были ребята, Афган прошли... Они заподозрили, что Носенко сплавляет оружие на сторону с целью наживы, и высказали комбату возмущение. Он объявил их предателями, пособниками румынских фашистов, расстрелял, а потом сжег в машине. Ну да как бы веревке не виться, а концу быть. Теперь не отвертится. Как, сержант Чепрага, пойдешь проводником?

— Пойду. Мне ведь и Матвеева характеризовала подполковника не с самой лучшей стороны. Но, как человек служивый, хочу понимать свой маневр. Попрошу вас, товарищ военный комендант, рассказать все поподробней.

— Уважаю, дело говоришь, Чепрага, — согласился Верман. — У нас есть до выезда минут сорок. Пойдем в бытовку, справимся, по дороге обговорим детали. И дай Бог нам удачи. Носенко изворотлив, крепок, нелегко будет его взять.

— Как-нибудь управимся, — заметил Янош, поднимаясь со стула.

Верман окинул взглядом его атлетическую фигуру и с усмешкой сказал:

— При таком росте и кулачищах вероятность увеличивается!

15

Выбежав за калитку, Михаил оглянулся, не отстал ли Рохляков. Прапорщик бежал, сильно припадая на левую ногу. Лицо в кровоподтеках и ссадинах с запекшимися рубцами на лбу, щеках, подбородке было страшным и могло привлечь внимание любого прохожего.

Оказавшись на тротуаре, Михаил остановился, решая, в какую сторону бежать.

— Почему встал? — тяжело отдуваясь, прохрипел Рохляков. — Мотаем отсюда побыстрей и подальше. Если схватят, нам кранты.

Прапорщик тысячу раз прав, но в роте Михаила с нетерпением ждет Илона. Оставить ее там — значит бросить на съедение псам. Все знают — Илона его подружка. Нетрудно представить, что сотворит с девушкой подонок Писарчук.

— Послушай, мужик, нам придется расстаться, — решительно заявил Михаил. — Мне предстоит сделать малый круг.

— Зачем? — поразился прапорщик. — Это же смертельный трюк...

— Не имеет смысла препираться. Я возвращаюсь в роту, чтобы выручить дорогого товарища. Ты свободен, жми до дому, до хаты. Тебя как кличут?

— Рохляков Илья... Пропаду я в одиночку.

— Я тебе не нянька, Илья, — разозлился Обут, — прощай!

— Не выйдет, — заявил Рохляков. — Хочешь или нет, а я с тобой. Вдвоем завсегда сподручней.

На лице прапорщика была написана решимость. Он не отвел взгляда, сурово поджал толстые губы.

А ничего мужик, подумал Обут с неожиданной симпатией и не стал возражать. Он зашагал быстро, размашисто, Рохляков последовал за ним с трудом. После перенесенных побоев идти ему было трудно, ныла нога, но прапорщик не жаловался, понимая, что от темпа зависит все. Успеют добраться в роту до тревоги, считай, выиграли жизнь, а нет... И все-таки Рохляков не жалел, что увязался за лейтенантом. Тот спас его от мучительной смерти, и отныне они повязаны навсегда. Да и не привык прапорщик жить в одиночку. Армия, в которой Рохляков служил с семнадцати лет, приучила его делать все сообща.

В роте, куда они прибыли через двадцать минут, было пока спокойно, но сигнал из штаба батальона мог поступить в каждую из последующих минут. Дежурный по роте, заведя Обу-та, подскочил с рапортом; никаких, мол, за время отсутствия ротного происшествий не произошло. Знал бы, какое случилось ЧП! Рохлякова удивило, почему дежурный, обратившись к Обуту, назвал того сержантом. Хотел было поправить гвардейца, но вовремя сдержался. И правильно сделал.

Из траншеи выскочила Илона, бросилась к Михаилу. Статная, синеокая, с разметавшимися по плечам смолистыми волосами, девушка была настолько хороша, что Рохляков, забыв о собственных бедах, залюбовался. Нетрудно было догадаться, что это и есть тот товарищ, ради которого лейтенант рисковал головой.

— Уходим. Вопросов не задавай, — шепнул Михаил Илоне и, повернувшись к дежурному по роте, крикнул: — Передай моему заму, я получил спецзадание. Некоторое время буду отсутствовать, пусть по-прежнему остается за меня.

— Есть, товарищ сержант! — козырнул дежурный. — Все до точности передам.

Михаил подтолкнул Илону, кивнул Илье и побежал.

— Объясни наконец, что случилось! — воскликнула Илона, когда они остановились передохнуть.

— Мы влипли в историю, — пробормотал Михаил, присев на корточки. У него сильно разболелась голова, сказывалась контузия, но сознаваться, что почувствовал внезапную слабость, он не имел права. — Поверь, девочка, нам с Ильей нужно сматываться как можно скорее. А ты... Ты давай-ка возвращайся домой, так будет лучше.

— Опять за свое, Михась? — возмутилась Илона.

— Не спорь, родная. Когда ты окажешься в безопасности, у меня развяжутся руки. Ну, пожалуйста, — взмолился он.

— Не трать, кум, силы, бесполезно, — решительно заявила Илона. — Ни за какие радости я тебя больше не оставлю. Рассказывай правду, как на духу.

Сил сопротивляться не было. Михаил пожал плечами и коротко сообщил о событиях, разыгравшихся в штабе батальона.

— Вы связали Носенко? — с ужасом переспросила Илона. — Несчастные, что вы натворили! Это же такой страшный человек, хлопчики. Он нас из-под земли достанет!

— Поглядим, кто кого. Перестань паниковать.

— Ни черта вы, дурачки, не понимаете. Народ не зря прозвал Носенко кровавым.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — пришел на выручку Обуту Рохляков. — Лучше скажи, красавица, куда нам понадежнее схвататься. Ты тутощняя, все сады небось облазила.

Илона покосилась на чужака неодобрительно, однако согласилась: уселись на завалинке у всех на виду, а надо ноги в руки — и тикать. Кто лучше нее знает город? Эти мужики, словно дети, зависят от женской сообразительности.

— Через мост в Тирасполь не уйти, — сказала решительно. — Ко мне домой далеко. Подадимся за город. Бегом, хлопчики.

Боковыми улочками они выбрались к Днестру и двинулись вдоль берега. Миновав окраинные дома, спустились в глубокий овраг и остановились возле полуразрушенного кирпичного строения. Вокруг валялись кучи битой штукатурки, погнутой арматуры. От всего этого веяло запустением, к тому же начал накрапывать дождь.

— Хороша фазенда? — спросила Илона. — Мы здесь в детстве частенько прятались, а старшекласники танцы при свечах устраивали.

— Что тут раньше было?

— Разве не видишь? Лесопильня. Потом случился пожар, и восстанавливать ее не стали: от дороги далеко да в гору тащиться. Внутри и сейчас заржавленная пилорама находится.

В помещении проникли сквозь пролом. Перебрались через кучу железа, наваленную у стены, и очутились под дырявой крышей. Дождь то прекращался, то моросил вновь. Истлевшие доски пола были мокрыми, скользкими.

— Пересидим тут до ночи, — сказала Илона. — А когда стемнеет, попробуем перебраться ко мне.

— Молодец, девочка, стратегически и тактически верно придумала. Для начала все же поищем местечко посуше и устроим Илью. Ему бы чуток полежать...

Крыша оказалась проломленной только с краю, и в следующем помещении обстановка оказалась получше.

— Странно, — заметил Рохляков, с трудом перелезая через бревна, навалом лежащие повсюду. — Если тут никто не бывает, почему нет паутины?

— Илья прав, — согласилась Илона. — Паутина, помнится, всегда висела лохмотьями. И запах здесь какой-то мерзкий. С чего бы?

— Послушай, лейтенант, не провести ли нам разведку, прежде чем на отдых устраиваться, — спросил Рохляков.

— Резонно... Напрягись, Илья, обойди лесопильню снаружи, а я внутри пошурую. Да не забудь перевести автомат на вскидку. Свистеть умеешь? Длинный свист — сигнал опасности.

Тяжело припадая на больную ногу и постанывая, Рохляков выбрался наружу, Илона проводила прапорщика взглядом и тихо сказала:

— Боязно что-то, нехорошее предчувствие гложет.

— Не будь суеверной, Илона, обойдется. Пошли поглядим...

Они находились на складе. Вдоль стен и теперь еще стояли кое-где штабеля досок. В следующее помещение вела железная дверь. Петли, защелки — все заржавело. Михаил напрягся, нажал на створки и вдруг услышал протяжный свист. Они бросились назад, выглянули наружу, не заметили ничего подозрительного и выскочили из помещения. Вдоль стены, соблюдая осторожность, добрались до угла корпуса и увидели прапорщика, стоявшего возле ямы. Рохляков махнул рукой и крикнул:

— Лейтенант, подойди. А ты, Илона, побудь на месте!

— Еще чего, — возмутилась девушка. — Скажи, пусть мной не командует.

— Да останься, раз человек просит, — с досадой сказал Михаил.

Однако это не возымело действия. Илона подошла к Рохлякову и, заглянув в яму, остолбенела. Глаза ее закатились, девушка осела на землю.

— Я же предупредил! — воскликнул Рохляков, помогая Михаилу оттащить от ямы терявшую сознание Илону. — Мения, видавшего виды, и то шандарахнуло.

Картина, представшая перед ними, потрясала. Яма была наполовину заполнена трупами людей всех возрастов. Были они полураздеты, а то и вовсе обнажены. Пулевые пробойны от автоматных очередей разрезали тела вдоль и поперек. У некоторых вспороты животы, раскрыты головы. Молодая женщина лежала, раскинув ноги, в лоно ее был забит деревянный кол...

К горлу Михаила подступила тошнота. В глазах потемнело. Рохляков, тряхнув лейтенанта, тихо, но внятно сказал:

— Хватит глаза пялить. Им уже не поможешь, а нам с тобой есть над чем подумать. Открой глаза и смотри. Как думаешь, из какого материала белая горка состоит, что возле ямы?

— Мел, наверное, — отозвался Михаил, усилием воли отгоняя слабость.

— Не мел, а известь. Причем свежая.

— Ты хочешь сказать...

— Правильно, — перебил Рохляков. — Известь для гашения трупов. С помощью извести убийцы скроют следы преступления. И если они этого пока не сделали, значит, скоро вернуться, да еще с новой партией жертв. Давай смыкаться. Вставай, девушка, — протянул Рохляков Илоне руку. — Хорошо бы успеть твою фазенду досконально осмотреть.

— В складском помещении мы побывали, — сказал Михаил. — Осталось машинное...

С автоматами в руках, прижимаясь друг к другу, они вошли в торцовую дверь. Внутри было сумеречно, но когда глаза привыкли к темноте, увидели лесопильную раму, стоявшую вдоль стены, очищенную от пыли и заботливо смазанную. Увидели также машину, которую кто-то совсем недавно наладил и пустил. Результатом ее работы было то, что висело на зубчатых лентах, валялось на металлическом столе, по которому когда-то подавались доски. Это были куски человеческого тела в лужах застывшей крови. За пилорамой валялись обезображенные трупы — без головы, без ног...

Михаил крепко схватил Илону под руку, но на сей раз девушка стояла будто каменная, только в глазах, огромных, поблекших, замер страх.

Послышался едва внятный стон. Они бросились к трупам и выволокли здорового мужика, подававшего признаки жизни. Илона наклонилась над истерзанным телом и принялась нахлестывать мужика по щекам. Вскоре взор его приобрел осмысленное выражение. Он увидел склонившиеся к нему лица, спросил:

— Кто тут?

— Свои, — ответил Михаил.

— Хорошо. Где... эти?..

— Мы никого не видели.

— Скоро придут. Уходи, дочка... — человеку трудно было говорить. — Я из ОМОНа. Надо срочно своим... Дом советов в Тирасполе и вертолеты. Взорвут вертолеты...

— Машины четырнадцатой армии? — переспросил Михаил. — Я правильно понял?

— Провокация... армия чтоб нас поддержала. Тогда Румыния сможет выступить. Понял?

Омовец уронил голову на кучу опилок, закрыл в изнеможении глаза. А когда вновь открыл, встревожился:

— Вы еще здесь? Уходите...

— Подхватываем его, — скомандовал Михаил. — И деру! Снаружи послышался шум, голоса.

— Поздно, лейтенант, — сказал прапорщик с горечью. — Они уже пришли. Я выглянул, там человек тридцать.

— Может, выскочим с другого конца?

— А с ним как же, с раненым? — спросила Илона.

— То, что он нам сообщил, в сто раз важнее, — пробормотал Рохляков.

— Нет! — крикнула Илона. — Он опять потерял сознание. Человека бросят на пилораму.

Оставлять омовца было преступлением. Так же, как брать с собой — чистейшим безумием, но ничего другого не

оставалось. Михаил с помощью Рохлякова взвалил мужика на спину. Шагать с такой ношей было невыносимо трудно. Ноги дрожали, подгибались, глаза застилал туман. Сжав зубы, с трудом удерживая равновесие, он, сопровождаемый друзьями, прошел складское помещение и выбрался из лесопильни. Позади раздались негодующие вопли. Пришедшие обнаружили их недавнее присутствие.

— Хана! — пробормотал Рохляков. — Сейчас они разберутся, что к чему. Нам не уйти.

Михаил сумел протащить омовца еще метров двести. Потом земля ушла из-под ног, и он рухнул на землю вместе со своей тяжелой ношей.

— Прибыли, лейтенант, к последнему порогу, — сказал Рохляков, опускаясь рядом. — Попал я, как говорится, из огня да в полымя. Что делать будем?

Они находились на склоне. Чуть выше и левее была ложбинка. Перед ней свалка металлолома, мусора, битого кирпича, Михаил знаком подозвал Илону.

— Ты сейчас помчишься к нашим, — сказал твердо. — Не вздумай возражать. Дом советов, военный аэродром — все под угрозой. Акция намечена на пять часов...

— Не могу я от тебя уйти, — разрыдалась Илона.

— Это приказ! — отчеканил Михаил, стараясь не глядеть на родное, мокрое от слез лицо. — Рядом с Носенко стоит батальон гвардии «Днестр». Ты обязана туда попасть и сообщить. Может, еще успеешь привести подмогу.

Илона посмотрела на суженого долгим взглядом, точно прочтаслась навек. Судорожно поцеловала и стремглав ринулась вверх по косогору. Вдвоем с Рохляковым они оттащили не приходящего в сознание омовца, уложили за грудку железа. Сами пристроились по бокам. Боеприпасы поделили поровну: по четыре снаряженных рожка на нос. Патроны нужно было экономить.

Из лесопильни вывалились люди. Они что-то кричали, отчаянно жестикулировали. Сбившись в кучу, заспорили. Потом так же скопом двинулись вверх.

— По-моему, пора, Илья, — сказал Михаил и, поймав в прорезь прицела бегущих, дал длинную очередь.

Как ни спешили Верман с Чепрагой, прибыли они в штаб к Носенко только к трем часам, когда батальон был уже поднят по тревоге. Появись они хоть на двадцать минут раньше, обнаружили бы связанного дежурного с кляпом во рту, спеленутого Носенко в собственном кабинете и валяв-

шегося на полу в отключке начальника особого отдела Писарчука.

Но поезд, как говорится, ушел. Писарчук пришел в себя, подгоняемый проклятиями комбата подполз к нему и зубами разгрыз веревку. Освободившись, тот вскочил и, не помня себя от ярости, зарычал:

— Найду сволочугу, шкуру с живого спущу!

Писарчук никогда еще не видел Носенко таким разъяренным. И неудивительно: никто никогда не наносил шефу такого страшного оскорбления. Обнаружив в приемной связанного дежурного, Носенко, что есть силы, пнул того ногой, приговаривая:

— Раззява проклятый! Убью, с дерьмом смешаю! Разжалую в рядовые, в окопе сгною! Звони сейчас же повсюду, поднимай батальон по тревоге. Пусть ищут лейтенанта Обута! А черт, не Обута, сержанта Степанчика!

Вернувшись в кабинет, Носенко устало плюхнулся в кресло и презрительно бросил:

— Тебе, Писарчук, только с бабами да с безоружными пленными воевать, а против стоящего мужика кишка тонка. Слабак ты оказался на деле... — Носенко покрутил ручку стоявшего на столе полевого телефона, вызвал первую роту: — Ваш командир на месте? — спросил. — Был? Куда ушел? Немедленно за ним в погоню. Захватить живым или мертвым!

Он бросил трубку на рычаг и снова повернулся к Писарчуку:

— Слышал? Обут заходил в роту, забрал свою девку и ушел. Прапорщик с ними. Тебе объяснить, Сеня, что надо делать?.. Не дай тебе Бог упустить Обута. Упустишь, самознакомишься со своими методами допроса. Клянусь!

Писарчук вздрогнул. Он хорошо знал способы пыток, которые сам разработал и проверил на арестованных и приговоренных к смерти. Превозмогая себя, Писарчук встал. Боль в животе была ужасной. Десантник точно знал, где находится солнечное сплетение.

— Не гневайся, Валериан Ярославич, — выдохнул он. — Я этого висельника достану. Не вернусь, пока нашего обидчика в порошок не сотру. Душу дьяволу продам, но... Короче, можешь считать лейтенанта покойником!

— Смотри, Сеня, как бы он прежде тебе шею не свернул, — поморщился Носенко, презиравший хвастовство.

Писарчук скрылся за дверью. А вскоре с улицы донесся шум подъезжающей машины. Носенко прислушался. Внезапных визитов он не любил. Интуиция подсказала: появление неожиданных гостей не к добру, нужно приготовиться...

Кобура была пуста. Проклятуший Обут утащил пистолет. Носенко открыл сейф, вытащил короткоствольный десантный автомат.

В комнату без стука вошел полковник Верман. С военным комендантом Носенко был знаком давно. Особых симпатий друг к другу они не питали, но внешне добрые отношения поддерживали. С точки зрения комбата, Верман был зазнавшимся чинушей, не по заслугам получившим высокий в республике пост. Подумаешь, велика доблесть — участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Сидел небось в безопасности да бумажки подшивал, а орден наверняка получил за то, что лизал начальству пятки.

Нет, он не завидовал Верману — до такого мелочного чувства Носенко опуститься не мог, но относился к нему, как к выскочке, с насмешкой и презрением. Если по совести, то у него, подполковника Носенко, куда больше прав занять должность военного коменданта Приднестровья. Тогда бы он вернулся!..

— Салют высокому начальству! — приветствовал Носенко гостя. — Какая нужда привела тебя в мою обитель?

Говорил он с улыбкой, но на душе кошки скребли. Очень не понравилось, что вслед за комендантом в комнату вошли два солдата-автоматчика и тот самый афганец, что сопровождал Матвееву и отказался остаться в батальоне, несмотря на оказанные ему милости.

Комендант поздоровался сухо и не протянул руки, что было совсем уж паршивым признаком. Комбата обдало жаром. Страха не было, скорее злость. Так просто он им не дастся... На всякий случай Носенко незаметно сдвинулся вправо, поближе к окну. Стекла одинаковые, рама тонкая...

— Жду объяснений, господин комендант, — насмешливо сказал он, провоцируя Вермана на решительные действия.

— Пришел конец твоим художествам, комбат, — четко произнес полковник. — Сдай оружие. Ты арестован!

— Чтобы на фронте обезоружить действующего командира, нужны веские основания, — спокойно возразил Носенко. Он тянул время, понимая, что комендант пришел не с пустыми руками. Не тот человек Верман, чтобы решиться на арест по собственной инициативе.

— Перестань, подполковник, — в сердцах сказал комендант. — Вот ордер на твой арест.

Носенко взял протянутую бумагу, развернул и придвинулся поближе к свету. Тело его напряжилось. В следующую секунду, втянув голову в плечи и выставив ствол автомата, он прыгнул в окно. Посыпалось разбитое стекло. Рама вылетела целиком. Вслед за ней вывалился Носенко. Упав, он уда-

рился о камень, вскочил и, петляя между деревьями, ринулся к забору, ограждавшему сад.

Никто не ожидал от комбата такой прыти. Никто, кроме Чепраги, обладавшего той же мгновенной реакцией, как и Носенко. Оттолкнув автоматчика, он ласточкой прыгнул в окно. Комбат бежал метрах в тридцати, и его ничего не стоило догнать пулей, но стрелять Янош не стал. Пусть Носенко преступник, а все же свой брат-афганец. Ломая кусты, он бросился следом, догнал грузноватого подполковника у ограды и в прыжке коротким ударом повалил на землю.

Подбежали автоматчики, за ними — запыхавшийся Верман.

— Встать! — заорал он. — И не вздумай еще раз бежать. Пристрелю!

Носенко медленно поднялся.

— Ну стою, — сказал хмуро и, повернувшись к Чепраге, укорил: — За что ты меня так, братишка?

Яношу стало не по себе. Он уже пожалел, что задержал подполковника. Какое ему, собственно, дело до того, что совершил этот человек явно неробкого десятка. Чуть не сказал: прости комбат, но вовремя прикусил язык.

— Связать арестованного! — распорядился Верман.

— Не надо! — попросил Носенко. — Больше не побегу.

— Выполняйте приказание! — прикрикнул комендант, серьезно опасавшийся непредсказуемости арестованного. И тут Янош не удержался. Повернувшись к Верману, сердито бросил: — Зачем офицера спутывать? Он же слово дал?

— Спасибо, афганец! — с чувством проговорил Носенко. — Не повезло мне сегодня дважды. Первый раз часом раньше уже скручивали, да выпутался. Комбат Носенко, как Колобок из детской сказки: от бабушки ушел, от дедушки...

— Со мной больше никакой номер не пройдет, — перебил Верман. — Тем не менее интересно, кто посмел на тебя замахнуться.

— Ваш Обут. Слышал о таком?

— Обут? — Яношу показалось, что он ослышался. — Послушайте, товарищ подполковник, лейтенант Обут у вас служит?

— Служил. Недолго. А потом взбунтовался. Порядки ему мои не по нраву пришлось, вот он и поднял на командира руку. Зря поднял, по его следу уже идут.

— Начальника контрразведки в погоню снарядил? — спросил Верман. — То-то он промчался мимо, аки заяц. Я его видел, когда сюда направлялись.

— Где это было, товарищ полковник? — проговорил Янош.

— В двух кварталах отсюда, — ответил Верман. — Тебе-то зачем этот гусь?

— Не гусь — Обут нужен.
— Так вот кого ты искал, афганец? — воскликнул Носенко. — Давно бы со мной откровенно поговорил. Зачем тебе Обут? Обидел, что ли?

— Не то слово, товарищ подполковник. Жизнь он мою сломал.

— Понятно, — протянул Носенко. — Тогда вот что, афганец, не далее как час назад Обут был в первой роте. Оттуда ушел вместе со своей девкой и нашим пленным — прапорщиком Рохляковым.

— Рохля с ними?

— Ты и его знаешь?

— Более чем достаточно.

— Тем лучше, троих легче искать. Писарчук, если еще не вышел на след, то наверняка близок к цели. Нюх у него волчий. Расквитайся с Обутом и за меня.

— Постараюсь, товарищ подполковник, — пообещал Чепрага, — лишь бы его найти. — Он повернулся к Верману: — Я выполнил обещанное, товарищ военный комендант, а теперь ухожу.

— Спасибо за помощь, Чепрага, — поблагодарил Верман. — Желаю тебе удачи, но дам совет, противоположный комбатовскому: с Обутом разберись. Не тот он человек, чтобы по прихоти зло делать. Обдумай хорошенько свои намерения. Как бы потом не пожалеть. Сделанного ведь не воротишь!

17

В первой роте, куда Чепрага примчался буквально через несколько минут после того, как расстался с арестованным Носенко, старшего лейтенанта Писарчука он не нашел. Да, был тут начальник особого отдела, расспрашивал про сержанта Степанчика, потом быстро умотал, а куда — не ведаем.

На кой бес понадобился Писарчуку какой-то сержант. И почему сержант — командир роты? Тут что-то не так. Степанчик... Янош уже слышал эту фамилию, только не помнил когда. Где же теперь искать след?

Выручил старшина роты, оказавшийся местным жителем.

— Они к Днестру потопали, браток, вон в ту сторону, — показал старшина на виднеющийся вдали косогор. — Дивчина их повела, что со Степанчиком была.

— Кого — их?

— За ротным старший прапорщик с разбитой рожей следовал, весь в синяках. Старший лейтенант Писарчук тоже туда

подался, — словоохотливо продолжал старшина, кивая все на тот же кособок, отлого спускающийся к берегу.

— А что в той стороне находится? — поинтересовался Чепрага как можно равнодушной.

— Ничего особенного. Окраинные дома, сады, небольшой затон с рыбачьими лодками. А дальше и вовсе пусто, окромя лесопильни. Но туда навряд ли кто сунется. Место гиблое, пользуется дурной славой. Намедни полиция там два трупа обнаружила. Ты братишка, зайди в соседний батальон, — посоветовал на прощание старшина. — Он как раз в направлении на лесопильню позиции имеет. Хлопцы там глазастые, может, чего и видели. Скажешь, что от меня, — помогут.

Советом старшины имело смысл воспользоваться, тем более что это было по пути. Лесопильню Янош решил обследовать так или иначе. В батальоне «Днестр» ребята действительно оказались приветливые. Они видели двоих в форме, часа два назад пробиравшихся вдоль берега. И девка с ними была... А не так давно там же какой-то хмырь проскочил. Один гвардеец его в бинокль хорошо рассмотрел: худосочный старлей, соплей перешибешь.

Взял-таки след собака Писарчук. Следовательно, и он, Янош, идет по правильному пути. Только бы успеть предупредить старлея, а то натворит что-нибудь жуткое, и Янош придет к шапочному разбору.

Тропинка, петляя, вывела его к густому кустарнику, устилавшему склон. По рассказам ребят из батальона «Днестр», которых он расспросил, прежде чем отправиться в путь, отсюда до лесопильни всего ничего, рукой подать. Перемахнешь пригорочек, сказали, за ним будет овраг. Спустишься в него — и ты у цели.

Продираясь сквозь колючие кусты, Чепрага быстро поднимался по кособоку. В небе, выискивая добычу, парили две черные птицы. Обстановка вокруг была спокойной, умиротворяющей и настраивала на благодушный лад. Не верилось, что идет война и льется человеческая кровь. Именно поэтому далекая автоматная очередь, нарушившая сонную послеобеденную тишину, заставила Яноша вздрогнуть. Стрельба донеслась оттуда, куда он направлялся. Неужели Писарчук?

Очередь повторилась, за ней еще одна. Потом заговорило сразу несколько автоматов. Наметанным ухом Янош различил: стучат не два-три ствола, а поболее, что не походило на дуэль Писарчука с Обутом.

Чепрага остановился. Стоит ли идти дальше и снова ввязываться в кровавые события, до которых ему нет никакого дела? И он собрался повернуть вспять, как услышал приглушенное мычание. Ломая кусты, Янош бросился вперед и наткнулся на связанную девушку. Лежа на земле, она

извивалась всем телом. Испарапанное лицо было в крови, во рту кляп. Янош приподнял ее, вытащил кляп и только тут узнал:

— Илона? Ты как здесь очутилась? Кто тебя?..

— Господи, Янушек, соколик, развяжи. Небо тебя прислало. А связал меня гадина Писарчук. Обещал вернуться, сволочь. Убьет ведь, а мне позарез нужно бежать...

— Куда ты спешишь, дивчина? Смерть по пятам следует, а ты от нее думаешь убежать? — Янош, приговаривая, развязывал веревки и ремень. — Старуху с косой не обманешь, проклятую...

— Не хорони меня, Янушек, я живучая. А бежать надо в батальон «Днестр». Оттуда передам по радиации такое, что жуть берет. Одна банда готовит взрыв Дома советов в Тирасполе, другая нацелилась на уничтожение военных вертолетов.

— Вертолеты зачем? — спросил Янош, сбитый с толку.

Оправив платье, Илона стерла ладонью кровь с расцарапанного лица и с чувством расцеловала Чепрагу:

— Господи, спаситель ты мой! Как вовремя подоспел. Ну, я побегу.

— Подожди, дивчина, объясни, причем тут вертолеты? — попросил Янош, прислушиваясь к доносившейся перестрелке.

— Чтобы втянуть в конфликт армию и развязать руки Румынии. Понял?

— А за бутром кто воюет?

— Там опоновцы, полицаи. Они туточки место облюбовали для расстрелов и пыток, а мы напоролись... Ой! — глаза Илоны расширились. — Туда же Писарчук пошел. Он может напасть сзади, и наши окажутся между двух огней. Выручай, Янош!

— Кто это наши? — машинально спросил он. Только сейчас до него дошел ужас случившегося: возле горсовета он спас от смерти лютого врага, убийцу Агнешки. Сержант Степанчик есть не кто иной, как лейтенант Обут. А Илона его невеста или жена...

Это был удар ниже пояса. Янош обессилел. Обхватив голову руками, он опустился на землю и застонал. Вражина был рядом. С ним давно можно было расправиться, а он помогал ему выжить, рискуя собственной шкурой?! Идиот, деревенщина несчастная...

— Тебе плохо? — встревожилась Илона. — Ты не ранен?

Чепрага мотнул головой, промычал нечто нечленораздельное. В горле стоял ком. На душе — мрак.

— Тогда я побежала, — сказала Илона, — а ты поспеши. Ну пожалуйста, прошу тебя, миленький, удержи эту тварь Писарчука. Да встань же ты наконец!

Она подхватила Чепрагу под руки — откуда только силы взялись в хрупком девичьем теле.

— Янош, соколик, ты такой сильный. Ты смелый! — умоляла Илона.

Женские слезы — этого он перенести не мог. Избегая взгляда Илоны, Янош выпрямился.

— Иди, дивчина, — выдавил он. — Сделаю, что смогу. А ты беги. Держись берега, опасайся встречи с чужаками...

Провожая взглядом уходящую девушку, Янош подумал: как похожа на Агнешку, глаз не оторвать. Тяжело вздохнув, он медленно, словно на ногах были тяжелые гири, побрел вверх по косогору. На душе было мерзко. Куда он идет? Зачем? Что стоило ему прежде поймать Обути в прицел и нажать на спусковой крючок? Привычное дело, сотни раз изведенное. В Афгане человеческая жизнь порой не стоила и гроша... Давно бы выполнил поставленную перед собой цель и со спокойной совестью вернулся домой. Так нет, судьба уготовила ему встречу с вражиной лицом к лицу, а совесть велит выручать брата-афганца в бою. Да еще Илона. Или Агнешка... Все перепуталось, все сомкнулось.

Автоматные очереди, с новой силой ворвавшиеся в сознание, вывели Яноша из столбняка. Он вернулся в реальность, прибавил шаг. Но попасть под случайную пулю было во всех отношениях глупо, и Янош притормозил — решил передвигаться короткими перебежками, а то и вовсе по-пластунски — быстро и беззвучно.

На Писарчука Чепрага наткнулся внезапно. Не будь он столь искусным разведчиком, вполне мог проползти мимо. Старлей лежал в ямке, высунув из-за кустов острый нос. Его комбинезон цвета хаки сливался с травой. Конечно, старлея можно было легко убить, но убивать просто так, без нужды и без злости, Янош не умел. И не его дело выносить человеку приговор. Пусть те, перед которыми он виновен, судят и кают. Ну а спеленать не грех...

Чепрага в прыжке упал на Писарчука сзади. Тот и пикнуть не успел, как был связан своим же брючным ремнем.

— Придушить бы тебя, гада, — сказал Янош, — да рук не охота марать о такую мразь. Час твой придет, помани мое слово...

Поискав, чем заткнуть Писарчуку рот, Чепрага оторвал ворот от его комбинезона и с удовольствием заткнул пасть, изрыгающую проклятия.

Стрельба у лесопилки между тем набирала силу. Янош прислушался, пытаясь определить, кто откуда стреляет. Два ствола вели огонь из ложбины на склоне. Позицию ребята выбрали удачную. Ничего удивительного: опыт имеют.

Янош приблизился к ложбине, увидел слева лежащего к нему спиной толстяка. Это был Рохля. Обут, расположившийся по другую сторону горки из металлолома, оказался более бдительным. Он сразу уловил шумок в траве и, перекатившись, нацелил ствол автомата в сторону Чепраги.

— Свой я, мать твою! Не стреляй! — закричал Янош. — Меня Илона сюда направила.

— Ты где ее встретил? С ней все в порядке?

— Теперь да, — усмехнулся Чепрага. — Кабы не случай, сыграл бы с Илоной Нечай Писарчук кровавую свадьбу.

— Я твой должник. Спасибо за выручку. Где сейчас Писарчук?

— Угомонился. Мешать больше не будет.

— Как же он нас выследил?

— Опытная ищейка... Да и не так это сложно. Я тоже, как видишь, здесь.

— А ты... Ты тоже нас искал? Зачем?

Чепрага поглядел в глаза Обуту долгим тяжелым взглядом. С мстью покончено. Но правду сказать он имеет право. Должен же лейтенант узнать, что натворил. Должен...

— Я разыскивал именно тебя, — сказал он тихо. — Просто не знал, что ты это ты.

— Не понял.

— Сейчас поймешь. Ты мою невесту убил.

— Я?! Ты что-то путаешь, братишка!

— Нет, лейтенант. Мою Агнешку сразила твоя пуля. Она была в толпе, осаждавшей оружейный склад.

— О Господи!..

Обут привстал на колени, положил на землю автомат. Янош молчал, говорить было не о чем. У него не осталось злости — ушла, растаяла, осталась тоска. Тоска, раздирающая грудь. И он понял, что творится в душе этого совершенно незащищенного перед ним парня. Янош мог сделать с ним что угодно. А так ли виноват молодой лейтенант Михаил Обут? Война...

Минута молчания подошла к концу. Со стороны лесопилки зашевелились. Теперь их стало поболее, прибыло подкрепление.

— Кто там внизу? — спросил Чепрага.

— Полиция особого назначения.

— Кишиневская?

— Опоновцы оттуда.

— Так давай отходить?

— У нас в укрытии человек истекает кровью. Его пытали.

— Это он сообщил о диверсиях?

— Он... Да и прапорщик не ходок.

— Рохля?

— Рохляков Илья, — поправил Обут. — Ранен он, бок зацепило. Хороший мужик, надежный.

— Выходит, отходить не имеем права, — подвел Чепрага черту.

— Тебя это не касается. Как пришел, так и уходи. Мы огнем прикроем.

— Здорово придумал. Я ухожу, а ты с Ильей останешься концы отдавать? Мы ведь с ним сослуживцы, еще до Афгана на заставе кашу из одного котелка хлебали.

Обут пожал плечами, аргументы были исчерпывающими. Устроившись поудобнее, он положил автомат на импровизированный бруствер, прижал приклад к плечу. Чепрага пристроился рядом.

— Подпускаем поближе, — сказал он тихо. — Как в Афгане. Помнишь?

— Помню, пока жив. Пора, братишки, огонь!

Три автомата застучали одновременно...

1993 г.

Москва

СЕЛО МИЛОСЕРДИЯ

*Вам, счастливо живущим под мирным
небом, завещаю вечно хранить память о
народных подвигах минувшей войны.*

Автор

1. ГОРЬКАЯ ДОРОГА

Киев горел. И без того серое, затянутое низкими давящими облаками небо едва просматривалось сквозь дым. Зловещие отблески пожарищ мрачно мерцали в зеркальных стеклах немногих сохранившихся в городе витрин, окрашивали стены зданий в одинаковый рыже-сизый цвет.

Горели окраины с их старыми, обветшавшими домишками. Горел центр с его массивными каменными зданиями. На всех этажах из оконных и дверных проемов с ревом било яростное пламя, заставлявшее людей шаракаться к середине улицы.

Вместо того чтобы обуздать, укротить разрушительную стихию, обрушивающую на тротуары подточенные огнем балконные стропила, рваные словно раскаленные в доменной печи железные полотнища крыш, народ с опаской обегал эти места.

Бой шел где-то в юго-западном предместье. Сквозь сплошной гул доносившейся оттуда канонады уже различался треск пулеметных очередей. Снаряды рвались на территории Лавры, возле Владимирской горки, залетали на Крещатик и даже на Подол, круша, сметая хибары, сарайчики, складские помещения, тесно лепившиеся к Днепру.

По улицам торопливо шагали группы солдат. Одни шли, тесно прижимаясь друг к другу, словно боялись растерять монолитность армейского подразделения, составляющего их силу; другие — разрозненными цепочками, каждый сам по себе. Мелькали каски, пилотки, фуражки, шлемофоны, бескозырки. Тут были представители всех родов войск: пехота-матушка в измызганном пропотевшем обмундировании; «безлошадные»

танкисты, оставшиеся без своих грозных сторовших или подбитых в бою машин; десантники с голубыми петлицами — все рослые, косяя сажень в плечах, и даже моряки в широких, хоть и потрепанных, но не потерявших шика клешах — остатки героически сражавшегося за Киев Днепровского отряда Пинской флотилии.

Кавалерийский отряд с трудом продирался сквозь плотный разношерстный поток войск, не желавший никому, даже конным, уступать дорогу. Тяжело груженные повозки с военной амуницией, обтекаемые пешими, громыхали по развороченной булыжной мостовой, подчиняясь общему темпу движения. Натужно гудели тягачи, волочившие гаубицы.

Весь этот людской поток и техника стекались к Днепру и скапливались у переправ, над которыми неутомимо кружили «юнкеры». Рев сирен, свист бомб, разрывы, торопливое буханье зениток сливалось в сплошной, рвущий душу вой.

Во дворе Октябрьской больницы, где размещался 151-й медико-санитарный батальон 147-й дивизии, входившей в Киевский укрепрайон, шла эвакуация раненых. Суматошно хлопали входные двери, пропуская носилки. Санитары, врачи, медсестры без различия возраста и звания бегом устремлялись к машинам, выстроившимся вдоль каменной ограды. Там казалось безопасней: кирпичная стена хотя бы с одной стороны защищала от осколков. Носилки стремительно задвигали в крытые кузова, и медики, обгоняя друг друга, устремлялись в здание за следующей партией раненых.

Мест в машинах уже не хватало, и носилки приходилось ставить на землю. Раненые нервничали, норовили вскочить, громко ругались. Их успокаивали, укладывали на место в ожидании подвоя. Медсанбат, отступая с дивизией от Шепетовки, потерял при обстрелах и бомбежках много машин, их заменил гужевой транспорт, мобилизованный у местного населения.

Врач медсанбата Рафаэль Поповьянец беспомощно смотрел на страдания бойцов. Напротив больницы горел старинный особняк. Удушливый черный дым, валивший из его окон, заползал во двор, вызывая надсадный кашель. В помещении людям легче, но был получен приказ о срочной эвакуации: враг приближался к городу.

Мысль эта не укладывалась в сознании. Более двух месяцев оборонялась столица Украины, сковывая огромную группировку фашистских войск. Немцы бросили на штурм Киева десятки дивизий, полмиллиона солдат, но взять его в открытом бою так и не смогли. Более того, к середине августа нашим частям удалось отбросить гитлеровцев на юго-западе.

Выезжая по заданию командования на полковые медицинские пункты, располагавшиеся вблизи передовой, Поповьянец воочию убедился: фронт отодвинулся от Жулян, Совков и Мы-

шеловки, где он проходил в конце июля, на дальние подступы к городу — на линию Пирогово — Хотин — Юровка — Тарасовка. И вдруг — отход!

Рафаэль Поповьянц, всего лишь врач медсанбата — красноармеец, не знал, да и не мог знать, насколько трудная сложилась обстановка на данном участке фронта. Сосредоточив огромные массы войск, фашистское командование решило нанести рассекающие удары во фланг ослабленным в предыдущих боях армиям Юго-Западного фронта. Из района Кременчуга в северо-западном направлении обрушилась 1-я танковая группа генерала Клейста. Навстречу ей устремилась 2-я танковая группа Гудериана, выделенная из состава войск, наступающих на центральном направлении. Это, конечно, задержало продвижение немцев на Москву, создав дополнительную возможность подготовиться к ее обороне и к последующему контрнаступлению, но для Юго-Западного фронта стало катастрофой. К середине сентября 1941 года, когда танковые армады Клейста и Гудериана соединились южнее Конотопа, три армии оказались окруженными. Дальнейшая оборона столицы Украины таким образом становилась бессмысленной. 18 сентября войска, оборонявшие Киев, получили приказ ставки Верховного Главнокомандования оставить город и, прорвав вражеское кольцо, занять оборону на заранее подготовленном рубеже по реке Псел, что было уже практически невыполнимо. Гитлеровцы плотно обложили части Юго-Западного фронта, и им предстояло пройти сотни километров по занятой врагом территории, практически не имея боеприпасов, продовольствия и боевой техники, потерянной в предыдущих сражениях...

Над городом снова — в который уж раз — появились немецкие бомбардировщики. Они шли плотным строем, заметно снижаясь. Поповьянц с тайной надеждой оглядел небо: нет ли хоть нескольких наших «ястребков», которых фашистские стервятники побаивались. Накануне Рафаэль видел, как перед внезапно вынырнувшими со стороны солнца «мессершмиттами» оказался один «ястребок». Ему бы впору уклониться от боя, дожидаться подмоги, а он вдруг резко взмыл кверху и бросился в атаку. Это было настолько дерзко, что строй «мессершмиттов» от неожиданности рассыпался. Два стервятника вскоре запылали и врезались в землю. Остальные повернули вспять.

Позже один из раненых авиаторов, случайно попавший к ним в медсанбат, рассказал, что летчика, принявшего неравный бой, звали Владимиром Карелиным, и был он из 2-го истребительного полка 36-й авиационной дивизии, геройски охранявшей небо Киева.

Но сейчас ни один «ястребок» не помчался навстречу «юнкерсам». Все уцелевшие самолеты были заняты обороной переправ. На жилые кварталы посыпались бомбы. Одна разо-

рвалась совсем близко, у дома напротив. Брызнули осколки битого кирпича, рухнули с фронтона скульптурные драконы. Двор больницы снова окутало едким дымом, в котором на некоторое время потонуло все живое.

— Торопись! — послышался начальственный голос. — Грузить раненых на подводы! Уплотняйте максимально...

Поповьянц с санитаром подхватили очередные носилки и понесли к воротам, где беспокойно ржали впряженные в телегу перепуганные бомбежкой лошади.

— Доктор, помощи... Нутро горит! — попросил боец. Он лежал, неудобно свесив ноги. Дыхание со свистом вырывалось из забинтованной груди. Губы растрескались.

— Потерпи, дорогой! — попросил Поповьянц, осторожно, чтобы не причинить лишней боли, укладывая раненого на повозку. Чувство бессилия не покидало. Обработывая раны, вытаскивая осколки, сшивая, бинтуя, он так верил, что его подопечные выздоровеют. Для этого делалось все. Но оперированным нужен был покой. А о каком покое могла идти речь, если на создание условий, необходимых для эвакуации раненых, не оставалось времени. В город вот-вот могли ворваться немцы. Врачей предупредили: арьергард, сдерживающий врага на окраинах Киева, давая возможность войскам отойти за Днепр, держится из последних сил.

— Помираю! — простонал раненый, и в горле у него заклокотало. — Водички бы испить, доктор...

Откуда-то сбоку вынырнула тонкая девичья фигура, перепоясанная командирским ремнем. По огненно-рыжим волосам, выбившимся из-под пилотки, Рафаэль узнал военфельдшера Бумагину. Склонившись, она приложила к губам раненого флагу и разрешила сделать несколько глотков.

— Вы почему не в операционной? — спросила Бумагина. — Туда лейтенанта доставили с осколочным ранением в живот.

Поповьянц отвел взгляд, сказал глухо:

— Я там был. Поздно...

За два с половиной месяца боев ему, молодому хирургу, пришлось оперировать сотни раненых. Казалось бы, пора привыкнуть к тому, что не всех удавалось спасти. А он не мог. Когда раненый, попавший на операционный стол, оказывался безнадежным, Поповьянц чувствовал себя виноватым.

— Не растревляйте себя, Рафаэль Степанович. Медики не боги. — Она мягко тронула его за локоть. — Сейчас отправляются последние машины. Нам тоже пора, а то отстанем...

Они пересекли обезлюдевший, притихший больничный двор, только недавно оглашавшийся криками и стонами, вышли за ворота и торопливо зашагали по кривой улочке, полого сбегавшей к Днепру. Оба молчали.

Бумагина думала о родителях — об отце, старом рабочем-металлисте, о маме... Несмотря на все уговоры, оба не эвакуировались, а в Кривом Роге теперь фашисты...

Мысли Поповьянца были о другом. Он увидел бежавших по противоположной стороне улицы подростков в черной форме фэзеушников. И вспомнилась юность, такая сейчас далекая... Рафаэль тоже закончил фабрично-заводское училище в тридцать четвертом году и пошел токарем на завод. Полученная специальность ему нравилась. Работать с металлом, когда точность обработки рассчитана до микронов, необычайно интересно. Но однажды паренька остановил парторг цеха: «Послушай, Рафаэльчик (его, маленького, худощеого, все тогда так называли), ты не задумывался над тем, чтобы учиться дальше? Мы тебя можем на рабфак направить...» «Это еще зачем? — удивился он. — Мне и так хорошо...»

Парторг согласился: «В рабочем коллективе плохо быть не может». Потом, хитровато прищурившись, добавил: «Только гляжу, из заводской читальни не вылезаете. Верно? Значит, прямой тебе путь в институт...»

...От быстрой ходьбы у Поповьянца раскрутилась обмотка. Он остановился, чтобы поправить ее. Рафаэль служил с сентября сорокового, но так и не смог привыкнуть к этому виду обуви. Вечно у него все сползало, перепутывалось, доставляя массу неудобств. Дорого бы дал молодой хирург, чтобы ходить в сапогах, но красноармейцу они были по штату не положены.

Бумагина, деликатно отвернувшись, терпеливо ждала. Они были знакомы, наверное, месяца два, что по фронтовым меркам означало чуть ли не вечность. Однако отношения между ними сложились своеобразные. Поповьянец, дипломированный врач, за год до войны окончил Крымский медицинский институт. Сара Бумагина имела за плечами всего лишь фельдшерско-акушерскую школу. Зато служила в армии уже не первый год, участвовала в финской кампании. Поповьянец был рядовым, а Сара Бумагина носила на петлицах кубики и, следовательно, принадлежала к командному составу. Из уважения к медицинской квалификации Поповьянца девушка не забывала при обращении к хирургу добавлять к имени отчество. Он же в официальной обстановке вынужден был обращаться к ней не иначе как к товарищу старшему военфельдшеру, хотя и очень хотелось назвать эту симпатичную девчонку просто Сарочкой.

Машины медсанбата, переполненные тяжело ранеными, медленно сползали по улице вниз к реке. Двигающимся следом возчикам приходилось то и дело осаживать лошадей.

Чем ближе к переправе, тем гуще, суетливее делалась толпа. Люди толкались, спешили протиснуться вперед, будто это могло ускорить переход на противоположный берег. Среди военных мелькали мужчины в гражданской одежде, тащившие

чемоданы и узлы, было много женщин с детьми на руках. Некоторые стремились уйти из города, напуганные рассказами о зверствах фашистов. Но большинство принадлежало к тем, кто не хотел да и не мог оставаться при немцах: члены партии, руководящие работники, старые большевики, их семьи. Многие были занесены гитлеровцами в «Особую розыскную книгу СССР» и подлежали уничтожению в первую очередь.

Поповьянц и Бумагина старались не отставать от повозок с ранеными. В толчее на спуске легко было потеряться.

Немцы усилили обстрел. Снаряды рвались теперь по всему берегу, и на подходе к мосту люди двигались перебежками. При очередном артналете падали, выжидая момент, когда можно вскочить и устремиться вперед. Поповьянц и Бумагина последние сто метров тоже преодолевали рывками.

Подводы с ранеными въезжали уже на мост, и бойцы с зелеными петлицами, несущие на переправе патрульную службу, торопили возниц. Неожиданно перед Поповьянцем вырос лейтенант в начищенных до блеска сапогах и новеньком обмундировании. Белоснежная полоска подворотничка плотно облегла тонкую шею. «Как с картинки сошел», — подумал Поповьянц, невольно взглянув на свою пропотевшую, в бурых пятнах запекшейся крови гимнастерку.

— Куда? — закричал лейтенант. — Кто такие?

От неожиданности Рафаэль опешил, но тут выступила вперед Бумагина.

— Вы почему голос повышаете, товарищ лейтенант? — гневно спросила она. Обычно стеснительная, военфельдшер в трудную минуту умела постоять за себя и за других. — Кто вы такой, чтобы кричать на военврача, сопровождающего раненых?

Лейтенант, не ожидавший отпора, отступил на шаг и растерянно захлопал длинными, как у девушки, ресницами. Ярко-голубые глаза, по-детски полные щеки, мягкая ямочка на подбородке выдавали его юный возраст.

— Простите, ради Бога! — совсем не по-уставному попросил лейтенант. — Нет времени вглядываться в знаки различия. Меня назначили начальником охраны моста. — Лейтенант обращался к девушке и деликатно представился: — Якунин, с вашего позволения, лейтенант войск НКВД... Понимаете, на этом посту суровость нужна, потому как лезут тут всякие...

Он выразительно поглядел на стоявшего неподалеку командира со значком ворошиловского стрелка на гимнастерке. Командир был разгневан. Тонкие губы поджаты. Белесые брови нахмурены. Взгляд серых пронзительных глаз буравчиком ввинчивался в лейтенанта. Догадавшись, что речь идет о нем, офицер подошел и представился:

— Политрук второй батареи девяносто шестого отдельного зенитного артдивизиона Чулков.

— Знаю, — устало махнул рукой Якунин. — А все равно не пушу. И не пытайся...

— Вот видите? — повернулся политрук к Бумагиной, игнорируя рядового Поповьянца. — Дорвался до власти и жмет... Орудия не хочет пропустить. А как же мы на той стороне без пушек-то воевать будем?

— Не дави на психику, политрук! — воскликнул Якунин. — Ты не хуже меня знаешь приказ: сперва раненых пропускать, личный состав...

Неподалеку, вздыбив султаны воды, разорвалось несколько снарядов. Бумагина вздрогнула и подтолкнула Поповьянца вслед за уходящими по мосту повозками. А два лейтенанта, оставшиеся позади, продолжали ругаться. Не так зло, может быть, как вначале, но в полной уверенности, что каждый из них прав.

— Пойми, дурья голова, — убеждал Чулков. — Без зениток воевать никак нельзя. В них наша сила.

— Не имею права! — отбивался Якунин.

— По приказу — не имеешь. А по совести? — не унимался Чулков, все более распаляясь. Особенно злило, что перед ним желторотый пацан. Только из училища вылупися, пороку не нюхал, а командует...

Сам Федор Чулков считал себя ветераном. И законно. В армии он служил с тридцать седьмого года. Начинал на Востоке. Их гарнизон стоял в таежной глухомани. Зимой казармы заносило снегом по самые крыши. Летом одолевал гнус. Осенью неделями «плавали» в промозглом тумане. Впрочем, сибиряку было легче, чем ребятам из средней полосы. У Федора на родине, в Алтайском крае, климат суров. Морозы такие заворачивают, что птицы замерзают на лету. А комары? Величиной чуть не со шмеля, свирепы — спасения нет. Да и другого всякого вредного зверья хватало.

Горечь войны Федор хлебнул еще в зиму сорокового на Карельском перешейке. Потом была передышка. Появилась возможность учиться. Став политруком и получив назначение в Киевский особый военный округ, лейтенант размечтался пожить на Украине, где природа щедра, балует людей теплом и солнцем. И Днепр под боком. Можно в свободное время поплавать, позагорать.

Все, наверное, так и было бы в мирное время, не разразись война. Чулков прибыл в Киев за два дня до ее начала. 22 июня, едва успев получить назначение, он со своей батареей уже отражал налеты фашистской авиации. Бесперывные «тревоги». Стрельба по целям. Заградительные огни... И так долгих семьдесят суток, вплоть до 18 сентября, когда третья дивизия

ПВО, куда входил их дивизион, получила приказ оставить Киев.

— Ложись! — крикнул кто-то истошно.

По пикирующим на мост немецким самолетам с кораблей, стоящих у берега, ударили орудия. Торопливо застучали зенитные пулеметы. Завыли сирены. Послышался нарастающий свист бомб.

— Скорее туда! — схватив Чулкова за руку, бросился Якунин к урезу воды, где были укрытия.

Оба спрыгнули с насыпи, скатились в узкую щель. Чулков, оказавшийся сверху, прикрыл Якунина телом. Вздрыгнула от разрывов земля. Засвистели осколки. Несколько минут берег содрогался от бомбовых ударов. Потом наступила тишина, звеняще-пронзительная, как зуммер в наушниках телефона.

— Ну как, цел? — спросил Якунин выглянувшего из щели Чулкова.

— Кто?

— Не кто, а мост, — огрызнулся Якунин.

— А что ему сделается, — засмеялся Чулков, унимая дрожь. — Стоит голубчик, стоит миленький.

Выбравшись из щели, Якунин с сожалением осмотрел перемазанные глиной сапоги и запыхавшуюся гимнастерку. Неряшливый вид огорчил. Лейтенант еще не успел отрешиться от курсантских привычек. В Саратовском училище, откуда их в связи с началом войны выпустили досрочно и сразу отправили на фронт, с первых дней внушалось: аккуратность и подтянутость — азы воинской дисциплины.

— Смотри-ка, — удивленно сказал Чулков, рассматривая снятую фуражку. — Чуток бы ниже — и амба.

Тулья фуражки была пробита осколком. «А ведь он меня собой заслонил», — с запоздалой благодарностью подумал Якунин и, взглянув на опустевший во время бомбежки мост, неожиданно сказал:

— Слышь, политрук, пока там пехтура очухается, давай-ка жми со своими пушками вперед!

— Ох удружил! — обрадовался Чулков. — Вот спасибо. Тебя звать-то как?

— Миша, — ответил Якунин и покраснел. — Это по дружбе, а правильно будет Михаил Иосифович.

— Ну бывай, Михаил Иосифович, — обнял его Чулков, — Авось еще свидимся. Война — штука долгая... Заводи! — крикнул он поджидавшим его артиллеристам.

На мост медленно катились тягачи с зенитками. За ними вновое устремилась пехота. К Якунину подошел немолодой командир. Убедившись, что перед ним начальник переправы, буднично сказал:

— Твоя миссия закончена, лейтенант. Последнее слово за нами.

— А вы, простите, кто?

— Военный инженер третьего ранга Филькенштейн. Ответственный за подрыв моста. Вот документы.

— Уже? — растерялся Якунин.

— Да, лейтенант. Сейчас моряков пропустим и начнем. Немцы близко.

По реке раскатился взрыв. Монитор «Ловчев», стоявший неподалеку от моста, вздрогнул, выбросил упершийся в низкое небо столб черного дыма и стал медленно заваливаться на корму. Еще два взрыва, и бронекатера у берега пошли на дно.

— Что это моряки делают? — не выдержал Якунин. — На чем дальше воевать будут?

Инженер третьего ранга покосился на него, сердито оборвал:

— Зря моряков ругаете, лейтенант. Они свое дело сделали, а корабли... Не отдавать же их врагу?

На мост тем временем вступила колонна в синих формах. Многие шли прихрамывая. Некоторые, поддерживаемые товарищами, передвигались с трудом, опираясь на самодельные костыли. Почти у каждого были забинтованы рука, или голова, или нога.

— Славно дрались морячки, — вздохнул стоявший позади Якунина солдат.

Лейтенант обернулся к бойцам своего взвода. Были они не то чтобы стары, а на пределе призывного возраста. Каждый минимум в два раза старше своего командира. «Великовозрастное» пополнение, как назвал их комбат, капитан Керман, они получили при последнем переформировании. 4-я дивизия НКВД, в которую был направлен Якунин, — он сумел догнать ее лишь в Казатине, отходила с боями почти от самой границы и понесла большие потери.

Якунин, построив взвод, бегом повел его подальше от берега. Прибежавший от капитана Кермана посыльный сообщил, что батальон отходит в направлении на Борисполь; пункт сбора Дарница. Туда-то и должен лежать их путь.

Они отошли от берега почти на километр, когда позади над Днепром грянул мощный взрыв. Якунин стремительно обернулся и увидел: огромная железнодорожная ферма моста Петровского медленно поднялась в воздух, замерла и, будто с трудом решившись, рухнула вниз. Вода под ней, густая, грязная, закипела.

Новый взрыв потряс воздух. На сей раз осел мост имени Евгения Бош. Вокруг его опор еще долго вращался бешено kloкочущий водоворот. Надводнический мост, по которому отходила основная масса арьергардных частей, продолжал, од-

нако, стоять. Якунин подумал: «Уж не случилось ли чего с подрывниками?» Издали хорошо было видно, как по мосту бегут крохотные фигурки, как брызжут автоматные очереди. Это бойцы охраны, до последнего сражавшиеся на правом берегу, отходили по горевшему, подожженному саперами настилу Надводницкого деревянного моста.

Пламя перекидывалось от пролета к пролету. И вдруг на берег выскочили немецкие мотоциклисты. Они с налету ворвались на горящий мост, некоторые достигли уже середины, и в этот момент взорвались привязанные к опорам толловые шашки. Огненная дуга вздыбилась и вместе с мотоциклистами рухнула в реку. Почти одновременно, слившись с предыдущим, раздался еще взрыв. Это перестал существовать самый последний — южный, Дарницкий мост через Днепр.

— Вот и все, — печально сказал пожилой боец, шагавший на левом фланге взвода. Он, как и многие другие солдаты Якунина, был киевлянином.

Теперь действительно все, подумал лейтенант. Автодорожный мост у Окунинова также уничтожен, так что немцы на большом пространстве не смогут беспрепятственно переправляться на противоположный берег.

Знакомый артиллерист еще вчера поведал Якунину трагическую ситуацию вокруг Окунинова. Бросив в бой десятки танков и мотопехоту, фашисты смяли оборонявшиеся там части 27-го стрелкового корпуса. Стоявший на пути к мосту 2-й дивизион 357-го артполка был уничтожен возле села Иваньково. Прорвав редкий заслон стоявших на берегу немногочисленных подразделений 4-й дивизии НКВД, немцы вышли к Окунинову и захватили переправу.

Командующий фронтом Кирпонос, узнав, что автодорожный мост взорвать не сумели, пришел в ярость и приказал уничтожить переправу любой ценой.

Моряки Пинской флотилии попытались подплыть к переправе ночью, но вынуждены были отойти под сильным огнем, потеряв несколько кораблей. Тогда они пошли на хитрость: пустили по течению мины. Но фашисты предусмотрели это и стали вылавливать «плавающую смерть».

За дело взялись авиаторы, но зенитный огонь оказался слишком плотным. Пробриться удалось лишь одному — молодому, но опытному летчику, лейтенанту Сергею Колыбину. Он пролетел на предельно малой высоте над самой переправой и положил бомбы точно в цель. Металлические фермы моста рухнули в Днепр. Но загорелся и самолет Колыбина. Пылающий Ил пронесся над шоссе и врезался в колонну вражеских машин...

Смерть и героизм всегда идут рядом, подумал с болью Якунин и оглянулся. Взвод его, несколько растянувшись, шагал

уже по другую сторону Днепра. В глазах бойцов стояли слезы. И сердце лейтенанта дрогнуло. Тяжко это — видеть, как плачут мужчины. Они оставляли родной город врагу, оставляли жен, детей, матерей. Что станет с ними, никто не знал. Во всяком случае хорошего не ждали. Людям было уже известно о зверствах фашистов на оккупированной территории. Якунин окинул взглядом хмурые лица бойцов и, едва справившись с волнением, негромко сказал:

— Мы еще вернемся сюда, товарищи!

За город, за золоченные купола его многочисленных церквей медленно садилось затянутое крепом багровое солнце. Ветер доносил смрад пожарища. Он дул на восток, куда уходили сейчас советские войска.

2. В КОЛЬЦЕ

Тучи низко стелились над Днепром и почти сливались с рекой. Противоположный берег едва просматривался, а когда срывался дождь, и вовсе исчезал из виду. Лишь багровые всполохи огня иногда подсвечивали серую муть.

Киев, уже оставленный нашими войсками, продолжал гореть. Ворвавшимся в город немцам было не до тушения пожаров. Почти каждая улица встречала их винтовочным и пулеметным огнем. Последние защитники столицы Украины, отходя к Днепру, где не было уже ни одной переправы, спешили выпустить по врагу оставшиеся у них патроны и только потом броситься в реку, чтобы преодолеть ее вплавь. Далеко не каждому это удавалось. А те, кто все-таки переплывал, с трудом выбирались на берег. На людей навалилась страшная усталость, накопившаяся в течение непрерывных многодневных боев.

Стоя у самого уреза воды, Гришмановский следил за подплывающими к берегу красноармейцами и буквально вылавливал их, видя, что те уже не в состоянии подняться из воды. Пловцы сопротивлялись, когда он заставлял их лечь на землю, норовили вскочить и бежать дальше. Приходилось прикрикивать, удерживать силой. По опыту военврач знал, что бойцам после сильнейшего напряжения необходимо расслабиться. Иначе наступит шок, не выдержит сердце.

Некоторые были ранены, и Гришмановский тут же делал перевязку, благо в его медицинской сумке было полно бинтов и лекарств. Покидая перед взрывом корабль, он взял из судовой аптеки все, что в состоянии был унести.

К берегу, едва перебирая руками, подплыл здоровенный детина, этаким бугай с круглой, стриженной под «ежик» головой. Силы уже оставляли его. Гришмановский с трудом вы-

волок мужика из воды, и тот рухнул на землю. Гимнастерка на бойце была порвана, ремень отсутствовал, так же, как и сапог на левой ноге, зато за спиной на ремне болталась трехлинейка. Штык ее был почему-то примкнут, словно солдат собирался идти врукопашную. Наличие оружия вызвало у Гришмановского невольное уважение. Большинство переплывших через Днепр винтовок не имели.

— Как звать тебя, герой? — спросил он солдата.

— Рядовой Фесенко, товарищ военврач второго ранга. Иваном кличут.

— Из какой части?

— Приписан к четвертому полку НКВД. Мы стояли на охране Дарницкого моста. Слышали про такой?

Гришмановский кивнул. Еще бы ему не знать... Как раз неподалеку от Дарницкого подрывали последние корабли Днепровского отряда Пинской флотилии, где он служил судовым врачом. Обороняя Киев, моряки держались до последнего. Даже когда пришло распоряжение командования уничтожить суда и отходить на восток пешим порядком, они не хотели складывать оружие, отказываясь верить полученному приказу. Рулевой флагманского корабля, потрясая газетой «Правда Украинны», кричал: «Тут же написано, братцы: "Киев был и будет советским!"» И мотористы вторили ему: «Чтоб мы своими руками!.. Не бывать тому!..»

Потом, конечно, все было. Сами закладывали взрывчатку, сами ее и подрывали. Приказ есть приказ, тем более на войне. Афанасию Васильевичу Гришмановскому никогда не забыть лица моряков, искаженные мукой. Сам-то он на судне без году неделя. На флотилии прослужил не более двух месяцев. А до того судьба, как и всякого военного, мотала по всей стране.

После окончания Военно-медицинской академии в родном Ленинграде в 1931 году он служил в Минске, потом во Владивостоке, еще позже — в Севастополе. Менялись госпитали, но работы у терапевта всегда хватало. А накануне войны его назначили начальником армейского санатория в Морше. Оттуда и отступать пришлось, пока не дошел с войсками до Киева, где получил назначение в Пинскую флотилию.

— Ну, отдышался, Иван? — спросил у бойца Гришмановский, увидев, что красное от натуги лицо его приобретает естественный цвет. — Тогда разрешаю подняться. Ты кто — стрелок?

— Не-ет, — мотнул головой Фесенко. — Шваль я.

— Портной, значит? — удивился Гришмановский.

— Так точно. Еще в гражданке на шваля выучился. В полку меня сразу в портняжную мастерскую определили. Мы там обмундирование чинили, маскхалаты шили.

— А говорил, что стоял на обороне моста, — улыбнулся Гришмановский.

— Правду сказал. Нас же всех, когда воевать стало некому, в окопы поставили: писарей, поваров, хлебобрезов. А стрелять я давно умею, с тридцать девятого в армии.

— Куда теперь двинешься, Иван? — спросил Гришмановский, помогая здоровяку подняться.

— Велели до Борисполя подаваться.

— Там же немцы!

— Были... Только наша четвертая дивизия НКВД под командованием полковника Мажарина выбила оттуда вражину. Я тому полковнику когда-то френч шил, сильный командир. Вот к нему и пойду. А вы куда, товарищ военврач второго ранга? — в свою очередь спросил Фесенко.

— Хочу добраться до села Русаново. Там, мне сказали, госпиталь стоит, значит, медики нужны.

Гришмановский, отходивший с моряками из Киева, потерял их по дороге. В сутолоке возле переправы смешались кони, люди, орудия, машины. Выбравшись из этого хаоса, Афанасий Васильевич уже никого из своих не нашел и решил искать любое военно-медицинское учреждение.

— Я знаю тот госпиталь, — воскликнул Фесенко. — Это под Броварами!

— Может, проводишь, чтоб зря не плутать? — спросил Гришмановский. — Тебе ведь тоже можно к любой части прибиться.

— Нет, — нахмурился Фесенко. — Мне треба до своих, в Борисполь. Но дорогу я вам подробно укажу. Может, еще свидимся, — сказал боец на прощание. — А коли нет, не поминайте лихом!

— Пока, Ваня. Удачи тебе! И главное — будь здоров, — пожелал солдату Гришмановский и, повернувшись, зашагал прочь.

Вскоре военврачу повезло: попутная машина подбросила его почти до места. Но в Русаново Гришмановского ждало разочарование: госпиталь уже сворачивался. Раненых грузили на подводы, чтобы везти на восток. Немцы были недалеко. Канонада, гремевшая вдаль, доносилась все явственнее и слышалась, как определил Гришмановский, именно на востоке. А это значило, что фашисты замкнули кольцо окружения, и вырваться из него, тем более вывезти раненых, будет практически невозможно.

Напрасный труд, подумал Гришмановский, наблюдая за погрузкой искалеченных бойцов. Внезапно он увидел девочку. Была она в стеганых ватных брюках, заправленных в сапоги, и длинной не по росту гимнастерке, но выглядела штатской. Только кубики на петличках свидетельствовали об обратном.

— Что у вас происходит, товарищ военфельдшер? — спросил он строго.

Девушка, остановленная на бегу, замерла, стрельнула в него синью огромных глаз и бойко отрапортовала:

— Так эвакуация же, товарищ военврач второго ранга. Приказ пришел.

— И куда велено направляться?

— То мне неизвестно. Начальство в курсе. — И после паузы, словно спохватившись, представилась: — Военфельдшер Голубь.

Девчонка была маленького росточка, тоненькая, хрупкая. Тридцатисемилетнему Гришмановскому она показалась совсем ребенком.

— Хорошая у тебя фамилия, — сдержанно улыбнулся он. — Голубь — мирная, доверчивая птица. Звать-то как?

— Валя... Валентина Андреевна.

— Разве вам не объявили маршрут движения, Валентина Андреевна? — спросил Гришмановский, глядя на девушку в упор. — Человеку военному положено быть в курсе...

— Может, и положено знать, да не велено всем говорить, товарищ военврач второго ранга. Вон наш главный идет, у него и спытайте.

Главврач, молодой капитан, одетый в пехотную форму, тщательно проверил документы моряка и, удостоверившись, что Гришмановский тот, за кого себя выдает, понизив голос, сказал:

— Госпиталь уходит. Куда двигаться, честно говоря, не знаю. Кругом немцы. Кругом...

— Что же вы решили?..

Главврач опасливо оглянулся и еще тише сказал:

— Не вижу иного выхода... Собираюсь оставить тяжело-раненых в инфекционном отделении районной больницы. Я там был, коек, чтобы всех разместить, достаточно. Авось фашисты побоятся заразы и никого не тронут.

Идея Гришмановскому понравилась. В данной обстановке это был, пожалуй, единственно разумный выход.

— А что будет с медперсоналом? — поинтересовался он.

Капитан пожал плечами:

— Некоторых в больнице для ухода за ранеными оставим под видом гражданских. Остальные будут пробиваться к своим.

Главврача позвали, и тот отошел, пожелав Гришмановскому выбраться целым из этой передраги. Валя Голубь, внимательно слушавшая разговор двух офицеров, растерянно сказала:

— Вот беда, вот лихо... Куда ни кинь, всюду клин.

— Вы местная, Валентина Андреевна? — спросил Гришмановский.

— Так точно, товарищ военврач второго ранга. Из Красиловки я Иваньковского района.

— Домой тебе надо, Валентина Андреевна...

— Как это домой? — возразила девушка с обидой. — Я ж призвана в армию с тридцать девятого. Как медтехникум закончила, так и взяли. В освободительном походе участвовала.

— В Западную Украину?

— Так. Фельдшером служила. А вы небось думаете, что я ще дитя?

Гришмановский окинул девушку цепким взглядом: конечно, дитя. Страшно представить, что сделают фашисты с таким юным существом, попадись она в их лапы.

— Может, пойдем дальше вместе? — предложил он.

— Як же без приказу? — удивилась девушка неожиданному предложению.

— Ты слышала, что главврач сказал? Медперсоналу действовать по обстановке, самостоятельно пробиваться на восток. Кругом идут бои, и наши с тобой руки могут многим раненым пригодиться.

Девушка нерешительно переступила с ноги на ногу. Синие глаза по-прежнему смотрели на Гришмановского недоверчиво.

— Соглашайся, Валентина Андреевна, — сказал он. — Времени на уговоры не остается.

— Не знаю, не знаю, товарищ военврач второго ранга...

— Обращайся ко мне по имени. Афанасий Васильевич я. Предлагаю в последний раз — выбираться из окружения вместе. Защитой тебе буду. Решайся, пока зову.

— Може и так, — все еще неуверенно произнесла девушка. — Только...

Он перебил:

— Ну вот что, товарищ военфельдшер, изволь подчиниться старшему по званию. С главврачом я все согласую. — И приказным тоном добавил: — Иди, одевайся потеплее, набери в сумку побольше бинтов и медикаментов. Одна нога там, другая здесь! Бегом!

Обычно Гришмановский был мягок и даже деликатен в обращении с младшими по званию. Но когда начинал говорить безапелляционным тоном, его беспрекословно слушались даже бывалые моряки. На девушку это тоже произвело впечатление. Она хоть и поглядела на него испуганно, но послушно сказала:

— Я з́раз... Я все сделаю, товарищ... — Осеклась и, улыбнувшись, смущенно заключила: — Я мигом слетаю, Афанасий Васильевич.

Девушка легко сорвалась с места, а у Гришмановского потеплело на душе. Он всегда кого-нибудь опекал. В юности доглядывал за братьями и сестрами. Семья была большая, пя-

теро детей. Отец с утра до ночи пропадал на работе. Он был сталепрокатчиком на знаменитом в Ленинграде Ижорском заводе. Мать возилась с малышкой, вела домашнее хозяйство, а Афанасий занимался теми, кто постарше. Позже, став взрослым и работая грузчиком на барже, помогал двоюродной сестренке Музе закончить учебу. В академии тоже никогда не отказывал товарищам в содействии по всем вопросам. Да и по складу характера был человеком компанейским. Обладая тонким музыкальным слухом, Афанасий выучился игре на многих инструментах. Особенно любил баян и гитару.

Пока девушка собиралась, Гришмановский нашел главврача госпиталя, предупредил, что уходит и собирается взять с собой военфельдшера Голубь. Возражений от капитана не последовало.

Валя появилась так же внезапно, как исчезла. Теперь она была в шинели. Широкий командирский ремень туго перетягивал тонкую талию.

— В какую сторону двинемся? — спросила она, всем видом выражая готовность следовать за военврачом.

Гришмановский задумался. В самом деле — куда? Где удастся просочиться к своим? Обстановка настолько неясная, что трудно даже предположить, как развернутся события.

— Давай, что ли, на Борисполь повернем? — предложил он.

— Нельзя. Его вчера немцы захватили.

— Устарели твои сведения, четвертая дивизия НКВД заняла город снова. Там к какой-нибудь части и приедем. Правильно говорю, Валентина Андреевна?

— Да будет вам насмешничать, Афанасий Васильевич. Зовите меня Валею. Я чуток младше вас, двадцатого року рождения.

Ничего себе «чуток» — шестнадцать лет разницы, подумал Гришмановский. В мирное время такая пичуга еще на танцульки бегала бы, чего он, врач с многолетним стажем, позволить себе уже не мог. Война все смешала, сблизила людей разных поколений. Но пуля не спрашивает, сколько тебе лет, косит всех подряд...

Переночевав в брошенной хозяевами хате, Афанасий Васильевич и Валя Голубь лишь к вечеру следующего дня добрались до Борисполя. Город лежал в развалинах. Дома зияли глазами выжженных окон. Улицы, особенно в центре, были забиты искореженной техникой. На мостовой валялись опрокинутые пушки, раздавленные минометы и «станкачи». У обочин стояли танки с раздробленными гусеницами, уткнувшиеся столами в изрытый воронками асфальт.

Гришмановский хмуро смотрел на эту картину. Сколько же здесь полегло людей! Валя, подавленная увиденным, шагала рядом. Ей уже довелось хлебнуть лиха, когда отступала

с войсками от самой границы. Но всякий раз при виде такой разрухи у нее сжималось сердце.

На площади против горсовета Гришмановский подошел к регулировщику.

— Подскажи, брат, куда идти?

— Направление одно: за околицу. Там формируются сводные батальоны из разных родов войск.

— Это еще зачем? — удивился Гришмановский.

— Тут на восток одна-единственная дорога. Кругом болота. Третьего дня немцы эту дорогу перерезали. Возле хутора Артемовка поставили заслон. Вот наши сводными батальонами и пойдут на прорыв. Такая мясорубка предстоит — ужас!

— Я знаю те места, — сказала Валя. — Топи там и вправду непроходимые. Быки в них тонут вместе с арбами. Представить невозможно, как люди по этой гиблой земле на штурм пойдут. Может, не лезть нам, Афанасий Васильевич, на рожон? Доберемся до Красиловки, переждем, пока стихнет, и потом решим, что дальше делать?

Гришмановский окинул тоненькую фигурку девушки внимательным взглядом. Силенок у нее маловато, подумал с острой жалостью и глухо сказал:

— Думаю, тебе действительно надо повернуть домой.

— А вы? — встрепнулась Валя.

— Я — другое дело. Пойду под Артемовку. Врачу там будет много работы.

— Понимаю. — Валя посмотрела на своего спутника и тихо, но твердо сказала: — Тогда и я с вами.

— Там будет очень страшно.

— А вы меня не пугайте, товарищ военврач второго ранга, — проговорила Валя с вызовом. — Я тоже медик и крови побачила много.

— Вот это разговор, — рассмеялся Гришмановский и обнял девушку за плечи. — Рад иметь такую храбрую подругу. Ну что ж, вперед!..

3. БОЙ ГРЕМИТ ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Артиллерийская канонада, еще совсем недавно едва различимая, постепенно набирала силу. Работавшие в поле люди прислушивались к ней с тревогой. Гул разрывов, доносившийся с запада, неуклонно приближался. Там, за Днепром, лежал Киев, а от него до Кучакова рукой подать — всего сорок с небольшим километров; по «железке», пролежавшей за селом, можно доехать за час.

Стрельба теперь не затихала ни днем, ни ночью. Иногда разрывы были настолько сильны, что люди вздрагивали, инс-

тинктивно втягивая голову в плечи. Старухи истово крестились, приговаривая: «Що ж це робиться на билом свити!» А те, что помоложе, не верящие ни в Бога, ни в черта, отмалчивались, — незачем зря болтать.

На полях работали женщины. На обмолоте и в огородах, на сенокосе и свекловичном поле — везде платки да косынки. Мужиков взяла война. Остались в селе, как говаривали острые на язык девчата, лишь неполноценные: старики, малявки да еще убогонькие, которые даже в обоз не стодились.

На колхозном току вместо десяти человек, обычно обслуживающих обмолот, работали шестеро. Зерно провеивали, просушивали, ссыпали в кучи, чтобы при необходимости сподручно было закрыть брезентом. Погода не баловала. Дожди шли непрерывно все лето. От них не было спасения. Округа, и без того болотистая, превратилась в сплошную топь: ни пройти, ни проехать. Даже в селе от хаты к хате впору хоть вплавь добираться. Хаты кучковались на возвышенностях, и между ними даже в сушь сохранялись топкие низинки. Должно быть, от этого Кучаково и получило свое название.

— Швыдче, швыдче, девчата! — поторапливала работавших на току Ольга Комащенко. Она начала бригадировать недавно и совсем не умела командовать. Да и по натуре Ольга была мягкой, жалостливой. Большие карие глаза под широкими густыми бровями смотрели на подружек по-доброму, ласково. Пухлые губы смущенно улыбались. И говорила она тихо, словно извинялась за то, что не умеет прикрикнуть. Ольге шел двадцать второй год, а в бригаде были женщины много старше и опытней. Кабы не война, она ни за что на свете не согласилась бы начальствовать.

Когда обоих бригадиров мобилизовали в армию, председатель колхоза позвал ее и, вздохнув, сказал:

— Придется тебе, Ольга Кирилловна, возглавить бригаду...

Обращение по имени-отчеству было необычным, отчего она оробела еще больше и попятилась к двери.

— Вот что, Комащенко, — посерьезнел Кравчун, и обычно спокойный, доброжелательный взгляд его черных цыганских глаз стал колючим: — Ты комсомолка, активистка, а колхоз — не детские ясли. Даю тебе партийное задание!

— Может, лучше Катю назначить, Григорий Антоныч? — тихо возразила она. — Катя Пащенко бедовая.

— Дюже бедовая, — проворчал председатель. — Потому для нее другое занятие найдется. А ты будешь делать, что я сказал: принимай бригаду!..

...Ольга взглянула на небо.

— Бабоньки, девчата, быстрее! — торопила она. — Того и гляди, дождь опять хлынет...

— А ты не подгоняй, бригадирша! — сердито огрызнулась Ульяна Хобта, усталым движением вытирая пот со лба. Ей сегодня досталось вращать маховик, приводящий машину в движение, а это не всякому мужику под силу. Ульяна же, еще не справившая совершеннолетия, была хоть и высокой, но худющей. К работе в селе, правда, все были привычны. Ульяна, та с двенадцати лет трудится в поле, помогая матери, — в семье семь ртов, мал мала меньше. Но попробуй погонять это чертово колесо! За полдня она основательно вымоталась. Ломило спину, плечи, тело будто поколотили палкой.

— Да крути ж ты! — в сердцах сказала Ольга, понимая, как мало толку от понукания. Конечно, Ульяне тяжело. Но разве легче таскать мешки с зерном или совковой лопатой махать. Да и предлагали Хобте подмену — не захотела, гордая; сама, мол, управлюсь.

— А чего пуп надрывать? — огрызнулась Ульяна, заправляя под платок выбившиеся волосы. Припудренные половой, они давно утратили блеск и смотрелись посевшими.

— Глянь, сколько скирд необмолоченных. Потому и надо спешить.

— Так мы с державой уже рассчитались? Сама говорила, неделю назад поставки закончили и натуроплату за работу МТС сдали...

— Зараз год особенный. Хлеб фронту требуется. Вот и идет неплановая сдача. Да еще для себя, для колхоза... Разве не надо?

— Фронту! — воскликнула Ульяна, не обращая внимания на остальные доводы. — Где он, тот фронт. Немец в Киеве. Драпают наши.

— Кончай болтать! — рассердилась Ольга. — Через тебя работа стала.

— Ты мне, бригадирша, рот не затыкай! — взорвалась Ульяна, и по ее скуластому лицу пошли багровые пятна. Вообще-то Хобта была незлобивой, но иногда на дивчину накатывало. В такие минуты с ней предпочитали не связываться.

Комащенко знала об этом, однако не ответить на паникерский выпад не могла. Как язык поворачивается такое говорить! Словно вражина в родном доме. Ольга уже открыла рот, но ее опередил подошедший сзади Лаврентий Гаврилович Билык.

Никого не удивило, что директор Кучаковской школы находится на току. Все лето он, как, впрочем, и остальные преподаватели, работал в поле. В нынешнее время сидеть дома, заниматься личными огородами, когда в колхозе на счету каждая пара рук, учителя считали невозможным. Когда на общем собрании членов артели решили отчислять с каждого колхозника в фонд обороны страны стоимость одного трудодня еже-

месячно до полной победы, Билык сказал, что школьные работники тоже присоединяются к общему решению.

— С чего отчислять-то будете? — подал кто-то реплику.

Билык — был он невысок, коренаст и, как говорили на селе, смуглястый — насупился и с достоинством ответил:

— Трудодни заработаем. Считаем себя мобилизованными. Будем участвовать во всех полевых работах.

И первый подал пример. На уборке колосовых Билык выполнял по полторы нормы в день. Исподволь наблюдая за ним, люди, и без того уважавшие строгого директора, оценили его по-своему: этот, мол, не только в грамоте силен, а и трудиться умеет... В устах работающих кучаковцев большей похвалы быть не могло...

— Что не поделили, подружки? — спросил Билык, поглядев сперва на Ольгу, потом на Ульяну.

В ожидании ответа он наклонился к Хобте. Директор был туговат на ухо. Из-за этого его и в армию не взяли, хотя Билык многократно являлся в военкомат, доказывая, что стрелять умеет, руки-ноги целы. Его, списанного по «чистой», неизменно отправляли обратно, разрешив лишь преподавать в школе военное дело.

Не зная еще, о чем идет спор, Билык по взволнованным лицам девчат догадался: разговор серьезный. Все они учились у него — Кучаковской школой Лаврентий Гаврилович руководил с тридцать второго. В селе была тогда восьмилетка, лишь перед самой войной прибавились девятый и десятый классы, которые закончила почти вся молодежь села. Потому-то директор считал себя по-прежнему их наставником.

— Тут у нас паникер выявился, — метнула Ольга на Хобту неприязненный взгляд. — Немцы, говорит, в Киеве! Миленький, Лаврентий Гаврилыч, неужто правда?

Улыбка сбежала с сухих губ Билыка. Лицо окаменело, стало квадратным, некрасивым.

— Точно ничего не известно, девочки, — отозвался он. — Но все может случиться. Положение на фронте тяжелое.

— Вот и я говорю! — воскликнула Ульяна, но в голосе ее не было торжества. — У Окунинова немцы точно Днепр перешли...

— Ой лишенько! Откуда ты знаешь?

— Беженцы рассказывали. Наших там порушили видимо-невидимо.

Все работавшие на току женщины слышали, о чем говорила Хобта, и теперь с надеждой смотрели на Билыка. А он стоял и мучительно думал, что сказать? Какие слова найти, чтобы вдохнуть веру? Красная Армия действительно отступает, оставляя город за городом. Возможно, Киев будет сдан. Не исключено, что фашисты придут сюда... Он окинул окруживших

его женщин внушительным взглядом и, вытащив из кармана газету, сказал:

— То, что здесь написано, касается нас.

— Кучаковцев, что ли? — заглядывая через плечо директора, поинтересовалась Варвара Соляник, крупная широколицая дивчина с яркими голубыми глазами. Про нее в селе говорили: озорная, огонь-девка.

До войны Варвара работала сверловщицей на вагоноремонтном заводе в Дарнице, получала хорошую зарплату, жила легко и привольно. Кучаковцы думали — назад никогда не вернется. Но в начале июля Соляник, появившись в селе, громогласно заявила: «Все! Хватит мотаться по свету. Домой приехала. Давайте работу!» Она не стала объяснять, что, когда подошли немцы, завод закрылся, а рабочих, в основном женщин, отправили рыть окопы. Две недели с раннего утра до поздней ночи копали они под Киевом противотанковый ров, переворачивая лопатами горы земли. Вкалывали до изнеможения. Лишь когда немцы подошли совсем близко, их отпустили по домам...

Билык с улыбкой покосился на Соляник. Как все жизнерадостные люди, она очень ему нравилась. Много было в дивчине какой-то лихой, неукротимой силы.

— Обращение здесь опубликовано, Варя.

— Чье?

— ЦК партии и правительства Украины.

Он читал медленно, хорошо поставленным учительским голосом. И каждое слово не просто доходило, а впитывалось слушателями.

— «...Стоном стонет теперь земля, куда ступила нога фашистских извергов. Кровавую тризну справляют гитлеровские людоеды. Не проходит дня, чтобы в том или ином месте, захваченном фашистами, не совершалось бы преступления, изуверства, перед которыми бледнеют все ужасы, какие знало человечество...»

На току установилась тишина, нарушаемая лишь отдаленным зловещим рокотом канонады. И, наверное, поэтому то, что читал Билык, приобретало особенный смысл.

— «Весь украинский народ, все народы Советского Союза поднялись на борьбу с фашизмом. — Голос Билыка взлетел немыслимо высоко и подрагивал от волнения. — Никто не должен стоять в стороне. Пусть каждый делает то, что в его силах и возможностях. Пусть каждый помогает ковать победу над фашизмом...»

Директор школы умолк, а девочки под впечатлением услышанного все еще смотрели ему в лицо, словно это помогало усвоить, воспринять, проникнуться страшным смыслом сказанного. Потом молчание рухнуло. Заговорили все разом, нервно, громко, перебивая друг друга.

Ольга Комащенко резко подняла руку:

— Кончайте митинговать, подруги! Все нужные слова в газете есть, лучше не скажешь. Надо делом отвечать!

— Да, девчата, будем работать! — поддержал ее Билык, берясь за лопату.

Кто-то тронул его за плечо.

— Гаврилыч, закурить не найдется?

Он обернулся. Рядом стоял Василий Ерофеевич Дворник, невысокий кряжистый мужичок в неизменно надвинутой на лоб кепочке, отчего лицо казалось как бы приплюснутым. С кепкой Дворник никогда не расставался, прикрывая лысую голову.

Говорили, когда-то Василий Ерофеевич был кудряв. Его смолистому чубу завидовали все парни на селе. Но в двадцать четвертом году волосы, словно их кто вытравил кислотой, вдруг полезли пучками. Что только он ни делал: мыл разными составами, травы, как советовали знахарки, прикладывал, дегтем мазал — ничто не помогало. Голова вскоре стала гладкой, как колено. Доктора потом сказывали — облысел в результате ранения.

Может, и так, кто знает? Дворник ведь был солдатом еще в первую империалистическую. Крепко его садануло в лопатку осколком снаряда, легкие даже задело. Так и осталась памятка на спине в ладонь шириной, затянутая косыми рубцами.

— Тебе махорки, что ли, Ерофеич? — переспросил Билык. Он уважал этого выдержанного, работающего человека, пользующегося среди сельчан славой мужика степенного и рассудительного. Недаром к нему частенько даже с другого конца села шли за советом: когда кабана резать, пора ли картошку сажать, устоялось ли сено...

Дворник никаких начальственных должностей не занимал. Правда, в начале коллективизации, как рассказывали, он играл не последнюю скрипку. Агитатором был хорошим, участвовал в раскулачивании, добывал семенной фонд. Его и в районе знали. Но потом внезапно слег... Сказалось опять-таки ранение, а может, еще и тяжелая работа в неметчине — четыре долгих года пробыл Василий Ерофеевич в германском плену.

Врачи запретили ему работу, связанную с физической нагрузкой. А где на селе другую найдешь? Загрустил Дворник, пал духом. Не по нутру было стоять в стороне да на привязи, когда жизнь такая интересная кругом разворачивалась. И тут председатель предложил: «Возьмись-ка, Ерофеич, за пожарную охрану села. Дело, сам понимаешь, ответственное и вроде бы тебе по силам...» С тех пор вот уже десять лет был Дворник пожарником.

Достав кисет, Билык протянул его Василию Ерофеевичу.

— Махры нет. Табачок у меня легкий...

— И за то благодарствую. Сойдет. Сам-то запалишь? Только не на току...

— При такой мокроте даже захочешь, и то скирду не подожжешь, — окутавшись дымом, заметил Билык, когда они остановились у бочки с водой. — Льет и льет.

— Ошибку даешь, Гаврилыч, — возразил Дворник. — Еще как полыхнуть может. Соседи тому примером: у них днями три штуки словно языком слизнуло. А почему? От беспечности. Инструкцию не соблюдали. А ту инструкцию подписал сам нарком землеробства республики, — произнес он с нажимом и, крепко затянувшись, словоохотливо продолжал: — По военному-то времени, как положено? Скирду делай размером поменьше, ставь одну от другой на пятьдесят метров и непременно обкапывай. Тогда и погасить легче, коли диверсант запалит. Их теперь, тех диверсантов, богато развелось, словно тараканов в хате. С парашютом прыгают, как блохи. Ты, Гаврилыч, видел те парашюты? Сколько ткани переводят! Наши бабоньки наловчились из того материала всякую одежонку шить...

— И то польза, — усмехнулся Билык и, чтобы похвалить самолюбивого Василия Ерофеевича, спросил: — Ну а у нас как, все по инструкции сделано?

— Обижаешь! — воскликнул Дворник. Его задело даже то, что такой вопрос оказался возможным. — Я перво-наперво приказал...

Василий Ерофеевич постоянно находился на посту возле жнивья. Все бы ничего, должность такая, только не с кем словом перемолвиться. С Ваней особенно не разговоришься. Тот или на озеро удерет рыбу ловить, или под телегу заберется и спит, пострел. А поговорить Дворник любил, тем более с таким умным собеседником. И душу излить есть кому, и расспросить заодно о том, о сем...

— А правда, Гаврилыч, наши Берлин бомбили?

— Есть такое сообщение в газете. Ну, я пойду...

Директор школы торопливо притушил окурок и быстро отошел, боясь, что не в меру разговорчивый Дворник замучает его вопросами.

Оставшись один, Василий Ерофеевич вздохнул. Хорошо поговорил, да мало. Надо бы еще разузнать, как на фронте дела идут. Гаврилыч все знает, мудрый мужик. Вернувшись к телегам, на одной из которых стояла бочка с водой, на другой — пожарный насос, Дворник рассупонил лошадей, — пусть малость отдохнут, пощиплют траву, благо она тут высокая, сочная. Он специально выбрал место рядом с болотом, превратившимся после проливных дождей в настоящее озеро. Вода под боком, бери при нужде сколько потребуется.

— Иванко, ты где? — окликнул Дворник сына.

По распоряжению Кравчуна младший сынишка должен был помогать на дежурстве. «Ему пятнадцать? — спросил председатель. — Вполне подходящий мужик. Ежели что случится, поначалу вдвоем управитесь, потом народ подоспеет. А женщин отпусти на полевые работы...»

В пожарной команде прежде было трое, но в июне двух мужиков заменили женщинами. На худой конец и онигодились, хотя служба пожарная — мужская забота. Только с председателем не поспоришь, да и сам Дворник с понятием. Людей не хватает. Сев озимых требуется закончить, свеклу убирать, а грохочет совсем рядом...

— Тут я, тату, — высунулась из-за куста взлохмаченная темно-русая голова. Голос сонный, глаза припухшие.

— Эх ты, сторож, — укоризненно покачал головой Василий Ерофеевич, но в голосе его не было строгости. Детей в семье четверо. Старшая дочь давно вышла замуж. Николай с первых дней на фронте. Дома оставались Софья да Ваня. Хлопец рос шустрым, смышленным. За последний год так ростом вымахал, что батьку почти догнал, и мог уже самостоятельно справлять почти любую мужскую работу.

— Мамка приходила, — сообщил Ваня, — харч принесла.

На душе Василия Ерофеевича потеплело. Заботливая у него жинка. В звеньевых ходит, как-никак начальство, а про мужа не забывает. Ей в колхозе почет и уважение оказывают. «Евдокия Михайловна, интересуемся вашим мнением!», «Евдокия Михайловна, пожалуйста в президиум!...» Еще бы: первая на селе участница движения пятисотниц. Марию Демченко обгоняет. В прошлом году на хороших местах по семьсот центнеров свеклы с гектара взяла — надо же! В область на совещание ездила...

Говоря откровенно, Василий Ерофеевич чуточку завидовал славе жены. Мужик в доме по всем статьям должен быть главным. А в то же время приятно. Не каждому даже в районе выпадает честь стать участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Жаль, война помешала. Поехала бы его Евдокиюшка нынче в Москву свет поглядеть, себя показать. Баба она видная, другим на загляденье. В девчатах так и вовсе была хороша. Волосы светлые, фигура статная, а уж с лица красива, точно яблонька в цвету...

Вдали послышался конский топот. Дворник с неудовольствием поглядел на дорогу. Ну точно, Олексиеenko несется во весь опор. Так и коня загнать недолго.

К лошадям Василий Ерофеевич питал особую слабость. Всю жизнь, можно сказать, состоял при конюшне. Еще до революции служил у барина повозочным. Потом в германском плену приставлен был к немецким битюгам. И снова, в колхозе уже, ухаживал за лошадьми, пока мог. Теперь-то под началом у

него всего три лошаденки. Он так их берег и холил, что выглядели те справно. Не то что конь у Олексиенко — замороженный, неухоженный. Двор свой небось в порядке содержит, а общественной худобой не дорожит. «Мне, — говорит, — быстро оборачиваться надо, потому как должность такая. Колхозный хлеб от расхитителей храню». И добро бы по молодости так рассуждал, а то ведь шестой десяток добирает. Пора остепениться.

Когда Марка Ипполитовича впервые назначили объездчиком, он, обрадованный полученной властью, смастерил себе из вожжей огромный кнут и охаживал им вдоль спины всякого — и правого, и виноватого, попадавшегося ему в пшенице. Колхозники пожаловались председателю на самоуправство объездчика, и после очередного скандала Кравчун вырвал у Олексиенко кнут, сломал его и в сердцах пригрозил: «Ты эти свои кулацкие замашки оставь!» Обиделся Олексиенко. Один из его родственников действительно был раскулачен, но сам-то он никогда в зажиточных не состоял.

На некоторое время Марк Ипполитович присмирел. Но ездить тихо и молча было для него мукой. И хоть кнута он вновь не завел, но отругать человека умел так, что у провинившегося уши пламенем загорались. Кравчун и об этом узнал, однако от должности отстранять не стал: службу объездчик нес исправно.

Осадил коня неподалеку от пожарной брички, Олексиенко крикнул:

— Председателя не видел?

— На пожар, что ли, поспешаешь? — ехидно поинтересовался Дворник.

— Кравчуна в район срочно выкликают, — досадливо отозвался Олексиенко. — Родион Павлович меня за ним послал.

— Бухгалтер, что ли?

— Он самый. С Пашенко разговор короткий: швыдче, сказал, скажи. Сам товарищ Шевченко звонит, партийный секретарь района!

— Да охолонь трошки, Марк Ипполитович, лучше скажи, что в селе делается.

Олексиенко спрыгнул с коня. Был он по-юношески строен, узкоплеч. Лицо, худошавое, продолговатое, заросло жесткой с проседью щетиной.

— Испить бы чего, — попросил Олексиенко. — Кваском не разживусь?

— Ишь чего захотел, — насмешливо отозвался Дворник и кликнул сына: — Тащи молоко, Иванко. У человека от жажды душа с телом растается.

Пока Олексиенко прямо из кринки жадно пил молоко, Дворник подошел к лошади.

— Загонял ты коняку, Марк Ипполитович. Нема в тебе жалости...

— Да разве ж тут до коняки, — нахмурился Олексиечко. — Все село нынче переполошилось. Коров угоняют. Немец, говорят, Киев взял.

— Неужто?

— Точно не знаю. Но наказ гнать стадо за село и далее уже имеется.

— Ой недобро...

— Не врагу ж оставлять?

— Так-то так, только беда народу без коровки. А кто гонит-то?

— Поначалу Ганну, доярку, хотели занарядить...

— Ту, что за Лукашом Андреем? У бабы же трое малых.

— Оттого и оставили. А она кричит: «Слава Богу, что угоняют. Глаза б мои на ту худобу не глядели, все руки потянула проклятая дойка!» А потом как с новой силой заголосит: «Куда ж вас, моих коровушек, гонят? Как же наши детки без молока?» Вот такие дела... Благодарствую за угощение. Подскажи, где мне председателя шукать?

— Утром был туточки. Потом в огородную бригаду подался, да вряд ли застанешь. Кравчун на ногу быстрый.

— Тогда я назад...

Олексиечко вскочил в седло и лихо прищпорил коня.

Улицы Кучакова, как и других украинских сел, были мощеными даже в центре. После дождей грязь комьями налипала на колеса, присасывала сапоги — ног не вытащить. А стояло чуть подсохнуть, земля задубевала, покрывалась хрупкой коркой, которая вскоре превращалась в едкую мучнистую пыль.

Поторапливая коня, Марк Ипполитович скакал по селу, не замечая ни детишек, разбегавшихся при виде мчащегося всадника, ни испуганных взглядов сельчан, выглядывавших из окон. Плетни, заборы, хаты сливались в сплошную пеструю ленту. Быстрая езда заставляла крепче сжимать бока коня шенкелями, посылая его, как в атаке, вперед широким наметом. Видно, крепко сидели в человеке кавалерийские привычки.

С тех пор как Марк Ипполитович снял военную форму, прошло добрых два десятка лет. Начинать служить еще в царской армии, был и красным конником в гражданскую. Шесть долгих лет, считай, две войны, не снимал с плеч солдатской шинели. Все шло оттуда: лихость и удаль, жестокость и нетерпимость к любой расхлябанности, резкость в обращении с людьми и, чего греха таить, преклонение перед начальством. Зародилось это свойство давно, вьелось в плоть и кровь, стало чертой характера.

Осадив коня возле правления, Олексienко кинул поводья на ограду полисадника. Первым, кого увидел в конторе, был Пащенко. Бухгалтер одиноко сидел в углу за столом и нервно покручивал пышные черные усы. Бледные щеки его ввалились, стала особенно заметна нездоровая худоба. Болел Пащенко еще с гражданской, давало о себе знать тяжелое ранение. В июле его призвали в армию, но сразу же отпустили по чистой. И вернулся он в село к своим бухгалтерским книгам и колхозному архиву, которым заведовал по совместительству.

— Не нашел председателя, Родион Павлович, — тяжело отдуваясь, доложил Олексienко. — Все объездил — нема. Как сквозь землю провалился!

— Кто? — не понял поглощенный своими мыслями Пащенко.

— Да Кравчун... Ты ж сам за ним посылал, или запоминать?

— Тут он, председатель, — рассеянно отозвался бухгалтер.

— Зачем же было зря гонять, — разозлился Олексienко.

— Посылал, потому как он нужен был срочно... И тихо ты, не болобонь. Григорий Антонович по телефону говорит.

Олексienко послушно умолк. Только сейчас он услышал густой бас председателя:

— Докладываю. Колхоз имени Брусиловского скот эвакуировал. Количество — полсотни голов ровно...

Телефон — продолговатый деревянный ящик с ручкой и двумя блестящими круглыми чашечками звонка — висел на стене. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и сквозь щель отчетливо долетало каждое слово.

— Осталось десять коров, — продолжал Кравчун тем же ровным голосом. — Раздали по дворам. Думаю, народ сохранит.

Затем наступила долгая пауза. Видно, там, на другом конце провода, давали подробный инструктаж. Кравчун только изредка ронял: «Понятно. Сделаем. Слушаюсь...»

Председатель стоял у телефона, прижимая к уху черную трубку. В его мозолистых ручищах она казалась игрушечной. Кравчуну было под сорок, ни единого седого волоска не пробивалось в его жесткой смолистой шевелюре. Ворот синей изрядно вылинявшей косоворотки был расстегнут, открывая кирпичную от загара шею. Мужик он был высокий, широкоплечий, с властным характером. За семь лет бессменного председательства привык к тому, что все его распоряжения выполнялись беспрекословно.

— Меня товарищ Шевченко вызывал, — напомнил председатель невидимому собеседнику. — Может, надобность миновала? Нет? Тогда я подожду...

Заметив прикившего к двери Олексиенко, председатель махнул ему рукой: мол, не мешай. Но Марку Ипполитовичу уходить было не с руки. Тут, можно сказать, главное решается. Как же первому не узнать? Сверх меры любопытный, Олексиенко сделал вид, что не понял намека и, потоптавшись на месте, отодвинулся к окну. Однако Пашенко на поленился встать и захлопнуть дверь. В комнате наступила тишина. Зато отчетливо стал различим гул артиллерийской каонады, доносившийся из Борисполя, от которого до села было всего-навсего полтора десятка километров.

Неожиданно дверь соседней комнаты распахнулась. На пороге стоял Кравчун с потемневшим, как грозовая туча, лицом.

— Что случилось, Григорий Антонович? — вскрикнул Пашенко.

Председатель отозвался не сразу. Подошел к окну, выглянул на улицу. Затем, не оборачиваясь, глухо сказал:

— Вот что, Родион, собери-ка колхозный архив, да поживее. Ховать будем. Немедленно! — Повернувшись к Олексиенко, спросил: — Конь при тебе, дед?

— Туточки, товарищ председатель.

— Поручение тебе такое: скачи по селу, выкликай сюда Леонтия Батюка, Федора Гниду, Евдокима Игнатенко, Иосифа Тетеру, Пимена Корницкого, Владимира Литуса.

Каждое имя Кравчун произносил отчетливо, словно отрубал одно за другим из длинного списка, хранившегося в памяти. Председатель знал каждого жителя села поименно.

— Так то ж все партийные, — растерянно протянул Олексиенко. — Собрание проводить надумали?

— Нет, Марк Ипполитович, собираться нам теперь, видимо, не скоро придется. — Кравчук умолк, прислушиваясь к далеким разрывам, тряхнул головой, как бы отгоняя ненужные мысли: — Немцы на подходе. Получен приказ: коммунисты уходят из села на восток!

4. НА ПРОРЫВ

Дорога была сплошь забита войсками. Между машинами, повозками и орудиями шли солдаты из разных частей, сведенные вместе страшной бедой отступления. Гражданских — мужчин, женщин с детьми, тащивших узлы, толкавших перед собой тачки с домашним скарбом, — было сравнительно немного.

Изможденные, давно небритые, почерневшие от грязи и копоты, бойцы устало брели по обочинам, обтекая движущийся судорожными рывками транспорт. Топот сотен ног и натужное дыхание людей сливались с фырканием автомобилей, скрипом

телег, звяканьем пустых котелков в вещмешках за спинами, треньканьем фляг и саперных лопаток, притороченных к поясам. Солдаты двигались молча. Ни оживленных разговоров, ни обычных походных шуточек, ни строевых песен. Обветренные губы скорбно поджаты. На лицах боль и мука. Пальцы крепко стискивают пропотевшие, в разводах соли ремни винтовок. В них для красноармейцев, за последние дни видевших столько смертей, заключалась хоть какая-то надежность, так необходимая в этом зыбком, рушащемся мире. Когда в руках оружие, человек не беззащитен. Он боец, могущий постоять за себя, способный сражаться и бить врага.

На окраине Борисполя военных отделяли от гражданских и направляли в специально создаваемые пункты сбора. Здесь из тех, кто, с трудом оторвавшись от наседавших немцев, сумел уцелеть и отойти за Днепр, формировались сводные батальоны. Нередко это были хоть и поредевшие, но роты, батареи, по крайней мере считающие себя таковыми и потому более боеспособные; чаще — отдельные группы из различных полков всех родов войск — от пехоты до авиации; а больше всего одиночек...

Возле полуразрушенного завода, от которого остались трубы да обгорелые стены, взвод Якунина остановили патрули. Высокий и оттого, должно быть, сутулящийся капитан с перевязанной грязным бинтом головой устало спросил:

— Кто такие?

Рана явно мучила его, и капитан страдальчески морщился.

— Болит? — участливо спросил сердобольный Якунин.

— А ты как думал? — огрызнулся капитан, оглядывая его неприязненным взглядом. Розовощекое с голубыми простодушными глазами лицо Якунина не очень-то пришлось по душе старому вояке. Больно юн, на его взгляд, был этот аккуратненький, в новеньком обмундировании лейтенантик.

— Откуда? — спросил сердито.

— Четвертая дивизия НКВД. Батальон капитана Кермана.

— А-а, слышал, — смягчился капитан. — Хорошо дрались. Я с Керманом рядом воевал. А ваши вроде совсем недавно прошли.

— Мне поскорее их нужно догнать, — обрадовался Якунин.

Ему так хотелось попасть к своим. Быть вместе — это здорово! Капитан Керман — очень требовательный командир и человек замечательный. Он часто повторял: «Мы чекисты!», очевидно, оправдывая тем самым жесткость в отношении к подчиненным. Сейчас комбат, крест-накрест перетянутый скрипучими ремнями, непременно сказал бы своему взводному: «Почему опоздали? Я же установил срок!..» А Якунин стоял бы перед ним навтыяжку и молчал. Как объяснить, что и вправду не могли. Дорога одна, на ней то и дело пробки.

Обойти нельзя: чуть в сторону — заболочено. От самого Днепра Якунин никому не давал передышки. Хоть и неловко подгонять людей, каждый из которых годится тебе в отцы, но что оставалось делать?

Обстановка была совершенно неясной. Слухи ходили разные, один нелепее другого. Говорили, дороги, мол, на восток перерезаны. Кое-кто уверял, будто своими глазами видел неподалеку немецких автоматчиков. Некоторые бодрились, утверждая, что фронт еще держится, и помощь близка.

На самом же деле 37-я армия, оборонявшая Киев и отошедшая за Днепр, к 20 сентября была уже не только окружена, а и расчленена в районе Барышевки. Советским войскам можно было вырваться, лишь пробив вражеское кольцо, становившееся все плотнее и плотнее. Пути отхода перекрывались реками Трубеж и Супой, по берегам которых немцы вкопали в землю танки и создали мощные оборонительные рубежи. Взломать их могла только артиллерия. Но орудий оставались считанные единицы, да и снарядов почти не было: все расстреляли в предыдущих тяжелых боях.

— Где ж своих-то найти? — повторил просьбу Якунин. — Мне капитан Керман приказал...

— Брось! — перебил капитан. — В этой кутерьме черт ногу сломит. Ты вот что, видишь слева дом под зеленой крышей? Дуй туда с хлопцами. Там вас и определят.

Однако до указанного места Якунин со своими людьми добраться не успел. Над городом появились фашистские самолеты. Один за другим они сваливались на крыло, входя в пики.

— Воздух! — крикнул кто-то.

Надсадно завывли бомбы. Якунин прыгнул в канаву, наполовину залитую водой. В следующий миг кругом загрохотало, все потонуло в дыму. Тяжелые разрывы вдавили Якунина в липкую жижу. Над головой полетели осколки штукатурки, кирпичи. Едкой известковой пылью забило рот. А бомбы продолжали рушить округу, и любая могла оказаться для каждого солдата последней.

Затем все стихло. Взревев напоследок моторами и сделав круг «почета» над дымившимся городом, «конкеры» взмыли в небо и безнаказанно удалились. Наступившая тишина оглушила, словно уши заткнули ватой.

Якунин выглянул из канавы. На месте дома с зеленой крышей — бесформенная гора камней, вокруг которой суетились красноармейцы, растаскивающие завалы. Мелькнула показавшаяся знакомой фигура: развернутые могучие плечи, крупная круглая, как шар, голова с оттопыренными ушами, широкие, словно сажей наведенные брови...

«Где я видел этого парня?» — подумал Якунин. А солдат тем временем ворочал пудовые камни.

— Сюда! Скорее! — крикнул он сновавшим с носилками санитарам. — Раненый под завалом. Командир!..

Якунин не ошибался. Иван Фесенко служил в 4-м Украинском полку имени Дзержинского. Где-то на военных дорогах они наверняка встречались. Выбравшись из канавы, Якунин, облепленный грязью, уже намеревался подойти к знакомому красноармейцу, как его громко и властно окликнули:

— Лейтенант, подойдите сюда!

Худющий майор в круглых очках оказался комиссаром полка НКВД.

— Становитесь во второй ряд! — приказал он, кивнув в сторону дома.

За стеной Якунин с удивлением обнаружил группу командиров. Тут были капитаны, лейтенанты, полковники, представители пехоты, артиллерии, авиации, даже моряки.

— У меня взвод, — попытался было объяснить Якунин. — Пусть неполный, но надо его собрать.

— Это мы и делаем, — пояснил майор. — Ставим всех в строй. Надеюсь, вы не возражаете, лейтенант?.. Пожалуйста, сюда!

— Есть! — козырнул Якунин и пошел к указанному месту. Фесенко между тем вместе с другими солдатами продолжал по распоряжению того же майора растаскивать образовавшиеся после бомбежки завалы.

Родом Иван был из Донбасса. Там погиб его отец, боровшийся за установление Советской власти. Фесенко-младший намеревался вначале, как и многие его сверстники, пойти в шахтеры, а жизнь распорядилась по-другому: отчим увез его в село. Но не лежала у Ивана к землеробству душа. Он долго искал свое дело, работал то в одном месте, то в другом, покуда не выбрал редкую для деревни профессию портного, или, как говорили у них, шваля. Ребята над ним подтрунивали: бабья, мол, специальность. Но и завидовали. Зарабатывал он хорошо, от заказчиков отбою не было, потому как шил Иван и зипуны, и армяки, и шубы. Да не просто шил, а по высшему разряду, с придумкой.

Когда в тридцать девятом Фесенко призвали в армию, то и тут пригодилось портняжье искусство. Его сразу же определили в полковую швейную мастерскую. Дел там было непростое. Он чинил обмундирование, кроил гимнастерки, шил брезентовые чехлы для машин и орудий.

Возможно, так и не выучился бы стрелять — огневой подготовкой с мастеровыми занимались редко, — не случись войны. Полк бросили на оборону Киева, и все тыловые подразделения пошли на передовую. Пришлось-таки Ивану Фесенко сменить портняжку иглу на винтовку. И тут оказалось, что у него твердая рука, редкое хладнокровие и меткий глаз — настоящие снайперские качества.

Послышалась команда: «Кончай работу! Строиться!..» Развернув карту, майор давал последние указания:

— Двигаемся по дороге на Харьков. Не исключено, что немцы ее уже перерезали. Будем пробиваться. Иного пути все равно нет!

Колонна сводного батальона двинулась по улице. Справа и слева горели подожженные фашистскими бомбами дома. Рядом со сгоревшими стояли белые мазанки, утопающие в садах. Выбивающийся из разукрашенных резными наличниками окон огонь казался ненастоящим. Разум отказывался понимать, почему все это приходится бросать. Шагая мимо, солдаты и командиры только стискивали зубы и опускали глаза.

Якунин кинул прощальный взгляд на горящие хатенки. Между ними металась испуганные женщины, подростки, спасаая жалкий, годами нажитый скarb. А он, полный сил мужик, боец, ничем не мог им помочь. Дорого дал бы Якунин за то, чтобы сейчас, немедленно броситься в атаку и стрелять, стрелять, пока хватит патронов.

Вдали показались каменные казармы, принадлежавшие авиаторам. Они тоже горели. Огнем были охвачены и военный аэродром, расположенный за Борисполем, и длинные приземистые армейские склады, забитые всевозможным военным снаряжением. Из-за угла вывернули тягачи с зенитками. «Неужто те самые, что я пропустил через мост?» — обрадовался Якунин. Он поискал глазами ершистого политрука, но Чулкова нигде видно не было.

Комиссар, ведущий колонну сводного батальона, остановил зенитки. Подбежавший к нему капитан стал что-то горячо доказывать, отчаянно размахивая руками. Майор перебил и, сердито поблескивая стеклами очков, распорядился:

— Пойдете с нами как артиллерийское прикрытие!

— Но мне комдив приказал, — растерянно воскликнул капитан. — Нас ждут в квадрате...

— Выполняйте последний приказ! — оборвал майор. — Сколько у вас снарядов на орудие?

— Шесть-семь, не больше. Это НЗ.

— Негусто, — помрачнел майор. — Считайте, что время расходования НЗ наступило. Стрелять только по моей команде.

Одна за другой покидали Борисполь сводные колонны рот и батальонов. В одной из них оказались Поповьянц и Бумагина. Медсанбат (вернее, те несколько машин и повозок, что уцелели при отступлении), попав под обстрел, был рассеян и практически перестал существовать. Очередная бомбежка застала их на одной из центральных улиц. Спасаясь от осколков, Поповьянц и фельдшер рванули в ближайший двор. Оба втиснулись в щель, где уже было полно народу. Прижавшись друг

к другу, они переждали налет и когда, измазанные вязкой глиной, выбрались наверх, Сара улыбнулась:

— Ох и вид же у вас, Рафаэль Степанович! С такими руками да в хирургическую...

Поповьянц поглядел на девушку и с облегчением подумал: замечательно, что она не теряет присутствия духа. Только за сегодняшний день они уже трижды попадали под бомбежку. Этого достаточно, чтобы выбить из колеи любого. Хорошо, что у него такая мужественная спутница. Держится молодцом. С ней не пропадешь.

Бумагина в свою очередь отметила выдержку врача. Ей, прошедшей финский фронт, да и теперь хлебнувшей окопного лиха, было не привыкать. А вот за Поповьянца она опасалась: к бомбам непривычен, вполне могут сдать нервы. Он ведь совсем молод. Лицо худое, подвижное. Выражение его постоянно меняется: то хмурое, неприветливое, то вдруг веселое, озорное. Черные, как маслины, глаза, высокий лоб и вьющаяся смолистая шевелюра. Руки не находят себе места. А пальцы замечательные, настоящие пальцы хирурга...

— Надо уходить, — сказала Бумагина, с тревогой прислушиваясь к разрывам снарядов и треску пулеметных очередей, доносившихся с северной окраины города.

— Наседают немцы. Наши тут долго не продержатся, — согласился Поповьянц. — Погоди, я сейчас...

Он подбежал к покореженной взрывом санитарной машине. Кузов был цел, и там вполне могли сохраниться хоть какие-то медикаменты, перевязочные средства. Без них, подумал Поповьянц, какой же ты врач! Он не ошибся. В машине оказалась сумка санинструктора, укомплектованная всем необходимым.

— Порядок, — крикнул он спутнице. — Теперь мы вооружены!

Им встретился командир со шпалой в петлице. Он собирал оставших от своих частей бойцов и, узнав, что Поповьянц и Бумагина медики, предложил:

— Присоединяйтесь к нам. Нужны! Формирую отряд. Пойдем на прорыв!..

Извилистая, стиснутая заборами улочка вывела их отряд в поле. За утопающими в деревьях домишками начиналось жнивье с редко разбросанными копенками. Снопы тонули в грязи, а между ними, как рваные раны земли, темнели воронки, уже заполнившиеся водой. Снова пошел дождь — мелкий, нудный, вьедливый. Дорога, и без того исполосованная колесами машин и повозок, превратилась в нечто невообразимое. По обе стороны ее валялась разбитая техника, перевернутые телеги, конские трупы. Некоторые машины казались даже исправными, но со всем, что мешало движению, расправлялись безжалостно.

Впереди показалась железнодорожная насыпь. Она шла перпендикулярно их маршруту. Неподалеку от переезда маячила скособочившаяся будка. Половина шлагбаума с помятым фонарем была задрана в небо.

Внезапно на насыпи в двух местах часто-часто замельтешили огоньки. Рядом с Поповьянцем вскрикнул боец, потом другой. Колонна, попавшая под пулеметный обстрел, рассыпалась, залегла.

— Эх, пушечку бы сюда, — с тоской сказал командир отряда, пристроившийся возле врача в кювете. — Разнесли бы их к чертовой матери!

— Тут совсем близко орудия есть, товарищ капитан, — сообщил лежащий неподалеку боец.

— Позови кого-нибудь из артиллеристов, — распорядился капитан. — Лучше командира.

Через несколько минут следом за бойцом в кювет скатился младший лейтенант, представившийся командиром взвода управления 112-го артдивизиона Крутских.

— Сможешь подавить пулеметы? — спросил капитан.

— Смогу, — отозвался младший лейтенант. — Шлагбаум у нас пристрелян. Вот только снарядов...

— Что, нет совсем?

— Есть, но мало. Майор Соболев приказал без него ни...

— Кто такой Соболев?

— Наш командир. Он сейчас у дальнего орудия. С ним и договаривайтесь.

Они осторожно выбрались из кювета, нырнули в озимые, росшие по обе стороны дороги. Вскосы были высокие и надежно укрывали ползущих. Возле поросшей густой осокой возвышенности Крутских остановился.

— Теперь сами доберетесь. Тут рядышком. На кустарник держите...

Через несколько минут Крутских позвали к телефону.

— Подготовь исходные данные по пулеметам, — распорядился майор Соболев. — Да поточнее, чтобы не расходовать лишних снарядов.

«Уговорил-таки комдива», — подумал Крутских. Он быстро сделал расчеты, ввел поправки в угломер, прицел и передал на огневую. Раздались один за другом два выстрела. Вражеские пулеметы смолкли, и капитан поднял бойцов в атаку.

Солдаты уже приближались к железнодорожной насыпи, когда возле будки снова заговорил немецкий пулемет. Но тут опять ударили орудия. Видно, Соболев решил поддержать атаку пехоты до конца. И это дорого обошлось артиллеристам. Со стороны хутора Артемовка, расположенного за насыпью, фашисты открыли по их огневой позиции оружейный огонь.

Крутских прыгнул в окоп, отрытый для него заботливым ординарцем. На дне хлюпала вода, но он не обратил на это внимания.

Боевал Крутских давно: в финскую был уже сержантом-связистом, а еще раньше участвовал в освобождении Западной Украины. Когда начались события на Карельском перешейке, написал рапорт с просьбой отправить на фронт. Попал в действующую армию, при взятии Выборга был тяжело ранен в грудь. Долго лежал в госпитале, а когда подошло время выписки, тут как раз и подоспел приказ наркома обороны. Всем фронтовикам, отличившимся в боях и имеющим высшее или неполное высшее образование, присваивалось звание младшего лейтенанта. Крутских попал в эту категорию, так как еще до призыва в армию закончил в Москве три курса института прикладного искусства.

Для окончательной поправки здоровья ему предоставили отпуск, который он решил провести с женой и дочкой. Семья жила в Умани, куда Татьяну после окончания мединститута распределили на работу. Жена выбрала себе одну из самых сложных врачебных специальностей — стала хирургом.

Однако доехать до Умани Крутских не успел. Война застала его в столице Украины. С пересыльного пункта, где собрали всех отпускников и командированных, их направили по частям Киевского укрепрайона. Вскоре 112-й арtdивизион, в который попал Крутских, уже участвовал в боях...

Обстрел все усиливался. Снаряды густо рвались вдоль посадок. «Что там творится?» — выглядывая из окопа в сторону огневой, со страхом подумал Крутских и окликнул телефониста:

- Позвони-ка, узнай. Может, помощь нужна?
- Связи нет, товарищ младший лейтенант.
- Что значит «нет»? Кто ее исправлять будет?
- Сейчас... Я сейчас сбегая...

Солдат вернулся не скоро. Скуластое лицо его стало землистым.

- Все, командир, — глухо сказал он. — Накрыло.
- Всех?
- Майор Соболев убит прямо у орудия. Политрук Кокорев тоже.

— А расчеты? Расчеты остались?..

— Один. Еще стреляет... — И вдруг воскликнул: — Товарищ младший лейтенант, пехота за насыпь пробилась! Нам от нее негоже отставать. Вы же теперь за старшего остались, командуйте.

— Правильно, солдат, — горестно вздохнул Крутских. — Собирай ребят. Всех, кто еще жив.

Людей едва набралось на пару расчетов. Да и пушек целых оставалось всего две. С остальных, поврежденных, сняли замки

и забросили в болото. Винтовочные выстрелы теперь доносились от самой Артемовки. Там по всем признакам шел ожесточенный бой.

— Двигай! — крикнул Крутских, вскакивая на подножку тягача.

Машина, тяжело переваливаясь, медленно поползла по расквашенной дороге. За ней двинулась вторая. Они перебрались через переезд, но не успели развернуть орудия, как немцы, заметив артиллерию, снова открыли огонь из минометов.

— Не стрелять! — приказал Крутских. — Экономить боеприпасы.

Он распорядился развернуть остатки батареи справа от дороги, где было посуше. Сам наметил место для орудий и стал помогать бойцам отцеплять пушки от машин. Неожиданно рядом шлепнулась мина. Разорвалась негромко, словно кто-то ботинком наступил на лампочку. Горячо, хлестко ударило в бок и опалило. Крутских отбросило в сторону, перевернув, отшвырнуло на болото. Последнее, что он успел подумать: «Мягко, это хорошо. Могло бы зашибить...» Потом наступила тишина.

А бой близ Артемовки продолжался.

Ее удалось удержать совсем ненадолго. Немцы не могли мириться с потерей хутора. Подтянув свежие силы, они ринулись вперед, бросив перед пехотой танки. Поредевшие сводные роты вынуждены были отойти. На считанные минуты наступило затишье. И опять бой загрохотал с новой силой.

Фесенко видел, как геройски сражались и гибли его товарищи, и в бессилии сжимал кулаки. Раненый, он лежал в глубокой воронке, куда санитары снесли еще несколько человек. Превозмогая боль, Иван изредка стрелял из винтовки, экономя патроны. Их у него оставалось не более двух десятков. Да еще граната, которую он берег на крайний, самый крайний случай.

Неподалеку от Фесенко лежал полковник. Седые волосы прилипли к изможденному лбу, грудь перебинтована. Полковник тяжело, прерывисто дышал. На впалых щеках пятнами горел лихорадочный румянец. Подняться командир сам не мог и поминутно спрашивал у выглядывавшего из воронки Ивана.

— Ну как там, солдат? Овладели наши хутором?.. Надо. Надо пробиться!

— А как? — не выдержав, воскликнул Фесенко. — У нас только винтовки, а у них пулеметы! Зазря народ погибает.

— Ошибаешься, солдат, — отозвался полковник. — Не зря гибнут люди. Тут, на полях Украины, сейчас перемалываются части вермахта... Пойми, солдат... Лучшие части!

Он закашлялся. Иван подполз к раненому:

— Может, помочь чем?

Тот отрицательно покачал головой.

— Поздно, солдат... Поздно... А ты смотри, запоминай. — Он слабо вскинул руку и с неожиданной силой заговорил вновь: — Здесь, на этом поле, куется сегодня наша победа... Не удивляйся. Надо подготовиться. Надо собрать резервы. Нужно время. Потому и деремся на каждом рубеже. Любой ценой вырвать день... час... минуту...

Захлебываясь, задыхаясь, полковник говорил страстно, проникновенно, думая, что убеждает солдата, тогда как на самом деле старался объяснить себе, силился понять и осмыслить происходящее. Ему, кадровому военному, слишком многое было неясно, хотя он и был близок к истине. Потому что верил в силу духа и конечную победу нашей армии, той армии, служению которой отдал всю сознательную жизнь. Потом полковник захрипел, вытянулся и затих. Широко открытые глаза теперь спокойно смотрели в небо.

Тем временем одной из сводных рот вновь удалось прорваться в Артемовку вдоль железной дороги. Возле крытого соломой колхозного амбара, стоявшего за околицей, вспыхнула рукопашная. Не выдержав штыкового удара, немцы начали откатываться. Но тут со стороны Кучакова показалась группа фашистских мотоциклистов. Поливая перед собой смертоносным свинцом, они ворвались в хутор. Улицу буквально вымело пулеметным огнем.

Сводная рота, состоявшая из остатков батальона, отошла за насыпь. Теперь в ней было едва ли больше взвода. Окинув взглядом оставшихся бойцов, Якунин понял: теперь уже не прорваться. Рыжий майор в очках, командовавший ими, погиб еще днем. Убит был, как сообщили Якунину, и капитан Керман, дравшийся с остатками своего батальона неподалеку. Теперь отрядом руководил моряк с нашивками капитан-лейтенанта, высокий, молодцеватый, с громовым голосом.

— Где зенитки? — спросил он, обращаясь ко всем сразу.

— Возле переезда, — угрюмо ответил сержант с перевязанной шеей, появившийся неизвестно откуда. — От них вроде кто-то был здесь.

— А ну найди!

Из кустов выскочил командир с красной звездой на рукаве — отличительным знаком политработника. С ним бежал боец-зенитчик. Якунин не поверил своим глазам. В командире он узнал Федора Чулкова.

— Орудия далеко? — спросил капитан-лейтенант у политрука.

— Стоят на прямой наводке по наземным целям.

— Сколько?

— Осталось два.

— Давай, политрук, врежь по этим мотоциклистам!
— У меня всего четыре снаряда.
— Ну и что? Солить их будешь?.. Выдай прицельно, чтоб с пользой, и кончай с пушками!

— Ясно, — хмуро отозвался Чулков. — Я пошел?

Однако Чулков не успел добраться до места. Разорвался снаряд. Политрук вскрикнул, упал. К нему бросилась санитарка. Перевернув на бок, стала быстро бинтовать бедро, а он что-то торопливо говорил сопровождавшему его бойцу. Тот мотнул головой и бегом бросился вдоль насыпи.

Ждать долго не пришлось. Один за другим отрывисто хлестнули оружейные выстрелы. Зенитные снаряды прошили улицу Артемовки и разорвались в гуще немецких мотоциклистов.

— Так их перетак! — выругался моряк, вставая в полный рост. — За мной, братишки!..

Якунин перепрыгнул через рельсы, и тут над его головой рванула шрапнель. Осколок ударил в лопатку, сбил с ног. Та же санитарка, которая несколько минут назад оказывала помощь Чулкову, подбежала к нему.

— Сейчас перевяжу, миленький. А дальше ты уж как-нибудь сам, — приговаривала она. — Тут в низинке машина стоит. Ползи к ней, а я другим пока помогу.

Собравшись с силами, Якунин с трудом добрался до грузовика. Ему протянули руку, помогли взобраться в кузов. Едва он пристроился в углу, как под машиной ухнуло. Резкая боль одновременно пронзила ногу и руку. Якунин потерял сознание.

Стрельба постепенно затихала. Кое-где еще раздавались одиночные выстрелы, но и они постепенно смолкали. На израненное, залитое кровью поле медленно опускалась ночь. Была она черной, промозглой. Не переставая сыпал колючий осенний дождь. Небо словно оплакивало павших сынов. А ветер, налетавший порывами, доносил удалявшиеся отзвуки канонады. Это уходили на восток те немногие, которым все же удалось прорваться.

5. ПОЛЕ СМЕРТИ

Еще днем по селу прошел слух, что за хутором на болотах, где двое суток гремел бой, осталось лежать много раненых красноармейцев. Соседка Ольги Комащенко, прибежавшая из Артемовки, плача и причитая, сообщила:

— Там хлопчики лежат покалеченные без помощи. Да и откуда та помощь явится?

— Как «откуда»? А мы на что? Там ведь свои лежат! — крикнула Ольга.

Набросив на плечи платок, она побежала к Варваре Соляник. Та сизмальства отчаянной была. Когда-то на спор одна на кладбище ходила. Да и под обстрелом побывала, когда работала на строительстве оборонительных сооружений под Киевом. К тому же Варвара, как и Ольга, окончила до войны курсы сандружинниц, организованные сельским фельдшером, и понимала, как с ранеными обращаться.

Соляник уже знала о случившемся под Артемовкой и встретила Ольгу сурово.

— Меня агитировать не надо! — отрезала. — Я уже собираюсь и девчат из соседних домов предупредила. Народу потребуется много. А ты сгоняй к фельдшеру за инструкциями.

— А если немцы туда нагрянут? — с опаской заметила Комащенко. — Они нам, как тем курам, головы поотрывают.

— А мы осторожно пойдем, задами...

— Все равно боязно...

У бригадирши сердце замирало от страха, но жалость пересиливала. Люди лежат беспомощные, кровью истекают, в беспамятстве. Помочь им — первейшее бабье дело. Особенно тех, которые основу медицинской науки у Горуновичихи целый год в сандружине изучали.

Горуновичиха, так девчата называли единственного медика в селе, фельдшера Евдокию Степановну Горунович, не была коренной жительницей Кучакова. Приехала она сюда из Белоруссии с сыном и мужем, по профессии землемером, которого вскоре похоронила.

Евдокия бессленно заведовала медпунктом. Под ее началом еще до войны в селе была создана сандружина Красного Креста, объединившая, как говорила Катя Пащенко, «двадцать душ полоненных девчат». «Заместо того, чтоб на вечерницах время проводить, — добавляла она, — фельдшерские мудрости познасмо...»

Заскочив на минуту в медпункт, Ольга не застала Евдокию Степановну: та была, как обычно, на вызове. Оставив записку, чтобы фельдшер с остальными девчатами их догоняла, решила — нечего мешкать. День хоть и клонится к вечеру, но до Артемовки рукой подать. А в компании с Варварой не так страшно...

— Господи, и куда ж мы с тобой лезем-то, — вырвалось у Ольги. — Что нам больше всех надо?..

— Да не одним нам, — возразила Варвара. — У Кати Конченко дитя малое, а все одно собирается.

— Какая Катя? Та, что недавно Пащенко была?

— Она. Сказала: пять братьев воюют да муж... Кто знает, может, своих кого найду. Мало ли мужиков с нашего села да с округи воюют. А коли не местные, все равно живой живому пособлять обязан.

— Не срами меня, Варя, — махнула рукой Ольга. — У самой сердце плачет.

В тот день, 20 сентября, как и в предыдущий, люди в поле не выходили. Какая уж тут работа, когда кругом пальба. Залетел шальной снаряд на улицу, и два дома, как корова языком, огнем слизнуло. Жители в погреба попрятались — надежнее места в деревне не найти...

Не успели девчата отойти от села на полкилометра, как сзади заурчали моторы. Оглянулись и обмерли. Катят по дороге мотоциклы с колясками. На каждом по два немца в касках кричат, хохочут. Рукава засучили, словно на живодерню собрались. И пулемет спереди торчит. Еле успели в кювет сигануть, благо болото тут вплотную к дороге подходит, и осока растет чуть не в человеческий рост.

Моторы давно затихли вдаль, а напуганные девчата все еще не решались выйти из укрытия. А когда выбрались на дорогу, увидели Ульяну Хобту и Ганну Лукаш. В селе жили две Ганны, и обе, хоть и не родственницы, носили одну фамилию. Поэтому ту, что сейчас отправилась со всеми в поле, а она была посolidнее, девчата называли Ганной Семеновной.

— Добре, что встретились, — обрадовалась Ульяна, обнимая Варвару. — Гуртом сподручнее... А нас Лаврентий Гаврилович послал. Ступайте, говорит, девчата, к раненым на подмогу.

— Горуновичиха тоже с ним по хатам бегает, сандружину скликает, — добавила Ганна. Она испытывала к фельдшерице особую благодарность и искреннюю привязанность за постоянную медицинскую помощь ее детям.

Ганна Семеновна была старше своих подружек, давно вышла замуж. Невысокая, круглолицая, плотная, она славилась сильным характером и даже ходила как-то размашисто, помужски, а голос был зычный, грубоватый.

— Тебя-то куда понесло? — упрекнула Ольга.

— С мамой моей сговорилась, что ли? — всплеснула руками Ганна. — Она тоже за подол хватала.

— Трое деток... А коли с тобою что случится? Не по ягоды идем, Ганна Семеновна.

— Не нагоняй страху, — сердито отрезала Лукаш. — Пошли быстрее.

Хутор Артемовка состоял из двух десятков хатенок, образовавших единственную улицу. Дворы задами выходили в поле, слева упиравшееся в железнодорожное полотно. Тут пролежала ветка Киев—Харьков.

Перед глазами девчат открылась жуткая картина. Впереди, насколько хватало глаз, дымясь, лежала перепаханная снарядами земля. Вывороченная наизнанку, она почернела, разверзлась воронками. И на той земле валялись солдаты в самых

нелепых позах, трупы лошадей, покореженные орудия, полу-обгоревшие машины, мотоциклы, разбитые повозки, сожженные танки и бронетранспортеры...

Пораженные, стояли на краю поля девчата. Тут и бывалые люди растерялись бы, не сразу сообразив, с чего начать. А они, молодые, красивые, жизнерадостные, впервые вплотную столкнулись с тем чудовищным, беспощадным, что зовется войной.

Из-за кустов вдруг донесся стон; в другой стороне послышался высокий протяжный голос. Варвара и Ольга бросились на зов и увидели красноармейца с вывернутыми под неестественным углом ногами. Глаза его были закрыты, губы закусены до крови.

— Ой лышенько, что делать? — запричитала Ольга. — Его с места тронуть нельзя...

— Шины давай, — решила наконец действовать Варвара. — Я помню, как надо те шины накладывать. А сверху забинтуем. У тебя в сумке йод есть?

— Трохи осталось, что Горуновичиха давала...

Ульяна с Ганной, прижимаясь друг к другу, пошли наугад в другую сторону и тоже обнаружили раненого. Красноармеец полулежал в воронке. Нижняя часть лица — сплошная рана, едва затянута бурой коркой запекшейся крови. Зрелище было настолько ужасающим, что девчата в испуге отпрянули. Первой пришла в себя Ганна.

— Для чего пришли? В гляделки играть? — прикрикнула она. — Перевязывать будем.

— Мамоньки, сколько ж тут бинтов потребно, — прошептала Ульяна. Она никак не могла унять дрожь.

— И то правда. У Горуновичихи всех медикаментов — на десяток человек. Ты вот что, Улька, пойдй пошукай, — распорядилась более решительная Ганна. — Бачишь машину с червонным крестом? В ней погляди.

То и дело поминаемая девчатами Горунович была в этот момент тоже на подходе к Артемовке. С ней шли четыре сандружинницы и Билык.

Директор школы и фельдшерица были не просто знакомы. Горунович, вдовствующая несколько лет, вышла замуж за учителя Ивана Степановича Гладуна, давнего приятеля директора. Поженились они по любви, но, поскольку были не венчаны, на селе о них говорили: сошлись. Билык часто бывал у них в доме. А жила фельдшерица с мужем и сыном в той же избе, где размещался медпункт. Хата была казенной, данной ей сельсоветом. Принадлежала она прежде Ефрему Комащенко, мужику не слишком зажиточному, но, как говорили в Кучакове, справному и потому, очевидно, попавшему в лихие годы под раскулачивание. Дом был просторный, в несколько комнат, однако пол земляной, крыша соломенная.

Повидав на своем веку много горя и страданий, Горунович тем не менее в свои тридцать семь лет не огрубела, остро переживала чужую беду и по-бабьи жалела людей. Только профессиональная выдержка, выработанная годами и жизненным опытом, заставляла ее быть сдержанной, что нередко воспринималось окружающими как черствость.

Когда Билык в полдень пришел в медпункт, Евдокия Степановна уже готовилась к выходу. Она собрала бинты, разрешила на полосы всю имеющуюся в наличии марлю, комплектовала походные аптечки.

— Я с вами пойду, — сказал Билык.

— Пока повременим, Лаврентий Гаврилович, — отозвалась Горунович. — Там еще стреляют. Девчата побоятся.

— А санитарки на фронте? Они из другого теста сделаны?

— Так они ж на передовой...

— И у нас теперь самая что ни на есть передовая, — сухо сказал он. — Враг пришел к нам в дом... Собирайте народ. Уверен, никто не откажется.

И Горунович, отбросив сомнения, побежала по хатам. Билык как в воду глядел: девчата, ее сандружинницы, откликнулись немедленно. Софья Батюк, степенная властная чернобровая красавица, знавшая себе цену, строго сказала:

— За мной не заржавеет. Я враз. Остальных скликайте, Степановна.

А тезка ее Софья Дворник, пообещав прибыть к месту сбора через час, добавила, озорно сверкнув глазами:

— Когда будем молодых хлопчиков бинтовать, так мне чтоб самого гарного отдали...

Она была веселой, жизнерадостной, бойкой на язык толстухой. На зависть подружкам носила красивые подаренные матерью позолоченные сережки. Та за последний год, получив в звене высокий урожай свеклы, хорошо заработала. Вот и решила порадовать любимую дочку. Будучи на совещании в области, купила ей сережки, каких в селе не было ни у кого.

Услышав слова Софьи Дворник, строгая Лида Пашенко, потрянув пышными белокурыми волосами, гневно прикрикнула:

— Голодной куме хлеб на уме. Про что думаешь? Нашла время шуры-муры заводить!

— Смех делу не помеха, — обиделась Софья.

— Хватит браниться, девчата, — остановила их Горунович. — Разбирайте поскорее медикаменты и перевязочные средства. Там нас, может, ждут не дождутся, а вы по-пустому сцепились. Приспело время мою науку на практике применить...

Уже за околицей сандружинниц нагнала Ирина Расич. Соседи звали ее Расичкой, добавляя при этом: «Та, что в куркульской хате живет...» Маленького росточка, тонкая, она

смотрелась подростком, хотя на самом деле была значительно старше многих своих подруг. Ирина давно вышла замуж, успела родить и похоронить ребенка. Муж ее был единственным в Кучакове сапожником, ценнейшим для села специалистом. У него шили выходную обувь для деревенских праздников, а в таких случаях даже прижимистые мужики не скупятся; о бабах и говорить нечего. Сапожник был человек состоятельный, построил возле сельмага в самом центре села просторную хату, которую сразу окрестили куркульской, и привел сюда молодую жену. Только недолгим было их счастье. Уже в июне Расича призвали в армию... Ирина одна из первых в Кучакове получила похоронку.

На окраине Артемовки вновь прибывшие встретили Варвару Соляник.

— Ой девоньки, что творится, — заголосила она. — Раненные по всему полю раскиданы. Иные так ослабли, что голоса не подают...

Варвару окружили, начали тормошить, расспрашивать, но Горуневич решительно вмешалась.

— Кончайте болтать! — сказала властно. — Раскудахтались. Тут не посиделки. Раненых ищите под каждым кустом, за каждой кочкой. Укладывайте на шинели и волоком... Сейчас укажу, куда сносить.

Фельдшерницу окликнула Ульяна Хобта:

— Тут один даже тяжелый, Евдокия Степановна. Боймся подступиться...

При виде красноармейца с ранением в челюсть Горуневич стало не по себе. С таким она прежде не встречалась. Однако виду не подала. Если заметят, что фельдшер дрогнула, что спрашивать с девчат? Привычно раскрыв санитарную сумку, она начала обрабатывать рану.

— Слышь, Степановна? На том конце поля наши хлопцы, пленные солдаты, убитых собирают...

— Сама видела? — всполошилась Горуневич.

— Сама... Хлопчики все оборванные, смотреть страшно! Одних к силосной яме тянут. Там, видать, мертвых складывают; остальных волокут в колхозный сарай...

— И сколько их там, пленных наших?

— Небогато, десятка два. А возле них — немцы с автоматами. Подгоняют, в спины дулом тычут да ругаются...

Горуневич задумалась. Ярко-синие глаза ее потускнели. На душе стало тревожно. По всему видно, фашисты распорядились очистить поле от раненых и убитых. В первую очередь выносят, конечно, своих... Но кто знает, как они отнесутся к тому, что на помощь красноармейцам пришли сельчане. Их никто не звал, и это может немцам не понравиться. Вдруг явятся сюда... Она боялась даже подумать о том, что может случить-

ся. Девчата ведь пошли по ее да еще Лаврентия Гавриловича зову...

Горунович вдруг отчетливо поняла, какую страшную взвалила на себя ответственность. А вправе ли была это делать? Скажи она сейчас, что надо уходить, — через минуту здесь никого не будет. Но как бросить людей, нуждающихся в помощи?

Перепуганные девчата окружили ее. Они притихли, ждали, что скажет Горунович. Но тут неожиданно резко заговорила Ольга Комащенко:

— Мы тут по доброй воле. Или не так, девчата? Будем продолжать.

И девчата, словно до сих пор им не хватало уверенности, загалдели:

— Нам ли пугаться?

— Что они, те немцы, с нами сделают?

— Разве ж мы не дома!..

Горунович изумленно глядела на своих всегда послушных подопечных.

— Тихо, девчата, — остановила она их. — Вы... — голос предательски дрогнул. — Вот что я вам скажу: немцы нас тоже давно увидели. Раз до сих пор не явились, значит, вроде признали и нас могильщиками. Давайте работать. Работа любой страх одолеет!

Быстро наступал вечер. Сумерки окутывали поле, постепенно скрывая следы войны. Потонули в темноте воронки. Изрытая снарядами дорога вытянулась в ровную ленту, и было уже не разглядеть по сторонам ни изуродованных машин, ни разбитых пушек. Душная, сырая, пропитанная запахами пороха и крови ночь опустилась на землю.

Горунович подошла к Билыку.

— Мы, наверное, тут останемся, Лаврентий Гаврилович. Как-нибудь до рассвета перекантуемся. Рискованно ходить туда-сюда. А вы поспешайте домой, с утра пораньше надо людей поднимать да раненых забирать отсюда.

— Согласен, Евдокия Степановна. В Артемовке не разместись, а у нас все-таки без малого двести дворов... Ты только, голубушка, девчат береги. Дежурную на ночь оставь. От фашистов добра не жди, — сказал Билык на прощание.

— Знаю, — так же тихо, чтобы никто не услышал, отозвалась она. — Но сами ж говорили: мобилизованные мы теперь, хоть и у себя дома...

Пока Билык добирался до Кучакова, время перевалило за полночь. До рассвета оставалось четыре часа, можно бы и вздремнуть. Но сон не шел. Одолеваемый тревожными мыслями, Лаврентий Гаврилович ворочался с боку на бок. «Как жить дальше? — думал он. — Красная Армия, конечно, вер-

нется, только когда? Возможно, пройдут недели, месяцы, и немыслимо все это время сидеть, сложа руки, в ожидании, пока кто-то ценой своей жизни добудет победу над врагом...»

Потом он стал думать о раненых. Привезут их завтра в село. А где разместить? Чем накормить? Где добыть медикаменты? И, главное, как уберечь от опасности?.. Конечно, немцы тоже разные. Есть среди них убийцы, грабители, но есть и обычные люди — рабочие, крестьяне. И пусть они одурманены Гитлером, что-то же человеческое в них должно было сохраниться...

Следом за армейскими частями придут, конечно, жандармерия, гестапо — Билык уже читал об этом в газетах. От них пощады не жди. Но для создания администрации на оккупированной территории нужно время. Да и Кучаково — село глухое, окруженное болотами. До него не сразу доберешься. Значит, некоторый срок есть... Знать бы только, сколько его отпущено. И что нужно для того, чтобы скорее поставить раненых на ноги?

Не находя ответа на мучившие его вопросы, Лаврентий Гаврилович испытывал полную беспомощность. То ему казалось, что надо организовать вооруженную охрану и, если немцы нагрянут, дать бой; то думал о том, как понадежнее всех спрятать, чтоб не нашли, даже если возьмутся искать.

Под утро, так и не сомкнув глаз, Билык встал, открыл окно. Ему представилось, как по проходившей мимо дома дороге поутру закрипят телеги. Первым, конечно, двинется Родион Павлович Пашенко. Бухгалтер — человек долга, пользуется у колхозников заслуженным авторитетом и от общего дела никогда не отставал. За ним другие потянутся. Григорий Дорофеевич Литвиненко, например. Он хоть из рабочего класса, стрелочником служит, но с лошадьми управляется, как заправский кучер. Определенно поедут братья Томилины. И Василий, и Демьян мужики безотказные. На что Василий инвалид (ключица сломана, и рука плохо двигается), а попросит кто помочь, всегда пожалуйста. Такие печи кладет — на век хватает.

Лаврентий Гаврилович поежился, почувствовал прохладу. Выпала роса, значит, скоро утро, подумал он и мысленно вернулся к людям. Олексиечко! Как же он его позабыл? У деда и лошадь есть, и ко всякому риску его, как магнитом, неудержимо тянет. Храбрый, рассказывают, солдат был в свое время и до сих пор отвагу не растерял...

Как ни странно, а может, наоборот, закономерно, однако, не дожидаясь клича, мужики в селе стихийно готовились выехать с рассветом в Артемовку. После ужина к Дворнику зашел живший неподалеку старинный приятель Александр Илькович Лукаш.

— Ты, сосед, как считаешь, ехать нам до Артемовки своим пособить или нет? — спросил он осторожно. Был Лукаш мужик основательный, спешки ни в разговоре, ни в деле не терпел.

Василий Ерофеевич хитро прищурился:

— А у тебя на то своя думка имеется?

Александр Илькович пригладил пышные усы, кашлянул для солидности и басовито произнес:

— Как не быть? Я так разумию: следует двинуть пораньше.

Дворник, любивший подшутить над приятелем, с нарочитой опаской произнес:

— Между прочим, там мины раскиданы. Как бабахнет — волов твоих вмиг раскидает.

— Что волы? Худоба и есть худоба, — резонно возразил Лукаш. — Там червоноармейцы животы свои кладут, в ты — волы...

Василий Ерофеевич переглянулся с женой. Они-то уже раньше обо всем переговорили и пришли к единому мнению, что ехать совершенно необходимо. Так что Лукаш ломился в открытые ворота.

— Ты не серчай, Александр Илькович, — примирительно сказала Евдокия Михайловна. — Мы тоже так решили.

— Тогда ты свой пожарный инвентарь скинь да соломой не забудь возы притрусить, — сказал Лукаш Дворнику.

— Так и сделаем, — согласился Дворник. Не хотелось обижать друга, и потому Василий Ерофеевич не стал объяснять, что еще засветло вместе с Ваней освободил повозки от лишнего имущества. Но Евдокия Михайловна, не сдержавшись, улыбнулась. Муж с сыном часа два возились возле бочек и насосов, отвинчивая и стаскивая их в сарай.

— Прощевай! — сердито буркнул Александр Илькович. — Распустил ты свою жинку. Подумаешь, велика птаха — звеньевая, пятисотница!.. Негоже бабе в мужской разговор встревать!

С трудом успокоив расхोлившегося приятеля, Дворник условился с ним выехать из села в шесть часов. С тем Лукаш и ушел, намереваясь по дороге зайти еще к брату Трофиму, потому как любое дело вдвоем вершить сподручней.

Задав сено корове, Дворник разделся и лег. Взяв по привычке газету, хоть и десятидневной давности, он стал неторопливо, в который уж раз, просматривать ее от корки до корки.

«В Театре имени Тараса Шевченко прошла очередная премьера Украинского музыкально-драматического театра “Лимеривна” Панаса Мирного», — прочел он и горько усмехнулся. Теперь по театру небось германцы шастают, свои пьески по-

казывают. Среди них, может, и тот жирный бауэр, на которого Дворник вынужден был работать в германском плену еще в первую империалистическую. А не он, так его сыновья. Радуются, сволочуги. Ну да недолго им веселиться. Недаром же пишут, что наши нынче Берлин бомбили.

Василий Ерофеевич перевернул страницу:

«Трудящиеся собирают теплые вещи для бойцов...» Верно. У них в селе тоже собирали. Всем миром ташили кто фуфайку, кто валенцы, а кто и тулуп. Жалко, конечно, отдавать свое, горбом нажитое, но разве ж народ не понимает, что солдату на снегу в окопе теплая одежда, что жизнь...

«Среди трактористов на селе развернулось движение двухсотников». И такое было. Ребята из МТС на колхозных полях по двести процентов нормы за день вырабатывали. Да и бабоньки шибко нажимали, чтобы, значит, скорее хлеб убрать да озимые засеять. Кому только теперь все это добро достанется?

«В дружинах Осовиахима изучают военное дело», — попался на глаза заголовок, набранный крупным шрифтом. И Василий Ерофеевич подумал, что вся информация идет еще из той, прошлой жизни, хоть уже и не мирной, но привычной. Теперь она кончилась. Пришел на Украину германец, наступила недобрая година. Вот тут и зарыт главный вопрос: можно ли жить под германцем?..

В глубине души Василий Ерофеевич сознавал: жить нужно по-прежнему честно — это и есть главное. Чтобы не стыдно было потом людям в глаза смотреть. А уж что делать — обстановка подскажет.

Евдокия Михайловна, возившаяся у печи, гремела горшками. Было далеко за полночь. Иванко, спавший на печи, давно досматривал третий сон. А Софьи нет, ушла куда-то с девочками. Но это не очень беспокоило Дворника. Дочь давно стала самостоятельной. Наверное, у подружки заночевала.

— Ты скоро, жена? — спросил он. — Час поздний, пора отдыхать!

— Сейчас, — отозвалась та и, громыхнув еще раз ухватом, вошла в комнату. — Гасить свет или нет?..

Задуть лампу она не успела. В окно, выходящее на огорода, легонько стукнули. Василий Ерофеевич встревоженно вскинулся. Кого нелегкая принесла? Время для гостевания неподходящее. И ежели кто пришел на ночь глядя, то определенно с бедой.

Стук повторился. Евдокия Михайловна накинула на плечи платок и пошла к двери. Прежде чем отодвинуть засов, спросила, кто там.

— Свои, — послышался мужской голос. — Отворите, люди добрые!

Опасливо приоткрыв дверь, Евдокия Михайловна отпрянула и едва не уронила лампу, которую держала над головой. В дверь ввалился высокого роста человек, весь сверху донизу в болотной грязи. На голове его каким-то чудом держалась сплюснутая офицерская фуражка. Лицо заострилось. Щека рассечена, и на ней запеклась кровь.

— Не пугайтесь, ради Бога! Свой я, артиллерист, под Артемовкой в бою был, — с трудом выговаривая слова, пробормотал вошедший. — Попить бы...

Женщина метнулась в кухню, набрала в ковшик воды, дрожащей рукой подала незнакомцу. Тот пил торопливо, захлебываясь. А Евдокия Михайловна стояла рядом и жалостливо глядела на изможденного, смертельно уставшего парня.

В коридор вышел Василий Ерофеевич. Окинул прищельца взглядом и все понял.

— Повечерять собери, жена, — коротко сказал он и, повернувшись к ночному гостю, добавил: — Заходи, будь ласков. В хате расскажешь, в чем нужда.

— За деревней раненых полно. Живые... Еще живые. Погибнут люди! — отрывисто заговорил Крутских, ибо это был он.

Когда взрывная волна отшвырнула его на болото, младший лейтенант потерял сознание. Сколько продолжалось забытье, он не помнил, очнулся в темноте. Сквозь прорехи в облаках выглядывали звезды... Он попытался приподняться и застонал от боли. Затылок разламывало, плечи одеревенели, спина, словно чугунная, не гнулась. Перед глазами все плыло, к горлу подкатывала тошнота.

Собравшись с силами, Крутских с немалым трудом выполз на пустынную дорогу. Пошатываясь, встал. Звезды то тускнели и расплывались, то становились радужно крупными, яркими. Он сделал шаг, другой, покачиваясь от слабости. Колени не слушались, подгибались. Хотелось лечь и снова забыться, но он пересилил себя. Пошел медленно, осторожно. Неожиданно споткнулся и упал на лежащего поперек дороги человека. Ощупал: руки стали липкими от крови. Приложил ухо к груди — сердце стучит... Сделав невероятное усилие, младший лейтенант поднялся и тут же услышал чей-то стон, чей-то вскрик...

«Сколько их? — с отчаянием подумал Крутских. — Может, и мои солдаты здесь? Помочь, немедленно помочь! Нужно найти людей, сам не управлюсь. Должны же быть поблизости жители?»

На хуторе стояла глухая тишина. Никаких признаков жизни. Даже лая собак не слышно. Крутских толкнулся в ближайшую хату пусто, в соседнюю — никого. Пошатываясь, вышел за околицу и медленно побрел по дороге. Им владело

сейчас единственное желание — встретить хоть кого-нибудь. Не могли же все попрятаться, уйти, погибнуть!

Свет мелькнул внезапно — впереди, у самой земли. Даже не сразу поверилось в удачу. Может, галлюцинация? Он закрыл глаза, открыл — огонек продолжал гореть, манил, притягивал к себе, и Крутских, отбросив осторожность, пошел на мерцающую в ночи точку, все убыстряя шаг. Последние метры он почти бежал, с трудом удерживая равновесие, пока не наткнулся на изгородь. Перед ним оказалась хата с высокой крутой крышей. Крайнее оконце ее было освещено...

Пока Крутских ел, жадно глотая поданную Евдокией Михайловной заправленную салом картошку, Дворник, сидевший напротив, в упор разглядывал ночного пришельца. Глаза красные, припухшие, под ними темные круги, а ведь совсем молод, едва за двадцать перевалило. Руки дрожат, как в лихорадке. Видя, что парень все время порывается что-то сказать, он жестом останавливал его, приговаривая:

— Подкрепись, поговорим потом... Да не бойся, у своих ты. А насчет раненых мы уже знаем. Чуть рассветет — поедem.

— Нельзя ждать! — воскликнул Крутских. — Там же бойцы кровью истекают!

— Не агитируй, хлопец. Мы и сами с разумением. Только в темноте поисками заниматься толку мало. Кого во мраке сыщешь? Сейчас ложись, немного поспи...

Через пару часов Василий Ерофеевич выглянул в окно и решительно поднялся. Он разбудил сына, велел запрягать лошадей.

— Ты Ваню не брал бы, а? — попросила Евдокия Михайловна. — Мал он на раненых глядеть. Лучше я пойду...

— Нет, жена, по мирному времени он бы еще в маленьких ходил, а сейчас детство кончилось. Мужик он, пусть ко всему привыкает. А у тебя тут других забот полно. Поесть наготовь, да поболее.

— А где людей разместим? Не на один ведь день? — спросил Крутских.

— Ты прав, служивый, — отозвался Василий Ерофеевич, — квартирование — важный вопрос. Не занять ли нам детский сад? Он тут близко...

— Вот это дело!

— Так и поступим. Слушай меня, жена, — беря из рук сына вожжи, сказал Дворник, — детский сад отопри, соломой пол погуще притруси, чтоб, значит, людей не на голые доски класть... Ну, хозяйствуй!

Небо на востоке только чуть посветлело, когда со двора Василия Ерофеевича Дворника одна за другой выехали возы. Дребезжа и подпрыгивая на ухабах, они покатали по еще

темной притихшей улице. За ними следом потянулись из села разномастные повозки и телеги.

Ехали братья Томилины и Лукаши со своими сыновьями. Поспешали Олексienко с Гладуном. Горячили коней Родион Пашенко и Кирилл Заяц. Торопились Григорий Дорофеевич Литвиненко, Иван Прокофьевич Глядченко, Андрей Алексеевич Литус... Все, кто имел лошадей, быков или смог добыть их хотя бы на время у соседей, направлялись сейчас к Артемовке.

Опасность подстерегала на каждом шагу. Бой хоть и кончился, но то здесь, то там еще слышались одиночные выстрелы, — это уходили на восток, отстреливаясь, разрозненные группы красноармейцев. Можно было легко напороться на неразорвавшуюся мину, а то и просто угодить под случайную пулю. Да и встреча с вражеским патрулем не сулила ничего доброго: фашисты не стали бы разбираться, кто ты и зачем выбрался из дому в такую рань.

Но там, среди болот, погибали свои! Сельчане это понимали, потому и было в коллективном порыве нечто сильнее страха.

6. ИНОГО ВЫХОДА НЕТ

Над дорогой клубился зябкий утренний туман. Выползая из болота, он медленно растекался по полю, густо затопляя низины и сглаживая воронки. Сквозь прорехи в мутной слоистой пелене, затягивающей землю, проглядывали то лошадиная морда, замершая в мертвом оскале, то покореженный ствол пушки с продырявленным щитом или человеческая рука, изогнутая в последнем рывке. Все это появлялось внезапно, точно выпрыгивало из болота как привидение, вызывая нервную дрожь. И тотчас исчезало.

Местами туман сгущался настолько, что ноги тонули в нем, как в молочном киселе, и тогда у двух совершенно обессилевших людей возникало ощущение, словно они шагают в пустоту. Поповьянц и Бумагина невольно придерживали шаг, стараясь ступать как можно тверже.

Всю ночь оба, боясь остановиться, проблуждали по незнакомой местности, то выходя на разбитую снарядами и бомбами дорогу, то еле плетясь по превратившимся в топь полям. Сводная рота, с которой шли на прорыв, перестала существовать еще вчера. Большинство бойцов полегло в многочисленных бесплодных атаках, а жалкие остатки были рассеяны пулеметными очередями.

Поповьянц и Бумагина чудом остались живы. Уже в сумерках, насквозь промокшие и озябшие, они с трудом выбра-

лись из зарослей осоки, долго плутали в поисках дороги, потом сбились окончательно с пути и попали на пашню. Лишь под утро подошли к железнодорожной насыпи и там решили дожидаться рассвета. Рухнув в густую траву, они прижались друг к другу, чтобы хоть немного согреться, но, несмотря на чудовищную усталость, задремали всего на час-полтора. Проснулись оочечневшие и, ежась от утренней прохлады, двинулись дальше, неизвестно куда.

Из-за тумана в трех шагах ничего нельзя было разглядеть. В одном месте Сара, оступившись, едва не скатилась в глубоую воронку. И тут силы оставили ее. Девушка заплакала.

— Держись, не смей раскисать, — прикрикнул Рафаэль, понимая, что только строгостью, а не жалостью может заставить свою спутницу преодолеть слабость. — Скоро придем...

— Куда?

— Хутор где-то здесь должен быть. На карте видел.

— Артемовка? До нее от Борисполя не больше десятка километров, а сколько идем!

— По прямой близко, но мы кружим.

Разговаривали они вполголоса, точно боялись разбудить тех, кто навечно заснул на погруженном в молочное безмолвие поле. Тишина вокруг стояла непробиваемая. После вчерашнего ада, когда вокруг все гудело и дыбилось, а человеческие крики сливались с диким ржанием коней и ревом моторов, эта тишина казалась особенно злобешей. Звуки глохли в ней, как в вате, оставляя звон в ушах. Даже шум шагов бесследно растворялся в пронизывающей сырости.

Дождь, прекратившийся ночью, все вокруг пропитал влагой. Мокрой была земля, трава, мокрыми были кусты, с которых при малейшем прикосновении срывались гроздьи брызг. Даже воздух отяжелел и при вдохе будто застревал в горле.

Впереди показалась будка путевого обходчика. Крыша ее была снесена снарядом, отчего строение скособоилось. Рядом находился переезд. Поповьянц схватил спутницу за руку.

— Мы же тут вчера были, — воскликнул он. — Точно помню разбитый фонарь на шлагбауме.

— Выходит, всю ночь протоптались на месте?

— Следопытов из нас не получится, — сокрушенно вздохнул Поповьянц. — Карты нет, а без нее далеко не уйдешь.

— Давай держаться железной дороги.

— А в какую сторону идти? Где Киев, где Харьков? Не знаешь?.. Я тоже. А главное — где немцы? Как говорится, налево пойдешь — коня потеряешь, направо — головы не сносить...

«Как хорошо, что Рафаэль, несмотря на безнадежность положения, способен пусть горько, но все же шутить», — подумала Сара. Сама она едва держалась на ногах и была страшно

подавлена. Прошедшее казалось кошмарным сном. Отступление, разгром, гибель сотен людей... Не окажись рядом надежного товарища, давно бы потеряла голову. А ведь считала себя сильной, мужественной, способной хладнокровно действовать в любых критических ситуациях. На «скорой», где она когда-то работала, всякое бывало, а на фронте — и говорить не о чем...

Как ни странно, но Поповьянц думал о том же. Не будь с ним девушки, он бы сразу потерял уверенность. Присутствие человека, ощущение, что в тебе нуждаются, побуждало к решительным поступкам.

— Надо разведать, — сказал он. — Пойдем осторожно, пока не наткнемся на станцию или разъезд. Тогда и разберемся, в каком направлении двигаться дальше.

— Хорошо. Одну минуту...

Сара бросилась к будке в расчете найти там какую-нибудь одежду. Поповьянцу необходимо снять форму. На нем красноармейское обмундирование и при встрече с немцами, что было вовсе не исключено, это могло плохо кончиться. Сара еще накануне в какой-то разбитой легковушке обнаружила целый ворох платьев. Взяв самое простенькое, она перепоясалась ремешком и выглядела теперь совершенно по-граждански.

Поиски увенчались успехом. В будке нашелся сундук с рабочей одеждой обходчика. Ситцевая рубашка, парусиновый пиджачок, брюки — все потрепанное, замасленное. Брезгливый Поповьянц поначалу наотрез отказался переодеваться, однако Сара настояла. Ведь предстоит пробиваться к своим, возможно, придется переходить линию фронта, и без маскировки не обойтись. Он неохотно согласился и сердито сказал:

— Не надо на меня смотреть. Отвернись!

До условностей ли было сейчас! Но она послушно отвернулась, напомнив, чтоб не забыл выбросить нижнюю рубашку.

— Это еще зачем? — возмутился Поповьянц, не терпевший насилия.

— Рафаэль, — сказала девушка с упреком, пожалуй, впервые назвав врача по имени, — к чему давать врагу козырь? Белье-то на тебе солдатское... — А сама, прислушиваясь к ворчанию, раздававшемуся за спиной, думала: «Какой он еще мальчишка!»

Хотя оба были почти одногодками, Сара чувствовала себя значительно старше и опытнее. Рафаэль слишком эмоционален. Не далее как вчера утром во время одной из атак, когда роту прижало к земле пулеметным огнем, Поповьянц вдруг вскочил и с криком «За Родину, ура!» устремился вперед. Ох как она за него испугалась! В упор били фашистские автома-ты, над полем неслись тысячи пуль, и каждая в любой момент могла его сразить.

Рафаэль упал. У нее оборвалось сердце. Убит? Ранен?.. Она выскочила из окопа, рванулась вслед за ним. Рухнула рядом, увидела его испуганный взгляд и... заревела. Ну не мальчишка ли? Глаз да глаз за ним нужен.

Они пошли прямо по шпалам. Поповьянц в кургузом пиджачке шагал размашисто. Сара, едва поспевая, почти бежала. Справа показались домики под соломенными крышами, сараи, заборы. Несколько хатенок было разрушено, от них остались печные трубы.

— Наверное, Артемовка, — неуверенно сказал Поповьянц. — Точнее то, что от нее осталось. Хутор раз пять вчера переходил из рук в руки.

Еще издали они увидели копошившихся на поле людей. Человеческие фигурки, как муравьи, сновали вокруг скирд, то появляясь, то исчезая. Чем занимались люди, стало понятно, когда они подошли ближе. С поля недавнего боя убирался страшный урожай войны.

— Нам дальше нельзя! — испуганно вскрикнула Сара.

— Как же мы без людей? — возразил Поповьянц. — Да и назад пути нет. Восток ведь там, — кивнул он на Артемовку.

Сара первая заметила немцев. С автоматами в руках они стояли чуть поодаль, наблюдая за работавшими пленными красноармейцами.

— Фашисты! Бежим! — шепнула она, увлекая Поповьянца вниз с насыпи. Но было уже поздно, их заметили.

— Хальт! — прогремел грозный окрик. Послышался лязг взведенного затвора.

— Мы беженцы, — шепнул ей Поповьянц. — Только ради Бога, ни одного слова, иначе...

Сара поняла. Рыжеволосая, курносая, зеленоглазая, она вполне могла сойти за русскую или белоруску. Единственное, что выдавало ее национальность, — грубоватое «р».

Немецкий солдат, окинув по-юношески тонкую фигуру Поповьянца подозрительным взглядом, ткнул в него автоматом и рывкнул:

— Юде?

Сара чуть не закричала, но, вовремя вспомнив предупреждение, прикусила язык.

— Нет, — замотал головой Рафаэль. — Армянин. Слышал? Армения, Кавказ!..

— О Кауказус! — понял солдат, неожиданно обрадовавшись чему-то. — Кауказус гут! — И показал стволом автомата в сторону хутора. — Шнель.

— Нам не туда. Найн! — воскликнул Поповьянц, пытаясь восполнить незнание языка бурной жестикуляцией. — Нам в Борнсполь!..

— Шнель! — сердито прикрикнул немец и угрожающе поднял автомат.

Понурился, оба торопливо, теперь уже не по своей воле, зашагали к Артемовке. Подошел еще один немец, помоложе, что-то сказал конвоиру. Тот лишь брезгливо отмахнулся.

— Спрашивает, обыскал ли нас? — шепнула Сара. — Предполагает, что под лохмотьями спрятаны ценности.

— Откуда ты знаешь немецкий? — удивился Поповьянец.

— В школе учила.

— Я тоже. Еще и в институте. А понимаю не больше десятка слов.

— Не забывай, что я знаю язык своих предков, который, к сожалению, очень с немецким схож...

— Тихо, я понял. — И, наклонившись к ее уху, сказал: — Тебе нужно придумать имя. Нейтральное имя...

От неожиданности глаза Сары округлились и стали похожи на две незрелые виноградины. О чем она подумала в это мгновение? Не о том ли, что имя, данное человеку в момент рождения, становится таким же неотделимым от него, как кожа. И еще: что в имя, придуманное родителями, вложен определенный смысл, ее судьба...

— Лидия! Отныне я Лида! Так звали мою погибшую в боях за Киев подругу. А отчество, если позволишь, возьму твое.

— Дело за фамилией.

— Ее можно было бы и не менять. Впрочем, Бумагина... Бумагина. А что если Кулагина?

— Подходит. Теперь, что бы ни случилось, ты Лидия Степановна Кулагина.

На окраине хутора они увидели вблизи пленных красноармейцев. На людей больно было смотреть, настолько они были измождены. Заросшие щетиной, грязные, оборванные, пленные стаскивали убитых в силосную яму, а раненых на шинельных волокушах заносили в длинный крытый соломой амбар. Туда-то и затолкали конвоиры Поповьянца и Бумагину.

В полумраке они разглядели сидящих и лежащих на земляном полу людей. Было их не меньше сотни. Большинство — в военной форме, некоторые в гражданском платье, но явно с чужого плеча, что, очевидно, и вызвало подозрение немцев. Лица встревоженные, настороженные, глаза лихорадочно блестят.

— Кидают увечных, как бревна! — сказал кто-то со злобой. — Хоть бы перевязали, звери!

Рафаэль с Сарой переглянулись. Внутри амбара охраны не было, и они стали осторожно вдоль стены пробираться в другой

конец помещения, вздрагивая и замирая всякий раз, когда снаружи раздавался окрик на немецком языке.

Длина амбара достигала не менее ста пятидесяти метров, и половина его была уже заполнена ранеными. Многие метались без сознания, в беспомощности наваливаясь на соседей. Некоторые были кое-как перевязаны тряпками. У других сквозь дыры в обмундировании зияли открытые раны, привлекавшие мух.

— Воды! Губы смочить! — молил боец, раненный в живот, которому явно нельзя было пить.

— Ох, колено! Спасу нет, болит! — кричал его сосед с оторванной ногой.

— Братцы, — неслось из угла, — кончайте со мной!..

Картина была поистине жуткая, но и знакомая. С чем-то подобным Поповьянц уже сталкивался, выезжая на передовую. В период обороны Киева его как врача-практиканта часто посылали на батальонные медицинские пункты. Там тоже, случалось, шел непрерывный поток раненых, нуждавшихся в срочной помощи. Приходилось оперировать на месте, зачастую под обстрелом, иногда прикрывая раненого от осколков собственным телом. Поэтому он, не растерявшись и здесь, сразу же начал привычно распоряжаться. Остановив двух красноармейцев, занятых переноской раненых, Поповьянц приказал найти ведра — в разбитых машинах их было полно — и натаскать воды в бочку, обнаруженную в углу амбара. Вода нужна была и для питья, и для элементарной гигиены. Трех других солдат из тех, что выглядели постарше, он попросил исполнять обязанности санитаров.

— Что делать-то? — спросили они недоумевая.

— Прежде всего, подавайте лежащим «утки».

— Смеешься, доктор? Где мы их возьмем?

— Используйте каски.

Бойцы поглядели на него обалдело: никак не предполагали, что каскам можно найти и такое применение.

— Живее! — прикрикнул на них Поповьянц, и солдаты засуетились.

В амбаре оказались две медсестры с санитарными сумками; они сразу приступили к перевязкам. Сару, как медика опытного, Поповьянц направил заниматься переломами: наложение шин требовало сноровки и умения. Сам же принялся за раненых, находящихся в шоковом состоянии.

Дело привычное, но как выйти из положения без самых необходимых медикаментов. Даже йод приходилось расходовать буквально по каплям, а перевязочные материалы и индивидуальные пакеты он разрешил накладывать только непосредственно на раны. Чистое солдатское белье, найденное в вещмешках, пошло на верхнюю подбинтовку.

Проходя между лежащих бойцов, Поповьянц увидел пожилого человека в изрядно потрепанном шевиотовом костюме. Мужчина стоял на коленях и осматривал у солдата простреленное бедро. По тому, как мягко, профессионально пальцы его касались тела, Поповьянц понял: перед ним медик. Мужчина поднял седую голову — глаза усталые, обметаны морщинами — и на вопрос «Кто вы?» ответил, что он доктор Михайловский из Славуты, эвакуировался, но вот... застрял.

— Так это же хорошо! — воскликнул Поповьянц.

— Что ж тут хорошего, молодой человек, позвольте вас спросить?

— Вы меня не так поняли, доктор Михайловский. Я хотел сказать: теперь нас больше!

— И вы полагаете, двое врачей могут тут что-то сделать? — отозвался Михайловский, оглядывая амбар. — Здесь многие в критическом состоянии. У этого юноши, в частности, газовая гангрена, что, как вы знаете, коллеги, чревато...

Доктор не закончил фразу и поджал губы.

— Значит, бросим нуждающихся в медицинской помощи людей, даже не попытавшись хоть что-то сделать? — запальчиво крикнул Поповьянц.

Михайловский пожал плечами.

— Не надо громких слов, коллега. Все, что в моих силах, я готов делать...

— Тогда возьмите на себя вот этот угол сарая, — успокаиваясь, сказал Поповьянц.

Михайловский согласно кивнул.

— Вот только хоть немного морфина, — тихо проговорил он.

Поповьянц посмотрел на него с сожалением. Михайловский был врачом старой школы, к тому же еще, как видно, наивным человеком. До чего же он сейчас далек от реальной обстановки! Придется спустить доктора на грешную землю.

— Ничего этого у нас нет! — резко сказал Поповьянц и, перехватив умоляющий взгляд Михайловского, еще жестче добавил: — И в обозримом будущем не будет!

Михайловский еще ниже склонил голову и, больше не сказав ни слова, повернулся к раненому. А Поповьянца позвала Сара.

— Смотри, — тихо, чтоб не услышали окружающие, сказала она, показывая красную звезду, нашитую на рукаве раненого, — комиссар! Если немцы увидят!..

Половьянц нагнулся, вытащил из нагрудного кармана раненого удостоверение личности, прочел: «Федор Павлович Чулков, политрук. 3-я дивизия ПВО».

— Куда ранен?

— В тазобедренный сустав. Тяжело. Я сделала перевязку.

— Немедленно сними с него гимнастерку!

— А вот еще одно удостоверение, — протянула Сара красную книжечку. — Я нашла ее у другого раненого. Лейтенант Якунин из дивизии НКВД. Понимаешь?

Да, Поповьянец понимал, что грозит таким людям, а заодно и укрывающим их, если фашисты обнаружат, кто здесь лежит.

— Надо бы ребят переодеть, — сказал он. — В крайнем случае, оставить в нижнем белье. Документы необходимо закопать! Подбери для этого в помощь двух-трех наиболее ловких и, с твоей точки зрения, надежных парней.

Вид у Сары был испуганный. Конечно, среди окружавших людей могут найтись такие, которые ради спасения собственной шкуры — это не исключено — выдадут их немцам. Сердце у Поповьянца сжалось. Он вдруг остро почувствовал, какую ответственность взваливает на свои плечи. Но иного выхода не видел.

— Будем надеяться на лучшее, Сара, — сказал он и тут же спохватился: — Еще не привык, Лидия Степановна!..

— Так я пойду? — спросила она.

— Иди. И, как говорится, пусть не покинет нас удача!

Поток раненых не прекращался. Их доставляли в одиночку и целыми партиями, тащили на импровизированных носилках и просто на руках. Занимались теперь этим не только пленные красноармейцы, но и какие-то старики, женщины, подростки.

Поповьянец остановил одного деда, спросил:

— Откуда люди?

Старик окинул с ног до головы молодого человека в странной одежде цепким изучающим взглядом, поскреб густую щетину на подбородке и в свою очередь спросил:

— Сам-то из каких будешь?

— Врач я.

— А не брешь? — прищурился дед. Видно возраст стоявшего перед ним не внушал доверия.

— Разве не видите, как я раненых обрабатываю?

— Это мы заметили, — отозвался дед. — Только без халата ты. А так ничего, орудуешь, похоже, как наша Горуневичиха.

— Кто такая?

— Фельдшерица тутошняя, кучаковская. А меня Марком Ипполитовичем кличут. За ранеными приехали.

Амбар постепенно заполнялся. Рафаэль уже потерял счет раненым. Сперва их было сотни полторы, потом перевалило за две, достигло трех...

После полудня, когда они кое-как управились с первичными перевязками, в амбаре появился немецкий офицер. Его сопровождал военный моряк в туго перетянутой широким командирским ремнем черной флотской шинели без знаков раз-

личия, в брюках-клеш и форменной фуражке с крабом на околышке.

Был моряк сухопар, довольно высок и строен. Небольшой прямой нос. Жестко очерченный подбородок. Тонкие губы. Глубоко посаженные глаза прятались за широкими бровями. На вид ему было далеко за тридцать. Держался он с достоинством: ни в голосе, ни в жестах — никакого подбострастия. Говорил требовательно, напористо. И, судя по тому, как сдержанно вел себя немецкий офицер, было в этой манере нечто, вызывающее невольное уважение. Изъяснялся моряк по-немецки, как видно, свободно. Ни разу не запнулся, не сделал паузы.

— Кого еще принесло на нашу голову? — тихо спросил Поповьянец.

— Не знаю, — отозвалась Сара шепотом. — Наверное, какой-нибудь немецкий прихвостень. Впрочем, подожди, ничего не понимаю. — На лице девушки отразилось недоумение: — Моряк говорит, по законам международного Красного Креста с пленными, особенно с теми, что ранены, противник обязан обращаться гуманно. Есть Женевская конвенция, подписанная также и Германией. Он, как врач, настаивает...

— Значит, тоже врач?

— Ну конечно. Нужный немцам специалист... Иначе они наверняка не стали бы с ним церемониться.

Немецкий офицер властно перебил моряка. Он громко, надменно стал объяснять русскому, что война у них идет с большевистской заразой и поэтому не подпадает под юрисдикцию обычных военных законов, принятых в цивилизованном мире. Однако немецкая армия, одерживающая одну победу за другой, может проявить снисходительность и оставить раненых русских солдат на попечении собственных медиков, коли таковые найдутся, и местного крестьянского населения, если оно выразит согласие взять на себя дополнительную обузу. У немецкой армии сейчас есть более важные задачи: идти на восток и к зиме завершить блицкриг. Разумеется, ни медикаментов, ни продовольствия выдаваться не будет. Придется обходиться своими силами и средствами. Великая Германия не намерена лечить и кормить воевавших против нее солдат. Остальные пленные, все, кто в состоянии держаться на ногах, немедленно отправляются в созданный для них лагерь.

Моряк попробовал еще что-то сказать, но офицер оборвал.

— Достаточно, герр доктор! — резко сказал он по-русски. — Вы должны быть согласен с тем, что я имел вам сообщить. Только на такой условии мы не станем забирать вас самого в лагерь. Благодарите немецкого бога, герр доктор.

— Понял вас, — глухо отозвался моряк, опуская глаза, которые, как заметил Поповьянец, недобро шурились. — Постараюсь оправдать ваше доверие, господин капитан.

— Гут! — удовлетворенно хмыкнул немец. — Я рад, что мы установили договор. Но есть главный условие: среди раненый не может остаться ни один комиссар и юде. Враги рейха подлежат полному немедленному уничтожению! Вы хорошо поняли меня, герр доктор?

— Так точно!

Моряк согласился слишком поспешно, чтобы его ответ можно было принять за чистую монету. Но немец остался доволен, только предупредил:

— Отвечает ваша голова. Мы будем проверять.

Офицер обернулся и что-то приказал вошедшим за ним солдатам. Те не спеша двинулись между ранеными, пристально всматриваясь в лица. Коротко ударил выстрел, второй, третий. Сара судорожно вцепилась в Поповьянца.

Следом за солдатами, оставив моряка на месте, двинулись два офицера. Они шли, наступая на лежащих, не обращая внимания на стоны и крики, громко переговариваясь.

— Вы только послушайте, о чем говорят эти убийцы, — сказала Сара, забыв об осторожности. — Пусть русские сами лечат и кормят своих калек. Без квалифицированной медицинской помощи выживут только сильнейшие. А Германии как раз и нужен крепкий рабочий скот.

— Ох гады! — с ненавистью пробормотал солдат, услышавший ее слова. — Мы еще вам покажем рабочий скот. Только бы на ноги встать!

— Ничего, друг, выздоровеешь. — Поповьянец мягко положил руку на плечо солдата.

— Только вы, доктор, Христом Богом просим, не покидайте нас, — сказал боец. — Иначе всем крышка!

Рафаэль протолкнул ком, застрявший в горле, сказал:

— Крышка будет немцам, а мы еще повоюем, дружище...

Если у него и было раньше намерение бежать и пробиваться к своим — они даже обсудили это с Сарой, — то теперь оно само по себе отпало. Оба должны, обязаны остаться здесь. При любых условиях, что бы ни случилось, врач не может, не имеет права бросить раненых!

Моряк между тем уже распоряжался в амбаре. Легко раненых заставил очищать помещение от мусора; медсестер послал поискать в ближайших домах любые перевязочные средства; доктору Михайловскому приказал взять на учет оставшиеся в санитарных сумках медикаменты. Действовал он решительно, говорил властно, как человек, привыкший повелевать.

Поповьянец наблюдал за ним с двойственным чувством. Ему понравились деловитость и организаторская хватка, и в то же

время он не мог отделаться от неприязни. Рафаэль, конечно, понимал: моряк остался здесь не по своей воле. У них, оказавшихся в тылу врага, одинаковая судьба. Но контакт с немцами настораживал...

И все же Поповьянц первым подошел к моряку, решив познакомиться поближе. Хочешь — не хочешь, а отныне им предстоит работать вместе.

Моряк вскинул на него испытующий взгляд, но узнав, что перед ним хирург, откровенно обрадовался.

— Сам я терапевт, а хирург, честно скажу, никакой, — признался он с обезоруживающей искренностью. — Операций делать не приходилось, разве что пустяки. Сами знаете, моряки — народ здоровый. Я из Днепровского отряда Пинской флотилии. Военврач второго ранга Гришмановский Афанасий Васильевич.

— А вас, товарищ военврач второго ранга, немцы как терапевта оценили? — спросил Поповьянц с иронией.

Гришмановский побагровел, на скулах заиграли желваки. Он собрался сказать что-то резкое, но сдержался, лишь едко усмехнулся.

— Догадываюсь, о чем вы подумали. Только напрасно... Я действительно представился врачом и предложил свои услуги. Понадеялся, что клюнут. Как видите, не ошибся. Ведь немцам приказано пленных стогнать в спецлагеря, а им некогда. Одно на уме: «Дранг нах остен!...»¹ — Моряк помолчал, сдвинув густые брови, и спросил уже спокойнее: — Но вы... Какое право вы имеете меня подозревать? Кому-то надо было взвалить на себя эту ношу?

— Простите! — буркнул Поповьянц. — В нашей ситуации сразу трудно сориентироваться.

— Ну вот и объяснились, — улыбнулся Гришмановский. — Впрочем, на вашем месте у меня тоже, наверное, появились бы всякие нехорошие мыслишки... А я ведь, откровенно говоря, действовал нахрапом. Подошел к немецкому офицеру — слава Богу, язык их знаю — и прямо, без околичностей, заявил, что могу в силу своей профессии быть полезным...

— В чем полезным? — спросил Поповьянц. Он понимал, что человеку очень хочется выговориться и совершенно необходимо, чтобы его поддержали свои.

— В организации сбора раненых и отправке их в спецлагеря, — усмехнулся Гришмановский. — Тут был, конечно, свой психологический расчет. Держись я униженно, жалким просителем, — могло и не получиться. Но мне все равно терять было нечего. А смелость, говорят в народе, города берет...

¹Бросок на восток (нем.).

Гришмановский нисколько не кривил душой. Конечно, он не был таким уж отчаюгой, хотя решительности и мужества было не занимать. Однако встречи с врагом безусловно побаивался. Когда они с Валею после долгих мытарств добрались наконец до Артемовки и вышли прямо на немцев, Афанасий Васильевич поначалу растерялся. Но, поразмыслив, решил: фашисты сегодня чувствуют свое превосходство над напуганными, подавленными страхом людьми. И если повести себя с ними на равных... Офицер, к которому обратился Гришмановский, а заговорил он с ним громко, требовательно, буквально опешил. Морская форма, которую тот и не подумал снять, тоже впечатляла. Немец окинул его удивленным взглядом и достаточно вежливо сказал: «Слушаю вас, герр доктор...»

— Вероятно, вы поступили правильно, — отозвался Поповьянц. — Поживем — увидим... Кстати, со мной здесь фельдшер, — сказал он, вспомнив о Саре. — Лидия Кулагина. Опытный медик.

— Опыт — дело хорошее, — нахмурился Гришмановский. — Только нам сейчас больше надежность нужна.

— Что вы имеете ввиду?

Гришмановский покосился на него с усмешкой:

— Женщина — существо слабое. Выдержит ли?

— Вы женоненавистник? — возмутился Поповьянц. — Она же наш, советский человек!

— Эх дорогой хирург, — вздохнул моряк, — время сейчас такое, всех проверяет на излом. У меня вот старший корабельный военфельдшер испарился. Был и весь вышел...

— Кулагина не испарится! Ручаюсь, — отрывисто бросил Поповьянц и неожиданно для себя добавил: — Жена мне она! — В следующую секунду он пожалел о сказанном, с ужасом подумав, как сможет теперь объяснить это Саре. Но слово вылетело, и отступать было поздно. — Да, жена! — повторил он уже менее уверенно.

— Тогда другое дело, нитка тянется за иголкой, — не обрывая внимания на дрогнувший голос, примирительно сказал Гришмановский. — Вдвоем, конечно, легче. Я вот не знаю, где мои. Эвакуировал семью из Киева и след потерял... А медики нам нужны. Со мной тоже пришла медсестра. Она из местных — Валентина Голубь. По дороге случайно встретилась...

Оба вышли из амбара. Солнце уже скрылось, и над полями во все небо разлился кровавый закат.

— Что будем делать дальше, Рафаэль? — глядя перед собой, спросил Гришмановский. — В Артемовке нет ни подходящего помещения, ни людей, которых можно было бы привлечь в помощь... До Борисполя рукой подать. Там ведь

очень скоро появятся и комендатура, и гестапо. Нам от такого соседства, пока не поздно, надо ноги уносить куда-нибудь подалее, в глушь...

— У вас что-либо определенное на примете?

— Есть неподалеку небольшое село. Вы видели крестьян, помогавших заносить раненых в амбар? Эти люди по собственной инициативе пришли сюда. Ну не молодцы ли?

— Сюда-то они пришли, а согласятся свои дома подвергать опасности?

— Кучаково стоит в окружении болот. После обильных дождей к нему подобраться трудно. Хаты там вразброс стоят. Впрочем, лучше взглянуть самому...

— Согласен.

— Тогда оставайтесь пока здесь и с помощью крестьян тщательно прочешите весь район. А я отправлюсь в село на разведку...

Вдалеке послышался скрип колес. По дороге, подпрыгивая на ухабах, бойко катила повозка. Возница то и дело подгонял лошадь, покрикивая и подстегивая ее кнутом. Когда телега приблизилась, Поповьянц окликнул:

— Куда путь держите, Марк Ишполитович?

— Еще троих хлопцев подобрал. В село везу, — охотно пояснил Олексиенко, останавливаясь.

— Почему не в амбар? — спросил Гришмановский.

— Там и так навалом. Лаврентий Гаврилович наказал в школу возить. По хатам, куда смогли, уже разместили.

— А кто такой Лаврентий Гаврилович? — поинтересовался моряк.

— Наш директор школы. Они вместе с Горуновичихой так решили.

— Горунович — местная фельдшерица, — пояснил Поповьянц.

— А меня, дед, возьмешь с собой? Я разведчик.

— Ишь, разведчик! В бричке все одно места нет. Там лежание. А ты, коли нужда имеется, следом поспедай.

— Строгий ты, однако, дед. Ну да я привычный: пешком так пешком. Показывай дорогу...

Олексиенко дернул было вожжи, но снова остановился.

— Совсем забыл. — Он достал из-под соломы сверток и протянул Поповьянцу: — Бери, доктор. В брошенной санитарной машине нашел. Без врачебной формы тебе негоже. Прощай!

Стук колес давно затих на дороге, а Поповьянц все еще стоял на месте, зажав под мышкой белый халат и задумчиво глядя в затягивающуюся туманной дымкой даль. Потом он медленно натянул халат, привычно завязал тесемки и пошел в амбар. Нужно было продолжать обрабатывать раненых.

7. С МИРУ ПО НИТКЕ...

По обычно сонным зеленым улочкам Кучакова нескончаемо двигались повозки. Перестук колес, скрип стареньких, запряженных волами возов смешивался со стонами раненых, выкриками возниц, понукавших усталых животных. Выбегавшие из хат бабы жалостливо глядели на скорбное шествие с тайной надеждой: «Может, и мой где-нибудь тут?» От двора к двору неслоь.

— Родненькие!

— Страдальцы!

— Шо ж выны с вами сробыли, проклятушие!..

Бабы совали красноармейцам яйца, лепешки, куски сала, а чаще выносили крынки с молоком, ковшики с водой.

В глазах рябило от окровавленных повязок. Мест на подводах всем не хватало. Те, кто хоть как-то был в состоянии двигаться, ковылял следом, вцепившись в края брички.

Второй день текла по селу река человеческих страданий. У церкви, где скрещивалось несколько дорог, она разветвлялась на тропки, бежавшие в разных направлениях и упиравшиеся в дома сельчан. Одна за другой заполнялись хаты. Потеснив своих, крестьяне старались освободить для бойцов как можно больше места.

В «куркульской» избе Ирины Расич уместилось шесть человек. У Ольги Комащенко тоже шестеро. Григорий Тригубенко сумел пристроить четверых — больше не вместились. Ганна Семеновна взяла к себе троих.

И так везде. В селе не оставалось хаты, где бы не приютили раненых воинов. Укладывали в горницах на парадной кровати и прямо на пол, на печках и на сеновалах, во флигелях и даже в банях. Но мест катастрофически не хватало. И Горюнович, окончательно растерявшись, сказала мужу:

— Ума не приложу, Иван, что делать дальше. С двадцати возов уже разместили около ста человек. А в Артемовке, сам видел, раза в три больше наберется.

Никто ее не уполномочивал, тем более не заставлял возиться с ранеными. Но в селе не было других медиков, и не оказать покалеченным бойцам Красной Армии посильную квалифицированную помощь Евдокия Степановна не могла. Она считала себя в ответе за все происходящее. Людей следовало разместить, напоить, накормить, организовать за ними уход. А как это сделать, Евдокия Степановна представляла себе пока смутно.

— Что ж тут думать? Не о себе хлопочем. У нас есть школа, она сейчас пустая стоит, — отозвался Гладун. Сам он только вернулся из Артемовки, где занимался захоронением погибших. Билык еще утром предлагал занять школу под лазарет.

— И то верно, — обрадовалась Евдокия Степановна. — Пошли к Лаврентию Гавриловичу!..

Школа в Кучакове была построена еще в начале века, называлась сперва церковно-приходской и размещалась в здании по тем временам добротном — кирпичном, под железной крышей. Из детей богатеев набиралось не более двух классов, и помещения хватало. После революции, когда в школу пошли все сельские ребята, она сразу оказалась тесной, и тогда наискосок через улицу выстроили еще одно здание, чуть просторнее, тоже одноэтажное, только деревянное. В конце тридцатых годов, после организации сельхозартели, село разрослось. По решению правления колхоза школе было отдано третье здание, стоявшее чуть на отлете. Это был довольно просторный деревянный дом в несколько комнат с пристройкой, где для ребят оборудовали раздевалку.

В этих-то трех школьных зданиях и было решено разместить раненых. Ну а уж для тех, кто не поместится и туда, в резерве оставались помещения сельсовета и клуба, не считая детского сада, расположенного за домом Василия Ерофеевича Дворника.

Когда Горуневич и Гладун пришли в школу, там вовсю уже шла работа. Ребята-старшеклассники под руководством директора выносили из классов парты, составляя их во дворе, девочки старательно мыли полы и окна, со скотного двора тащили солому для подстилки.

— Никак не придумаю, чем солому застлать, — посетовал Билык. — Колючая. А у нас даже брезента нет.

— Придется покрыть шинелями да солдатскими плащ-накидками, — сказал Гладун.

— Они ж грязные, Иван, нельзя, — возразила Горуневич.

— Слишком много хочешь, Евдокия, — развел руками Гладун. — Чем богаты, тем и рады...

— Думаю, надо в вагонах поискать. Там и белье должно найтись, и медикаменты.

— Ты санпоезд имеешь ввиду? — спросил Гладун.

— Ну да, тот, что за селом фашисты разбомбили. Несколько пульманов, я видела, уцелело. Их повалило, но внутрь залезть можно.

— А если там немцы охранение выставили? Постреляли же они из того санпоезда врачей и сестер? Прямо возле насыпи из автоматов покосили.

— Я попробую, — сказал Билык. — Надо только подводу найти.

— Тогда и я с тобой! — решительно заявил Гладун.

К школе тем временем подкатил на телеге Александр Илькович Лукаш, доставивший из Артемовки очередную партию раненых. Долговязый, хмурый, он держался подчеркнуто мо-

лодцевато, точно солдат на смотре: плечи расправлены, грудь вперед. В движениях медлителен, вальяжен, как и его волы, при которых Лукаш состоял в колхозе с незапамятных времен.

Бойцов начали заносить в помещение. Тем, кто не мог двигаться, помогали легко раненные. Лукаш же, скрутив цигарку, подошел к Гладуну.

— Так что семьдесят три человека перевез, — не без гордости сообщил он. Лет Лукашу было за пятьдесят, но волосы оставались густыми, темными, лишь в усах пробивалась седина. — Поначалу мы с жинкой Анной Андреевной возили, — затягиваясь, произнес он доверительно. — А потом я ей сказал: треба хлопцам еду сготовить. Им харч подавай для пополнения силы. Вот и поехали мы с Васькой, — кивнул он на верткого, такого же черноголового, как отец, паренька, с важным видом стоявшего возле повозки с кнутом в руке. — Не дивись, Иван, шо малый, с быками справляется запросто. Брат Трофим тоже помогал...

— А другие сколько перевезли? — поинтересовался Гладун. — Знаете?

— Как не знать? Со всеми в Артемовке встретился. Значит, так... Томилин Вася сорок бойцов доставил, братуха его Демьян — трохи больше. А вот Григорий Дорофеич Литвиненко, тот человек за восемьдесят уже привез. Столько же Василь Дворник с сыном. Родион Пашенко не очень от них отстал, даром что хворый...

— Дело к тебе есть, Александр Илькович, — вмешался в разговор Билык.

— Слушаю вас, Лаврентий Гаврилыч.

— К разбитому санпоезду не подвезешь? Медикименты нужны, а там, надеемся, не все сгублено. Только сам знаешь, если немцы поблизости, нас могут и недобро встретить. Настаивать права не имею.

Лохматые брови Лукаша угрожающе сошлись над переносицей, на высокий крутой лоб набежали гневные морщины.

— Ты за кого меня принимаешь, уважаемый Лаврентий Гаврилыч? — обиженно сказал он, от негодования переходя на ты. — Лукаши еще никогда труса не праздновали. — Он отобрал у сына кнут и, велев тому, чтоб стрелой мчался домой, скомандовал: — Сидай, директор. Сидай и ты, Иван Степанович, коли с нами...

Горунович поглядела вслед удаляющейся повозке, и сердце ее сжалось. Вернутся ли? Ведь все может случиться!.. Однако предаваться горьким мыслям было некогда, и она заторопилась в школу. Раненых везли и везли. К вечеру их число перевалило за четыреста. Кто мог предположить, что в их небольшом селе сможет расположиться столько пришлого народа? Сумеют ли девочки управиться с таким количеством нуждающихся в

помощи людей? В сандружине всего двадцать семь человек, опыта у них кот наплакал. Конечно, другие женщины помогут убрать, накормить, а дальше что?

Верные и неизменные помощницы тем временем без дела не сидели. Все крутились, как заведенные. Юркая Катя Конченко и быстроногая Наталка Олексиенко метались по коридорам, нося ведра с водой, подавая напиток то одному, то другому. Лидия и Одарка Пащенко, обе худенькие, подвижные, большеглазые, притащили из дому огромную кастрюлю борща и кормили тех, кто сам не мог держать ложку.

Ганна Семеновна двигалась степенно, что не мешало ей поспевать всюду. Крупная в кости, сильная, она и бойцов перетаскивала, и раны бинтовала. В паре с ней расторопно действовала Варвара Соляник. Опыт общения с больными у нее был поболее других: она хоть и недолго, но уже практиковала в медпункте у Горунович.

Девчата не гнушались никакой работой, стаскивали с солдат пропитанное кровью белье, обмывали их, одевали в чистую, прихваченную из дома одежду. Раненые изголодались. Некоторые не ели по два дня, и покормить их сейчас, справедливо считали девчата, первейшее лекарство.

Еду варили всем селом. Варили в кастрюлях, ведрах, чугунках. Кто в хате, кто в сарае, а кто прямо во дворе. Дымились печи. Полыхали костры. Каждый нес все, что имел: сало, яйца, сметану, мед. Бидонами, крынками тащили молоко. Вереницей тянулись к школе бабы с котомками и узелками в руках: «Годуйте хлопцев! — приговаривали, передавая сандружинникам свои приношения. — Хай поправляются!» Уходили одни, появлялись другие. И так час за часом — до самой темноты.

Уже в сумерках Евдокию Степановну окликнули с улицы. Она выскочила из здания школы, увидела Олексиенко.

— Вам чего, Марк Ипполитович? — спросила отрывисто. — Болтать мне недосуг...

— Тут один человек к тебе, Степановна....

Только сейчас Горунович заметила стоявшего возле Олексиенко незнакомого мужчину. Лица в темноте не разглядеть, но по всему чувствовалось, что это не раненый. Человек в разговор вступать не спешил, разглядывая ее внимательно, с пристрастием.

За последние недели Горунович повидала немало разного народа. Через село шли отступающие, беженцы, окруженцы, гражданские и военные всяких рангов. Пришедший же с Олексиенко человек не походил ни на одного из этих людей.

— Так вы и есть фельдшер Горунович? — спросил он.

Голос был низкий, с хрипотцой, точно простуженный. Манера держаться властная, самоуверенная. Во всяком случае

моряк — Горунович наконец разглядела, что на незнакомце форма морского командира, — не походил на человека, который чего-то опасается. А ведь тут был вражеский тыл, следовательно, весьма вероятно встреча с немцами, а то и с предателем.

«А может, он подосланный? — мелькнула мысль. — Прикидывается, в доверие хочет войти!..»

— Что вам угодно? — сухо спросила Горунович.

Моряк улыбнулся. Нетрудно было вообразить, о чем подумала женщина, и уже иным тоном он представился.

— Вы доктор? — недоверчиво переспросила она.

— Диплом предъявить не могу, а вот личную печать врача — пожалуйста.

Она настолько обрадовалась, что не заметила иронии. И, порывисто подавшись вперед, воскликнула:

— Боже мой, какая удача! Вы не представляете, сколько у нас людей нуждаются в немедленной помощи.

— Почему не представляю? Я сам направлял сюда из Артемовки раненых бойцов.

— Из Артемовки? — переспросила она, сразу насторожившись. Подозрение вспыхнуло с новой силой. — Там ведь немцы! Как же они отпустили вас, красного командира?

Моряк не без горечи сказал:

— Не следует впадать в подозрительность, Евдокия Степановна. Уж кто другой, а вы-то должны понимать, что медик, если только он имеет хоть малейшую возможность, должен сделать все, чтобы помочь раненым. Во имя спасения людей можно пойти на любой риск и даже на некоторый компромисс с врагом.

— Может, и так, — устало согласилась Горунович. — И вы думаете, фашисты нас не тронут?

— Не уверен. Но надо сделать все, чтобы этого не случилось. — Гришмановский помолчал, потом раздумчиво сказал: — Те немцы, с которыми мы сейчас столкнулись, ушли или уйдут на фронт. Они уже не опасны. А вот когда в округе будет создана гитлеровская администрация... Тогда не исключая, что нам придется с ними как-то договариваться, а то и на поклон идти...

Горунович пожала плечами. Все, что говорил незнакомец, звучало не очень убедительно. Но делать было нечего. Ни ей, ни ее сандружинницам не под силу справиться с потоком раненых, прибывавших в Кучаково.

— Ладно, проходите, — распахнула дверь в школу Горунович. — Если вы действительно врач, сами найдете, чем заняться.

Моряк вошел в помещение и как-то незаметно сразу включился в работу. Указания его были лаконичными, на-

столько деловыми и конкретными, что ни у кого не вызвали сомнений.

— Тяжело раненных сосредотачивайте в каменном здании, — распорядился он. — Операционная будет здесь, в угловой комнате. Она самая светлая.

— Вы и за хирурга сможете? — удивилась Горунович, и в голосе ее послышалось неподдельное уважение.

— Я — нет, — ответил моряк. — Но хирург есть. Он в Артемовке и скоро прибудет.

В сопровождении фельдшера Гришмановский переходил из одного школьного здания в другое. Ему все важно было увидеть собственными глазами и лично выяснить, есть ли неподалеку питьевая вода и как организовать ее ритмичную доставку, кто возьмется стирать обмундирование и отдельно бинты, где брать продовольствие...

Олексиенко, все еще стоявший на дороге возле повозки, нерешительно подошел к моряку и, преодолев смущение, сказал:

— Извиняйте, товарищ! Вы кто ж такой будете?

— Поздно проявлять любопытство, дед, — рассмеялся Гришмановский. — Мог бы поинтересоваться в пути.

— Тогда несподручно было. Я же вместо «скорой помощи» работал. А сейчас последнего хлопца сдал — почему не поговорить...

— Марк Ипполитович у нас на все руки мастер, — вмешалась в разговор Горунович. — А уж какой принципиальный!

— Важное качество в характере! Пойдешь ко мне завхозом, дед?

— А ты над чем начальник-то будешь? — осторожно, не торопясь давать согласие, спросил Олексиенко.

— Над госпиталем. Разве не ясно? Раненых лечить будем. Но их еще во что-то одеть надо да накормить, что особенно сложно. Планового снабжения нет и не предвидится. Хозяйство придется создавать самим. Вот и предлагаю тебе, как человеку принципиальному, значит, честному, его возглавить.

— Оно можно бы, только...

— Что мешает?

— Будут ли слушаться? Я ж рядовой колхозник.

— Вчера рядовой, а сегодня руководитель. Война все карты смешала. А насчет послушания не волнуйся, я тебе документ выдам.

— С печаткою?

— Обязательно. Даже по-немецки должность запишу. Значит, договорились, Марк Ипполитович? — Гришмановский протянул Олексиенко руку. — Первым делом завтра собери артель из мужиков покрепче. Необходимо в округе осмотреть

каждую брошенную машину, каждую повозку. Там найдется НЗ: продукты, комплекты одежды, белье. Брать все! Учет возлагаю на тебя. И куда свозить — сам придумай. В общем, проявляй инициативу.

— Краше всего свозить в сельпо. Там склад есть.

— Добро. Действуй, дед!

Олексиенко вскочил в телегу и умчался. А на дороге снова послышался скрип повозок и голоса.

— Еще везут, — вздохнула Горунович, — конца не видно... Ульяна, ты, что ли?

— Кому еще быть, — отозвалась Хобта. — Ой, кто это? — испугалась она, увидев Гришмановского.

— Доктор. Заведовать лазаретом будет.

— Каким еще лазаретом?

— А таким, где раненых на ноги ставить будем.

— И кто ж его до нас послал? — не сводя глаз со статного моряка, спросила Ульяна, упорно обращаясь только к фельдшеру.

— Сам пришел по доброй воле, — вмешался Гришмановский, которому надоел разговор о нем в третьем лице. — Разве так не бывает? А вы, насколько я уловил, сандружинница?

— Лекаря мы никудышные. Совсем мало у Евдокии Степановны учились. Кто же знал, что война придет! Зато я вам настоящего помощника привела. Поди сюда! — позвала Ульяна. — Да отцепись от воза. Уже добрались до места.

Из темноты выступил высоченный худой красноармеец с забинтованной рукой и что-то пробормотал.

— Ты по-людски говорить разучился? — прикрикнула Хобта. — Отвечай, кто ты есть!

— Санинструктор я, — выговорил наконец красноармеец. — Цыпкин Александр Захарович. Можно звать Сашей. Рана у меня легкая.

— Вот и хорошо. Завтра придешь и займешься делом, — распорядилась Горунович. — А пока пристрой его, Ульяна, к кому-нибудь в хату. Кто с тобой еще из Артемовки прибыл?

— Дворники. Василий Ерофеевич с сыном. И Софья. Они до дому подались. За их хатой детский садик. Туда тех, кто не дюже тяжелый, собирают. Лекарь у них свой объявился...

Доктор, о котором говорила Хобта, был не кто иной, как младший лейтенант Крутских. Стал он медиком, как говорится, поневоле. Когда Дворник и Лукаш привезли первых раненых, распоряжаться в помещении детского сада было некому. Единственным командиром, оставшимся на ногах, был Крутских, и хотя после контузии у него по-прежнему разламывалась голова, болела спина и рука разгибалась с трудом, Александр стал руководить размещением людей; наметил проходы, чтобы удобнее было подойти к раненым, назначил оче-

редность перевязок. Иначе он просто не мог: тут были бойцы, его товарищи по оружию. Бросить их без помощи на произвол судьбы было бы предательством.

Помощников у Крутских было достаточно. Григорий Шевцов, Дмитрий Тулушев и другие легко раненные солдаты привычно выполняли распоряжения командира. Евдокия Михайловна Дворник с дочкой Софьей, Анна Андреевна Лукаш с младшей дочкой Соней и еще несколько женщин накормили солдат чем смогли. Но раны загрязнились, кровоточили... И тогда Крутских, засучив рукава, взялся за перевязки.

Кое-какой опыт в этом деле у него был. После ранения шесть месяцев сам пролежал в госпитале, видел, как оказывается первая помощь. Да и жена у него хирург. Еще в период ее студенчества Александр частенько увязывался за ней в анатомичку. Сам он готовился стать художником, и поэтому интересовался строением человеческого тела.

Александр без всякой брезгливости помогал жене в практических занятиях, и она говорила: «У тебя большие способности. Меняй профессию, пока не поздно». Сейчас ему пришлось вспомнить все, что он слышал и знал.

Увидев Крутских, сосредоточенно бинтующего кисть руки молоденькому солдату, кто-то из раненых попросил:

— Доктор, и мне смените повязку. Жжет, сил нет!

Александр смутился, собрался было сказать, что он не врач. Но оказавшийся поблизости Иван Фесенко схватил его за руку и шепнул:

— Не сознавайтесь. Нельзя этого делать, товарищ младший лейтенант!.. Посудите сами. Если объявить, что вы к медицине не имеете никакого отношения, люди тотчас разувоятся, падут духом. И тогда им капут. А так, коли врач рядом, есть вера...

Что-то в словах Фесенко показалось разумным. Психологический фактор играет важную роль, а в тех условиях, что они оказались, особенно. На территории, занятой врагом, другой помощи ждать неоткуда. И ложь тут только во спасение.

— Доктор, помогите! — позвал кто-то, и Крутских поспешил к раненому, решив пока саморазоблачением не заниматься.

Вернувшись из очередной «экспедиции» по округе, Фесенко протянул младшему лейтенанту белый халат.

— В разбитой «санитарке» нашел, Александр Петрович. Примерьте, по-моему, будет впору. — Он помог натянуть халат, завязал на спине тесемки и удовлетворенно заметил: — Теперь вы даже на настоящего профессора похожи. А диплома у вас тут не спросит никто.

— Тебе, кроме халата, ничего больше не попадалось? У нас бинты на исходе...

— А как же? — радостно сообщил Иван. — Какие-то мази, порошки, пузырьки разные. Мы скопом целую аптеку прихватили на всякий случай. Да еще два ящика бинтов, ваты тук. Вот — поглядите...

— Может, инструмент какой докторский найдешь? Тащи сюда. И вот еще что, Иван... Это уж между нами, — понизил голос Крутских. — Раздобудь какую-нибудь книжку по медицине. Хорошо бы попроще...

— Будет сделано, — заговорщически подмигнул боец.

Фесенко сдержал слово. Он, правда, не сказал, что для этого пришлось часа два лазить по болоту от одной разбитой машины к другой, но медицинское пособие по военно-полевой хирургии он все-таки раздобыл и вручил его младшему лейтенанту весьма торжественно.

Отныне по ночам, когда госпитальный филиал засыпал беспокойным сном, артиллерийский командир Александр Крутских раскрывал книгу и начинал штудировать далеко не всегда понятный текст. Таня бы в два счета сама разобралась и ему объяснила. Да где они теперь, Таня и маленькая дочка? Александр живо представил себе жену, какой видел ее в последний раз. В голубом платье с оборочками она казалась воздушной. И смеялась, смеялась, точно знала, что скоро им будет не до веселья. Куда же забросила война самых близких, дорогих людей?

Отгнав тревожные мысли, Александр снова углублялся в книгу. Открытый пневмоторакс. Эвентрация внутренностей... Черт ногу сломит. Но хочешь — не хочешь, а придется разбираться. Надо лишь представить, что по ночам он — студент мединститута; ведь это вполне могло случиться, не начнись война. Живой помогает живому — таков закон военного братства.

В комнатку — в нее с трудом уместились койка, столик и табурет — заглянул Дмитрий Тулушев. Был он совсем молод и по характеру робок, хотя в бою, по рассказам товарищей, дрался умело и отчаянно, в штыковой атаке уложил даже двух фашистов. Из-за чрезмерной худобы гимнастерка висела на нем мешком, точно на вешалке. Тулушев не был серьезно ранен и чудом спасся от плена. Немцы, пристреливавшие раненых, не заметили лежавшего на болоте в нелепой позе лицом в грязь солдата и прошли мимо.

— Простите, доктор, там один очень мается. Мочи нет, говорит. Пособить бы...

Крутских поднялся. Сопровождаемый стонами и сонным бормотанием, он прошел вдоль узкого длинного помещения, где в несколько рядов лежали его подопечные раненые — пятьдесят шесть человек. Помещение скудно освещалось несколькими площадками.

В дальнем углу на соломенной, покрытой рядом подстилке метался человек с забинтованными левой голенью и правой рукой. Черты лица заострились, высокий покатый лоб покрылся испариной.

— Рука! Ой рука, — сдавленно причитал он. — Пальцы!

— Дмитрий, лампу сюда! — распорядился Крутских, опускаясь на колени. — Кто такой? Откуда?

— Лейтенант Якунин... Михаил, — простонал раненый, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на крик. — Четвертая дивизия НКВД.

— Тихо! — Крутских оглянулся. Тут могли оказаться разные люди, и слышать всем, что раненый — командир да еще чекист, не следовало. — Ты вот что, Якунин, — сердито сказал он, приглушая голос, — забудь пока свою биографию. Ты Мишка, рядовой из пехоты. Лучше из обоза! Заруби себе это на носу. Понял?

— Так точно, — с усилием отозвался Якунин. — Из обоза...

— То-то же... А где твоя гимнастерка?

— Не помню. Снял кто-то.

— И правильно сделал...

При свете керосиновой лампы, которую принес Тулушев, Крутских размотал на руке бинты. Вид у кисти был ужасный. Три пальца оторваны, уцелели средний и безымянный, но и они были багровы и вспухли.

— Отрежь их к черту, доктор! — взмолился Якунин. — От боли небо с овчинку кажется!

Синева Крутских не обнаружил, что могло бы явиться признаком гангрены. На ампутацию он решиться не мог и подумал: подождем, может, обойдется.

— Нет, брат Мишка, резать не надо! — уверенно сказал он. — Потерпи, пальцы тебе в будущей жизни еще пригодятся. Потом благодарить будешь, что я не пошел у тебя на поводу.

Он промыл рану перекисью водорода, густо залил йодом. «Хуже от этого не будет, — рассудил, — а польза, пожалуй...» Якунин скрипел зубами, до крови закусил губы, но молчал. И Крутских был ему благодарен. При его «врачебной» квалификации от крика раненого было бы и вовсе худо.

Уже рассвело, когда Крутских и Тулушев вышли из душного, пропитанного больничными запахами помещения. Воздух был бодрящим, пахло спелыми яблоками.

— Вам бы поспать чуток, доктор, — сказал Тулушев.

— Некогда уже, Митя, — вздохнул Крутских. — Скоро люди проснутся, кормить надо, а я ума не приложу, как организовать приготовление горячей пищи. Она и здоровым-то полезна, а уж раненым просто необходима.

— Я за Артемовкой полевую кухню заметил. Перевернутая валяется в болоте.

— Достать можно, как думаешь?

— Постараюсь, Александр Петрович.

— Займись этим, Митя. Назначаю тебя главным кашеваром.

— Какой же из меня повар? Я и при мамке сроду щей не варил.

— Боец Тулушев, — перебил Крутских, — вы получили приказ! Ясно?

— Я что, — упавшим голосом отозвался Дмитрий, — я приказу подчиняться приучен.

Крутских смягчился. Захотелось сказать солдату: «Думаешь, мне легче? Я тоже сроду в докторях не ходил!» Но говорить этого не следовало: взвалил на себя нелегкую ношу, неси до конца.

— Не трусь, Митя, — сказал он. — Все мы занимаемся незнакомым делом. Иди попроси Василия Ерофеевича, чтобы за кухней с тобой съездил. Он мужик безотказный.

Боец, сокрушенно покачав головой, направился к дому Дворника. А Крутских решительно шагнул в помещение детского сада, где его ждали новые дела, о которых он чаще всего имел самое смутное представление. Но не отступать же. Да и не имел он на это права, потому что был не просто человеком, отвечающим лишь за самого себя, а командиром Красной Армии.

8. ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Последняя группа раненых — около сорока человек покинула Артемовку в полдень 23 сентября. Не успели выйти за околицу, как пошел дождь. Словно пропущенный через сито, он сыпал мелко, нудно. От сырости не было спасения. Промокшая насквозь одежда липла к телу.

Зябко поживаясь, Поповьянец с тревогой поглядывал на медленно движущийся конно-пеший обоз. Раненые ослаблены, простуда будет грозить дополнительными осложнениями. Он, правда, распорядился укрыть лежащих на подводах плащ-накидками, но многим не досталось. Шинели, и те сохранились далеко не у всех.

Надо бы двигаться скорее, но бойцы, которым мест на возах не хватило, едва бредут. К тому же дорогу расквасило: ноги скользят, разъезжаются.

Поповьянец и Бумагина шли замыкающими, следя за тем, чтобы никто не отстал, в любую минуту готовые прийти на помощь. Сара, видя, что ее спутник, поглощенный своими

мыслями, насупился, не решалась нарушить молчание, хотя ей и хотелось кое о чем спросить. Рафаэль же хмурился потому, что испытывал неловкость. Он так и не сказал своей верной попутчице, что в разговоре с Гришмановским назвал ее женой. Следовало сразу же выложить начистоту. А он как-то постеснялся, беспечно подумал: ладно, обойдется... Подходящее время было упущено, и теперь Рафаэль раскаивался в своем легкомыслии. Они приближались к Кучакову, где их ждала встреча с Гришмановским, и тот мог запросто поставить обоих в неловкое положение.

Поповьянц, возможно, и решился бы на откровенный разговор, но впереди сквозь сетку дождя уже проглянули крайние хаты. Колонна сразу оживилась. Чувствуя конец пути, и люди, и лошади заторопились. Времени на объяснение не осталось, и Рафаэль мысленно отмахнулся: будь что будет...

Моряк встретил обоз у школы. Распорядившись, как и где разместить раненых, он подошел к Поповьянцу, крепко тряхнул руку.

— Заждался я вас, дорогие ребята, — неожиданно нежная интонация выдала истинные чувства Гришмановского. Окинув Сару цепким взглядом, он улыбнулся и галантно произнес: — Рад познакомиться с вами, Лидия.

— Я тоже рада, — отозвалась Сара. И оттого, должно быть, что она, оказавшись в окружении своих, потеряла бдительность, буква «р» прозвучала с заметной картавинкой.

Гришмановский пристально поглядел на девушку. Она смутилась.

— А вы знаете, Лида, — поспешил Гришмановский на выручку, — я в детстве тоже ужасно картавил. Потом попался хороший логопед. Дефект речи исправить несложно. И вообще его может никто не заметить, если помалкивать.

Он давал ей тот же совет, что и Рафаэль. Сара посмотрела на моряка с благодарностью.

— Я постараюсь... помалкивать, — тихо сказала она.

— Вот и отлично, — удовлетворенно заметил Гришмановский и, подозвав распорядившуюся возле школы Горунович, познакомил ее с вновь прибывшими.

Евдокия Степановна Поповьянцу понравилась. Миловидная, белокурая, синеглазая, она, оказавшись в обществе двух врачей, держалась несколько стесненно и в то же время по-деревенски радушно. Горунович тотчас предложила Поповьянцу и Бумагиной поселиться у нее: места хватит, есть свободная комната с большой кроватью.

— Как, вместе? — удивленно спросила Сара, выдав себя с головой.

Горунович поспешно заверила, что она со своим мужем жить будет, конечно, отдельно. А по тонким губам Гришма-

новского скользнула усмешка, но он ее тут же подавил, сделав вид, что ничего не заметил.

— Вы не поняли, Лида, — пояснил Гришмановский, выразительно глядя на нее. — Для вас с мужем, — последнее слово моряк произнес с ударением, — Евдокия Степановна выделяет отдельное помещение, где никто не будет мешать...

Краска снова залила лицо девушки. На сей раз она промолчала и вслед за Поповьянцем двинулась к дому Горунович. Когда их оставили вдвоем, Поповьянец упавшим голосом сказал:

— Извини, ради Бога. Иначе я не мог тебя защитить.

— Не оправдывайся, пожалуйста, — остановила его Сара. — Надо было просто предупредить. А этот... Афанасий Васильевич проницательный мужик.

В дверь заглянула девушка. Ее блестящие карие глаза смотрели испуганно.

— Вы будете лекаря? Прощенья просим. Там один солдатик, сдается, помирает...

— Иду. А ты кто?

Дивчина, стоявшая на пороге, была рослой, крепкой, с горделивой осанкой.

— Ольгой Кирилловной зовут. Сандружинницы мы. Наверде медсестер.

— Солидный ты человек, Кирилловна, — улыбнулся Поповьянец, надевая оставленную Горунович рубашку.

— А мне иначе нельзя. Бригадиром я была до войны.

— Ну тогда другое дело, — развел руками Рафаэль и поглядел на Сару. Глаза его впервые за сегодняшний день повеселели. — Пойдем, что ли, с Ольгой Кирилловной?

— Разумеется. Теперь я не только твоя... операционная сестра, — спешно построила фразу Сара, и оба поняли, что неловкости больше не будет.

— А вы, Ольга Кирилловна, не согласитесь быть процедурной сестрой?

— Ой, что вы! Я не умею...

— Не отказывайся, Оля, — сказала Сара, обнимая девушку за плечи. — Доктор Поповьянец набирает штат Кучаковского госпиталя. Небольшая подготовка у тебя есть. Остальному научим. Практика, как ты понимаешь, у нас будет обширная.

Раненый, о котором шла речь, лежал в каменном здании школы возле окна и уже не стонал, а хрипел. Глаза закрыты, дыхание тяжелое, прерывистое. На щеках багровые пятна.

Поповьянец снял с ноги повязку, машинально отметив, что наложение шины сделано не совсем грамотно: в местах костных выступов не было положенных в таких случаях ватных прокладок. Ранение было осколочным. Бедро сильно отекло, кожа стала синюшной.

Сзади подошел Гришмановский, заглянул через плечо и все понял.

«Газовая гангрена, — подумал Поповьянц, — ногу не спасти». Он поднялся с колен и, взяв моряка под руку, увлек в сторону.

— Надо оперировать, — сказал тихо, — иначе... — Он не продолжил фразы, но и без слов все было понятно.

— А чем? Ни пилки, ни скальпеля, ни шелка...

Неуверенность, прозвучавшая в словах Гришмановского, задела горячего по натуре Поповьянца. Вскинув голову, он в упор посмотрел на собеседника. Конечно, ему не так много лет, но кое в чем он давно научился разбираться.

Моряк взгляда не отвел. Глубоко посаженные глаза его сощурились и стали серыми, точно их присыпали пеплом.

— Вы что-то хотели возразить, коллега? — спросил он.

— Я хотел сказать, что для операций действительно нужны соответствующие условия и хотя бы минимальный набор хирургических инструментов.

— А если нет ни того, ни другого? — ехидно спросил Гришмановский.

Поповьянц разозлился окончательно. Как же Гришмановский намерен действовать дальше? Собрать людей, свезти их под крышу и уложить на солому — только часть дела. И не самая главная. Не сидеть же, сложа руки, в ожидании манны небесной? Рафаэль мог бы, конечно, добавить, что у него нет не только необходимых инструментов, но и нужного опыта. Хирург с годичным стажем... В мирных условиях его ни к одной самостоятельной серьезной операции не допустили бы. Но сейчас обстоятельства необычные. Они даже не на фронте, а в тылу врага...

— Мы, кажется, распределили обязанности, Афанасий Васильевич, — сурово сказал Поповьянц, и было странное несоответствие между молодостью говорившего и уверенностью, звучавшей в его словах. — Разошлите крестьян во все концы и обязательно к Артемовке. Пусть ищут в санитарных машинах любые медикаменты. А я уж пока как-нибудь выкручусь...

Глаза Гришмановского потеплели, в голосе прозвучало уважение:

— Прости, Рафаэль! Прости, я подумал... Впрочем, не все ли равно, что я подумал. Ты здесь главный и пока единственный хирург. Действуй!..

Подозвав Ольгу Кوماщенко, Поповьянц дал ей задание найти нитки и иголки.

— Какие? — недоверчиво переспросила Ольга, слышавшая разговор врачей.

— Самые обычные, портняжные. И еще пилу... Желательно лучковую. Поняла? Беги...

Сара лишних вопросов не задавала. Лишь задумчиво сказала, что пока не придумала, как быть с автоклавом.

— Попроси у местных женщин котел размером побольше. Продрай с песочком... Чем не стерилизатор? Пospрашивай у стариков бритву. Кто-нибудь наверняка имеет. Простую опасную бритву... Ее тоже в котел.

Увидев Олексиенко, сидевшего возле школы, Рафаэль окликнул его:

— На вас, Марк Ипполитович, возложены обязанности завхоза. Правильно?

— Наверде того, — не без гордости отозвался Олексиенко.

— Мне нужен самогон. Много самогона. Достанете?

— Пошукаем, — пробормотал ошарашенный Олексиенко. — Для сугрева, значит? Это мы понимаем...

Рафаэль улыбнулся. Не хотелось разочаровывать деда, но врать было ни к чему.

— Нет, Марк Ипполитович, первачок нужен в сугубо медицинских целях. Вместо спирта. Позаботьтесь, пожалуйста, о его постоянном запасе.

Через два часа все было готово. Поповьянц тщательно вымыл руки, продезинфицировал их самогоном и в сопровождении Сары шагнул в маленький класс-операционную, где на столе лежал раненый. Так началась его первая операция в Кучаковском госпитале.

Гришмановский терпеливо ждал. Глядя со стороны, никто бы не подумал, что он волнуется и тревожится за исход ампутации. Сидит человек на крыльце, беспечно помахивает прутиком, точно ему больше делать нечего. Во рту сигарка, фуражка сбита на затылок.

Военврач умел держать себя в руках, но он более чем кто-либо другой понимал, насколько важна для них эта первая операция. Успех Поповьянца вселит в раненых надежду на исцеление, поднимет жизненный тонус, поможет выздоровлению. И наоборот, если хирурга постигнет неудача, сам факт этот посеет в душах уныние и безысходность. Да и сам Поповьянц еще слишком молод, чтобы не поддаться сомнениям в собственных способностях. И тогда будет совсем худо.

Тихо подошла Валя Голубь, присела рядом.

— Не переживайте, Афанасий Васильевич, — сказала мягко. — Все обойдется, вот увидите.

— А если нет? — спросил он. — Представляешь, какой это будет удар для остальных... Боюсь, не выдержит хлопец. Без помощи сколько часов лежал, крови потерял много. Сердце может сдаться.

— Выдюжит, — сказала Валя убежденно. — В таких условиях человек как бы второе дыхание приобретает.

— Твоими устами да мед бы пить, — сказал Гришмановский.

Уверенность девушки подействовала ободряюще, и он с благодарностью подумал: хорошо, что Валя рядом. С виду она истинный одуванчик, дунет ветер посильнее — вмиг улетит. Но была в ней, несмотря на внешнюю хрупкость, внутренняя сила. Валя не только помогала управляться с ранеными, но заботилась также о нем. Ходить бы Гришмановскому голодным, если бы не девушка, умевшая находить с местными жителями общий язык. Она достала продукты, выстирала его белье. Да и поселились они в одной избе, только в разных комнатах.

— Не пойти ли нам до дому? — спросила Валя. — Вижу, намаялись вы за день, Афанасий Васильевич.

— Посидим еще немного. Поповьянц, наверное, скоро выйдет... — Однако Гришмановскому не удалось дожидаться конца операции. К нему подбежал деревенский паренек и, оглядываясь по сторонам, спросил:

— Дяденька, ты моряк?

— Разве в форме не разбираешься? — серьезно отозвался Гришмановский, поправляя фуражку. Глаза его затеплились. Он очень любил детей и когда-то мечтал стать педиатром, а пришлось лечить не коклюши и ветрянки, а стреляные и колотые раны.

Паренек сделал таинственный знак рукой и, наклонившись, прошептал на ухо:

— Дядька Родион задание дал найти моряка. Понятно? Сказал, чтоб быстро и секретно... Давай, дяденька, иди до него.

— Веди, коли велено, — сказал Гришмановский, поднимаясь с крыльца.

Родион Павлович Пащенко звал моряка не зря. К тому были серьезные основания. Еще в полдень, когда во всю нахлестывал дождь, осторожно звякнуло окно. Стучали со двора. Туда можно было пройти только задами, а на огородах грязь непролазная. Когда Родион Павлович с опаской открыл дверь, на пороге стоял Кравчун.

— Григорий Антоныч! — воскликнул Пащенко, не веря своим глазам. — Вы ж на восток подались?

— Подались, да не добрались, — хмуро отозвался председатель колхоза.

— Что так? Да вы заходите в хату!

В заляпанных грязью стоптанных сапогах и выдавшем виды брезентовом плаще с капюшоном Кравчун выглядел постаревшим на добрый десяток лет. Ввалившиеся щеки густо покрывала угольно-черная щетина. Глаза припухли от усталости и недосыпания. Заметив, что председатель опасливо оглядывается, Пащенко поспешил успокоить:

— Моих нема, Григорий Антонович. Проходите, раздевайтесь! Они не скоро возвратятся, а я зараз на стол соберу. Небось давно не ели?

— Да уж, — усмехнулся Кравчун. — Последнюю краюху хлеба вчера утром поделили на семерых.

— Что ж с вами приключилось?

— Немец все пути перерезал. Пришлось вернуться, несолоно хлебавши.

— И остальные с вами?

— Держались вместе. Несколько дней скрывались в лесу. Потом я в Борисполь пробрался. Там кое-кто из наших людей оставлен.

— Из райкома?

— Оттуда тоже.

— Сами или по приказу?

— Об этом теперь не спрашивают. Главное, что они без дела не сидят... Я пока получил указание вернуться домой. Рассказывай, что тут у нас?

Пока Кравчун жадно поглощал кашу, Пащенко торопливо пересказывал сельские новости.

— Старосту немцы еще не назначили? — поинтересовался председатель.

— Кандидатуру вроде наметили. Вы его знаете. Ефрем Комащенко.

— Тот, что из раскулаченных?

— Он самый, бывший хозяин хаты, где нынче медпункт. Комащенко, конечно, властью обижен, но, сами знаете, — не вредный...

— Трудно предсказать, как он теперь себя поведет.

— Согласен, время для всех проверочное.

— Вот-вот, поостеречься не худо...

Рассказал Пащенко и о госпитале, созданном в селе, но Кравчун перебил:

— Слышал. О нем уже и подпольный райком информирован.

— Разве есть такой? — удивился Пащенко. — И кто голова? Неужто товарищ Шевченко?

— Вопросов не задавай. Что можно, сам скажу, — отмахнулся Кравчун. Он не то чтобы не доверял Пащенко, просто законы конспирации, которым председатель колхоза только начинал учиться, не позволяли говорить лишнего, хотя именно с товарищем Шевченко, оставшимся в подполье первым секретарем райкома, и был у Кравчуна разговор о кучаковских делах.

— Велено помочь бойцам. И главное — сберечь! — с нажимом сказал председатель. — Ты вот что, Родион, поклещь ко мне... Кто у них там за главного? Разговор имеется.

— Не по нраву мне госпитальный начальник. При форме ходит показушно, немецкий язык понимает...

— Напраслину на человека не возводи, Родион. Про моряка справки наводили. По всему видать, верный человек. Мне так и сказали: можно полагаться. А форма — не помеха. Сам посуди, какое впечатление это производит. Мне, мол, нечего скрывать, врач я, весь на виду... Что по-немецки говорит — тоже слава Богу. Делу полезней. Ему еще придется столкнуться с вражинами, да не раз... Зови!

Так Гришмановский попал в дом Пашенко. Разговор его с председателем колхоза носил исключительно деловой характер. Кравчун выяснял нужды госпиталя, интересовался квалификацией и надежностью хирурга, порядком регистрации раненых и особенно тем, как удалось скрыть командиров, комиссаров, а также евреев, за которыми фашисты особенно охотились.

— Будьте осторожны, Афанасий Васильевич, — предупредил Кравчун. — Староста в Кучаково уже назначен. За ним появятся полицаи.

— Против этих мы имеем кое-какое противоядие. Госпиталь в конце концов официально разрешен немецкими властями.

— Официально — это когда документ за семью печатями есть. А те немцы, что не воспрепятствовали сбору раненых, теперь далеко, — усмехнулся Кравчун. — Но для старосты и для тех негодяев, что в полицаи пойдут, такое объяснение на первых порах сойдет.

— Думаете, жандармерия нагрянет?

— Вы на что надеетесь? Конечно, нагрянет, за ней дело не станет. Впрочем, об этом мы уже думали.

— Кто — мы?

— Те, кому положено.

Кравчун спокойно выдержал взгляд моряка, ни один мускул не дрогнул в лице. Гришмановский первым отвел глаза, и тут председатель наконец улыбнулся:

— Ну, коли все ясно, твое дело — службу править. Мнение есть такое: в школе оставить самых тяжелых и как можно меньше...

— А с другими что делать?

— Остальных разместим по самым дальним дворам.

— К которым из-за болот и добраться-то нельзя? — поинтересовался Гришмановский.

— Ага, — засмеялся Кравчун. — Даже вам, врачам, и то трудненько будет туда ходить. Ну а если немцы все же объявятся, надо постараться убедить, что вы действуете в их интересах.

— Так ведь фашисты могут и в самом деле поверить, что мы ставим бойцов на ноги только затем, чтобы передать их в лагерь для военнопленных?

— Пусть верят... Однако пока человек не может держать в руках оружия, — с нажимом сказал председатель, — он должен выглядеть постельным больным. Понятно?

— Так точно, ясно, — ответил моряк.

На прощание Кравчун сказал:

— Я в селе слишком приметная личность и буду держаться в тени. Искать встречи со мной не надо.

— А если крайние обстоятельства?

— В селе живет железнодорожный мастер Андриян Васильевич Заноза. Он работает у немцев... По заданию, разумеется. В селе мало кто знает, что Заноза партийный. Связь будем держать через него...

Возвращаясь в школу, Гришмановский припоминал детали разговора с Кравчуном и все глубже осознавал важность задачи, поставленной перед ним. Война продолжается, набирает силу. Только фронт их проходит здесь, в немецком тылу. На передовой легче. Там все четко, ясно. Перед тобой фашист — бей его. А тут изворачивайся, обманывай, выкручивайся, но дело свое, долг свой исполни. Ты в ответе не только за жизнь людей, но и за то, чтобы бойцы вернулись в строй и с оружием в руках продолжили борьбу с врагом.

Улицы Кучакова заволакивали сырые сумерки. Дождь перестал, но деревья часто-часто роняли на землю крупные капли. Брызги, холодные, колкие, попадали в лицо. Ощущение такое, будто стоишь на палубе, а корабль идет полным ходом...

«Как там в операционной?» — подумал вдруг Гришмановский. Отвлеченный иными заботами, он на время забыл о Поповьянце и сейчас, вспомнив, встревожился снова. «Только бы благополучно прошла ампутация», — мысленно, как молитву, повторял он, прибавляя шаг.

Гришмановский взбежал по ступенькам и рывком открыл дверь школы. В крайнем классе лежало человек тридцать, и все, кто был в состоянии, повернулись к нему. В лихорадочно блестящих глазах отражался свет керосиновой лампы.

В проеме двери, ведущей в соседний класс, стояла, закрывая собой лампу, Горунович. Разметавшиеся светлые волосы, подсвеченные со спины, ореолом окружали голову. Подойдя к ней, Гришмановский увидел строго поджатые губы и, не удержавшись, тревожно спросил:

— Что, плохо?

— Вы о чем?

— Поповьянец расстроен?

Горунович удивилась:

— Не знаю. Он еще занят.

— Разве операция до сих пор не закончилась?

— Простите, Афанасий Васильевич, вы что имеете в виду?

— Как что? — недоуменно переспросил он. — Ампутацию, конечно...

Горунович облегченно вздохнула:

— С этим все нормально. Раненый давно спит. Рафаэль Степанович делает другую операцию.

Гришмановский не нашел в себе сил обрадоваться. Вдруг представилось, как трудно будет им, и особенно Поповьянцу, справиться с госпиталем. Михайловский и он — терапевты, если и смогут делать операции, то только самые простые. Основная тяжесть ляжет на Рафаэля, а он так молод. Наверное, во время первой операции зверски устал, а тут сразу вторая...

Примерно так же рассуждал и сам Поповьянец. Закончив ампутацию ноги, он совершенно обессилел. Ныли плечи. Ломило спину. Пот заливал глаза. Оперировать лучковой пилой при свете керосиновой лампы стоило неимоверного напряжения. Он рухнул на стул, закрыв глаза, но не успел прийти в себя, как к нему подбежала Соляник.

— Хрипит тут один, Рафаэль Степанович. Кажись, помирает, — запричитала она.

— Спокойно, Варя, — устало сказал Поповьянец. — Суесть в нашем деле противопоказано. — Он вымыл руки и только тогда спросил: — Где лежит твой хрипящий?..

Девушка повела его к раненому в самый дальний угол класса. Дышал солдат тяжело. Услышав характерный свист, хирург сразу определил: ранение в грудную клетку, наружный воздух попадает в легкие.

— Ой батюшки! — вскрикнула Варя, со страхом глядя на синюшные губы бойца. — Что вы стоите? Делайте хоть что-нибудь, доктор!

Поповьянец не ошибался. У бойца осколком было пробито легкое, и он быстро терял силы.

— У нас есть еще стерильные бинты? — спросил Рафаэль у Сары, подбежавшей с яркой лампой.

— Остались индивидуальные пакеты.

— Дай один!

Сдерживая нетерпение, Поповьянец не спеша наложил повязку. Свист тут же прекратился. Это означало, что наружный воздух перестал поступать в легкие через рану. Боец, почувствовав облегчение, задышал ровнее, прекратилась дрожь. Но врач-то знал: повязка — мера временная и кардинального улучшения не даст. Что делать дальше? Снова оперировать?.. Он не мог без содрогания вспомнить о только что сделанной ампутации. Орудовать портняжной иглой и швейными нитками, не иметь элементарных зажимов... А какую адскую боль должен был чувствовать оперируемый! Но если есть хоть один шанс спасти человека, разве можно им не воспользоваться?

— Как у нас с морфием? — спросил Рафаэль у Горунович.

— Пока есть, — сообщила она.

Поповьянц решительно поднялся.

— Так тому и быть... Дайте раненому морфий, — распорядился он, — и готовьте к операции. Попробуем зашить!

Было уже за полночь, когда хирург вышел из помещения. Его шатало от усталости, перед глазами вспыхивали радужные круги, руки дрожали.

На крыльце сидел Гришмановский. Он ничего не спросил, отодвинулся, освобождая место рядом. Оба долго молчали, думая об одном и том же. Потом Гришмановский сказал:

— Госпиталь будем рассредоточивать. И как можно скорее.

— Зачем? — недоумевая спросил Рафаэль. — Когда все в куче, удобнее вести медицинское наблюдение. Нас, врачей, и так мало.

— А о безопасности ты забыл?

— Есть дурные вести?

— Пока нет, — вздохнул Гришмановский. — Но ни на минуту нельзя забывать, что мы находимся в тылу врага и задача поставлена перед нами сложнейшая!

— Поставлена? — еще более удивился Поповьянц. — А я-то полагал, что мы сами, так сказать, по велению сердца...

— Конечно, сами, — сердито перебил Гришмановский. — Но не думаешь же ты, что если на нашу землю пришел враг, то Советская власть перестала существовать?

Рафаэль резко повернулся. Какая муха укусила начальника госпиталя? Неужели что-то случилось и моряк знает больше, чем говорит?

— Я так не думаю, Афанасий Васильевич, — ответил Поповьянц. — Но в той неразберихе...

— Ошибаешься, Рафаэль, — уже спокойно сказал Гришмановский. — Все остается по-прежнему, хотя, конечно, в несколько измененном виде.

— Послушайте, Афанасий Васильевич, может, не стоит темнить? Разве я не вправе рассчитывать на большее доверие? Или не заслужил?

— Не надо, — тихо попросил Гришмановский. — О доверии между нами вопрос давно решен. Но иногда надо быть любопытным... в меру. Чем меньше знаешь, тем лучше. Сегодня я получил первый урок по законам конспирации... Знай одно: дано задание сделать все, чтобы максимальное количество раненых вернуть в строй. И в этом нам обещали помощь!

Рафаэль, еще не успокоившись, собрался возразить. Всегда все же лучше знать цель и средства ее достижения. Это способствует психологической устойчивости, вооружает!.. Однако сказать он ничего не успел. На крыльцо выскочила Софья Батюк, сменившая на дежурстве Ольгу.

— Доктор, доктор, где же вы? Беда! — закричала она.

— Тихо. Когда я вас научу не устраивать паники! — с досадой сказал Поповьянец и тяжело поднялся.

Гришмановский тоже встал.

— Иди, Рафаэль, — сказал мягко. — Если нужна операция, я буду ассистировать.

9. ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Раненные в школе лежали впритык друг к другу. Лишь узкие проходы разделяли каждые два ряда. Они оставались для того, чтобы врач при обходе мог подойти к любому. Дежурной сестре отвели в каждом классе крохотный закуток, где еле-еле умещались табурет да тумбочка с бинтами и лекарствами. Если присядешь ночью на несколько минут, — ноги вытянуть невозможно. А они гудят, проклятые, отнимаются... С утра до вечера так набегашься, что хочется, когда все затихает, хоть на мгновение расслабиться. А как, если ты вся скрюченная?

Однажды Ульяна Хобта пожаловалась Гришмановскому. Высокая, размашистая, привыкшая к простору сельской хаты, она особенно остро страдала от тесноты и скученности.

— Может, вам кровать поставить? — сказал Афанасий Васильевич ядовито. Он был и без того замотан вконец, а тут, как ему показалось, лезли со всякими пустяками.

— Не треба мне ни кровати, ни перины! — вспыхнула девушка. — Я не белоручка. Могу и в похоронную бригаду пойти...

Она соглашалась на самую черную и неблагодарную работу, от которой многие отказывались наотрез. Гришмановский пожалел, что поддался раздражению. Не следовало обижать ее. Да и других тоже. Девчата в госпитале были незаменимыми помощницами, безотказными в работе. Они рисковали больше, чем кто-либо. С кем, как не с медперсоналом, лечащим красноармейцев, фашисты, если что, расправятся в первую очередь!

— Не сердись, Ульяна. Видишь ведь, как мы экономим каждый сантиметр пространства, — примирительно сказал он. — Бойцов класть негде... А за предложение твое у меня даже слов благодарности не хватит!

Начальник госпиталя лично руководил уплотнением. Никогда не думал Гришмановский, что ему вообще доведется возглавить столь необычное лечебное учреждение, которое и классифицировать-то трудно. Ни соответствующего оборудования, ни хирургических инструментов, ни условий — ничего подобного нет и в помине. Так какой же это госпиталь?

Рассказать бы учившим его профессорам, что такое оказалось возможным... В Военно-медицинской академии, где Гришмановский учился долгих пять лет, вплоть до 1931 года, программа была определена раз и навсегда. Как лечить, какими методами и препаратами — все было разложено по полочкам, и не дай Бог нарушить каноны. Никому в голову не могло прийти предложить в лечебной практике что-нибудь свое...

За время службы после окончания академии Гришмановский работал во многих местах: в знаменитом Владивостокском морском госпитале, в севастопольском, в минском окружном. Был начальником Моршанского санатория ВМФ, что расположен в Дрогобычской области на Украине. И всегда врач Гришмановский строго, жестко, принципиально выполнял медицинские правила. А сейчас...

Невеселые думы Афанасия Васильевича прервал вошедший в палату огромного роста мужик. Электричества в Кучакове вообще никогда не было, и помещение скудно освещалось керосиновой лампой.

— Никак ты, Иван? — спросил Гришмановский, взглянув на широченные борцовские плечи и мощный торс.

— Я самый, Афанасий Васильевич, Иван Фесенко. Признали?

— Тебя трудно с кем-нибудь спутать, — подтвердил Гришмановский. — Как заживает рука?

— Не беспокойтесь обо мне, Афанасий Васильевич. Я двухильный. Оклемаюсь...

После их давней встречи у Днепра Гришмановский неожиданно столкнулся с Фесенко в Кучакове. Боец попал сюда, как и сотни других. Своих в Борисполе Фесенко не нашел. Был определен комендантом в сводный батальон, который бросили в бой под Артемовкой. Солдат был ранен и серьезно контужен. Попад в Кучаково, он довольно быстро оправился от контузии и взялся помогать младшему лейтенанту Крутских в уходе за ранеными, но лучше всего проявил себя в качестве снабженца.

— Рад за тебя, Иван. По делу пришел? — спросил у бойца Гришмановский.

— Так точно. Врач меня послал.

— Крутских, что ли?

— Он самый. Вы не думайте, младший лейтенант врачует по всем правилам, с большой пользой для людей...

Гришмановский уже знал о «высокой» медицинской квалификации Крутских, но солдаты, размещенные в детском саду, в него верили, а заменить было все равно нечем.

— За чем же тебя твой начальник послал? — спросил Гришмановский как можно строже.

— Бинты кончаются. Не позычите?

— У нас, к сожалению, тоже не густо, но поделимся. Загляни в кладовую, там Варя Соляник командует. Скажи, что я велел дать вам немного перевязочного материала. Да передай своему доктору, чтоб экономней его расходовал. Взять-то неоткуда.

Боец ушел, оставив в душе Гришмановского теплое чувство. Не будь у него таких безотказных людей, трудно было бы поддерживать в госпитале даже элементарный порядок. И что бы там ни писали в медицинских учебниках, какие бы ни предписывали бывшие его профессора в академии нормы поведения, у них создан и функционирует самый настоящий военнопольевой госпиталь, где раненные в тылу фашистских войск получают необходимую помощь.

Гришмановский, а за ним дежурившая ночью Софья Батюк и совсем еще девчонка Софья Лукаш медленно пошли между рядами лежащих на полу раненых. Помещений катастрофически не хватало: во всех трех зданиях школы набиралось едва с десятков комнат, в которых лежали теперь самые тяжелые.

В классах, именовавшихся палатами, где девочки совсем недавно сидели за партами, стоит какая-то особая, ни на что не похожая тишина. И спокойно вроде бы с виду. Ну, вскрикнет кто-нибудь в беспамятстве, забормочет невнятно или застонет протяжно — и снова тихо. Лишь дышат натужно, словно все разом тяжелый воз в гору тащат... Но главное — лица: осунувшиеся, напряженные, обострившиеся.

Рядом лежат пожилые, убеленные сединой мужчины и совсем безусые юнцы, смуглые, красивые горцы и светлоглазые прибалты, крупные, плечистые сибиряки и скуластые казахи. Все разные, но удивительно схожи. Словно надели одинаковые маски... Губы растрескались. Кожа на лицах обветрена, в багровых пятнах. Брови опалены... Раненые словно к чему-то прислушиваются. Война, что ли, в них вошла?

Фронт ушел далеко на восток. Уже и отзвуков канонады не слышать. Потому и тревожно, муторно на душе: что дальше-то? Кругом ведь враг!.. В любой момент фашисты могут нагрянуть в село и учинить жестокую расправу. И не только над красноармейцами. Девчата понимают: им тоже несдобровать. Можно и жизнью поплатиться. Немало таких, как они, погибло в Борисполе, в окрестных селах. Расстреливают, вешают, насилуют....

Когда думаешь об этом, жутко становится. Лучше гнать тревожные мысли прочь, заглушать их работой. Все равно не уйдешь, не бросишь беспомощных, так на тебя надеющихся людей. От жалости завывать по-бабьи хочется. Сколько им, бедным, пришлось перенести всякого лиха. Одни глаза чего стоят. Все в них: мольба и страх, надежда и обреченность. Перехва-

тишь такой взгляд — сердце заходится. К этому невозможно привыкнуть. Во всяком случае труднее, чем к виду открытых ран и крови, культяпкам рук и ног, к тому, чтобы обнаженное мужское тело не просто поднимать, переворачивать, а бинтовать, отбросив условности и стыдливость, это им-то, воспитанным в строгих деревенских правилах. Им, которым по шестнадцать—восемнадцать... А помочь человеку оправиться?.. Тут надо не просто через обычную девичью застенчивость перешагнуть...

Софья Батюк, считавшаяся среди парней недотрогой, никак не может забыть, как в первый раз подавала раненому судно. Ее всю перекорежило. Подруги рассказывали, зарделась, как маков цвет, каска, она же судно, в руке дрожит. И несла она ее так, словно то была граната, готовая в любую секунду взорваться. А потом, когда Софье довелось раздевать солдата догола, она даже зажмурилась, но тут же с отчаянной решимостью заставила себя открыть глаза. И стало ей сразу как-то спокойно. Она вдруг взглянула на себя со стороны. Медицинская сестра, выполняющая профессиональный долг, — этим же можно только гордиться. Значит, она на любое дело способна. Недаром ее, после ухода мужиков на фронт, Кравчун поставил бригадиром наравне с Ольгой Комащенко.

Странная эта Ольга. Завидно чуток, но и жалко, что она, как телушка. Софья — та может и прикрикнуть, и отругать провинившегося человека. Комащенко же совсем из-за своей мягкости в командиры не годилась. И как ей только бабы в бригаде подчинялись. Скажет тихонько: «Надо, мои хорошие...» Те и рады стараться. Так же, как раненые сейчас. Просто удивительно, как они к ней относятся. То и дело слышишь: «Олечка, поди сюда, милоч!» «Оленька, посиди рядом, дай душе отдохнуть!..» Софью это даже немного задевало, хотя не могла она пожаловаться на отсутствие внимания со стороны раненых бойцов.

Сама же Ольга Комащенко ничего особенного в своем новом положении не находила. Раз надо ухаживать за ранеными — она готова. И сделает для каждого все, как для родного батьки. Милосердие было изначально заложено в ее натуре; и еще — совестливость. Ольга знала, что подруги считают ее излишне доброй, и думала: пусть! Зачем наступать другим на горло, если всего добиться можно терпением, лаской? Раненые — как дети малые. Им утешение, нежность требуются, а ласку ничем другим заменить нельзя...

И все же самой, пожалуй, надежной помощницей была у Поповьянца Варя Соляник. В отсутствие Бумагиной она, и только она, ассистировала хирургу при операциях. Среди сельских сверстниц Варя была самой опытной и грамотной. Быстрая, легкая, она успевала повсюду, работа горела у нее в

руках. Да и умела поболее других. Если подружки до войны жили в Кучакове и дальше Борисполя порой не ездили, — Соляник прошла хорошую школу в рабочем коллективе. Успевала не только ударно трудиться, но занималась еще общественными делами, изучала оружие, стала ворошиловским стрелком, значкистом-осовиахимовцем. Не удовлетворившись учебой у Горунович, Варя поступила в Дарнице на специальные курсы Красного Креста. Окончила на «отлично» и получила свидетельство на звание медсестры.

Сестры и няни в госпитале сменялись по утрам, когда наступала самая горячая пора: обход, перевязки, операции. Тут только успевай поворачиваться. Одного на операционный стол помочь отнести. Другого на место уложить. Третьему повязку поправить. Четвертому воды подать. Вот и носятся, как угорелые, туда-сюда без передышки. А еще накормить всех надо! Их же не пять—десять человек, а сотни.

Для варки пищи пришлось приспособить несколько больших котлов со скотного двора. Раньше в них кипятили воду во время окота овец или опороса свиней. Котлы установили возле школы, и под ними с утра до ночи полыхал огонь. Над каждым командовали по очереди две поварики, у которых было по помощнику из выздоравливающих бойцов, чтобы воду носили и заготавливали дрова.

Раненые требовали постоянного внимания.

Иногда человеку нужно только слово сказать или по руке погладить — он сразу и затихнет. По этой части у Ирины Расич нет равных. И откуда у такой маленькой женщины сила берется мужиков здоровенных перетаскивать? «Так он же совсем легонький...» — приговаривает она, когда ей бросаются помочь.

Ирине трудно вырваться из дома: мать не пускает. Своих, мол, постояльцев много... У Расички, так теперь ее и раненые окликают, действительно шесть пациентов, однако она не считает себя вправе отказываться от ночных дежурств.

— Никто за меня не обязан работать, — говорит. — Я и в хате, и в школе поспею.

Руки у Расички просто золотые. Стоит ей только подсесть к мечущемуся после тяжелой операции бойцу, тот мгновенно успокаивается.

Как-то из операционной вынесли солдата после ампутации как раз во время дежурства Ирины. Стонал он невыносимо и то и дело вскрикивал. «Ой пальцы! Ох ладонь!..» Ни того, ни другого у него уже не было — торчала культя, туго перетянутая бинтом, сквозь который проступало черно-красное пятно. Расичка бросилась к оперированному, присела рядом на корточки и начала приговаривать, как заклинать: «Все, милый, все, родимый... Сейчас полегчает, ты поспи, глазоньки

закрой, а я тебе заспиваю. Как дитю малому... Ну, будет, спи!..» И странное дело, боец вдруг затих. Он уже не кричал, только всхлипывал. Поповьянц, вышедший из операционной следом, поразился.

— Смотри, Лида, — сказал он. — Я, признаться, думал, что парень всю ночь промается. Такая тяжелая операция и без морфия...

Поповьянц вообще нарадоваться не мог на своих юных помощниц. Без них, как без рук... И что удивительно: нет у девчат ни настоящей квалификации, ни опыта. Восполняют они их отсутствием человеческого теплом, женской нежностью, лаской.

Нет для бойца на свете ближе людей, чем мать, жена, подруга. Но до них сейчас не то что рукой, сердцем не дотянуться. Вот и видит он тех, самых любимых, но бесконечно далеких, в этих простых крестьянских девчатах. Они для раненых не просто сестры милосердия, а еще и самые родненькие. Это как раз и способствует выздоровлению. В борьбе с недугом помогает не только медицина, но и заботливые руки. Недаром на Украине говорят не вылечить, а выкохать...

На смену выбившимся из сил дежурным приходят другие девчата, отдохнувшие и снова готовые к работе. Только Поповьянца заменить нечем. Хирург, к сожалению, один. Он часто и спит здесь же, в углу операционной. Прикорнет на часок-другой и снова за дело. Помимо основных операций все время идут повторные. И как все-таки важно, что рядом с тобой юные лица, девушки с сильными молодыми руками, всегда готовые прийти на помощь, взять на себя частичку твоего бесконечного труда.

Каждую из девчат Поповьянц встречает с улыбкой. Как бы ни был измотан, находит доброе слово.

Идет на смену Варя Соляник. Рафаэль очень высоко ее ценит. У девушки, кроме довольно приличных знаний, редкая выдержка и способность схватывать все на лету с первого объяснения. У нее твердая рука, которая в критическую минуту не дрогнет, а следовательно, не подведет.

Появляется Лида Пащенко. Она всегда подтянута, держится подчеркнуто строго. Косы уложены на голове в тугой узел. Девушка нетороплива в движениях, однако поспевает всюду. Пока хирург после операции моет руки и устало стаскивает халат, Лида успевает обежать палаты. Там взобьет соломенную подстилку, чтоб раненому удобнее было лежать; здесь оботрет воспаленное лицо водой — человеку сразу полегчает; подаст напиток, поправит сползшую шинель. Движения у нее плавные, и прикасается она к ранам так неслышно, что бойцы при этом даже не вздрагивают от боли.

На пороге показываются две сестры Бабич — худенькая Вера и непоседа Ольга, требующая, чтобы ее теперь называли не иначе как Мухиной. При этом она гордо добавляет: «По мужу!..» У нее любовь с первого взгляда. Увидела раненого, лежащего без сознания здорового чернявого красавца, и сказала:

— Ой девоньки, какой же он гарный! Пусть мой будет.

Девчата посмеялись. Думали, пошутила. А Ольга через пару дней подходит к Гришмановскому и просит:

— Товарищ начальник, отдайте мне Анатолия Мухина. Ничего, что он тяжкий. Я выкохаю!

Гришмановский с сомнением покачал головой. У солдата черепное ранение и тяжелая контузия. Они, профессиональные медики, и то не знали, сумеют ли поставить этого раненого на ноги. Однако Поповьянц, взглянув на державшуюся с вызовом дивчину, неожиданно спросил:

— А что, нравится парень?

Ольга вспыхнула, даже лоб покраснел. Опустила глаза и кивнула головой.

— Ну вот и хорошо. Лично я не возражаю, — Поповьянц выразительно подмигнул Гришмановскому. — Операция ему уже сделана. Прошла вроде бы нормально. Пару дней за ним наблюдаем, и забирай.

Позже он Гришмановскому сказал:

— Зря сомневаетесь. У этой хрупкой на вид девушки сила неизбывная. Вы представить не можете, какие чудеса творит истинная любовь.

Поповьянц не ошибся. Мухин, поддерживаемый Ольгой, едва достававшей ему до плеча, ушел из госпиталя на костылях, едва переставляя ноги. У солдата подергивалась голова, взгляд был пустой, безжизненный. Глядя ему вслед, кто-то из бойцов вздохнул: «Не жилец на этом свете!»

Но Мухин, вопреки печальным прогнозам, как и предсказывал хирург, начал быстро поправляться. Через несколько дней он уже с помощью Ольги выходил из хаты посидеть на завалинке под осенним солнцем. А однажды утром Ольга прибежала на дежурство возбужденная, радостная и во всеуслышание заявила, что выходит замуж. Подруги стали ее отговаривать: до любви ли, когда идет война. Да и зачем брать калеченого... На что Ольга ответила:

— Люблю я его, девоньки. Хай ненадолго, да будет мой!

Пришлось всем отступить. И хотя Ольга с Анатолием были, как говорится, не венчаны, — расписались у Кравчуна позже, она все равно называла себя Мухиной. И Поповьянц, глядя на нее, не мог сдержать доброй улыбки. Настойчивая дивчина, добила своего! И, несмотря ни на что, счастлива. Наверное, так и должно быть. Жизнь не

остановишь. Пусть кругом горе, огонь, смерть — любовь неистребима.

День у хирурга пролетает незаметно. Только что было утро, девочки на дежурство заступали, и уже обед: несут ему миску с кашей. А что успел? Еще до самых дальних дворов не добрался. Потом две-три сложные перевязки, плановая, а чаще срочная операция... И вот солнце село, наступил вечер. А там и ночь, сутки прочь. Сколько этих суток миновало? Двенадцать или пятнадцать?

Поповьянец еще раз обошел палаты. Никто особой тревоги не вызывал. Он поглядел на часы, перевалило за полночь. «Не пойти ли домой, — подумалось. — Хоть бы немного отоспаться...»

На крыльце Поповьянец столкнулся с Гришмановским.

— Куда направляешься? — спросил тот и, услышав ответ, воскликнул: — Ты разве ничего не знаешь? Ведь это именно на сегодня намечено!

— Что намечено? — насторожился Поповьянец, по опыту зная, что любые неожиданности не сулят ничего доброго.

— Будто с луны свалился, — удивился Гришмановский и возбужденно хлопнул Рафаэля по плечу. — Мы решили этой ночью первую партию выздоровевших отправить.

— Куда? Кто такие «мы»? — спросил пораженный Поповьянец. Событие действительно важное. Обидно, что он услышал об этом впервые.

— Прости, пожалуйста, Рафаэль! — покаянно сказал Гришмановский. — Я тебя щажу, и так замотался, что забыл по ходу дела информировать. Да не обижайся. Незачем тебе забивать голову лишними заботами.

— Не слишком ли ты меня оберегаешь? — ревниво возразил Поповьянец.

Гришмановский покорно согласился:

— Ладно, не держи на меня зла. Ты же знаешь, как здорово нам помогают? Местное подполье...

— Откуда оно взялось?

— До чего ты наивен, Рафаэль, — примирительно сказал Гришмановский. — Пойдем в операционную. Я тебе покажу кое-что. Только сначала попрошу дежурную сбежать за Ганной Лукаш. Полночь — самое время для такого задания.

— Это которая Лукаш? Ганна Семеновна? — уточнила Комащенко.

— Точно, — засмеялся Гришмановский. — Солидная такая, с характером.

В операционной он вытащил из нагрудного кармана лист бумаги и бережно разгладил его на столе ладонью.

— Вот смотри, — сказал торжественно, — план местности, куда двинут наши орлы. Видишь лес возле села Ерко-вцы?

Там, по имеющимся данным, располагается один из первых в районе партизанских отрядов.

— А сведения точные?

— Точнее некуда, — усмехнулся Гришмановский, сразу вспомнив вчерашнюю встречу, начавшуюся самым нелепым образом.

...Приходит под вечер человек. Вваливается прямо в комнату без стука. Красивый мужик с шикарным русым чубом, выбивающимся из-под лихо сбитой на затылок кепки. Брюки со стрелкой заправлены в сапоги, а те скрипят, дегтем в нос шибает.

— Мое почтение, доктор, — заговорил пришедший и заговорщически подмигнул. — Дело есть не пыльное, но денежное...

«Гость» Гришмановскому ужасно не понравился.

— Ошибся адресом, милейший. Катись-ка отсюда. Вот тебе Бог, а вот порог!

Человек расхохотался, обнажив великолепные зубы. Смеялся он открыто и заразительно.

— Таким я вас себе и представлял, Афанасий Васильевич. Дозвольте назваться. Заноза Андриян, по батюшке, как и вы, Васильевич. Железнодорожный мастер.

— Что ж вы комедию ломаете? — рассердился Гришмановский.

— А я хотел сперва на вас поглядеть, реакцию определить...

— Дурацкий способ! Это, вероятно, тоже конспирация?

— Угадали. Все мы под Богом ходим. Меня, кроме богатой информации про вас, интересовало личное впечатление.

— Ну и как? — насмешливо спросил Гришмановский. — Экзамен выдержал?

— Надеюсь, что похвалю? И не подумаю. В нынешних условиях бескомпромиссность может дорого стоить. К вам зашел незнакомый человек, а вы с ходу: «Пошел вон!» Сейчас без хитрой личины выжить нельзя...

— Спасибо за урок, — засмеялся Гришмановский. — Постараюсь запомнить.

— Извините, — смутился Заноза, — если что не так сказал...

Железнодорожный мастер, конечно, понимал: окажись он на месте доктора, тоже бы возмутился. На самом деле, чего выкоблучиваться перед уважаемым человеком? Разве тот не проверен?.. Но таковы были инструкции, данные Кравчуном, а следовательно, и теми, кто стоял выше: выдавать себя везде за этакого вахлака. Не выполнить их Заноза, привыкший подчиняться железной партийной дисциплине, не мог, хотя это и было ему не по душе.

— Полицай в селе объявились, — посерьезнев, снова заговорил Заноза. — Возглавляет их хорошо знакомый нам Павло Скакун, сволочь первостатейная. Для него и остальных полицейев требуется всячески распространять версию, что госпиталь разрешен немецкими властями. Такую бумагу из Бориспольской управы постараются достать. Пусть холуи к вам не суются.

— Понял вас, Андриян Васильевич...

Гришмановский нахмурился и подумал: вот она, реальная опасность, что с каждым днем все ближе, все неотвратимей надвигается на госпиталь. Впрочем, он не сбрасывал ее со счетов даже в самые первые дни. Над ними все время висит дамоклов меч. Предвидеть, какие обстоятельства обрушат его на головы медиков, раненых и сельчан, трудно, но необходимо. Любая, самая, казалось бы, незначительная ошибка может свести на нет все, что так терпеливо ими создавалось. И цена такой ошибки — жизнь, сотни жизней.

Заноза прав: опасность увеличивается. На оккупированной территории постепенно создается немецкая администрация, появляются карательные органы, разрастается агентурная сеть... Сколько еще удастся продержаться? Ведь на ноги поставлено всего несколько десятков человек. Да и тех, если по большому счету, выписывать как окончательно выздоровевших рано.

— Сколько народа уже могут винтовки держать? — спросил, будто угадал его мысли, Заноза.

— Люди, Андриян Васильевич, до конца не окрепли, но, учитывая ситуацию, тридцать, а то и поболее поставить в строй можно.

— Неплохо, — обрадовался Заноза. — Всего за каких-то две недели!

— Лечение идет успешно, — подтвердил Гришмановский. — Питание неплохое, уход отменный. Из местных девчат получились хорошие сестры милосердия.

— Вы думали, наши селянки маху дадут? Они ж почти все комсомолки!.. А дело такое, Афанасий Васильевич. Тех, кого удалось восстановить, надо отправлять, — так велел передать Кравчун. — Заноза достал из-за пазухи бумагу, на которой был старательно вычерчен план. — Председатель сам все нарисовал. Вот тут, видите, лес. В нем партизаны объявились — комсомольцы села Ерковцы. Старшим у них сельский секретарь Володя Бойко — гарный хлопец, бедовый. Какой-то старшина-танкист из окруженцев к ним прибил, Георгием Титаренко зовут. Да еще Николай Свистунов, военфельдшер. Этот из немецкого лагеря сбежал. Ежели к ним ваших тридцать добавить, представляете, Афанасий Васильевич, какая будет силища?..

— Выходит, они через болото должны идти? — вторгся в мысли Гришмановского Поповьянц, продолжавший пристально разглядывать лежавший на столе план.

— Через болото. Там, сказали, тропа есть, — пояснил Гришмановский.

— Кто ж ее в темноте найдет?

Ответить Гришмановский не успел. В дверь постучали. На пороге появилась Ганна Лукаш. От всей ее крепко сбитой фигуры веяло силой, энергией, так и бывшей через край.

— Звали, Афанасий Васильевич?

Гришмановский спросил, разбирается ли она в карте. Ганна взглянула на обозначенный пунктиром маршрут через болото и сказала:

— Не велика наука. Тут еще мой батька, как Сусанин, хаживал!

— Значит, дорогу знаешь. А не побоишься? — спросил Поповьянц. — Ведь берешь на себя большую ответственность за людей, да и возвращаться придется ночью одной.

— Чего бояться? — усмехнулась Ганна. — Лес наш. Пусть там немец трясется от страха, а меня каждый куст, каждая березка сбережет.

— Хорошо сказано, Ганна. Так мне о вас и говорили: проводник достойный... Отправляетесь в два ноль-ноль. Задача — довести бойцов до леса близ Ерковцов и постараться отыскать отряд Бойко. Если никого встретить не удастся, покажете отряду путь дальше на восток. Сами возвращайтесь. Командир группы бойцов на это время поступает в ваше полное распоряжение. Вопросы есть?

Ганна Лукаш выпрямилась, точно стала по стойке «смирно»:

— Нет вопросов, товарищ начальник. Будет исполнено!

Когда они остались вдвоем, Гришмановский обнял Поповьянца за плечи и грустно сказал:

— Вот и выпускаем мы с тобой, Рафаэль, первую стаю. За ней другие ласточки полетят... Дай Бог, как говорится, успеть сняться с якоря. Ну а нам все равно покидать корабль последними.

10. ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

Гришмановский вышел из хаты во двор и зажмурился. Вокруг все сверкало, искрилось — глазам больно. Еще вчера вдоль дороги лежала пусть пожухлая, но все еще зеленая трава. Деревья с плотной желто-оранжевой листвой стояли вокруг школы. А сегодня все окрест покрылось серебристым инеем. Хаты, выглядавшие из-за побелевших заборов, превратились в сказочные сахарные теремки.

Колючий ветер опалил лицо. Гришмановский поежился, глубже засунул руки в карманы, подумал с тревогой: грядут заморозки, а с ними новые заботы. Нужно топливо, много топлива, чтобы поддерживать в помещениях, где лежат раненные, мало-мальски приемлемую температуру. А где его взять? Разве что воровать уголь на станции. Охотники, конечно, найдутся, но ведь там можно запросто пулю схлопотать. Немцы железную дорогу тщательно охраняют.

Придется с Занозой потолковать. Железнодорожный мастер знает на станции все ходы и выходы. Забавный мужик этот Андриян. Артист! Как он при первой встрече проверял флотского командира на «всхожесть»?..

Виделись они еще пару раз накоротке и только по делу. Подпольщики-таки выправили в Бориспольском бургомистрате бумагу, подтверждающую легальное существование госпиталя. Заверенный немецкой печатью, документ выглядел достаточно солидно. Заноза, принесший бумагу, рассказал, что на данном этапе немцы не шибко зверствуют и к украинцам относятся лояльно. Отпускают даже из концлагерей, если за ними приезжают родственники. Дезертиров из Красной Армии не преследуют. А тем, кто в селах оседает, и вовсе аусвайсы выдают.

Гришмановский недоверчиво усмехнулся: откуда такая информация? Но Заноза сослался на Кравчуна. Политика немцев сейчас, мол, такая: Украина — житница, изобильная и богатая. Прибрать ее земли к рукам — святое дело. Но труд сельский тяжелый, немецким господам нежеланный. Пусть уж украинский народ пуп надрывает и германскую армию кормит.

Заноза, конечно, рассуждал примитивно. Но ведь не зря фашисты объявили Украину протекторатом, поставили над ней гауляйтера Коха и некоторое послабление жителям дали. Поэтому, наверное, и госпиталь не рушат. Пока...

Полиции уже навевывались в школу. Особенно активен Павло Скакун. Выслуживаясь перед немцами, повсюду сует свой нос. Но девчата на стреме, дали этому типу однажды добрый отпор. Варвара Соляник такой шум подняла... Смелая дивчина, пальца в рот не кладет. Впрочем, и другие готовы глаза выпарапать всякому, кто на раненых бойцов покушается.

Замечательные у госпиталя помощники. Почти из каждого двора есть свои полномочные представители. Одни сестрами работают, другие нянечками, третьи продукты доставляют...

Позади легонько скрипнула дверь. На крыльцо вышла Валя Голубь. Бледная, похуевшая, она едва держалась на ногах. Неделию назад девушка простудилась, но не сразу приняла меры. А сейчас у нее температура под сорок, надрывный кашель, в груди — хрипы. Явное воспаление легких.

— Ты почему вышла? — всполохился Гришмановский. — Я же тебе категорически запретил вставать!

— Мне уже легче, — слабо улыбнулась Валя. — Вы ушли, одной лежать надоело. Вот взгляну на вас, хлебну глоток свежего воздуха и лягу...

— Нельзя тебе! — воскликнул не на шутку встревоженный Гришмановский. — Сейчас же в постель!..

Странные сложились между ними отношения. Поначалу Гришмановский ничего, кроме жалости, к девушке не испытывал. Когда уговаривал отступить вместе, думал: без защиты пропадет. Но шли дни, и его отношение к Вале стало постепенно меняться. Афанасий Васильевич по-прежнему держался с медсестрой подчеркнуто строго, ничего лишнего себе не позволял, но в глубине души стал испытывать к ней какое-то особое расположение. Заметил, что смотрит на девушку с нежностью. Так захотелось приласкать ее, прижать к груди.

С начала войны он не знал близости с женщиной и, как мужик вполне здоровый, горячий, уже ощущал по ночам тайное томление. Но Валя была просто доброй подружкой, а он для нее оставался старшим, умудренным жизнью товарищем, которого девушка беспрекословно слушалась. Афанасий Васильевич заботился о Вале, старался облегчить ей жизнь, помогал скрашивать неудобства военного быта. Но жизнь брала свое, и обстоятельства тому способствовали. Они жили в одной избе, и дома и в госпитале были почти все время рядом. Валя становилась необходимой, однако Афанасий Васильевич и мысли не допускал, что отношения могут измениться. Первый шаг сделала Валя.

Однажды поздним вечером оба сидели у него и пили чай, отдыхая после напряженного госпитального дня. И вдруг Валя спросила:

— Где ваша семья, Афанасий Васильевич?

— Понятия не имею, — признался Гришмановский, несколько удивленный вопросом. — Потерял все концы. Жена уехала из Морши с первым эшелонам.

— И вас бросила? — изумилась Валя.

— Что значит бросила? — возразил Гришмановский. — Женам офицеров помогали эвакуироваться. Оставаться смысла не имело.

Валя посмотрела на него задумчиво. Синие глаза, от которых он порой не мог оторвать взгляда, подернулись грустью.

— Я бы ни за что не уехала, — тихо сказала она. — Коли муж люб, можно ли его бросать...

— Так война, — объяснил он. — Понимаешь, война — дело мужское. Место женщины в тылу. Да и приказ был...

— Какой может быть приказ, — отмахнулась Валя, и глаза ее потемнели. — Жене всегда дело на фронте найдется, если она того пожелает.

— У моей жены не было медицинского образования, — возразил Гришмановский не очень уверенно.

Валя ответила не сразу. Обхватив плечи руками, словно внезапно озябнув, она убежденно сказала:

— Вы зря жинку свою защищаете. Ничего, кроме желания, не требуется, чтобы стать нянечкой либо санитаркой.

— Ты права в главном, Валюша, — решился на откровенность Гришмановский. — Мы с женой последний год неладно жили. Разные оказались, вот и разъехались, как только беда пришла.

— О чем же тогда жалеть? — спросила Валя, заглядывая собеседнику в лицо. — Вы теперь, можно считать, свободны от всех обязательств.

Гришмановский покосился на девушку с недоумением.

— Это ничего не меняет. Война не разбирает, женат ты, холост или вдовец, — всех уравнивает перед Богом и судьбой...

Они еще долго сидели молча, забыв об остывшем чае. Потом Валя встала и вышла из комнаты какая-то притихшая, ни слова не сказав на прощание. А он долго не мог заснуть, ощущая непонятное волнение.

Ночью, перед самым рассветом, Валя пришла к нему и скользнула под одеяло. А он, обняв ее удивительно нежное и вместе с тем упругое тело, вдруг понял, как дорого ему это маленькое хрупкое существо, за которое он отныне в любой момент готов отдать жизнь...

Гришмановский обнял Валюшу за плечи, увел в избу и уложил в постель, подоткнув со всех сторон одеяло.

— Мне пора идти, Голубка. Ты уж лежи смирно да поскорей выздоравливай. Неизвестно, что предстоит нам в ближайшее время...

Еще издали моряк увидел бегущую ему навстречу Горуневич.

— Беда, Афанасий Васильевич! — закричала она. — Хлопцев наших пострелять хотят!

— Каких хлопцев?

— Тех, что в железнодорожной команде работают на станции. Им по четырнадцать-пятнадцать годков, а за старшего в команде Ваня Глядченко. Да вы его знаете...

— Глядченко? Какой он из себя?

— Чернявый такой, мордатый. Волосы на голове дыбом торчат. Ваня с Глудуном, мужем моим, раненых возил на арбе из Артемовки. А потом убитых хоронил...

— Что он натворил? За что ребят к стенке хотят поставить?

— Ох Афанасий Васильевич, они ж еще дети. Нашли на свалке футбольный мяч и ну его гонять.

— За это не стали бы расстреливать. Что еще?

— Тут такое совпадение: партизаны под Морозовкой путь порушили. Фашисты и подумали, что это работа хлопцев. Мол, радуются делу рук своих... Миленький, Афанасий Васильевич, никто с немцами объясниться не может, а вы по-ихнему умеете. Попробуйте коменданта уговорить...

Черта с два их уломаешь, угрюмо подумал Гришмановский. Еще чего доброго самого под расстрел подведут как пособника. Но ребят спасти надо. Может, объяснить коменданту, что истребление молодой рабочей силы не в интересах рейха?

— Хорошо, Евдокия Степановна, я попробую, — хмуро сказал Гришмановский. — Вы вот что, пробежите по дворам, соберите продуктов побольше — солений, сала, яиц. И обязательно самогону!

— О Господи, как же я раньше не додумалась. Подкупить их надо! — воскликнула Горунович. — Немцы страсть как до горилки охочи!

— Тогда действуйте, Евдокия Степановна, — поторопил Гришмановский. — Я пошел на станцию. Смотрите, чтобы гостинцы не запоздали...

В приемной начальника станции, куда стремительно, широко распахнув двери, вошел человек в черной флотской шинели, сидел дежурный офицер. Он уставился на непрошеного посетителя и грозно спросил:

— Кто такой? Что нужно?

— Я с визитом к коменданту, — заявил моряк и, не дожидаясь разрешения, прошел в начальственный кабинет.

С комендантом Гришмановский уже встречался. Тот приходил в госпиталь в сопровождении двух солдат проверять, нет ли среди раненых комиссаров и евреев. Афанасий Васильевич заверил его, что таковых в подведомственном ему лечебном учреждении не имеется. Офицер не очень-то поверил, но спорить не стал. Полицейские функции в его обязанности не входили, и комендант, очевидно, посчитал ниже своего достоинства опускаться до расследования.

— Какая нужда привела вас ко мне, герр доктор? — довольный вторжением, спросил комендант.

— Я пришел просить вашего снисхождения к ребятам из рабочей бригады, герр обер-лейтенант. — Он сразу заметил новенькую звездочку на погонах коменданта и не преминул польстить.

— Партизанен? — нахмурился комендант. — Враги рейха должны быть уничтожены. Они сейчас копают себе могилу.

— Какие же они враги? — как можно беспечнее сказал Гришмановский.

— Они совершили диверсию!

— Не они, точно знаю. Хлопчики во время диверсии мяч гоняли у всех на виду...

Но комендант стоял на своем. Наверх уже доложили, что партизан, совершивших диверсию, поймали. И сколько Гришмановский ни убеждал, что расстрел украинских жителей противоречит интересам рейха и указаниям гауляйтера Коха, тот на уговоры не поддавался.

Обер-лейтенант уже начал выходить из себя, но тут появилась спасительница в лице Анны Андреевны Лукаш. В ее руках была огромная корзина.

— Вовремя явились, Анна Андреевна. Избавили меня от смерти неминуемой, — шепнул ей Гришмановский и снова вернулся к коменданту: — Благодарные жители села шлют вам небольшой презент, герр обер-лейтенант.

Эффектным жестом он откинул прикрывающий корзину платок. Оттуда выглянула трехлитровая бутылка с самогоном, окруженная яблоками, грушами, помидорами.

Комендант при виде бело-розового кусища сала невольно заулыбался.

— Гут! — кивнул он. — Вам нельзя отказать в сообразительности, герр доктор. Вы сами видели ребят, играющих в мяч? Сами лично?

— Так точно, герр обер-лейтенант, — отчеканил Гришмановский со всей убедительностью, на которую был способен. — Не буду же я вас обманывать!

— Хорошо, пусть будет так, — согласился комендант. Повернувшись к дежурному офицеру, приказал привести арестованных. Пусть больше не роют себе могилу, казнь отменяется. И, обратившись к Гришмановскому, жестко заключил: — Отпускаю футболистов под вашу личную ответственность, герр доктор. Если они будут замечены в нарушении дисциплины, голову теряете вы!

Гришмановский не опустил глаз, хотя внутри у него так и заглохло. Он снова, в который раз, шел по лезвию ножа. Сегодня, кажется, пронесло.

— Премного благодарен за доверие, герр обер-лейтенант. Всю ответственность я беру на себя. Обещаю, ничего подобного больше не повторится.

Вечером следующего дня, вызвав к себе главного виновника переполоха Ивана Глядченко, Гришмановский зажал его в углу и твердо сказал:

— Не вздумай баловать, Иван. Понял?.. Не занимайся самодетельностью. Я отвечаю за раненых. Под монастырь не только меня, слишком многих можешь подвести.

— Мы уцерб врагу нанесли. Хотели как лучше, — смущенно пробормотал парень.

— Все надо делать с умом, хлопец, — укорил Афанасий Васильевич. — Если уж подался в диверсанты, соблюдай осторожность. И не попадайся!..

11. ЗАБОТЫ... ЗАБОТЫ...

Каждое утро, просыпаясь на рассвете, чтобы заняться приготовлением завтрака, Тулушев замечал, как постепенно наступает осень. День становился короче, побурели листья деревьев, по утрам становилось все холоднее. Если неделю назад он выскакивал из хаты без сапог — приятно босиком пробежаться, как в детстве, по мягкой щекочущей траве, — то теперь роса обжигала ступни, словно крапива. А однажды, выйдя поутру во двор, Тулушев его не узнал. На пожухлых листьях лежал иней. Яблони, крыши домов, стебли кукурузы — все стало колочье-белым.

«Скоро зима, — подумал Дмитрий с тоской. — Надо отапливать помещение, иначе люди померзнут. А чем? Дров и на приготовление пищи не хватает». Каждый день один и тот же вопрос: где достать топливо? Хочешь — не хочешь, а котел три раза вскипятить надо. Разбирают заборы, плетни, срубают сухостой. Но этого мало. Лес хоть и близко, но путь к нему через болото. Спасибо Ванюшке Дворнику, выручает малец. То ящики откуда-то притащит, то бревно прикатит. Шустрый парнишка и, главное, сознательный. Как же, говорит, не пособить красноармейцам... Золотой народ в селе. Каждый старается помочь по мере возможности. Отрывают от себя, несут последнее...

Полевая кухня стояла неподалеку от детского сада в выкопанной Тулушевым яме. Колесо оторвало снарядом, пришлось под ось выложить стеночкой кирпичи. Это Василий Ерофеевич придумал. Заботливый мужик, мастеровитый. Надо шины или костыли сделать — бегут к нему. Картошки накопать, капуста с поля привезти или кукурузы наломать — без Василия Ерофеича дело не освятится.

Дмитрий заложил в топку дрова, приподнял крышку. Котел был полон, и Тулушев снова с благодарностью подумал о Ванюшке — натаскал с вечера воды, пострел. И ведь никто не просил... А колодец глубокий, одно ведро вытащить — труд, тем более котел наполнить.

Кухня дымила вовсю, когда появилась Анна Андреевна Лукаш, худенькая подвижная женщина с добрыми жалостливыми глазами. Она испуганно озиралась.

— Вы что, мама? — всполошился Тулушев. — Кто-нибудь напугал?

— И не говори, Дмитро, — покачала она головой. — Скакун проклятуший встретился, тот, что у полицаев главный

начальник. «Что несешь в котомке, старая? — кричит. — Кому? Повешу, расстреляю!..» У меня аж ноги отнялись.

— Надо было вернуться, мама. С полицией лучше не связываться.

— Верно говоришь, сынок. Им пристрелить человека не долго. Народ боится по улицам нынче ходить... А я тебе заправки трошки припасла. Знаю, у вас еще вчера вся кончилась.

Анна Андреевна вытащила кусок сала, завернутый в тряпицу, и протянула Дмитрию.

— Зачем вы, мама? — сказал Тулушев. — Я и так обойдусь. Нужда всему научит. Я теперь, как в той детской сказке, суп из топора могу сварить.

— Ты бери. Хлопцам для поправки нужно. А я для себя еще найду...

— Где найдете-то, мама, — грустно сказал Тулушев. — Знаю же, что нету у вас!

— Не перечь, сынок. — Она чуть не силой сунула кусок сала в руки. — Лучше собери грязное белье. Соня стирает.

Анна Андреевна позвала стоявшую неподалеку дочь. Соня взглянула на Дмитрия лукаво, знала, что повар перед ней робеет и ничего с собой поделывать не может. Как увидит дивчину, слова в горле застревают. Нравится ему Соня, нравятся ее пышные вьющиеся волосы, тяжело падающие на плечи. Ей нет и шестнадцати, но выглядит совсем взрослой. Не один Тулушев на нее засматривается. Однако Соня знает себе цену и давать волю рукам никому не позволяет. Так отбреет, что ухажеры из выздоравливающих сразу в сознание приходят.

— Что стирать-то? — спросила Соня, насмешливо рассматривая смутившегося Тулушева. — Повязки?

— Ага! — воскликнул Дмитрий, обрадовавшись, что девушка сама к нему обратилась. — Доктор велел кипятить долго-долго.

Для ежедневных перевязок нужны были бинты, горы бинтов. Новых взять неоткуда. А старые при многократном использовании требовалось стерилизовать особенно тщательно: не менее двух часов кипятить и проглаживать раскаленным утюгом. Работа требовала предельной аккуратности, терпения, и занимались ею десятки женщин. Во многих дворах, не затухая ни днем, ни ночью, горели костры. В котлы непрерывным потоком закладывали перевязочный материал. Не успевали вытащить одну партию, как наготове другая. Едва подсохшие бинты пускали под утюг. А для утюга нужен древесный уголь, да чтобы горел он синим пламенем — морока!

Соня за день так выматывалась со стиркой, что к вечеру не чуяла под собой ног. Но она никогда не жаловалась. Вот

и сейчас, привычно затолкав в корзину гору использованных бинтов, с иронией спросила:

— Только и всего? А разговору-то сколько... Скидай гимнастерку! Срам кашевару в такой грязищи ходить.

— Да я уж сам...

— Кому сказала!

— Переодеться не во что...

— В исподнем походишь, не пан.

Тулушев медлил, не решаясь остаться в белье, которое тоже было не первой свежести. На выручку пришла Анна Андреевна.

— Да отвернись ты, девка, очи твои бесстыжие! — прикрикнула она на дочь. — Или не бачишь, хлопец застеснялся?

— Очень интересно на Косяка глядеть, — фыркнула Соня.

— Были бы кости целы, мясо после войны нарастет. Правильно, сынок? Ты исподнее тоже давай...

— Вы уж и шкуру заодно сдерите, мама. В чем же я останусь? — в ужасе воскликнул Дмитрий.

— Халат у доктора одолжи. Стряпухе в белом положено ходить, — хохотнула Соня.

Они таки заставили Тулушева переодеться в докторский халат и ушли, пообещав вернуть одежду и бинты к вечеру.

— А я пособить пришел, — раздался за спиной Тулушева зычный бас. Из-за угла дома выдвинулась массивная фигура Ивана Фесенко. — У Дворников еще не проснулись?

Солдат держал перед собой забинтованную руку и нес ее бережно, как ребенка, только что не баюкал. Вначале рана не очень его беспокоила. Фесенко считал ее пустяковой. Ну чиркнул осколок по предплечью — подумаешь, делов-то. Вот контузия — это да. Но потом не только предплечье, а вся рука воспалилась. Видно, в рану попала инфекция, и боль стала донимать. Да ведь могло быть и хуже...

— Знаем, кто тебя интересуется, — хитровато прищурился Тулушев.

— Это ты зря, — пробурчал Фесенко, отводя глаза. — У них все семейство замечательное: что Василий Ерофеевич, что Евдокия Михайловна, даже малец Ванюшка и тот...

— Брось, — перебил Дмитрий, подбрасывая дрова в топку. Вода вот-вот должна была закипеть. — Спишь и во сне видишь небось золотые сережки.

— Какие еще сережки? — рассердился Иван. Врать он не умел, а признаться, что Тулушев попал в точку, было неловко.

— От меня-то что скрывать, — заметил Тулушев. — Да и ребята в курсе, потому как на лице твоём круглом все написано.

— Так Соня мне, можно сказать, жизнь спасла!

Говоря так, Фесенко ничего не придумывал. Когда остатки его взвода в последний раз поднялись в атаку, раненый Иван, не выдержав, тоже выскочил из воронки. Прижимая к груди автомат, успел пробежать метров тридцать и от резкого удара вдруг рухнул на землю. Что-то сверкнуло перед глазами. По руке словно раскаленным прутком стеганули. Еще один взрыв, и его отшвырнуло в сторону. Уткнувшись головой в куст, Иван потерял сознание.

Очнулся от прикосновения чьих-то рук. Открыл глаза и не поверил тому, что увидел. Склонившееся над ним лицо показалось наваждением. Мраморно-белый лоб, глубокие, как омут, глазища... С ума сойти!

— Уйди! — попросил он. — Не бреди душу!

Печальная улыбка на склоненном лице обозначила ямочки на щеках.

— Очнись, солдатик, — потрясло «наваждение» за плечи. — Не спи, спать потом будешь...

Он застонал. Опираясь на протянутую руку, встал на колени, потом поднялся, шатаясь, словно пьяный. Сделал шаг, другой, чуть не упал: ноги подгибались.

— Держись, солдатик, и не шуми. Шуметь опасно, — шепнула она. — Пошли, сховаю...

С того дня Ивану действительно снились часто золотые сережки, вдетые в нежные девичьи уши. Разумеется, он ни словом никому об этом не обмолвился и наивно полагал, что окружающие не подозревают о его чувствах. Поэтому Тулушев, угадавший тайну, которая, собственно, ни для кого, в том числе и для Сони, уже секретом давно не была, поверг Фесенко в смятение.

— Тоже друг! — разозлился он. — На твоём месте я бы язык проглотил, а ты распустил его, как баба на базаре!

— Да я ничего, — растерялся Дмитрий. — Прости, коли что не так сказал!

— Ладно, — смягчился Фесенко. Он был отходчив и не умел держать зла. — Только никому ни слова! Говори, чем помочь...

— Куда тебе с одной-то рукой?

— Думаешь, силу совсем растерял? Смотри...

Здоровой рукой Иван схватил кочергу, зажал между колен, согнул ее и тут же вскрикнул от пронзительной боли.

— Ты что делаешь, Фесенко? — раздался гневный окрик. На крыльце стоял Крутских. — Я тебя стараюсь вылечить, руку сберечь, а ты... Дурную силу давать, что ли, некуда? — Крутских поднял согнутую кочергу, увидел расстроенные лица солдат и смягчился: — Зачем же казенное имущество портить?

Лицо Ивана расплылось в улыбке.

— Так я мигом ту кочергу в прежнее состояние верну, доктор. Не сердчай...

— Совсем с ума сошел! Хочешь, чтоб рана открылась? А ну, марш на место! — Он повернулся к Тулушеву. — Как с завтраком, Дмитрий?

— Через тридцать минут будет готов.

— Поторопись...

Во двор вихрем влетел Ванюшка и с ходу закричал:

— Доктор, доктор! Там до вас пришли! Лекарка наша Горуновичиха интересуется, как вы с ранеными управляетесь...

Крутских, больше всего боявшийся разоблачения перед ранеными, насупил. Этого только не хватало. Ревизия, черт бы ее побрал! Добро бы начальство какое, а то сельская фельдшерица. Всю картину может изгадить...

Встретил он Горунович настороженно, неприветливо. Даже внешность ее показалась неприятной. Глаза строгие, холодные, глядят с прищуром. И говорит назидательным тоном. То повязка наложена неправильно. Кто вас учил?.. То антисептика не на высоте. Кто же так содержит медикаменты?..

Крутских крепился, хотя сбывались самые худшие его опасения. Грубить женщине — последнее дело, тем более медику, пусть и местному. И все же не выдержал:

— С какой стати вы меня отчитываете, как мальчишку? Спросили бы поначалу, нуждаюсь ли я в ваших советах!

Горунович была оскорблена в лучших чувствах. Она пришла помочь, подсказать... И вот благодарность! Евдокия Степановна круто повернулась и молча пошла прочь.

Крутских долго не мог успокоиться. Ходил вокруг дома, курил и думал. Конечно, у него не семь пядей во лбу. Наверняка погрешности допускает. Но разве правильней было бы оставить людей совсем без помощи? Ведь заявила эта фельдшерица только сейчас, когда первая помощь раненым уже оказана. Худо-бедно, многие начинают выздоравливать...

Рассуждал Крутских верно, только со своей колокольни. В подопечном ему помещении детского сада находилось после отбора пятьдесят шесть легко раненных бойцов. В остальных же местах созданного в Кучакове военного госпиталя лежало свыше четырехсот человек. Многие из них с опасными для жизни ранениями находились на грани жизни и смерти, нуждались в операционном вмешательстве и длительном лечении. Здесь-то и сосредоточились все имеющиеся в наличии медицинские силы, сюда и было главным образом обращено внимание жителей села. О филиале лазарета, что располагался на краю Кучакова, многие просто не знали.

Крутских, как маятник, ходил вдоль длинного приземистого здания. Человек впечатлительный, он после разговора с

Горунович никак не мог успокоиться. Тем более что подсознательно чувствовал определенную основательность ее упреков. Как-никак, а он все же не врач. Вслух, разумеется, признаваться в этом нельзя, потому что повредит делу. Раненые чутко реагируют на его состояние. Им мгновенно передается бодрость и оптимизм так же, как и нервозность «доктора». Но от себя-то не спрячешься...

— Пора делать обход, Александр Петрович, — донеслось из окна.

Приятный грудной голос принадлежал Виктории Михалевич. Крутских узнал бы его из сотен других голосов. Виктория появилась в Кучакове в конце сентября. Как-то утром Крутских увидел на улице девушку в страшных лохмотьях. Она остановилась неподалеку от кухни и, как замороженная, смотрела на Тулушева, вернее, на кашу, которую он раздавал раненым.

— Митя, покорми человека! — крикнул Крутских.

Тот неохотно зачерпнул каши, поколебавшись, отправил половину обратно в котел, оставшееся с сожалением плюхнул в миску.

— Ходят тут всякие, — заворчал Тулушев, но послушаться не посмел, хотя во всем, что касалось питания раненых, Дмитрий был крайне прижимист. Основания к тому были: продуктов оставалось все меньше, а поступления от сельчан сокращались. Тулушев умудрялся экономить даже на собственном желудке.

— Не надо! — испуганно воскликнула девушка.

— Митя, — повторил Крутских укоризненно, — не жмись. Человек от голода умирает, разве не видишь?

— А если у меня всего на десяток заправок осталось? — не сдавался Тулушев. — Вы же сами потом с меня спросите.

— Спрошу. Но одно к другому не относится. Отдай мою порцию!

— Я чужого не ем! Я не возьму! — задрожав от обиды, отвернулась девушка.

Крутских не стал слушать и чуть ли не силой сунул ей миску в руки. Она не выдержала, схватила дрожащими руками ложку и стала жадно глотать кашу.

— Простите меня, крошки во рту не держала несколько дней, — выговорила наконец девушка, утолив первый голод.

Теперь Александр хорошо рассмотрел ее. Если бы не изможденный вид, девушку можно было назвать красивой. Правильный овал лица, темные, как спелые сливы, глаза, тонкая талия — все это делало ее облик чрезвычайно трогательным.

— Вы что умеете? — поинтересовался Крутских.

— Я закончила медучилище. Работала в больнице...

— Не может быть! — воскликнул он, не веря удаче. Заполучить настоящую медсестру в его двусмысленном положении — о таком он не мог и мечтать.

— Оставайтесь у нас, — попросил Крутских.

— Где у вас?

Поспешно, боясь, что получит отказ, он рассказал ей про госпиталь.

— Ну конечно же, я согласна, — не задумываясь, ответила девушка.

Так Виктория Дмитриевна Михалевиц стала незаменимой помощницей «доктора», получив должность старшей медицинской сестры. А дальше произошло неожиданное...

Намаявшись за день, Виктория как-то зашла под вечер в каморку Крутских, где тот, по обыкновению, используя каждую передышку, читал медицинское пособие. В тайну его статуса врача Виктория была посвящена, но что они вообще знали друг о друге? Война сорвала их с места, выбросила из привычной жизни и столкнула в маленьком украинском селе, о существовании которого оба прежде не имели представления. На своей родной земле, ставшей вражеским тылом, два человека оказались объединенными общим делом. Их прочно связало чувство долга и ответственности за жизнь людей, силою обстоятельств вверенных их попечению. Но этого казалось мало. Нужно было полное доверие. И Крутских ничего не утаил...

Сидя в закутке, отгороженном от госпитальной палаты, Виктория слушала исповедь Александра, как страшную в своей обнаженности легенду. В ней было все: воспоминание о трудном сиротском детстве, о любви к живописи и мечте стать художником; о службе в армии и двух войнах, пусть кратких по времени, но оказавших на характер молодого человека большое влияние; о жене и маленькой дочке...

Несколько дней назад кто-то из сельчан принес весть: на ближайшей от села железнодорожной станции возле сгоревшего санитарного эшелона расстреляли врачей, отказавшихся работать на немцев. Станционные служащие рассказали, что одна из расстрелянных, молодая женщина-врач все рвалась к полыхающему вагону, где, говорят, осталась ее маленькая дочь. Такой она и запомнилась, выкрикивающей проклятия, поседевшей на глазах у очевидцев от ужаса перед совершаемым злодейством, бессильная что-либо изменить.

Александр знал точно: Таня в армии с первых дней. А дочь?.. Ее ведь не с кем было оставить. Значит, взяла с собой? Мыслимо ли представить, что случившееся коснулось ее? И в то же время приметы, дошедшие в пересказе до Крутских, до мелочей совпадали...

— Только не жалея меня, — грубовато оборвал Крутских свой скорбный рассказ, заметив горестное лицо Виктории.

— Не жалость это, Саша. Мне больно за тебя и за ту женщину, — сказала она тихо и вышла.

С тех пор он постоянно следил за Викторией взглядом, будто боялся потерять точку опоры. Между ними не было сказано ни одного слова, выходящего за рамки деловых отношений, но оба знали, что питают друг к другу нечто большее, чем просто дружескую симпатию. Впрочем, они тщательно скрывали то, что стали уже замечать окружающие...

— Вы меня слышали, Александр Петрович? — высунувшись из окна, переспросила Виктория. — Пора делать обход.

— Иду, — отозвался Александр, стараясь настроить себя на деловой лад.

Ежедневный обход он ввел сам. Во время финской кампании, лежа в госпитале после ранения, Александр наблюдал ритуал обхода и думал тогда: что толку спрашивать каждое утро одно и то же — где болит, как самочувствие? Словно нельзя справиться у дежурной сестры?

Теперь сам, оказавшись в роли человека, слово которого стало авторитетным, он почувствовал: обход — не пустая формальность. Раненые ждут его посещения. Одобрительный жест, утешительное слово, ободряющая улыбка — все годится. Человеку всегда дорого внимание, особенно, когда он болен...

Однако на сей раз пришлось неожиданно изменить установившееся правило. Едва Крутских вошел в помещение и надел халат, как в дверях появился моряк. Александр слышал о Гришмановском от хирурга, бывавшего здесь дважды, знал о его роли в госпитале, но встречаться не доводилось.

— Александр Петрович? — спросил вошедший и протянул руку. — Рад познакомиться. Я как-то сюда заглядывал, но вас, к сожалению, не застал.

— Знаю, доложили. Я ходил в тот день насчет продуктов договариваться, — буркнул Крутских. Он чувствовал себя скверно. Хирург — тот ни о чем не допытывался, отобрал несколько человек, нуждавшихся в операции, и ушел. А этот явился неспроста, он не сельская фельдшерица, с которой можно не посчитаться. Если уж найдет недостатки, добром не кончится. Время военное, и намерения самозванца, пусть самые распрекрасные, в расчет не идут.

— Живете на отшибе, прекрасное место по нынешним временам, — продолжал между тем Гришмановский. — Чуть ноги не вывернул, пока добрался... Вы, говорят, отлично справляетесь со своим хозяйством. Если не возражаете, давайте сделаем совместный обход.

Моряк говорил приветливо, но Крутских все равно было не по себе. Он шел, сопровождаемый взглядами раненых, чуть

отстав от Гришмановского, и внутренне напрягся, готовый к защите или, если понадобится, к отпору. Лицо моряка оставалось невозмутимым. В вопросах, что он задавал, подвоха не чувствовалось. Врач спрашивал о медикаментах, перевязочных средствах, интересовался, в чем они испытывают особую нужду, как обстоит дело с питанием. Именно потому, что Александр ждал какой-нибудь каверзы, его сразу насторожил вопрос, заданный как бы вскользь: что за конфликт произошел у него с фельдшером Горуневич?

«Успела нажаловаться чертова баба», — подумал Крутских и с неожиданной злостью сказал:

— А пусть не вмешивается! И то не по ней, и это. Появилась, как гастролер, и поучает. Сама бы покрутилась возле раненых сутками напролет — другие бы песни запела!

— Она и крутится, как белка в колесе, — спокойно отозвался Гришмановский. — У нее, кроме госпиталя, еще и село на руках. Среди жителей больных хватает, а от должности завмедпунктом ее, хоть и война, никто не освобождал...

Крутских хотел сказать что-то в свое оправдание, но Гришмановский, окинув еще раз палату оценивающим взглядом, предупредил его:

— А мне здесь нравится! Чувствуется армейский порядок. Остается его поддерживать.

То, что моряк похвалил и бесспорно признал коллегой, обрадовало Крутских лишь в первую минуту. Однако он тут же подумал: правду от специалиста надолго не скроешь. А с ложью в сердце он никогда не жил и жить не собирается. Поэтому, как только они остались вдвоем, Крутских стремительно выпалил:

— Простите, Афанасий Васильевич, но я... я не врач!

— Очень интересно, молодой человек, — несказанно удивился Гришмановский. — А кто же вы? — и поглядел пристально, будто увидел впервые.

— Я вам все объясню... Так случилось. А вообще-то я командир, младший лейтенант, артиллерист!

— Ну и молодец, младший лейтенант! — присаживаясь на табурет, уважительно сказал Гришмановский. — Тебе сколько? Двадцать три? Всего-то? Лихой парень. Доведись мне, ей-богу, не решился бы...

Губы Крутских помимо воли расползлись в улыбке.

— Правда? — обрадовался он.

— Думаешь, лъшу? Нисколько. Наоборот, отдаю должное силе воли, мужеству. К тому же, если честно, зря удивился. Жизнь сейчас такова, что поднимает в человеке подспудные резервы, и они, как показывает твой случай, поистине неисчерпаемы...

Гришмановский умолк, задумался. Насколько же, действительно, велик в людях запас прочности. В мирной жизни его не замечаешь, а на таких крутых поворотах... Мог ли он три месяца назад представить себя начальником госпиталя, находящегося в тылу врага? Кругом фашисты, а у него и маленькой группы товарищей на руках полтысячи раненых, полных два батальона!.. Положим, лечить людей его учили. Лечить, но и только. Сейчас же помимо врачевания приходится заниматься снабжением медикаментами и продуктами без расчета на привычные в мирное время плановые поставки...

А связь с подпольем? Кто, когда, где обучал его хитрости, притворству, изворотливости? Приходится прятать истинные мысли даже от своих только потому, что кто-то вдруг может оказаться нестойким, ненадежным...

Третьего дня у него снова был Заноза. Вырядился, как жених перед свадьбой. Увидел, что Гришмановский обратил внимание на его «петушиный» вид, и нахмурился.

— Знаете, Афанасий Васильевич, — говорит, — я бы вам тоже посоветовал одежонку сменить. Зачем гусей дразните?

— Ни в коем случае, Андриян, форме своей не изменю, — возразил Гришмановский. — Без нее я голый. А что касается «гусей», то они к моему виду привыкли, считают меня простоком, служакой. Верно?

— Пожалуй, что так, Афанасий Васильевич. Ваша правда... Я зашел спросить, как у вас с продуктами?

Гришмановский развел руками. Хвастаться было нечем. Проблема питания с каждым днем становилась все острее.

— Кравчун велел передать: часть коров, что спрятали, голов пять-шесть, можно забить для госпиталя. В отчетных бумагах «народного хозяйства» засвидетельствован падеж скота. Только глядите, чтобы староста не прознал.

— Говорят, он мужик невредный.

— Прежде проверим. Пока он действительно себя с плохой стороны не проявил, но поостеречься не грех. — Уже собираясь уходить, Заноза внезапно вспомнил: — Просьба, Афанасий Васильевич. Есть у вас санинструктор Сашко Цыпкин...

— Отличный малый, — похвалил Гришмановский. — Он и в госпитале на все руки мастер, и свадьбу успел справить. В жены взял сельчанку Марию Литвиненко.

— Знаю, — улыбнулся Заноза, — Сашко в дружки приглашал, но мне высовываться не с руки. Венец в церкви над ним Иван Глядченко держал.

— Неужто венчались?

— А кто еще нынче брак регистрирует? Не ехать же к немецкому коменданту в Борисполь?... Так отдадите мне Цыпкина?

— Очень нужен?

— Иначе не просил бы... Немцы на станции пост организовали. Их немного, шесть человек. Я при той команде работаю. Но без переводчика трудно, из-за незнания языка много ценных сведений упускаю. А Сашко прилично знает немецкий...

— Цыпкин — еврей.

— Про это известно мне да вам. На лбу у него не написано. А на взгляд он за кавказца сойдет.

— Думаешь, не подведет?

— Проверен. Тех, что боятся, не берем...

...Погруженный в воспоминания, Гришмановский вздрогнул, когда обеспокоенный затянувшимся молчанием Крутских спросил:

— Пробу не снимете?

— Какую пробу? — недоуменно переспросил Гришмановский, с трудом возвращаясь к действительности.

— Обед скоро. Уже соготовили.

— Ах вот вы о чем, — улыбнулся, как бы извиняясь за рассеянность, Гришмановский. Выражение его глаз смягчилось.

— У меня кашевар замечательный. Ни одной жалобы нет.

— Вот тебе и лучшая оценка качества! А проба? Отдай кому-нибудь эту порцию в качестве добавки...

С улицы послышалось:

— Начальник! Доктор!

— Что-то стряслось! — воскликнул Гришмановский и выбежал вслед за Крутских на крыльцо.

Едва переводя дух, посреди двора стояла Софья Батюк.

— Слава тебе, Господи! — воскликнула она. — Вы тут, доктор? А я по всему селу шукаю! Немцы, Афанасий Васильевич.

— Где?

— Да где же! В школе! Офицер с тремя солдатами. На мотоциклетах подкатили. С автоматами!

Гришмановский стиснул зубы. Глаза его сузились. Он посмотрел на Крутских, на Софью Батюк и тихо произнес:

— Вот и началось! — Повернувшись к Софье, отрывисто бросил: — Идем!

12. ОПАСНОСТЬ НАРАСТАЕТ

Еще вчера на улицах Кучакова было грязно, неуютно. Вдоль дорог, как солдаты в шеренгах, стояли серые, пропитанные сыростью, замшелые заборы. Сверху на них, словно озябнув в непривычной обнаженности, обволакивались мокрые, без единого листочка ветви яблонь и вишен. Вилась меж

потемневших от дождей хаток разъезженная, разбитая колея. Перепаханная колесами глина бугрилась в огромных лужах, где телеги тонули по ступицы.

За ночь же село похорошело. Выпавший снег укрыл его мохнатым ковром, выбелил хаты, опушил сады.

— Ух, красота! — крикнула Катя Конченко, выбегая из дому к поджидавшему ее Олексиеенко.

— Красота, да не дюже, — буркнул Марк Ипполитович, усаживаясь в телегу. — Рановато ныне зима заявилась.

— Ноябрь уже. В самый раз.

— Не нужно нам сейчас холода. Топить нечем, — сокрушенно сказал Олексиеенко, трогая лошадь.

— А по-моему, наоборот, — возразила Катя. — От мороза болота вымерзнут. По зимнику в лес поедем дрючки собирать.

— До тех холодов, когда грунт промерзнет, далеко, и при нашем климате не в каждую зиму бывает. А пока... Поторопись, милая! — прикрикнул Олексиеенко, понукая лошаденку, и повернулся к девушке: — Мешки припасла?

— А как же? Еще с вечера положила...

Катю Конченко Гришмановский выделил Олексиеенко в помощь. Деду одному все труднее становилось справляться с большим хозяйством. Энергичная, или, как ее звали подружки, бедовая, дивчина как раз подходила для роли помощницы. Тем более что раненные постепенно выздоравливали и во многом стали подменять медсестер.

— Только вряд ли мы в те мешки чего-нибудь наскребем, — вздохнула Катя.

— Это ты зря, — возразил Марк Ипполитович. — Не может того быть, чтоб люди нам не пособили.

— Так не от жадности, самим взять негде...

С каждым днем госпиталь все острее испытывал нужду в продовольствии. Для того чтобы обеспечить хотя бы двухразовое питание пятисот человек, нужны были ежедневно десятки килограммов хлеба и мяса, жиров и овощей. Уже давно забили скот, который можно было изъять незаметно для немцев из остатков колхозного стада; израсходовали общественное зерно, хранившееся в деревянной церквушке, вырыли и съели картошку, свеклу, капусту, оставшиеся на окрестных полях. Подошли к концу продовольственные запасы и жителей Кучакова. Все, что можно было, они уже отдали, оставив немного, чтобы как-то прокормить детей и самим не умереть с голоду. И тогда Олексиеенко предложил обратиться за помощью к крестьянам других сел, расположенных в округе.

— Думаешь, дадут? — с сомнением спросил тогда Гришмановский. От Занозы он знал о грозных приказах немецкой комендатуры по поводу продуктов. Для нужд Германии с Ук-

раины сплошным потоком отправлялись на запад эшелон за эшелон. За укрывательство скота, птицы, зерна грозила тюрьма и даже расстрел. Крестьяне были об этом широко оповещены.

— Должны дать, — ответил Олексиеенко. — Понятно, опасаться будут. Кому охота погибать? Но без объявы, втихую, обязательно поделятся для нашего святого дела...

Олексиеенко оказался прав. С Катей Конченко и Ириной Трегубенко они уже побывали в Артемовке, Сулимовке, Лебедине, Малой Старице. И везде получили поддержку. Селяне отдавали для раненых все, что могли оторвать от себя. Сегодня путь добровольных снабженцев лежал в Синьковку.

Улица сделала крутой поворот и пошла под уклон. Лошадь побежала резвее. Запрыгали на выбоинах колеса, разбрызгивая ошметки грязи и мокрый снег.

— Стой! — раздался окрик.

— Староста! — вскрикнула Катя, увидев выросшего перед ними на дороге человека.

Ефрем Комащенко стоял, широко расставив ноги, по-бычьим наклонив голову. Глубоко спрятанные за лохматыми бровями глаза недобро буравили Олексиеенко.

— Куда гонишь?

— Мы тут до соседей собрались, Ефрем Якимыч, — затараторил Олексиеенко, осаживая лошадь. — А что, гостеванье нынче в запрете?

— Почему же? — усмехнулся староста. — Только смотря с какой целью.

— Хотели в синьковской церкви лампадного масла позычить...

Староста ткнул пальцем в мешки, лежавшие на телеге, и с издевкой спросил:

— В них, что ли, лампадное масло наливать собираешься? Мужик тертый, дед и тут не растерялся.

— Мешки к маслу отношения не имеют. То я к куму намеревался заехать, потому как он мне в долг зерна насыпать обещал.

— Кум да кума — сказки. А присказка такая: поворачивай, Марко, назад. В Синьковку тебе ехать не следует!

— Отчего так? — заартачился самолюбивый Олексиеенко.

— Говорю тебе, нельзя! — рассердился Ефрем Комащенко.

— А ты мне не указ... не указ, — посыпал скороговоркой Марк Ипполитович. — Подумаешь, власть!.. Я человек ныне вольный. Солдатом еще в германскую воевал, от батюшки-царя награду получил...

— Не таракти, — сердито оборвал Ефрем. — Поворачивай оглобли! — И, видя, что тот упрямится, глухо добавил: — Для твоей же пользы говорю, Марко.

Катя схватила деда за руку и, опасливо косясь на старосту, жарко зашептала на ухо:

— Повертайте, Марк Ипполитович. Кабы беды не было... Пусть он, тот староста, провалится, поворачивайте!

С трудом сдерживая гнев, Олексиенко развернул лошадь. Он больше ничего не сказал Ефрему, но взгляд был красноречивее слов и не предвещал старосте ничего доброго. Тот это прекрасно понял: слишком давно знали друг друга два молодых мужика. Однако Комащенко промолчал, только резко махнул рукой: езжай, мол, скорее прочь!

Яростно нахлестывал Олексиенко лошадедку. Самолюбие было глубоко уязвлено. Наконец не выдержал и разразился в адрес старосты, этого куркуля недобитого, бранью.

— Кто его пожалел? — выкрикивал он. — Я — старый дурень, я!.. От своих оборонял. Глотку рвал, все доказывал: мол, какой он кулак!.. Думал, Ефрем — человек, зла на народную власть держать не станет. Поймет нашу радяньску правду!..

— Хватит вам, диду! — досадливо воскликнула Катя. — Только сердце надрываете...

— Все едино по-моему будет, — заявил расхोдинившийся дед. — Свертаем в проулок — и в Синьковку!..

Напрасно Катя пыталась его отговорить. Упрямый Олексиенко ничего слышать не хотел. Он съехал с дороги и, проскочив через чей-то разгороженный двор, выбрался на параллельную улочку.

— Вот тебе, выкуси, — злорадно сказал он, адресуясь к старосте, и погнал лошадь. Марк Ипполитович торопился добраться до Синьковки, чтобы успеть обернуться засветло.

— Может, к обеду сала привезем, — сказал мечтатель. — Хлопцы который день пустые щи хлебают.

— И цыбули не забыть достать для заправки, — подсказала Катя.

Они почти подъезжали к цели, когда впереди на дороге замаячили фигуры двух рослых парней с винтовками наперевес. По белым повязкам на рукавах Катя поняла: полицаи.

— Назад, диду! — вскрикнула она. Но было поздно, их заметили.

— А ну подкатывай, — крикнул здоровенный детина с круглым изрытым оспой лицом.

— Сдается, они, — шагнул навстречу второй. Раскосые глаза его, казалось, целились поверх голов.

— Здоровеньки булы, — ослабил косою, шутовски приподнимая шапку. — С прибытием!

— Павло, поди сюда, — позвал круглолицый. — Глянь на ездового!

Из кустов вышел Скаун. Олексиенко сразу его узнал. Еще в начале тридцатых годов тот был раскулачен и на каждом перекрестке грозился отомстить своим обидчикам. Олексиенко и сам был не из бедных, имел в доме полный достаток. Он не сразу вступил в колхоз, однако вовремя опомнился. Потому и считал его Скаун предателем. За сопротивление коллективизации сам он был выслан в Сибирь. По слухам, бежал оттуда, был пойман и отправлен в места достаточно отдаленные. С началом войны, как выяснилось впоследствии, Скаун попросился на фронт. Ему поверили, направили в действующую армию. Но при первой же возможности Павло дезертировал и, добравшись до родных мест, предложил свои услуги фашистам.

— Так это ты, сволочь? — надвинулся Скаун на деда. — Выслуживаешься? Великую тебе должность большевики предназначили, — протянул он с издевкой. — Слыхали, мужики? Земляк наш на старости лет в объездчики выдвинулся, — захохотал Скаун, обращаясь к своим помощникам.

— Ты меня не замай, — вскипел Олексиенко.

— Молчи, комиссарский прихвостень! — рявкнул Скаун. — Сколько тебе карбованцев отвалили за лакейскую службу?

— Я-то никогда в лакеях не служил, — закричал Олексиенко. — А ты нанялся!..

— Заткнись! — Скаун с размаху огрел старика плеткой и угрожающе потянулся к висевшей на поясе кобуре.

— Не трожь, — закричала Катя, загораживая собой деда. — Или в тебе совести нет?

— Глянь, девка! — удивился круглолицый, только что заметивший Катерину. — А она ничего... Дозволь, пан начальник, девку пощупать.

— Я те позволю, — гневно сдвинул брови Скаун. — Вы для чего ставлены на пост?

— Бей! Бей, гадина! — кричал между тем разошедшийся Олексиенко. — Сила пока на твоей стороне!

— А ты на возвращение большевиков надеешься? — остывая, насмешливо спросил Скаун.

«Сейчас такое брякнет, — с отчаянием подумала Катя, — запросто пристрелить могут». Она вцепилась в деда и потащила его к телеге, приговаривая:

— Пошли, диду, пошли. Уважайте власть!

— Да какой он мне начальник! — задохнулся от злости Олексиенко.

— А вот я тебе сейчас покажу какой, — усмехнулся Скаун. — Была у тебя коняка — и нет. Считаю, конфискована...

— Права не имеешь! — закричала, не выдержав, Катя. Боязнь потерять единственный госпитальный транспорт пересилила в ней страх перед полицаем.

— Права? — переспросил Скаун. — Да у меня нынче больше прав, чем у бывшего председателя колхоза! Я вас всех согну!..

— Не трогай коня, — попросил Олексиенко, понимая, насколько его унижение бесполезно. — Не мой он...

— Скажи спасибо, сам пока цел. За противозаконные действия я могу вас обоих... Тикай отсюда, пока я добрый!

Олексиенко горестно качнул головой и неохотно последовал за Катей.

— А до вашего лазарета я еще доберусь, — крикнул вдогонку Скаун.

— Руки коротки! На лазарет сами немцы разрешение дали! — отчаянно закричала Катя.

— Слышал! — рявкнул Скаун. — Но я знаю, как вас достать. За укрывательство комиссаров и инородцев немцы по голове не гладят. А они у вас есть. И я их найду! Так и передай своему моряку. Болтаться ему на осине с петлей на шее!..

Спотыкаясь на кочках, Катя и Марк Ипполитович медленно побрели назад. Возмущенный до предела дед без устали бормотал угрозы, на чем свет стоит костерил новоиспеченных представителей «власти» и особенно этого раскулаченного гада, который их, сволочь, подстерег.

— Неужели они нас выследили? — спросила Катя. Она понуро плелась следом, думая об отобранной лошади. Откуда теперь достать другую? Всех коней давно реквизиrowали немцы...

— А кого, ты думаешь, они ждали? — сердито отозвался Марк Ипполитович.

— Что ж тогда получается, — протянула Катя. — Ефим Комащенко нас как бы предупреждал?

Олексиенко покосился на нее неодобрительно.

— Не нашего разума это дело. Вот доложим Афанасию Васильевичу — он и разберется...

Гришмановский выслушал их молча. Даже сожаления по поводу пропажи коня с повозкой не высказал, чем несказанно обидел Олексиенко, очень нуждавшегося в сочувствии. А еще лучше, кабы ему прямо сказали: не виноват ты, дед. Однако Гришмановский лишь задумчиво покачал головой и сказал не совсем понятно:

— Та-ак, теперь ясно, откуда ветер подул. — Вид у него был при этом хмурый.

— Не до нас ему теперь, — шепнула Катя деду. — Пошли!

Гришмановский остался сидеть в операционной. Последние дни она зачастую пустовала. Необходимые операции были сделаны, а в повторных люди нуждались крайне редко. Афанасий

Васильевич любил, когда разрешало время и дела, посидеть в этом светлом классе с тщательно выбеленными стенами и надраенным до яичной желтизны деревянным полом. Комната напоминала корабельный лазарет, где царила такая же чистота.

Последнее время он частенько вспоминал свою службу в Пинской флотилии. Командующий у них был педантичный придира и спуска никому не давал. Каждое утро контр-адмирал Рогачев появлялся на палубе подтянутый, тщательно выбритый. Даже во время боев он умудрялся сохранять безукоризненный внешний вид. При малейшей возможности командующий объезжал суда, внимательно все осматривал, и горе было тому, у кого обнаруживал недостатки. За серьезные упущения мог немедленно отстранить от должности, а за более мелкие прегрешения учинял такой разнос, что тошно становилось.

Однажды и Гришмановскому от контр-адмирала досталось. Тот обнаружил беспорядок в одном из корабельных лазаретов и выдал старшему врачу по первое число. Пришлось объездить все суда флотилии и досконально проверить их медико-санитарное состояние. А было в Пинской флотилии семнадцать мониторов и канонерских лодок, девятнадцать сторожевиков и двадцать два бронекатера. Каждую посудину Гришмановский облазил, что называется, от киля до клотика... Лежат сейчас эти красавцы на дне Днепра. Но закроет моряк глаза, и встанут перед мысленным взором один за другим суда — грозные, наводящие страх на врага.

Как давно это было, подумал Гришмановский. А ведь все-то два с небольшим месяца прошло с тех пор. Война убыстряет события, сжимает время. Недаром на фронте один год службы считается за три.

Мысли вернулись к повседневным делам. Рассказ Олексенко по-новому высветил недавний визит немцев. До этого те не проявляли к Кучакову особого интереса, и Гришмановский, признаться, подумывал — пронесет... К тому же были приняты некоторые меры: в школе оставили только самых тяжелых, остальных с согласия сельчан разместили по окранным хатам. Теперь Поповьянцу для обхода пациентов требовалось несколько часов...

Подпольщики добыли в Бориспольской управе официальный документ, где черным по белому было написано: власти разрешают лечить раненых русских солдат. По выздоровлении тех следует направлять в лагерь для военнопленных, расположенный в Дарнице. Самая строгая персональная ответственность за исполнение данного распоряжения возлагалась на шефа лазарета господина Гришмановского.

Перечитывая текст, напечатанный по-русски и по-немецки, Афанасий Васильевич прекрасно создавал, скольких ухищре-

ний, ловкости, мужества потребовалось от подпольщиков для того, чтобы достать подобную бумагу. Тем более печать внизу стояла подлинная. Ну а что касается подписи... Кто же сейчас будет заниматься графологической экспертизой?..

Тот же Заноза, поддерживающий постоянную связь с городским подпольем, передал, что Гришмановскому предлагается лично побывать в Бориспольской комендатуре.

— Что я там забыл? — удивился Гришмановский.

— Вам следует представиться новым немецким властям и заверить их в своей полной лояльности, — невозмутимо пояснил Заноза.

— Только этого еще не хватало! — разозлился Афанасий Васильевич.

— Зря возмущаетесь! — Голубые глаза Занозы глядели на моряка строго. — Идти придется, так велели передать. И еще сказали: знание немецкого языка вам очень должно помочь.

И пришлось Гришмановскому отправляться на поклон. Он побывал в Бориспольской комендатуре, вел себя смирно, постарался понравиться. Знание языка действительно произвело впечатление. Комендант поинтересовался, откуда у доктора такое прекрасное произношение — истинный «хох дойч». Гришмановский доверительно объяснил, что мать его, чистых кровей немка, вышла замуж за петербургского чиновника, не сумевшего своевременно эмигрировать. Комендант остался доволен. Знал бы он, что отец Гришмановского был старым питерским рабочим, а мама — швеей, научившейся грамоте в ликбезе.

Немецким языком Афанасий Васильевич занялся сначала самостоятельно, став уже судовым врачом. Корабельная служба оставляла много свободного времени. Моряки, отличавшиеся завидным здоровьем, были редкими пациентами, и Гришмановский, пристрастившийся к книгам, решил прочесть понравившиеся ему стихи Гейне в подлиннике. Овладеть разговорной речью и отшлифовать произношение удалось уже после окончания Военно-морской медицинской академии, которая дала ему прочные знания немецкой грамматики. Остальное пришло потом, когда он заставил себя читать вслух не только Гейне, но и других немецких писателей.

Сделал Афанасий Васильевич еще один шаг, укрепивший, по его мнению, положение госпиталя в глазах немцев. Поновьянц сначала не соглашался с его затеей, но участвовать не отказался. Гришмановскому пришла мысль отправиться в Дарницу, в лагерь для военнопленных, с целью забрать оттуда раненых, если таковые найдутся. Рафаэль только руками развел.

— Вы полагаете, — резонно спросил он, — нам их отдадут?

— Почему же нет? Представь, приезжают два русских врача, предъявляют официальную бумагу и говорят: так, мол, и так, хотим избавить вас от лишней обузы. Вылечим, вернем здоровыми. Вам же нужна крепкая рабочая сила!.. Разве не эффективно?

— А если они нас с вами эффектно там оставят?

— Не исключаю. Но понадемся на лучшее. Конечно, я могу поехать один, однако вдвоем убедительнее. Ты будешь в белом халате, при сумке с красным крестом. Впрочем, не настаиваю...

Они поехали. Риск был, конечно, немалый. Но чтобы упрочить положение госпиталя, пусть ненадолго, стоило идти на все. Гришмановский рассчитал правильно. При виде русских, прикативших прямо в лагерь, немцы обалдели. Был тотчас вызван комендант. Майор, прочтя предъявленную бумагу, говорил с ними на удивление довольно вежливо и заверил, что раненых в лагере не имеется.

Расчет оказался верным вдвойне. Об их визите в концлагерь стало известно Бориспольской комендатуре. Позиции врачей вроде бы упрочились. Однако через несколько дней в школу явился Заноза и передал Гришмановскому, что подпольный райком никоим образом не одобряет его самовольных действий. Хорошо, что обошлось, а то ведь и головой можно было поплатиться. Подобная самодеятельность несовместима с партийной дисциплиной. Впредь по собственной инициативе приказано было ничего похожего не предпринимать.

Выговор был неприятен. Но делать нечего, пришлось заверить Занозу, что отныне врачи без согласования никуда шагу не ступят. Правда, в душе Гришмановский остался убежден, что приструнили его напрасно. В конце концов победителей не судят... Это и притупило бдительность. Немцы появились настолько внезапно, что Гришмановский, не позволявший себе надолго отлучаться, оказался даже на другом конце села, где отделением легко раненных, как он окрестил детский сад, руководил этот странный, но весьма симпатичный младший лейтенант.

По дороге в школу, едва поспевая за Софьей Батюк, начальник госпиталя вдруг вспомнил, что не далее как позавчера распорядился снять повязки с лиц двух бойцов-евреев. В свое время было решено спрятать от вражеских глаз их слишком характерную внешность под бинтами. Но люди так устали от сдавливающих масок, так просили хоть ненадолго освободить их, что он согласился...

Гришмановский прибежал в каменное здание школы, когда немецкий офицер оттуда выходил. Они столкнулись в дверях, и Афанасий Васильевич поспешно отступил, давая дорогу «го-

стю». Немецкий офицер окинул его холодным взглядом и, четко выговаривая слова по-русски, сказал:

— Мы имей сообщение, вы скрываете юде!

— Ни в коем случае, господин капитан! Это поклеп, — воскликнул Гришмановский, обращаясь к офицеру на ранг выше. — Я свято чту немецкий порядок. И сейчас вы убедитесь в этом собственными глазами. Прошу вас, господин капитан, лично проверить документацию, людей.

— А что есть поклеп?

— Вас ввели в заблуждение.

— Так. А забирать у бауэр молоко, хлеб, яйца для ваш солдат тоже есть заблуждение?

— Неправильная информация. Мы держим раненых на самом скудном рационе: брюква, капустная похлебка, мамалыга... Да вы проходите, господин капитан! — Увлёк Гришмановский немца к деревянному зданию, холодея при мысли, что если тот вздумает направиться в третье, самое маленькое школьное помещение, то госпиталю крышка и ему тоже.

— Не хотите ли пообедать? — предложил с преувеличенным радушием Гришмановский. — Сейчас распоряжусь. Только для господина офицера... Есть яйца, мед, сметана и галушки — украинский деликатес. Имеется также превосходный шнапс. Первачок. Местное производство...

Офицер, уже более небрежно и почти не глядя по сторонам, прошёлся между рядами раненых и милостиво согласился откусать. Выпив, он несколько подобрел, однако прежней подозрительности окончательно не утратил. И хоть не пошел осматривать злополучный третий дом, позволив Гришмановскому вздохнуть наконец с облегчением, но, уезжая, строго предупредил:

— Мы будем часто проверять. Юде прятать нет. Не забывать, господарское хозяйство работает на великую Германию. Брать продукты вам нет права. В других селах тоже. Ваша голова, герр доктор, отвечать...

Сейчас, когда появилась возможность сопоставить разрозненные факты, Гришмановский начал догадываться, откуда немцы получили данные о наличии в госпитале евреев и о его снабжении. Не зря Павло Скакун со своими подручными выследил продовольственных заготовителей и отобрал транспорт. Кто-то из них к тому же, как рассказывал доктор Михайловский, вертелся возле маленькой школы.

Что же делать? Вдруг немцы и вправду нагрянут с ревизией?.. Кое-какие мизерные запасы продуктов легко, предположим, спрятать. Выздоровливающих всегда можно уложить и выдать за тяжелых. Что касается коммунистов, на лбу у них об этом не написано; партийную принадлежность на глаз не определить. А вот евреев...

В операционную заглянул Поповьянц.

— Заходи, Рафаэль, очень вовремя, — обрадовался Гришмановский.

За те без малого два месяца, что они проработали бок о бок, он полюбил никогда не унывающего парня, оказавшегося к тому же прекрасным хирургом. Напрасно тот поначалу скромничал, объясняя, что не имеет опыта и сложных операций до войны не делал. На Поповьянца, по сути, легла вся тяжесть хирургического лечения нескольких сот людей. И не только госпитальных раненых, а и многих посторонних: беженцев, окруженцев, местных жителей. Ведь на десятки километров окрест не было сейчас больше ни одного специалиста его профиля.

Народ прозвал Рафаэля Поповьянца волшебником, утверждая, что он возвращает людей с того света. К доктору шли отовсюду, и он никому не отказывал.

— Присаживайся, — подвинулся Гришмановский, освобождая скамью, стоявшую вдоль так называемого операционного стола, грубо, но прочно сколоченного дедом Олексиенком. — Без работы остаешься?

— Ну, совсем-то не останусь, — усмехнулся Поповьянц. — Травмы, аппендициты и всякая прочая мелочь...

— Роды добавь, — засмеялся Гришмановский, вспомнив, как неделю назад его подняли ночью с постели отчаянным криком: «Ратуй, доктор! Баба на сносях!...» Пришлось послать к роженице Поповьянца.

Оказалось, он и это умеет, как умел или выучился, вынуждаемый необходимостью, делать сложнейшие операции при керосиновой коптилке примитивными хирургическими инструментами с полустерильным материалом. В результате его усилий люди не только выживали, но и выздоравливали. Невероятно! Гришмановский хорошо помнил, когда у них кончился эфир. Это была катастрофа! Делать операцию без наркотика прежде всего адски мучительно для раненого, не всякий выдержит. И тогда не кто иной, как Поповьянц, предложил при операциях на нижних конечностях использовать новокаин для спинномозговой анестезии, благо новокаина у них было достаточно. Гришмановский слышал о таком методе, однако самостоятельно делать подобное не доводилось.

— Плохой я тебе в этом помощник, Рафаэль. Чего не умею, за то, извини, не возьмусь.

— Не огорчайтесь, Афанасий Васильевич. Этой методикой мало кто владеет даже среди опытных хирургов. Мне просто повезло. В тридцать девятом году после четвертого курса института я поехал на практику в Севастополь. Был субординатором в хирургическом отделении местной больницы. На мое счастье, там как раз работал профессор из Москвы, бле-

стояще делавший сложнейшие операции на нижних конечностях. Он-то и научил меня, как в таких случаях применять новокаин...

Поповьянц проводил операции под спинномозговой анестезией не только на нижних конечностях, но также на органах брюшной полости, и все оканчивалось благополучно, потому что к искусству хирурга добавлялось еще одно немаловажное обстоятельство: тяжелые фронтовые условия, как показывал опыт, повышают стойкость организма, его невосприимчивость к инфекциям, помогают бороться с недугом.

Обстановка, в которой оказались оба врача, постоянная опасность, подстерегающая каждого, очень сдружили их. И хотя Гришмановский относился к Поповьянцу чуть-чуть покровительственно — как-никак был намного старше, — он тем не менее очень доверял молодому хирургу. Однажды в минуту откровенности Афанасий Васильевич рассказал, что он член партии, и попросил, если что-нибудь с ним случится, рассказать после войны всем, как врач и коммунист Гришмановский вел себя во вражеском тылу.

— Не нравятся вы мне, Афанасий Васильевич, последние дни, — сказал Поповьянц. — Стряслось что-нибудь особенное?

— Визит фашистов не выходит из головы. Кто знает, какие он может иметь последствия?

— Да-а, — протянул Рафаэль. — Особенно худо придется ребятам-евреям.

— Надо что-то предпринимать. Повязки на пустом месте — не защита. Надрезы, что ли, на лицах сделать? Как думаешь?

— Это несложно. Я уже некоторых по их просьбе разукрасил, сделал что-то вроде пластической операции. Боль, конечно, несусветная...

— Жизнь стоит того, чтобы потерпеть. — Гришмановский встал, подошел к окну. — Ты вот что, Рафаэль, — сказал, не оборачиваясь, — поговори-ка с людьми. Объясни — это единственный шанс. Немцы могут нагрянуть в любой момент.

Поповьянц ушел, а начальник госпиталя еще долго стоял у окна. Мысли были далеко. Как чувствует сейчас себя Валюша? Воспаление легких — коварная штука. Перелом наступил еще здесь, но как продвигается выздоровление, Афанасий Васильевич не знал.

Гришмановского очень беспокоило внимание немцев к его подопечным. Он не переставал думать, как уберечь раненых, как не дать им после выздоровления попасть в концлагерь. Но к этим раздумьям добавлялась тревога за Валю. Ее так не хватало...

Неделю назад, когда Валя начала уже вставать с постели, в доме появилась ее мать. Женщиной она оказалась крепкой, в отличие от дочери довольно дородной и властной. Мать сразу же заявила, что забирает свою детину домой, нечего ей по чужим хатам валяться.

Валя пыталась возразить. Здесь, мол, под постоянным доглядом замечательного доктора ей хорошо. Дело идет на поправку. Но говорила она не очень уверенно. Видно, побаивалась грозной мамыши.

— Да ты на себя глянь! — воскликнула мать. — Кожа да кости... А какая справная дивчина была!..

— Валюша действительно поправляется, — не очень решительно вмешался Гришмановский.

— А ты кто такой? — спросила мать, поворачиваясь к нему могучим торсом.

— Так он же доктор, мама, начальник тутошнего лазарета, — ответила за него Валя и, помолчав, с внезапной решимостью добавила: — И муж он мне!

В последней фразе прозвучала отчаянная нотка, словно Валя с разбегу бросилась в прорубь.

— Вот, значит, как! — выдохнула мать гневно. Лицо ее стало каменным. — То-то я гляжу — мужик чужой в хате отирается...

— Не надо, мама! Не говорите лишнего, потом пожалеете. Да и меня вы дюже хорошо знаете. Лучше благословите...

— Ох, батьки нема! Он бы тебя высек... — Мать тяжело вздохнула и, повернувшись к Гришмановскому, сказала: — Ну лады... Как кличут-то тебя? Афанасием? Чудно, по-нашему буду звать Антоном... Вот что, Антон, Валюшку я забираю до дому. Там она скорее поправится. А ты, коли промеж вас серьезно, приезжай в Красиловку.

— Я не могу бросить госпиталь! — воскликнул Гришмановский.

— А я тебя и не тороплю, — возразила мамыша. — Когда сможешь, тогда и приезжай. Фельдшера у нас нема, на войну забрали. Так что работать есть где...

Мать укутала Валу в привезенный с собой полушубок, с помощью Гришмановского вывела ее из хаты и усадила в запряженную понурой лошадежкой бричку.

Первые несколько дней Афанасий Васильевич не находил себе места. Потом боль и обида несколько притупились, но чувство полного одиночества не проходило.

За окном, возле которого стоял Гришмановский, стало заметно темнеть. Короткий день был на исходе, от деревьев расползались длинные тени, казавшиеся на фиолетовом снегу изжелта-синими. По улице протарахтела бричка. В вознице Гришмановский узнал Пащенко. «На Родиона Павловича мо-

жешь полагаться, не подведет, — вспомнились слова председателя колхоза. — Мало ли что может произойти. Война, хоть мы и в тылу врага, для нас не кончилась. Наоборот, только разворачивается. Так что верных людей запоминай, чтоб знал, на кого можно опереться в трудную минуту. Попомни: народ у нас замечательный...»

«А ведь Крачун прав, — подумал Гришмановский, — надежных людей в селе много». Он стал мысленно перебирать добровольных помощников, как бы заново их оценивая. Пашенко, Олексienко, Лукаш, Дворник, Литвиненко, Томилин... Что бы он делал без этих самоотверженных мужиков? Они умудрялись доставать продукты, одежду, топливо, перевязочные средства... Рисковали? Конечно. Но в том и состоит истинный героизм, что делали они все как тяжелую, но необходимую работу. А девчата? Соляник, Конченко, Батюк, Мухина, Расич, Комащенко, Хобта... В их возрасте впору с парубками за околицей гулять. А они, падая от усталости, сбиваясь с ног, несут на своих плечах основную тяжесть ухода за больными воинами. Не всякому мужику такое под силу!..

Гришмановский потер пальцами виски. Заботы одолевают одна сложнее другой. Голова идет кругом от мысли, чем ежедневно накормить несколько сот человек, как снабдить хотя бы самой необходимой теплой одеждой бойцов, кому приспело время уходить... Необходимо к тому же создать у людей ответственность моральный настрой, от которого тоже в известной мере зависит выздоровление. Да вдобавок изыскать надежные пути эвакуации тех, кто способен снова активно бороться с врагом.

Для всего этого нужна постоянная связь с подпольным райкомом, ведающим переправкой групп через линию фронта, с начинавшими создаваться в округе партизанскими отрядами. И рисковать. Рисковать каждодневно, ежечасно! Черт бы с ним, если бы только своей головой... Но ведь стоит немцам узнать, что в действительности происходит в госпитале, — а об этом и старосте, и полицаям в конце концов удастся разнюхать, — как село и его жителей не спасут никакие силы.

Кто-то торопливо постучал и, не дожидаясь разрешения, вошел. Овернувшись, Гришмановский увидел улыбавшегося Занозу, плотно прикрывшего за собой дверь. Железнодорожный мастер в лихо сдвинутой на затылок ушанке был необычайно возбужден.

— Добрые вести, Афанасий Васильевич! — не дожидаясь вопроса, выпалил Заноза. — Брешут всё немцы, что Москву взяли. Седьмого ноября в столице нашей Родины состоялся парад!

— На Красной площади?

— Точно. Сам товарищ Сталин на Мавзолею стоял!

— Откуда узнал?

— Сведения достоверные. Я вам кое-что принес... — Заноза долго возился с ремнем, наконец вытащил несколько сложенных листочков и протянул Гришмановскому. — Не знаю, разберете ли. Те, кто переписывал, каллиграфии не обучались.

— Что это?

— Доклад товарища Сталина в Москве на Торжественном заседании в честь двадцать четвертой годовщины Великого Октября.

— Где взял?

— Прислали из Борисполя. Специально для вас нынче ночью доверенный человек доставил.

— Вот так подарок!

— Вы только послушайте, о чем тут говорится! — воскликнул Заноза и развернул листок: — «Нужно сокрушить военную мощь немецких захватчиков, нужно истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения...»

— Дай сюда!

— Сейчас. Тут обо всем откровенно сказано, — продолжал Заноза. — О причинах наших неудач и про то, кто такие национал-социалисты. И, главное, сказано: разгром немецких империалистов и их армий неминуем! — Заноза засмеялся от избытка чувств. — Вот вам еще одно лекарство для раненых. И какое!.. Нужно бить врага! Уничтожать его, где можно: на фронте и в тылу!

— И в тылу? — переспросил Гришмановский.

— А вы думаете, мы сидим, сложа руки? Ошибаетесь! — Заноза, озорно тряхнув русым чубом, понизил голос: — Мы тут одно дело проворачиваем. Трахнем под Морозовкой так, что немцам не поздоровится!

— Только осторожнее. На себя их не наведи, а заодно и на госпиталь. Я ведь давно понял, что выздоравливающие не зря к тебе льнут. И не только не препятствовал, а наоборот...

— Думаете, я того не ведаю? Люди мне о вас много хорошего рассказывают. А насчет опасности для госпиталя, так оттого и остановились на Морозовке, чтоб подальше от Куцакова. Пустим эшелон под откос — комар носу не подточит...

Оставшись один, Гришмановский зажег коптилку, запер дверь и торжественно разложил драгоценные листки с докладом. Он читал не торопясь. Некоторые места разбирал с трудом: русские слова мешались с украинскими. И чем дальше вчитывался, тем отчетливей понимал, насколько вдохновляющей и поистине всеобъемлющей была выдвинутая программа по разгрому врага. Все тщательно взвешено, предусмотрено:

работа тыла, создание боевой техники, действие армий, партизанское движение, организация антигитлеровской коалиции...

Вот он, заряд небывалой силы. Заноза прав, многим это придаст энергии, поможет окрепнуть, воодушевит на борьбу. Гришмановский решительно встал, отпер дверь, велел дежурной сестре позвать к нему Чулкова. Тот явился мгновенно. Вошел, сильно прихрамывая и опираясь на палку.

— Федор Павлович, если не ошибаюсь? — спросил Гришмановский. — Присаживайтесь. Нога все еще болит?

— Плясать не пробовал, но воевать, если надо, смогу, хоть и с костылем.

— Я ждал от вас именно такого ответа. Будем считать, что вы возвращены в строй. Вот что, товарищ политрук...

По обращению стало понятно: дело предстоит серьезное. Чулков встал, вытянулся; палка упала, и он пошатнулся, но это не помешало ответить:

— Готов выполнить любое задание!

— Как начальник госпиталя, я принял решение поручить вам исполнять обязанности политрука. Негласно, разумеется, дорогой Федор Павлович. Знать об этом мы будем только вдвоем. Вот возьми! — протянул Гришмановский мелко исписанные листки. — Это доклад товарища Сталина на Торжественном заседании шестого ноября.

— Откуда? — воскликнул Чулков, схватив драгоценные листки.

— О таких вещах не спрашивают, — строго сказал Гришмановский. — Но ты должен знать: на нашей земле, пусть в тылу врага, существуют и партийная, и Советская власть... Доклад изучи сначала сам, потом прочти и разъясни бойцам. Ясно?

— Все сделаю, товарищ... Простите, не знаю вашего звания.

— Военврач второго ранга.

— Понятно. Не беспокойтесь, товарищ военврач второго ранга. Доклад товарища Сталина будет доведен до личного состава!

Чулков торопливо вышел из операционной, забыв даже попрощаться. Гришмановский проводил его понимающей улыбкой. Все правильно: и радость, и реакция. Родина жива, Москва стоит нерушимо, победа над врагом неминуема... Он и сам испытывал небывалый подъем, точно глотнул свежего воздуха после долгого пребывания в затхлом помещении.

Придя домой, а квартировал Гришмановский по-прежнему у деда Лукаша, чей домик стоял неподалеку от селпо, он долго не мог заставить себя лечь спать. Ходил по комнатке, думал о том, что пора и им начинать активные действия.

Может быть, создать из выздоравливающих самостоятельный партизанский отряд? Оружие, если поискать, найдется. С боеприпасами будет поначалу туговато, но и их со временем можно раздобыть. Взрывчатки тоже нет, а она очень пригодилась бы, если, к примеру, начать с диверсии на станции и вывести из строя железнодорожную ветку Киев—Харьков. Конечно, все надо согласовать с подпольем. Хватит с него одного выговора за недисциплинированность...

Мысли прервал осторожный стук в окно — два удара, после паузы еще три. Так могли стучать только свои.

— Ты? — удивился Гришмановский, увидев Кравчуна.

— Обстоятельства заставили.

Кравчун прошел в комнату. После их последней встречи он еще больше зарос, похудел. На лице обозначились острые скулы. Глаза недобро шурились и воспаленно поблескивали.

— Несколько членов подпольного райкома арестованы, — сдавленно сказал Кравчун. — Какая-то сволочь продала...

— А первый секретарь?

— Товарищ Шевченко пока успел скрыться... Только работу развернули — и на тебе!

Кравчун устало опустился на стул, заскрипевший под его могучим телом. Дрожащими пальцами скрутил сигарку, жадно затянулся. Гришмановский, не переносивший табачного дыма, распахнул окно. В лицо пахнул морозный воздух.

— Зима на носу, — заметил Кравчун, — тяжело вам будет.

— А где легче? Читал, что товарищ Сталин сказал? Борьба предстоит упорная и длительная. Она потребует немало жертв...

— Знаю. Потому и пришел, нарушив свою же установку. Скольких бойцов ты сможешь отпустить?

— Большая часть уже ушла, но человек двести подниму.

— Подсчитай точно. Есть сведения, что скоро нагрянут каратели. Конечно, это может произойти не завтра, но вряд ли стоит дожидаться. Все, кто в состоянии, должны уходить, таково решение райкома. — Кравчун подошел к окну, выбросил окурки и захлопнул створки. — Тебе, Афанасий, тоже пора собираться в дорогу.

— А как же раненные? Ходят далеко не все...

— Не знаю. Думай. Но помни: тебе оставаться опасно. Горунович с девушками управятся теперь сами.

— Нет, Григорий, взялся за гуж — не говори, что не дюж. К тому же я моряк, а капитан, сам знаешь...

— Тебе постановление райкома в письменном виде подать?

— Я коммунист и всегда безоговорочно выполняю партийные решения, но в данном случае... Давай не будем об этом говорить.

— Ну не знаю, не знаю... Может, ты по-своему прав. Мне пора. Добрый ты человек, моряк! — Кравчун на прощание стиснул Гришмановскому руку, на секунду прижал к себе. — Всех тебе благ! Будь жив!..

Заперев за Кравчуном дверь, Афанасий Васильевич разделся и лег. Беспокойные мысли теснились в голове. Вот и пришел их черед. Никто не может предугадать, как скоро это произойдет, но надо готовиться к худшему.

Заснул он под утро. Едва рассвело, как снова раздался условный стук. Под окном, переминаясь с ноги на ногу и ежась от холода в кургузом пиджачке, стоял Гладун.

— Беда, Афанасий Васильевич, — тихо сказал он.

— Что?!

— У нас сейчас полицаи побывали. Поповьянц и Лида Кулагина, жена его, арестованы! Их под конвоем отправили в Борисполь!

13. НАДО УХОДИТЬ!

За ними пришли на рассвете. Постучали так, что содрогнулся дом.

— Эй, Евдокия! — раздался крик. — Где твои постояльцы?.. Скажи, пусть выходят по-доброму, а то выволочем!

Сара первой услышала шум. Она вскочила. Плохо соображая, начала торопливо одеваться. Выглянула в окно и обмерла. Возле крыльца стояли два дюжих мужика. У одного в руках винтовка, палец на спусковом крючке. Другой, много старше, седой и обрюзгший, барабанил рукояткой пистолета в дверь.

Поповьянц, спавший обычно лицом к стене, все еще ничего не слышал. Натрудившись за день, он вечером как подкошенный валился с ног.

— Что? Вызывают? — пробормотал хирург, не открывая глаз.

— Полицаи пришли!

Сон сняло как рукой. Рафаэль вскочил. Дверь с грохотом распахнулась, на пороге с пистолетом в руке стоял Павло Скакун.

— Собирайтесь! — рявкнул он. — Приказано отвести вас в Борисполь!

— Вы не имеете права, — шагнул вперед Поповьянц. — Я врач госпиталя, она — фельдшер. Нас ждут раненые...

— Заткнись, сука! Обойдутся твои большевистские калеки без лекарей. — Скакун толкнул Поповьянца в грудь. — Выходи!

— Дайте хоть вещи взять, — попросила Сара, все еще выгадывая время и надеясь неизвестно на что.

— Шмотье вам вряд ли потребуется, — осклабился молчавший до этого второй полицай, — а любовь крутить без одежды сподручней...

— Даю на сборы пять минут, — сказал Скаун и кивнул напарнику: — Перекур устроим около хаты. Не вздумай шутковать, доктор! — Потряс он кулаком под носом Поповьянца и с угрозой, не оставлявшей никаких сомнений в том, что так и будет, добавил: — Задумаешь тикать со своей бабой — пристрелю, как собак!

Поповьянец и Бумагина, оставшись в комнате, молча смотрели друг на друга. Они давно уже думали и чувствовали одинаково. К тому же десятки раз обсуждали, как лучше держаться при аресте, как вести себя, если за ними придут. Вроде бы заранее приготовились ко всему — так им, по крайней мере, представлялось. И все же случившееся оказалось полной неожиданностью. Поповьянец вдруг отчетливо понял, что рассуждения на тему бежать или оставаться, поднять шум или уйти тихо — безнадежно наивны. Пришла реальная опасность, и уже ничего не изменить. Все следует делать до, а не после свершившегося. Остается покориться своей участи, но вести себя так, чтобы не навредить другим, не поставить под удар госпиталь.

Это подсказывал разум, основывающийся на железной логике, всегда свойственной Поповьянцу. Сердце же не хотело соглашаться, и мысль лихорадочно металась в поисках спасения. А если все-таки бежать? Пусть с риском для жизни, но попытаться? Наверное, сыграет роль заступничество жителей села, для которых они с Сарой так много сделали. Но как и кому сообщить?

При выходе из дома Поповьянец увидел стоявшего в дверях комнаты Гладуна и успел шепнуть:

— Найди Гришмановского... Расскажи о нас...

Подгоняемые полициями, Рафаэль и Сара двинулись по селу. Стояло раннее утро, и улицы были пустынные. За окнами Кучакова Скаун, решив передохнуть, остановил арестованных.

— Времени нет, а тут возись со всяким дерьмом! — прошипел он, свертывая сигарку. — Шлепнуть бы, и дело с концом.

«А ведь может, — подумал Поповьянец. — Скажет — при попытке к бегству... Кто будет разбираться?»

— У вас есть приказ доставить нас в Борисполь. Вот и исполняйте, — с угрозой сказал он. — В селе знают, куда вы нас повели. Известно также, что мы пошли добровольно!

Скаун поглядел на врача мутным, ненавидящим взглядом, однако ничего больше не сказал. У него чесались руки, так

хотелось разрядить пистолет, но напарник его, видно, крови не жаждал, да и побаивался самовольной расправы, понимая, что шила в мешке не утаить.

— Давайте, пан начальник, я их сам отконвоирую, — предложил он. — Вам других дел хватает.

Скакун, у которого с похмелья раскалывалась голова, хмыкнул и неожиданно согласился.

— Веди, — сказал хрипло, — только не упусти. Побегут — стреляй без предупреждения...

Сразу за Артемовкой троиш идущих в затылок людей нагнала бричка. Правил ею, лениво подергивая вожжами, старик с рыжей бороденкой. В бричке сидел молодой парень. Лицо его было знакомо. Вглядевшись, Поповьянц узнал в нем своего пациента. «У этого красноармейца ранение в область левого локтевого сустава», — вспомнил он. Когда бойца привезли, Рафаэль с трудом остановил кровотечение. Однако прошло несколько дней, и кровь хлынула вновь. Провозившись еще дольше, чем в первый раз, сделав перевязку, хирург с облегчением подумал: рука у парня останется. Минуло еще четыре дня. При очередном обходе Поповьянц вдруг обнаружил, что рука у бойца стала холодной, пульс не прощупывался. Раненый быстро терял силы, побледнел, покрылся испариной. Медлить больше было нельзя, для спасения жизни следовало пожертвовать рукой.

— А ну тормозни, батя! — крикнул красноармеец, когда телега поравнялся с Поповьянцем. — Куда это вы идете, доктор?

Вместо Рафаэля ответила Сара:

— Арестовали нас.

— За что? — воскликнул боец. — Эй ты, — обратился он к полицаяу, — по какому праву медиков конвоируешь?

— Не твоего ума дело, — огрызнулся тот.

— Как не моего? — повысил голос боец. — Доктор мне жизнь спас! Батя, — повернулся он к старику, — бачишь, кого сцапали?

Старик, приехавший в Кучаково забрать сына, по счастливой случайности оставшегося в живых, до сих пор сидел молча. Оценив ситуацию, он понял, что нахрапом тут не возьмешь.

— Сидайте все! — неожиданно предложил он. — Подвезу. Пеший конному не товарищ.

— Вот это подходящий разговор, — обрадовался полицай.

«А не рвануть ли у него винтовку?» — мелькнула у Поповьянца мысль. Но он тут же отверг ее. Полицай был начеку и мгновенно мог всадить пулю.

Несколько минут ехали молча. Парень бросал на полицая весьма красноречивые взгляды, но отец молчал и сын ждал.

— Ты, служивый, наказ выполняешь али как? — поинтересовался старик у полицейя.

— Ясно, не по собственной воле, — буркнул тот. — Сам, наверное, служил, батько, знаешь...

— Было дело, служил... в солдатах, — подтвердил старик. — Тебя тогда еще на свете не было.

— Все едино — солдатом или еще кем, — возразил полицейя. — Тебе должно быть понятно, батько, что я распоряжение начальства выполняю.

— Начальство начальством, а что людям скажешь? Они ведь спросят, для чего лекарей сгубил?

— Что ты, батько, его убеждаешь! — не выдержав, вмешался сын. — Он давно совесть потерял.

— Ну ты, не замай! — угрожающе вскинул ружье полицейя.

— Спокойно, сынок, — обернулся старик, и было непонятно, к кому конкретно он обращается, а может, и к обоим сразу. На лице пожилого человека заиграла доброжелательная улыбка. — Совесть — она, брат, штука непростая. Если что в жизни не так сделал, не уйдешь потом сам от себя.

— С меня, коли что, голову снимут, — угрюмо ответил полицейя.

— И голову терять негоже. Она, коли путная, пригодится, чтоб думать.

— На преступление толкаешь, дед?

— Упаси Бог. Вразумить желаю...

Полицейя все больше мрачнел. Слова старика основательно допекли. А тот продолжал:

— Война свой конец имеет, по собственному опыту знаю. А после победы народ обязательно спросит, как каждый человек под немцем жил...

— Останови! — крикнул полицейя. Он соскочил с телеги, выругался, махнул рукой и пошел прочь.

Старик с удовлетворением посмотрел ему вслед.

— Дошло все же до служивого. Выходит, не конченный человек. Сходи, доктор, прибыли...

Поповьянец выскочил из брички, помог слезть Саре и, пожимая руку старику, взволнованно сказал:

— Спасибо, дорогой товарищ! И сын твой молодец. Спасли вы нас.

— Не благодари, доктор. Ты мне сына вернул. Мы, простые люди, добра не забываем. — Старик тронул лошадь. — Прощевайте, люди хорошие. Дай вам Бог удачи!

Повозка давно скрылась за поворотом, а Рафаэль и Сара, все еще не веря чуду своего спасения, крепко обнявшись, стояли на месте. Из оцепенения их вывел послышавшийся издали цокот копыт. Они шархнулись и затаились в глу-

бокой воронке. Всадники промчались мимо. Просидев в яме дотемна, окончательно замерзшие, они бегом двинулись к Кучакову.

— Может, заглянем домой? — спросила Сара. — Потеплее бы одеться да еду захватить. Ведь уходим в неизвестность...

— Не стоит рисковать. Только Гришмановского следует известить.

Постучавшись в крайнюю хату, Поповьянц попросил хозяина сходить за моряком и передать, пусть придет за околицу.

Гришмановский явился тотчас. Он обнял верного товарища и обрадованно воскликнул:

— Жив! Оба живы! Впрочем, я и не сомневался, что вас выручат.

— Кто?

— Вы разве не встретились? Я ведь по вашим следам Занозу послал с двумя хлопцами. Сказал, делайте что угодно, ребята, но без врача и фельдшера не возвращайтесь...

— Теперь догадываюсь, — отозвался Поповьянц, вспомнив всадников на дороге. — Мы-то их видели, да себя не обнаружили.

— Значит, расстаемся, — даже не спросил, а грустно констатировал Гришмановский.

— Если надо остаться...

— Ни в коем случае. Ни тебе, ни твоей красавице жене оставаться тут больше нельзя. Да и нужды особой нет. Вот возьми, — протянул он листок бумаги, — справку приготовил, пригодится.

— Что в ней?

— Справка как справка — так, мол, и так, работали такие-то в госпитале на территории, занятой врагом, где лечилось около двух тысяч раненых и больных.

— Неужто через наши руки прошло столько людей? — усомнился Поповьянц.

— Думаешь, преувеличиваю? Нисколько. Я ведь учет вел. Архив в тайнике держу... Если суммировать четыреста восемьдесят семь стационарных раненых и проходивших через село окруженцев, беженцев, местных — всех, кому оказывалась медицинская помощь, — еще больше наберется. Ну, будь! Береги Лиду!

Трое за околицей молча обнялись и расстались. Расстались, чтобы уже больше никогда не встретиться...

В полночь, обойдя село задями, Рафаэль и Сара выбрались в поле. Низко над деревьями висела луна, окруженная белым ореолом. В ее мерцающем свете отчетливо просматривалась посеребренная дорога. Двумя черными колеями она, змеясь, уходила по снежной белизне прямо к лесу.

На опушке оба остановились, обернувшись, долго смотрели на село, где прошло два с лишним месяца нелегкой жизни. В ней, в этой жизни, были страдания и горе, в ней были свои радости, маленькие и большие профессиональные победы; был труд, каждодневный, изнуряющий. И была любовь, вспыхнувшая, как пламя, и давшая двоим молодым людям возможность полнее ощутить смысл жизни... Однако впереди их ждала неизвестность — полная опасности и тревог зима первого военного года.

— До свидания, Кучаково, — прошептала Сара. — Когда-нибудь мы вернемся сюда. Если будем, конечно, живы!

Рафаэль говорить не мог и был бесконечно благодарен своей названной жене за то, что выразила и его ощущения. Молодость, общие интересы, опасная работа и обоюдные чувства так сблизили двоих, что сердца их давно уже бились в унисон. И хотя вокруг были кровь и боль, смерть и страдания, а нервы напряжены до предела, любовь все равно торжествовала.

Рафаэль нежно взял Сару за локоть и, увлекая за собой, решительно шагнул в лес...

14. ПРОЩАЙ, КУЧАКОВО!

Один за другим уходили бойцы из Кучакова. Шли группами и в одиночку; не только выздоровевшие, а и с незажившими ранами, даже на костылях. Каждый, кто был в состоянии двигаться, покидал приютившее их село. Так потревоженные птицы разлетаются из гнезда по сигналу опасности.

Каратели могли нагрянуть в любой день и час. Гришмановский понимал это лучше, чем кто-либо другой. Заноза, постоянно информировавший его о положении дел в Борисполе, сообщал: обстановка все более накаляется. Арестованы еще два члена подпольного райкома партии. Многие коммунисты, комсомольцы и активисты брошены в эти дни за решетку. Гестапо свирепствовало. В городе и окрестностях почти каждый день проводились облавы. Заборы пестрели грозными приказами: за неповиновение властям — смерть, за укрывательство красноармейцев — смерть, за пособничество бандитам (читай — патриотам) — смерть.

Гришмановский не мог знать, что уже действует «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными», введенное гитлеровцами в действие 8 сентября 1941 года, где говорилось: «...большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним, как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением... В отношении совет-

ских военнопленных, даже из дисциплинарных соображений, следует прибегать к оружию».

Каждое утро, делая обход, Афанасий Васильевич с тревогой и надеждой спрашивал у каждого:

— Ну как, братишка, силенок прибавилось? Может, сумеешь встать? Уходить пора, родной...

Он бывал даже беспощаден. Хотя сердце обливалось кровью, решительно выписывал из госпиталя еще не совсем окрепших людей.

— Надо, солдат! — говорил сурово. — Если хочешь остаться в живых и бороться с врагом, соберись с силами, и в путь.

Дошла очередь до Якунина. Чувствовал он себя скверно. Рана на руке едва затянулась, воспаленная вокруг нее кожа зудела нестерпимо. Голова разламывалась, от слабости шатало.

Моряк хмуро выслушал жалобы. По худощавому, еще более заострившемуся за последние дни лицу Гришмановского пробежала судорога. Он закусил губу.

— Знаю, — сказал глухо, — силы в ногах у тебя настоящей нет. Но и ты должен понять меня. Как врач говорю: двигаться можешь. Трудно, согласен, но надо! Помни, ты командир, а это ко многому обязывает...

Впервые с тех пор, как Якунин по совету Крутских «забыл» свою биографию, его сегодня называли командиром. По документам он проходил рядовым пехотинцем. Значит, начальник госпиталя был посвящен в его тайну. Знал и молчал, более того, помогал скрывать истину.

— Очень вам признателен за все, товарищ военврач второго ранга, — дрогнувшим голосом сказал Якунин. — Очень! — повторил с нажимом.

Гришмановский мягко улыбнулся.

— Чего уж там, свои люди — сочтемся. Вот возьми, пригодится. — Он протянул лист бумаги, исписанный четким почерком. — Твой документ на ближайшее время. В нем написано: рядовой Якунин, украинец, находился на излечении в Кучаковском госпитале по поводу ранения левой голени и правой руки. Выписан в удовлетворительном состоянии. К воинской службе негоден. От тяжелого физического труда освобожден. Направляется по месту жительства, что подписью и печатью удостоверяется.

— А печать откуда? — поразился Якунин. — Неужто немецкая?

— Нет, — усмехнулся моряк, — печать личная. После окончания Военно-медицинской академии вручена мне, как врачу. Тут и имя мое: Гришмановский Афанасий Васильевич. Так что персонально теперь за тебя отвечаю.

— И вы полагаете, этот документ поможет?

— Немцы почтительно относятся ко всякого рода казенным бумагам. Опыт показал, что моя личная печать также воспринимается с должным уважением.

В путь Якунина собирали по присказке «С миру по нитке — голому рубаха». Гимнастерку и брюки выдал со «склада» Олексienко. Обмундирование было изрешечено дырочками от пуля, тщательно, впрочем, заштопанными. Шинель у запасливого деда тоже нашлась, а в качестве обуви санитар предложил Якунину старенькие галоши.

— На, — сказал, — больше ничего нет. Намотай портянки потолще и веревкой подвяжи.

— Роскошные штиблеты, — скептически хмыкнул кто-то из раненых, — только без учета русской зимы.

— Постой, — нашелся санитар. — Я сейчас...

Он метнулся в кладовку и вынес оттуда противоипритные чулки.

— Надевай, — воскликнул, — они воду не пропускают, и от ветра защита какая ни на есть!

Непокрытой осталась голова. И тогда безногий солдат Семен, которому было отсюда уже не уйти, сорвал с себя пилотку.

— Возьми, Мишка, — протянул Якунину. — Лучше нет головного убора, чем этот солдатский, непромокаемый.

У Якунина защемило сердце. Нужно было бы подбодрить человека, но что он мог сказать в утешение. Как вернуть безногую уверенность в будущем? И Якунин только наклонился к солдату, с трудом сдерживая закипавшие на глазах слезы, и крепко поцеловал.

Точно так, всем миром, собирали в дорогу Чулкова. Нашли шинелишку, стоптанные опорки и довольно крепкую гимнастерку. Не было только брюк. Запасы на «складе» истощились, новых взять неоткуда. И тогда дед Олексienко, мастер на все руки, сшил Чулкову знатные портки из байкового одеяла. Вручая, заверил, что им сносу нет. А чтоб снизу не поддувало, он к каждой штанине приладил резинку, плотно охватывающую ногу.

Новые костыли выстрогал Василий Ерофеевич. Получились они крепкими, надежными. Дворник остался доволен своей работой.

— Гарно! — крикнул он, вручая Чулкову. — До самого дому с форсом дотопаешь!

Темной ноябрьской ночью покидал село Иван Фесенко. Он бы, возможно, не стал еще торопиться. Откровенно говоря, уходить очень не хотелось. Тут были товарищи, еще нуждавшиеся в его заботе: последнее время Иван исполнял обязанности санитаря. Тут была и та, что притягивала словно магнит. Но оставаться, оказалось, дальше нельзя. Накануне к

Дворникам, у которых жил теперь Фесенко, зашел Александр Илькович Лукаш.

— Иди сюда, хлопец, — позвал он Ивана и, отведя в сторону, долго рассматривал парня, точно видел впервые. Наконец глухо сказал: — Слышал, как Павло Скакун разорался. «Тот мордатый, — это про тебя, — пусть к вам пристраивается. Здоров, как бугай... А не пойдет в полицаи — отправлю в лагерь к немцам». Вот я и говорю тебе: бери ноги в руки и дуй отсюда, куда очи поведут...

После такого предупреждения Иван не имел права оставаться в селе ни одного лишнего часа. Он быстро собрал немудреные вещички, откопал спрятанный наган и попрощался с хозяевами. Проводить его вышла Софья. Даже в темноте глаза ее светились, как пылающие угольки.

— Вот и расстаемся, Ванечко, — тихо и грустно сказала она, впервые назвав его так ласково. — Разбегаются наши шляхи-тропки.

— А может, еще сойдутся? — с надеждой спросил он.

— Хотелось бы, — вздохнула Софья и легонько провела по его щеке рукой. — Только не тешь себя даром, Ванечко. Чует мое сердце, жить нам врозь.

— Ты же, считай, меня выходила! — с жаром возразил он. — А теперь навсегда гонишь?

— Разве я тебя одного выходила?

Вдали послышались чьи-то шаги. Она вздрогнула.

— Иди, — шепнула торопливо, — вдруг за тобой?

Ему бы сказать дивчине самые теплые, самые нежные слова, но говорить их он не умел, просто не успел выучиться. И потому, отступив на шаг, Иван низко, в пояс поклонился.

Софья быстро пошла к своему дому и издали увидела Гришмановского, делавшего очередной обход. Шел моряк почти на ощупь. Редкие огоньки в окнах окраинных хат света почти не давали. Они мерцали, как искорки из далекого костра, и словно гасли на ветру.

Всю середину ноября стояла холодная погода. Ночью подмораживало, отчего дороги становились твердыми, глыбастыми. Но к концу месяца наступила оттепель, и по селу снова нельзя было ни пройти, ни проехать. На сапоги, тонувшие в вязкой жиже, пластами налипала рыжая глина. Набухшая от влаги шинель стояла коробом и давила на плечи.

Устав до изнеможения, Гришмановский с трудом добрался до окраинных хат, где лежало несколько раненых, требующих врачебного присмотра. Туда по болоту не то что немцы, даже полицаи не отваживались шастать. В школе же оставалось не более двадцати человек, самых тяжелых. Трогать их с места было невозможно.

Пока Афанасий Васильевич осмотрел и перевязал раненых, пока вернулся домой, наступила ночь. После ухода доктора Михайловского, после прощания с Поповьянцем и Бумагиной основная тяжесть медицинской заботы легла на плечи Гришмановского. Конечно, у него были верные помощницы, но девчата лишь исполняли его указания, а за все решительно был в ответе только он, начальник госпиталя и единственный оставшийся в нем врач. Серьезных операций делать уже не доводилось, разве что шов у кого разойдется или рана загноится. Но на днях пришлось-таки взяться за скальпель...

Однажды, года два назад, исполняя обязанности корабельного врача в дальнем походе из Владивостока в Одессу, Афанасий Васильевич вынужден был вырезать аппендикс. У матроса случился сильнейший приступ, и Гришмановскому ничего не оставалось, как сделать операцию. Он боялся тогда так же, как и сейчас. Поняв, что у бойца может начаться перитонит, он дал команду нести того на стол. Слава Богу, все обошлось!..

В доме было тепло. Гришмановский с благодарностью подумал о своих хозяевах. Заботятся о нем трогательно. Печку в его комнатке каждый день протапливают, непременно что-нибудь поесть оставляют: то кусок сала, то кружку молока с хлебом или несколько сваренных вкрутую яиц... Вот и сейчас, вздув керосиновую лампу, Гришмановский обнаружил на столе миску с пшенной кашей и краюху свежиспеченного хлеба.

Поев, он устало откинулся на спинку стула. Ноги гудели, ныла спина, руки налились тяжестью. Но голова была свежей, спать не хотелось... Афанасий Васильевич достал из полевой сумки лист бумаги и огрызок карандаша. Пожалуй, впервые с начала войны вспомнилось давнее увлечение, которое он сам иронически называл рифмоплетством. Работая в молодости грузчиком, а потом матросом на барже, он чувствовал потребность излить привязанность к морю в стихах:

О море! Ты всегда умело
Покой и счастье в душу влить,
Вот почему с надеждой смелой
Я так любил к тебе ходить...

Далекие от совершенства строчки были искренними, шли от сердца. Стихи — самый лучший способ самовыражения...

Облокотившись о стол, Гришмановский, как всегда в минуты отдыха, подумал о Вале. Дорого бы дал он за то, чтобы его Голубка оказалась сейчас рядом. Придвинув лампу, Афанасий Васильевич взялся за карандаш. Перед его мысленным взором встало милое лицо, глубокая синь глаз. Валя представилась настолько осязаемой, будто стояла рядом.

Первые строчки легко, как бы сами собой, легли на бумагу:

Давно уже, мой друг родной,
Давно не брал пера я в руки,
И рифмы, сладостные звуки,
Давно слух не ласкали мой,
А на дворе уж ночь давно,
И сквозь искусные узоры,
Холодные бросая взоры,
Луна смеется мне в окно.
И от лучей ее вся кровь
Как будто в жилах замерзает,
Но сердце жаркое терзает
В бессильной ярости любовь.
Сейчас я о тебе грущу,
Хоть сам создал я муки эти.
Теперь я ни за что на свете
Тебя на миг не отпущу.
Хочу тобой одною жить,
Хочу я жизнью наслаждаться,
Тобой все время любоваться,
Тебя одну ласкать, любить...

Писалось легко и свободно. Карандаш будто сам летал по бумаге. Но тут в лирическое настроение ворвалась грубая реальность.

— Отоприте, доктор! Швыдче! — послышался за дверью мальчишеский голос.

На пороге появился запыхавшийся от бега Ваня Глядченко, совсем недавно спасенный Гришмановским от расстрела на железнодорожной станции.

— Что случилось, Ваня, рассказывай? — поторопил парня Гришмановский.

— Тикать вам отсюда надо, доктор, — торопливо произнес Ваня. — Меня с этим наказом Григорий Антоныч направил.

— Кравчун?.. Почему он тебя послал, а не Занозу? — спросил Гришмановский, сразу посерьезнев.

— Вы ничего не знаете! — воскликнул Глядченко. — Занозу еще утром немцы арестовали!.. Кравчуна тоже хотели. А он из хаты задами ушел, пока бандиты с его собакой расправлялись.

— Повтори точно, что Кравчун велел мне передать, — попросил Гришмановский, заранее предчувствуя ответ.

— Вам велено уходить! — выпалил Ваня. — Григорий Антонович сказал: немедленно!

— А раненые?

— Вас жандармы шукуют! Все равно заберут, — загорячился парень. — Кравчун велел обязательно тикать. А за остатками ранеными Горуновичиха присмотрит.

Стук в окно заставил вздрогнуть обоих.

— Неужто немцы? — испуганно шепнул Ваня. — Я ж так бежал...

— Чему быть, того не миновать, — усмехнулся Гришмановский и решительно распахнул дверь.

В хату вошли двое: впереди Горунович, а за ней — Афанасий Васильевич не поверил своим глазам — Валя, его невенчанная, горячо любимая женушка.

— Ты? — изумленно проговорил он. — Откуда?

— Из Красилówki, конечно, — вместо покрасневшей Вали ответила Евдокия Степановна с едва уловимой усмешкой. — Пришла за вами, Афанасий Васильевич. И как раз вовремя... А ты, Ваня, что тут делаешь?

— Меня Кравчун послал, — ответил Глядченко.

— Выходит, тебя к врачу послал, а потом для страховки ко мне зашел? Ну и беспокойный мужик наш председатель, — вздохнула Горунович. — Ему самому поскорее уходить надо, а он все о других хлопочет.

Валя тем временем подошла к Гришмановскому. Глаза ее буквально сняли от счастья.

— Ох миленький, Афанасий Васильевич, как же я за вас испереживалась, — тихо заговорила она, дотрагиваясь до Гришмановского рукой. — Немцы кругом — страшно. Девчат да парубков в Германию гонят. Всех активистов у нас поарестовали. Я все думала... Я не могла больше ждать...

— Вот и правильно сделала, девка! — убежденно сказала Горунович, давно догадавшаяся об их отношениях. — И ко мне пришла тоже верно. Он бы, — кивнула Евдокия Степановна в сторону Гришмановского, — тебя не послушал, по доброй воле из села не ушел бы. А теперь обязан выполнить партийный наказ. Идите с Богом, доктор! Вы свое предназначение исполнили, а за теми ранеными, что остались, я с девочками пригляжу. Собирайтесь, Афанасий Васильевич, — и в путь!

Они уходили на рассвете. Получившая от Гришмановского подробный инструктаж относительно раненых, Горунович пошла их проводить. Остановились возле хаты, где располагался сельский медпункт.

На прощание они обнялись. И Гришмановский, положив Вале руку на плечо, повел ее вдоль улицы. У поворота оба обернулись: Горунович стояла у калитки, провожая их взглядом. В сиреновом рассвете на фоне покосившегося забора фигура сельской фельдшерицы казалась особенно величественной и статной. Евдокия Степановна хотела крикнуть что-то доброе, хорошее, но спазмы сдавили горло, на глаза навернулись слезы. И она только слабо махнула рукой.

Гришмановский прибавил шаг, увлекая за собой юную спутницу. Вскоре его плечистая, слегка сутулящаяся, но повоенному подтянутая фигура растаяла в дымке окутавшего село тумана...

Одним из последних покидал Кучаково младший лейтенант Александр Крутских. С ним уходили полтора десятка бойцов из тех, кто лечились в помещении детского сада...

Под вечер в каморку, где ютился Крутских, прибежала Виктория Михалевич и испуганно сообщила:

— Саша, тебя староста зовет. Во дворе он!

Крутских взволновался. Уж не совершил ли какой оплошности? Жизнь в филиале госпиталя шла обычно: перевязки, уколы, лечебная гимнастика. Питание скудное. Топлива в обрез... Может, из-за коровы, что они забили тайком? Но корова была бесхозной, по крайней мере, так заверяли ребята. А ну как его обманули, и староста дознался? А вдруг пронюхал, что среди раненых читались сводки Совинформбюро?

Полный тревожных догадок, Александр вышел во двор. Возле крыльца стоял кряжистый, как старый пенёк, Ефрем Комащенко.

— Отойдем в сторону, подальше от лишних глаз и ушей, — предложил староста, несказанно удивив Крутских.

«На секретную беседу зовет, что ли?» — подумал тот и возмутился: какие могут быть тайные сношения с предателем? Он собрался нагубить, но Комащенко, то ли догадавшись, то ли заранее предвидя реакцию, протестующе поднял руку.

— погоди. И чего вы все кидаетесь на меня, как цепные? Послушай, начальник, как там тебя?

— Александр Петрович...

Ефрем Комащенко покосился на него неодобрительно.

— Ну, до Петровича ты по сельскому разумению еще чуток не дорос... Меня, старого, послушай да на ус намотай. Каратели сюда вот-вот заявятся. Да, каратели! — рубанул староста рукой, словно вбил в доску гвоздь.

— Чего они тут забыли? — буркнул Александр. Трудно было сразу поверить немецкому ставленнику.

— Ты про вражий эшелон слышал?

— Какой эшелон? Много их...

— Не придурайся. Я про тот, что под Морозовкой под откос пустили. Говорят, ваших хлопцев работа. А?

— Напраслина это. Раненые и на ногах-то плохо держатся! — возмутился Крутских не совсем искренне.

— Будет брехать! — досадливо остановил его Ефрем Комащенко. — Я тебе и так сказал больше, чем следует. Поступай, как знаешь. Все!

Грузно ступая, он пошел прочь. Крутских смотрел вслед уходящему, и взгляд его теплел. А ведь староста прав, подумал, фашисты за подрыв эшелона могут запросто к стенке поставить. Они не будут устраивать разборки, суды да пересуды. Тем более, его ребята действительно участвовали в

диверсии на железной дороге под руководством Андрияна Занозы...

— Ефрем Якимыч! — запоздало спохватился Крутских.

— Чего тебе? — остановился староста.

— Поблагодарить хочу. Извините, что плохо о вас думал.

— Бог простит, — усмехнулся Комащенко. — Время нынче такое. На каждый роток не накинешь платок. Всяк камень за пазухой держит...

Вечер ушел на сборы. На рассвете Крутских поднял людей и построил отряд.

— Сколько у вас оружия? — спросил.

— Две винтовки и один автомат, — ответил Тулушев, совмещавший службу кашевара с должностью заместителя командира по снабжению.

Настроение у Дмитрия было отвратительное. Накануне вечером он несколько раз бегал к Лукашам, но Соню не заставал. Сейчас было слишком рано, чтобы людей будить. А ему так хотелось, так было необходимо попрощаться с девушкой. Да, видно, не судьба...

— Три единицы боевого оружия — для начала не так уж мало, — сказал Крутских. — Остальное добудем у врага. Думаю, никто не рассчитывает на легкую увеселительную прогулку?

Он не спеша прошел вдоль строя, пытливо всматриваясь в лица бойцов. Выдержат ли? Многие еще не совсем окрепли, а пройти предстоит сотни километров по тылам врага, вряд ли удастся избежать стычек...

— Идем на восток, к своим! — сказал Крутских.

— Долгонько топать, — присвистнул кто-то.

Александр отыскал глазами говорившего и поглядел на него в упор.

— Да, — выдержав паузу, продолжал Крутских, — дорога неблизкая. Может, с боем пробиваться придется. Но мы дойдем. Дойдем во что бы то ни стало!..

Отряд вышел из села, когда солнце поднялось над крышами, прогнав синеву с окрестных полей. В его косых пронзительных лучах заискрился, засверкал снег. И только там, где стояли деревья, еще лежали длинные голубые тени.

Кучаково только просыпалось. Из печных труб потянулись сизые дымки — это хозяйки разжигали печи. Будто устроив переключку, горласто закричали немногие оставшиеся в живых петухи. В залистый собачий лай вплелось жалобное мычание нескольких коров.

И хотя никто не скамандовал, отряд остановился на взгорке, и все повернулись в сторону села. С волнением смотрели бойцы на несколько улочек, составлявших Кучаково. Там оставались люди, выходившие их, и сердца солдат были пере-

полнены чувством благодарности. Каждый из стоящих сейчас в рассыпавшемся строю был признателен этому маленькому уголку родной земли, где живет добрый, самоотверженный народ. Не повстречайся на пути такие люди, кто знает, что было бы с ними. Вряд ли шли бы они сейчас на восток, навстречу новым боям и победам. И, как бы выражая общее настроение, кто-то из бойцов сказал:

— Прощай, Кучаково! Прощай, милосердное село!

— Прибавить шагу! — скомандовал Крутских, и отряд двинулся в путь.

Дорога круто повернула, пошла под уклон. И долго бойцы все еще оборачивались, ища глазами Кучаково. Соломенные крыши хат постепенно скрывались за пригорком, пока не исчезли совсем. Теперь позади оставались лишь небо, поле да ветер. Впереди же было неведомое.

Впереди была война.

НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА ВМЕСТО ЭПИЛОГА

На одной из встреч с читателями разговор зашел об отражении войны в современной документалистике. Я рассказывал собравшимся о литературе, посвященной подвигам советских людей. Тема была близка и мне, много писавшем об этом, и слушателям. Вдруг поднимается тоненькая девчужка со смешными рассыпавшимися по лбу кудряшками и говорит:

— Вот вы и другие писатели о войне в своих книгах рассказываете. Но ведь про нее уже все писано-переписано. А что упустили, — давно забылось, как окопы, травой поросло. Откуда же материал берется? Выдумываете, да?

Конечно, ей, родившейся много лет спустя после того, как отгремели пушки, невдомек, что война, пройдя через многие людские судьбы, навсегда осталась в памяти народной. И чем дальше в прошлое уходят события грозных лет, тем острее и четче они воспринимаются, приобретая в исторической перспективе все более значительный смысл. Не зря же говорится, никто не забыт, ничто не забыто, слава героев не померкнет в веках!

О войне действительно написано немало книг, создано множество фильмов, спектаклей. Воспеты тысячи подвигов, совершенных советскими патриотами в годы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Тем не менее осталось много неизвестного, достойного получить общественное, все-народное признание. Все новые и новые имена героев ежегодно вписываются в славную летопись Великой Отечественной войны. Однако воскресить некоторые события, погребенные под

грузом лет, бывает ох как нелегко. Не скоро доберешься до истины. На то, чтобы восстановить правду истории, уходят порой годы упорного труда.

Так случилось и с этой книгой.

Ее могло и не быть вовсе. Потому что факты, на основе которых она написана, настолько поразительны, что поначалу невольно вызывают сомнение. Да было ли это на самом деле?

Впервые я услышал о рассказанной выше истории от Александра Петровича Крутских, ветерана войны, жившего в начале восьмидесятых на пенсии в Москве. Мы познакомились случайно и однажды разговорились, вот тут-то он и поведал мне кучаковскую историю.

Откровенно говоря, я не поверил. Госпиталь, где лечилось полтысячи раненых? На территории, занятой фашистскими войсками? В украинском селе, насчитывающем всего каких-то сто восемьдесят дворов? Однако Крутских стоял на своем. Он показал письма бывших раненых, лечившихся в селе, предложил съездить туда, чтобы на месте рассеять все сомнения.

Село Кучаково, ныне Кирово, расположено в десяти километрах от Борисполя, знаменитого нынче тем, что в нем — центральный Киевский аэропорт. Лежит легендарное село в живописной местности. Особенно красиво тут весной. Белые с просинью домики тонут в кипении цветущих садов. Ярко-зеленые поля, голубые озера, холмы, покрытые ветвистым кустарником, сбегающим в низинки, огороженные частоколом осоки. Рощи островками врезаются в степь густо-изумрудными табунками. И повсюду цветы: синие, желтые, красные, оранжевые — глаза разбегаются.

Встретили нас в селе радушно, как умеют встречать на украинской земле. Председатель сельсовета Ольга Михайловна Рудая, невысокая круглолицая женщина с ярким румянцем во всю щеку, с удовольствием и гордостью рассказала о жизни селян, познакомила со многими из них.

Надо отдать должное, Рудая хорошо знала земляков. Наверное, потому, что жила их жизнью и десять лет к тому времени бесменно руководила кировским Советом народных депутатов. Ольга Михайловна во многом содействовала успеху моего поиска: отыскивала нужных людей, организовывала встречи с ними, тактично создавая при этом доверительную обстановку, без которой немыслима откровенная беседа.

Разумеется, годы идут, и многих крестьян, особенно стариков, непосредственно спасавших раненых красноармейцев осенью сорок первого, уже не было в живых. Однако немало свидетелей и участников тех давних драматических событий еще оставалось. Каждый, конечно, рассказывал о славных делах минувших дней со своей точки зрения и то, что помнил.

А память иногда подводит. Да и знать-то всего каждый житель села в отдельности не мог.

Позже я познакомился с архивными документами. Оказалось, они тоже существуют. Встретился с некоторыми из раненых, лечившихся в Кучаковском госпитале. Разыскал работавших там медиков.

Постепенно отлетало все наносное, несущественное, а такого, к сожалению, оказалось немало, и еще ярче вырисовались истинные дела и поступки людей. Кое-кому хотелось приписать себе главенствующую роль в описанной истории. Потому пришлось, отбросив тенденциозность высказываний некоторых очевидцев, тщательно сопоставлять рассказы всех оставшихся в живых участников событий с архивными материалами, проверять и перепроверять факты и по крупицам восстанавливать реальность. Это был долгий, извилистый путь. Тем не менее он дал желаемый результат.

Подвиг кучаковцев поистине необычен. На временно оккупированной территории госпиталя для раненых красноармейцев создавались и в других местах. Но в описанных журналистами и писателями случаях в этих госпиталях лечилось не более нескольких десятков солдат, здесь же сельчане, как говорят на Украине, выкопали, вернули в строй свыше полутысячи бойцов Красной Армии. В историографии Великой Отечественной войны подобные примеры неизвестны.

Это был массовый народный подвиг, совершенный, что называется, всем миром — от мала до велика. В нем, как в капле воды, отразились лучшие черты наших народов: величайший патриотизм и развитое чувство интернационализма. Украинцы спасали русских и татар, узбеков и евреев, грузин и азербайджанцев. Крестьяне считали бойцов своими родными людьми, и в этом особенно ярко проявилось нерасторжимое в те времена единство армии и народа, извечное стремление людей прийти на помощь тем, кто в ней нуждается.

Сегодня, вспоминая то грозное время, кучаковские старушки говорят: «Разве кто из нас думал — подвиг это или нет? Наши люди, наши солдатики были больные и голодные. Они умирали на поле боя, и мы знали — за нас... Вот мы и варили борщи да каши не в кастрюлях, а в ведрах. Отдавали лучшее полотно на перевязки. Стирали белье и бинты. Пеленали, бинтовали, кормили, ухаживали, как за родными. Это делали все. Это делало все село...»

Как же могло случиться, что подвиг кучаковцев долгое время оставался неизвестен народу? Речь ведь идет о событии, в котором принимали участие десятки, сотни людей? Что в дальнейшем стало с героями повествования? Как сложились их судьбы?..

Сказать, что попыток восстановить правду и отметить мужество кучаковцев не предпринималось, — нельзя. Еще в 1958 году четырнадцать жителей села, наиболее отличившихся, были представлены к правительственным наградам. Вот их имена: Василий Ерофеевич Дворник, Евдокия Михайловна Дворник, Софья Васильевна Дворник, Екатерина Симоновна Дворник, Евдокия Степановна Горунович, Екатерина Порфирьевна Конченко, Григорий Дорофеевич Литвиненко, Александр Илькович Лукаш, Марк Ипполитович Олексиеенко, Иван Родионович Пашенко, Лидия Степановна Пашенко, Варвара Степановна Соляник, Демьян Федорович Томилин. Список подписали секретарь Бориспольского райкома КПСС Соколов и райвоенком подполковник Князик.

Однако представлениям к награждению дальнейшего хода почему-то не дали. Возможно, посчитали, что факты нуждаются в проверке и уточнении. Во всяком случае, в областном партерхиве сохранился лишь вышеприведенный список с характеристиками на каждого из представленных к награде крестьян, подписанными председателем сельсовета Чубой и секретарем Бурыком.

Несколько раз рассказ о Кучаковском госпитале публиковала местная пресса. Она же печатала благодарственные письма бывших раненых, присылаемые сельчанам, информировала читателей о событиях осени сорок первого года, рассказывала об отдельных отличившихся жителях.

12 января 1967 года бюро Бориспольского райкома КПСС принимает специальное постановление о патриотической деятельности жителей села Кирово в период временной немецко-фашистской оккупации. Это постановление вскоре было утверждено решением бюро Киевского обкома партии. Подвиг кучаковцев получил, таким образом, официальное подтверждение. Уж теперь-то, казалось, ему обеспечена широкая гласность и всенародное признание.

К сожалению, это решение осталось на бумаге. Может быть, людей, обязанных довести дело до конца, захлестнула текучка или они были перенацелены на более актуальные в тот момент задачи. Ведь, чтобы все проверить, требовались немалые усилия и время, а его-то в горячке послевоенных будней, в кипении восстановительных работ как раз и не хватало...

Так случилось и с Кучаковским госпиталем. Правда, в разное время о нем продолжали появляться публикации в периодике. Корреспонденции на эту тему помещали газеты «Правда Украины», «Комсомольская правда», журнал «Украина», чуть позже «Литературная газета». Не все в том, что печаталось, как очевидно сегодня, бесспорно, порой допускались субъективные суждения. И все же информация ширилась.

Возникла наконец необходимость обстоятельно проверить ее, обобщить, за что и взялась газета «Правда», послав меня в Кирово в качестве специального корреспондента. И там выяснилось следующее.

В 1978 году Киевский облвоенком, получивший из Москвы письмо от того же неугомонного А. П. Крутских с запросом о Кучаковском госпитале, дал указание Бориспольскому военкомату провести по данному поводу самое тщательное расследование. Проверка была осуществлена, для чего в Кирово выехали работники военкомата и опросили местных жителей, причастных к спасению раненых бойцов осенью 1941 года.

Наконец, уже в 1980 году, Киевский обком партии по запросу Центрального Комитета КПСС, куда мне пришлось обратиться с докладной запиской, официально сообщил, что осенью 1941 года «был организован подпольный госпиталь, где оказывалась всесторонняя помощь раненым в трудных условиях фашистской оккупации». Так в конце концов была восстановлена истина, и это дало возможность беспрепятственно заняться сбором материалов для книги «Село милосердия».

В художественно-документальном произведении автор вправе домысливать ситуации и детали в соответствии с правдой характеров создаваемых им образов, даже вводить вымышленные персонажи, давая их во взаимодействии с реально существующими лицами. Таковы законы жанра, хотя он вовсе не исключает, если так можно выразиться, чистой документалистики. Именно таким путем — путем строгого соответствия историческим фактам — я и пошел.

В книге нет выдуманных героев. В этом просто не было нужды. Живые люди оказались настолько яркими и сильными личностями, что не нуждались ни в каком приукрашивании. Я постарался вывести их такими, какие они есть или были, с достоинствами и недостатками. Я посмотрел на своих героев со стороны, стараясь понять душу каждого. И тут очень помогли сами события, полные трагизма и героики, они побуждали людей действовать с полной отдачей, обнажили их самые потаенные мысли и стремления.

Мне удалось разыскать и связаться со многими участниками описанных выше событий, и я постараюсь коротко об этом рассказать.

Поповьянц и Бумагина после ухода из Кучакова долго блуждали по территории, захваченной фашистами. К концу осени сорок первого года немцы продвинулись далеко на восток, подошли к Москве, откуда их вскоре погнало. Но от Киева до линии фронта было много сотен километров. Даже просто пересечь такие расстояния пешком — труднейшая задача, а если на каждом шагу еще подстерегает опасность...

Останавливаясь в глухих селах, Поповьянц и Бумагина — они сами рассказывали мне об этом — предлагали помощь в лечении больным крестьянам и раненым красноармейцам, выходившим поодиночке или небольшими группами из окружения. За это люди кормили медиков, отогревали, снабжали на дорогу продуктами. Много раз молодые люди рисковали жизнью, прежде чем сумели наконец перейти линию фронта в районе Пятихаток. После соответствующих проверок оба вернулись в действующую армию. Как мужа и жену их направили работать вместе в один из ближайших госпиталей.

Вскоре у Сары родился сын. Накануне этого события Поповьянц отвез жену к ее родителям в город Горький, а сам вернулся в часть. Ему присвоили офицерское звание, и военный хирург Рафаэль Поповьянц прошел по дорогам войны до самой Победы.

Переписка между двумя очень близкими и дорогими друг другу людьми шла поначалу активно. «Добрый день, дорогие Ксаничка (так нежно называл Поповьянц любимую) и Арик (сын)!.. Последнее письмо меня так обрадовало... Пиши подробнее о нашей крошке... Научи Арика так, что когда я приеду, он мне покажет на фотографии своего папку...» Потом письма и посылки стали приходить все реже. И наконец их ручеек иссяк. Трудно сейчас судить, кто из двоих не сдержал слова, но, с моей точки зрения, в разрыве всегда виноват мужчина... Каждый пошел дальше по жизни своим путем. Извилисты и неисповедимы фронтовые дороги, когда смерть идет с тобой в обнимку, — знаю это по собственному опыту.

Тридцать с лишним лет носил Поповьянц погоны и, лишь выслужив все армейские сроки, в звании полковника уволился в запас. Рафаэль Степанович — хирург высшей категории, заслуженный врач РСФСР, живет в Хабаровске. Несколько раз мы с ним встречались, и я узнал массу подробностей о Кучаковском госпитале и о самом хирурге. Через всю жизнь пронес Поповьянц ту человечность, неистребимую любовь к людям и высочайшую профессиональную смелость, что отличали его, еще совсем молодого, в годы тяжелых военных испытаний. Об этом, пожалуй, лучше всего свидетельствуют письма, полученные мною после выступления по Всесоюзному радио с рассказом о Кучаковском госпитале. Вот что, например, написал из Горького полковник в отставке М. И. Жигалов. «Рафаэль Степанович сделал все возможное, чтобы вырвать меня из лап смерти. После выздоровления врачи сказали, что в моем состоянии остается в живых один из тысячи... Хирург высшей категории и человек большой, доброй души — таким остался для меня Рафаэль Степанович на всю жизнь. Его работа и после войны стала продолжением подвига».

Вряд ли что можно добавить к этим взволнованным, идущим от самого сердца словам.

Сара Самойловна Бумагина, получив в 1943 году звание лейтенанта медицинской службы, после рождения сына, оставив его на попечение родителей, вернулась на фронт и также несколько лет уже после войны оставалась в армии. Вначале она работала в одном из фронтовых медсанбатов, а потом, вплоть до конца 1947 года, была начальником санчасти лагеря для немецких военнопленных. Нетрудно представить, сколько мужества и гуманности понадобилось этой смелой женщине, чтобы лечить бывших врагов. Уволившись в запас, она уехала на родину в Горький (нынче Нижний Новгород). Живет там и поныне. Будучи фельдшером первой категории, Бумагина бесценно заведовала медпунктом чулочно-трикотажного объединения имени Клары Цеткин, пока не ушла на заслуженный отдых. Она воспитала, вырастила, дала образование сыну, который стал хорошим человеком, прекрасным мужем и отцом.

Долго не удавалось ничего узнать о дальнейшей судьбе Афанасия Васильевича Гришмановского. О нем ходили самые разноречивые слухи. В селе говорили, будто его выследили полиция и убили. Так, в частности, утверждал бывший тогда председателем сельсовета инвалид войны Андрей Андреевич Литус. На все запросы по поводу личности Гришмановского приходили из архивов ответы типа: не знаем... не числится... Причину собственных поисковых неудач я понял значительно позже, в мае 1985 года, в Главном управлении кадров Министерства обороны СССР. Оказалось, что Гришмановский Афанасий Васильевич, а не Антонович (в селе за давностью лет мне сообщили неверное отчество), служил до 1955 года в армии, был уволен в запас в звании подполковника медицинской службы, состоял на военном учете в военкомате города Баку и умер 1 июля 1984 года. Мы бы вполне могли с ним встретиться, так как поиск по селу милосердия я начал за четыре года до ухода Гришмановского из жизни. Но... видно, не судьба.

В столице Азербайджана Баку я разыскал вдову Гришмановского, врача Лею Зеликовну, и двух его сыновей от второго брака — Юрия и Александра. Мы встречались в Кирове, куда вся семья приезжала по приглашению местных властей на торжества по поводу награждения села Почетной грамотой Верховного Совета Украины в 1985 году. Потом они приезжали ко мне в Москву и передали ряд ценнейших документов, в том числе знаменитую личную печать врача Гришмановского.

Удалось разыскать Валентину Андреевну Голубь, проживавшую в селе Федоровка Ивановского района Киевской области, а также ее сына — Гришмановского Вадима Афанасьевича, поселившегося с семьей в селе Иваново. Вален-

тина Андреевна и Вадим прояснили мне многое, казавшееся туманным, расплывчатым в дальнейшей жизни начальника госпиталя.

Гришмановский оказался у немцев под сильным подозрением. За ним установили слежку и даже готовились арестовать, но до поры не трогали. Как ни странно, Гришмановский внушал невольное уважение. Его как бы побаивались, о чем рассказал мне бывший полицай, после отбытия наказания проживший свой век в Кирове. Ходил врач по селу с гордо поднятой головой в неизменной военно-морской форме.

Получив предупреждение о том, что приказ об аресте уже подписан, Гришмановский с пришедшей за ним любимой подругой Вале́й Голу́бь в ту же ночь покинул село. Глухими тропами прошли они десятки километров, заматаывая следы, и только через неделю добрались до Красиловки. Тут мать Вали благословила их старинной семейной иконой, и Гришмановский на правах «законного» мужа поселился в ее доме. Вскоре он получил официальное разрешение и начал работать фельдшером. Должность при Красиловском медпункте оказалась очень удобной. Афанасий Васильевич собрал нескольких комсомольцев в подпольную группу и поставил перед ними задачу собирать сведения о войсках противника, вести разъяснительную работу среди местных жителей, добывать для партизан продукты и медикаменты.

Гришмановский связался с отрядом имени Щорса, только что созданным в тех местах, и передавал туда разведданные. Периодически он сам отправлялся в отряд, прихватив медицинскую сумку, чтобы оказать помощь раненым и больным партизанам. Тех, кто нуждался в стационарном лечении, направлял в районную больницу под видом местных жителей. Спасая молодежь от угона в Германию, выдавал липовые справки о разного рода болезнях: туберкулезе, сифилисе, хроническом бронхите. Конечно, опасность грозила врачу на каждом шагу. Но он был бесстрашным человеком. Он ничего не боялся.

Валентина Андреевна Голу́бь, рассказывая о Гришмановском, не роптала на судьбу и сумела сохранить о своей первой и, похоже, единственной любви самые прекрасные воспоминания. До недавнего времени она хранила черную флотскую шинель Афанасия Васильевича, пока та совершенно не истлела.

Однажды, рассказала Голу́бь, в село нагрянули жандармы. До них стали доходить слухи о подозрительных делах Красиловского фельдшера... Заходят двое в хату и говорят:

— Собирайся, лекарь, пойдешь с нами...

— У вас есть письменный приказ о моем аресте? — строго спрашивает Афанасий Васильевич на немецком языке.

Жандармы опешили. Они привыкли, что селяне при их появлении гнули спины, униженно кланялись, а этот...

— Нет, — отвечают, — звонил герр комендант, велел...

— Полагаю, он меня с кем-то перепутал. В нашем протекторате поощряется работа специалистов. Сейчас я иду принимать роды. Должен родиться мальчик, будущий рабочий для Германской империи. Так что не мешайте мне, господа, трудиться!

С этими словами Гришмановский спокойно взял медицинскую сумку и не спеша прошел мимо остолбеневших от невиданной наглости немцев.

Эпизод, поведенный Валентиной Андреевной Голубь, очень характерен для поведения Гришмановского в тылу врага, человека удивительного мужества и стойкости. По его наводке партизаны внезапным налетом разгромили отряд карателей в Пантелеевке того же Ивановского района, пустили под откос два воинских эшелона, шедших к фронту.

В последние недели оккупации, опасаясь ареста, Гришмановский ушел в лес. В партизанском отряде доктора встретили с распростертыми объятиями. Вскоре, однако, приключилась беда. Афанасий Васильевич подорвался на mine и был ранен в правую голень, отчего всю последующую жизнь прихрамывал. Не успел как следует поправиться, как совершенно случайно наткнулся на немецкий патруль. Его так арестовали, повели в Ивановково, но там чудом удалось бежать: попросил конвоира отвести его в туалет, обнаружил, что доски задней стенки расшатались. Раздирая в кровь пальцы, раздвинул их, выскользнул наружу и задами ушел из села.

Наступающие войска Красной Армии Афанасий Васильевич встретил в качестве врача партизанского отряда. В 1966 году в Баку пришло сообщение, что он удостоен партизанской медали. Гришмановский был болен, поехать в Москву за наградой не смог. Она разыскала героя уже после его смерти.

После тщательной проверки тут же на фронте Афанасию Васильевичу присвоили звание майора и направили врачом в полевую госпиталь 13-й армии 1-го Украинского фронта. С боями дошел Гришмановский до Берлина, участвовал во встрече на Эльбе с американцами. За исключительное хладнокровие и смелость, проявленные на передовой, майора в конце 1944 года наградили орденом Красной Звезды. А вот и характеристика, выданная Гришмановскому начальником 849-го полевого инфекционного госпиталя майором Масловым, хранящаяся у меня в архиве:

«Работая в госпитале 849 с 21.12.44 г. по 6.06.45 г., показал себя трудолюбивым, хорошо знающим свое дело начальником терапевтического отделения и врачом. Отеческая забота о больных, чуткое к ним отношение, желание исполь-

зовать все возможные средства для скорейшего излечения больного вызвали самую горячую благодарность со стороны пациентов».

Что касается личной жизни моего героя, то и здесь произошло крушение судеб. Война развела Гришмановского с его славной, милой Валюшей Голубь. Он долго писал ей с фронта, получал весточки от нее. Но переписка становилась все реже, особенно когда Афанасий Васильевич попал в инфекционный госпиталь, где работы было невпроворот. К тому же он сам заболел. Выходила его врач Рубина Лея Зеликовна, ставшая впоследствии его женой.

Еще долгие годы оставался Гришмановский военным врачом. Служил за границей, в центральной России, в Сибири и везде был на самом хорошем счету. Об отношении к нему больных свидетельствуют многочисленные благодарственные письма, присланные вылеченными им людьми на имя своего ангела-хранителя...

Уволившись в запас, Гришмановский с 1955 по 1982 год работал в 3-й поликлинике города Баку заместителем главврача по лечебной части. И здесь о нем сохранились только самые теплые воспоминания. В благодарственном адресе перед уходом на заслуженный отдых начальник поликлиники и сослуживцы написали:

«Дорогой Афанасий Васильевич! Коллектив с глубоким признанием, душевным волнением и сердечной благодарностью отмечает ваш долголетний труд на страже здоровья трудящихся. Вся ваша сознательная жизнь отдана беззаветному служению Родине и народу. Ваше исключительное великодушие, чуткость и внимание снискали непоколебимый авторитет, уважение и всеобщую любовь...»

Добавить к этим словам нечего.

А теперь о других участниках кучаковской госпитальной эпопеи.

Тяжелые испытания выпали на долю лейтенанта Якунина. С покалеченной и практически недееспособной правой рукой, едва волоча ноги, Михаил Иосифович вынужден был первую военную зиму скитаться по территории, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. Прошел Киевскую, Черниговскую, Могилевскую области, добрался до Смоленской и тут дождался своих. То, что ему пришлось за это время пережить, может составить отдельную книгу.

После прихода на Смоленщину Красной Армии Якунина демобилизовали по инвалидности. Кем только он ни работал на гражданке: военруком в школе, заведующим складом, начальником АХО. Потом перебрался в Москву, вернулся на родной завод имени С. Орджоникидзе. Отсюда его направили в Высшую профсоюзную школу. Пришлось выучиться писать

левой рукой. Перед уходом на пенсию бывший командир работал ведущим инженером в Министерстве промышленного строительства.

С Якуниным мы часто перезванивались, иногда встречались, а на 9 мая отправлялись в Кирово. Здесь у братской могилы Михаил Иосифович неизменно встречал жену и сына своего бывшего командира капитана Кермана, которые ежегодно приезжали весной в Артемовку почтить память дорогого им человека.

Не менее сложной оказалась судьба Дмитрия Васильевича Тулушева. Как он сам написал бывшей няне Кучаковского госпиталя Анне Андреевне Лукаш, которую когда-то звал мамой, «пришлось пережить очень многое. Я испытал ужасы плена, побег из Германии, войну в партизанах, тяжелое ранение, стал инвалидом войны...» Д. В. Тулушев жил в городе Раменском Московской области, однако на письма, посланные мною недавно, он уже не отзывался.

Нелегкая доля выпала Федору Павловичу Чулкову. Уйдя из Кучакова, он по дороге в селе Хотимск был схвачен гитлеровцами. Спасли политрука крестьяне, помогли бежать из плена, а укрыла сельская учительница. В феврале 1942 года Чулков был уже в своей части, где продолжал воевать до 1944 года. Однако раны, полученные под Артемовкой, дали о себе знать, и он был комиссован по чистой. Придя домой, долго лечился. В Новосибирском институте восстановительной хирургии его поставили на ноги. Хоть и с костылями, а начал ходить. Работал бухгалтером в Михайловском лесхозе на Алтае, потом инженером-экономистом. У него трое детей, четверо внуков. Последнее время жил со старшей дочерью в Барнауле.

С Иваном Тихоновичем Фесенко мы встречались в Кирово, куда он регулярно приезжал погостить. Уже пенсионер, он был по-прежнему высоким, плечистым — косая сажень в плечах. На молодавом лице озорно поблескивали карие глаза, но шевелюра, все еще густая, поседела. У Фесенко трое взрослых детей. Все получили образование, стали нужными обществу людьми. По последним данным, жил Иван Тихонович в селе Николаевка Амвросиевского района Донецкой области.

Об Александре Петровиче Крутских я уже упоминал. Он москвич, жил неподалеку от меня, потом куда-то переехал. Группа бойцов, что уходила с ним из Кучакова, с боями прошла по тылам врага. В пути они действовали как партизанский отряд. Нападали на фашистские обозы, устраивали завалы на дорогах, уничтожали небольшие группы гитлеровцев. Каждый боец обзавелся трофейным оружием. Боеприпасы, патроны, гранаты тоже добывали у врага. Маневренный, сплоченный отряд нанес фашистам немалый урон, и те все время пресле-

довали его. Красноармейцам приходилось уходить в леса, делать обходные маневры, чтобы снова ударить в самом неожиданном для противника месте.

Ичня, Нежин, Конотоп, Обоянь — вот вехи этого трудного, извилистого пути. В январе 1942 года они пересекли линию фронта в районе Старого Оскола и попали в распоряжение 40-й армии Юго-Западного фронта. В один из ее полков была откомандирована санинструктором Виктория Михалевич. Дальнейшие следы ее затерялись. Остальные бойцы под командованием Крутских были направлены на спецзадание по срочной эвакуации зерна из хутора Лог за Волгу. Затем они влились в состав 1-й гвардейской армии Сталинградского фронта, где и начали свой путь на Запад.

Лейтенант Крутских стал командиром взвода связи 3-го гвардейского стрелкового корпуса, воевал на Дону, на Украине, в Польше. Победу встретил в Берлине.

Затерялись следы доктора Михайловского из Славуты. Известно только, что он покинул Кучаково незадолго до ликвидации госпиталя и направился на родину.

Теперь о жителях села.

Все восемь коммунистов Кучакова во главе с Григорием Антоновичем Кравчуном вслед за членами подпольного Бориспольского райкома партии были схвачены гестапо и погибли в фашистских застенках. Последним, уже летом 1942 года после совершения ряда диверсий на вражеских коммуникациях второй раз был арестован Андриян Васильевич Заноза. В сорок первом немцы, продержав его месяц в тюрьме, выпустили. Но Заноза, вернувшись в село, продолжил подпольную деятельность. Подпольщики предупредили Андрияна Васильевича о приходе эсэсовцев, и он мог бы спастись. Но Заноза бежать отказался, заявив: «Если скроюсь, погибнут жена, дети, отец и мать, семья брата. Не могу этого допустить!» Андриян Васильевич и тут поступил как мужественный человек. Он пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти близких.

Стариков-кучаковцев В. Е. Дворника, Р. П. Пашенко, А. И. Лукаша, М. И. Олексиеенко, директора школы Л. Г. Билька нет давно в живых. Погибли на фронте уже после освобождения Украины санинструктор А. З. Цыпкин и учитель И. С. Гладун, муж Е. С. Горунович.

Евдокия Степановна Горунович, дважды вдова, проработав сорок два года бессменной заведующей медпунктом, ушла на пенсию. Вскоре ее не стало. Хоронили ставшую родной фельдшерницу всем селом.

Бывшие сандружинницы, медицинские сестры Кучаковского госпиталя, конечно, постарели, болеют. Некоторых уже давно нет в живых.

Не вернулись с войны пять братьев Екатерины Порфирьевны Конченко, в девичестве Пашенко. В память о них одна из улиц села названа улицей братьев Пашенко.

Много воды утекло с тех памятных дней сорок первого года, заросли окопы. Зарубцевались раны. Выросли новые поколения селян.

Не узнать теперь Кирово. Разрослось село, вобрав в себя ближайшие хутора, в том числе многострадальную Артемовку. Теперь это крупный населенный пункт. Вдоль заасфальтированных улиц стоят нарядные дома с телевизионными антеннами на крышах. Село постоянно благоустраивается. В нем давно есть электричество, радио, газ, водопровод. Построена новая школа-десятилетка. Есть стадион, клуб.

Я очень признателен всем товарищам, способствовавшим в сборе и организации материалов для книги: бывшему секретарю Бориспольского горкома партии, руководящему ныне одной из киевских строительных организаций, Анатолию Петровичу Зозуле, бориспольскому райвоенкому, тоже бывшему, Николаю Антоновичу Мельникову, работнице Киевского областного архива Ольге Сергеевне Кременчугской и главе сельского Совета, ушедшей со своего поста Ольге Михайловне Рудой.

Но особую благодарность за активную помощь хочу выразить секретарю Украинского фонда «Поиск» неутомимой Стефании Петровне Цакун. Она многие годы собирает материалы о павших и забытых героях Великой Отечественной войны. Именно благодаря стараниям С. П. Цакун были восстановлены некоторые детали создания и работы Кучаковского госпиталя.

Спасибо также ее боевой помощнице Ольге Васильевне Бачинской, содействовавшей организации встречи в селе Кирово. Благодаря ее неугасимой энергии, умению убеждать в правоте задуманного людей разного возраста и занимаемого положения мероприятие состоялось.

Таким образом, недавно, в пятьдесят пятую годовщину создания Кучаковского подпольного госпиталя мне снова довелось побывать в этом легендарном селе, почетным гражданином которого по решению Сельской Рады я являюсь с 1985 года. Украинский фонд «Поиск» и его председатель Георгий Евтихийевич Ясев пригласили меня на проходившую там торжественно-траурную церемонию памяти павших в грозном сорок первом под Артемовкой и живых, возвращенных в строй Селом Милосердия. В который раз я встретился с героями моей книги. Немного их осталось. Со слезами на глазах ко мне подходили участники трагических событий первого периода Великой Отечественной...

Я снова увидел замечательных людей, образы которых ношу в сердце, — Ивана Васильевича и Софью Александровну

Дворник, Ольгу Кирилловну Комашенко, Екатерину Порфирьевну Конченко, Лидию Степановну Пашенко, Ульяну Елисеєвну Хобту, Софью Ивановну Тригубенко и других.

Эти простые сельские люди всегда восхищали своим неброским мужеством, скромностью, стойкостью. Им и по сей день, могу это утверждать, присущи удивительная душевная щедрость, отзывчивость на все доброе, благородное.

В селе во время торжественно-траурных церемоний был заложен мемориальный музей, посвященный подпольному госпиталю. Надеюсь, в его экспозиции разместят портреты всех без исключения селян, участвовавших в спасении и лечении раненых воинов.

Давно носилась в воздухе идея представить подвиг кучаковцев в экспозиции Национального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. И вот недавно я получил письмо за подписью директора музея А. С. Артемова, где он подтвердил: «Пришло время отразить подвиг кучаковцев как ярчайший пример душевной силы наших людей и в экспозиции мемориала».

Я готов всемерно содействовать такому благородному делу, подлинные документы, фотографии героев книги, письма раненых, бывших на излечении в госпитале, знаменитая печать доктора Гришмановского — это и еще многое другое, хранящееся в моем архиве, будет передано музею.

Воистину народный подвиг, совершенный крестьянами села Кирово—Кучаково, как говорилось на торжественно-траурном митинге, не померкнет никогда. Слава его будет жить в веках!

1980—1982, 1996 гг.

с. Кирово, Киев, Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ВЗРЫВ

3

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

81

СЕЛО МИЛОСЕРДИЯ

179

Анатолий Полянский

ВЗРЫВ

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

СЕЛО МИЛОСЕРДИЯ

Редактор *Р. Конева*

Художественные редакторы *И. Марев, Д. Барковский*

Технический редактор *Т. Фатюхина*

Корректор *Н. Кузнецова*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0599144.

Подписано в печать 06.04.99 г.

Гарнитура Таймс. Формат 60×90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.

Уч.-изд. л. 22,3. Заказ № 568.

ТЕРРА—Книжный клуб.

113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».

141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ТАЙНЫ

Под одной обложкой собраны три повести Анатолия Полянского, три страницы героического прошлого.

«Село милосердия» рассказывает о событиях Великой Отечественной войны, о самом необычном госпитале в мире — госпитале, созданном в тылу врага. «Взрыв» — героический эпизод афганской войны: восстание пленных солдат в крепости Бадабера. «Смертный приговор» посвящен недавним трагическим событиям в Приднестровье.

ИСТОРИИ

ISBN 5-300-02652-2



9 785300 026523